

НОВЫЙ МИР

11-12

МОСКВА

1941

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Москва, 1941 г.

№ 11—12

Год издания XVIII

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Николай Тихонов — Стихотворения	3
В. Каверин — Сила сильных	6
Константин Симонов — С тобой и без тебя, лирический дневник	18
Ф. Панферов — Своими глазами, повесть	25
Александр Золотушкин — Два стихотворения	49
Вл. Ставский — Война, пьеса	50
Ц. Солодарь — Ополченцы, стихотворение	87
Леонид Соболев — Рассказы	88
Т. Стрешнева — Песнь борьбы, стихотворение	99
Всеволод Иванов — Четыре пункта, рассказ	100
Иван Арамилев — Из блокнота военного корреспондента	116
Руд. Бершадский — Ленинградские дни	128
Б. Евгеньев — Народный мститель	134
—————	
Жан Ришар Блок — К истории одной измены	148
Проф. И. Эванч — Английские силуэты	160
С. Варшавский, Б. Рест — Над Берлином	164
Гр. Нилов — По военным дорогам	176
С. Сергеев-Цейский — Народ-герой	193
Е. Юнга — Великая Ледовая Одиссея	200
—————	
В. Гусев, В. Ермилов — Литературный дневник	211
—————	
Библиография	219
—————	

Стихотворения

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

★

ТРИ КУБКА

Любви поднимем кубок пенный
За счастье всей страны родной,
За всю красу земель бесценных,
За счастье бури боевой.

За то, чтоб на земле и в тучах,
Во льдах, среди морских зыбей
Венчал успех ее могучих,
Ее прекрасных сыновей.

За то, чтоб доблестью хранимо
Ее окрепло бытие,
За то, чтоб вождь ее любимый
Все к новой славе вел ее!

И — кубок, ненависти полный,
За то, чтоб немцев покарать,
Чтоб раскаленной стали волны
Жгли непрерывно вражью рать.

Чтоб в бегстве им, исчадьям злобы,
По капле кровью изойти,

Чтоб ни один из них не смог бы
Живым в Германию дойти.

За то, чтоб тьма зимы холодной
Их мерзлых тел не погребла,
Чтоб пламя мести всенародной
Испепелило их тела.

И мы поднимем кубок третий
За то, чтоб все края земли,
Фашистский ад убив на свете,
Дышать без ужаса могли.

Чтоб жизнь, как мастера уменье,
Входила в шелесты листвы,
Как атлантическое пенье
В напевы Темзы и Невы.

Чтоб смерть ни бомбой, ни картечью
Не оскорбляла ясный день,
Чтоб человек, расправив плечи,
Сигнал улыбкой скорби тень.

1919—1941

1

Я помню ту осень и стужу,
 Во мраке бугры баррикад,
 И отблеск пожарища в лужах,
 И грозный, как ночь, Петроград!
 И в ночь уходили мужчины,
 С коротким приказом: вперед!
 Без песен, без слов, без кручины —
 Шел питерский славный народ.

И женщины рыли толпою
 Окопы, о близких шепча,
 Лопатой и ржавой киркою
 В тяжелую землю стуча.

У них на ладонях темнели
 Кровавых мозолей следы,
 Но плакать они не умели —
 Как были те люди горды!

И как говорили без дрожи:
 — Умрем, не отступим назад.
 Теперь он еще нам дороже,
 Родной, боевой Петроград!

За каждый мы камень сразимся,
 Свой город врагу не дадим...
 И теми людьми мы гордимся,
 Как лучшим наследьем своим!

2

Враг снова у города кружит,
 И выстрелы снова стучат,
 И снова сверкает оружие
 В твоих августовских ночах.
 И снова идут ленинградцы,
 Как двадцать два года назад,
 В смертельном сражении сражаться
 За свой боевой Ленинград.

Их жены, подруги и сестры
 В полдневный, в полуночный час
 Киркой и лопатой острой
 В окопную землю стучат.

Друзья, земляки дорогие!
 Боев наших праведный труд
 И рвы, для врага роковые, —
 В народную память войдут.

И вот от истока до устья
 Невы пронеслося, как гром:
 — Умрем, но врага не пропустим
 В наш город, в родимый наш дом!

*

В разгаре ярая зима,
Мороз, метели вой —
А по-весеннему грома
Гремят над Лозовой!

Какая ранняя гроза
Гремит над Лозовой?
То наших пушек голоса,
То шквал их грозовой!

И мчится весть над всем Днепром
От нашей Лозовой:
— Мы в пыль захватчиков сотрем,
Клянемся головой!

Мужайтесь, братья за Днепром,
Падет немецкий кат —
Осветится родимый дом,
Опять, как год назад!

*

Еще мороз вгоняет в дрожь —
А снежной целиной
Прошел тяжелый, жаркий дождь
Над Западной Двиной!

Откуда дождь, весенний дар,
Пролился над Двиной?
То Красной Армии удар,
Снарядов дождь стальной!

И мчится весть по всей Двине,
И реет над Двиной:
— Сгорят захватчики в огне,
Клянусь Двины волной.

Мужайтесь, братья за Двиной,
Палач-фашист падет —
Вновь будет полон дом родной,
Огнями расцветет.

*

Литовец, эст и белорусс,
Мужайтесь, братья, вскоре
Согнем врага, чтоб зверь и трус
Хлебнул до смерти горя.

Уж голос наших пушек густ,
И танки крепки в споре,
Согнем врага, чтоб зверь и трус
Хлебнул до смерти горя.

Пусть клятва всех сердец и уст,
От моря и до моря:
Согнем врага, чтоб зверь и трус
Хлебнул до смерти горя.

Чтоб прах развеялся его —
Сорняк, пожаром сжатый, —
Чтоб не осталось ничего
От всей орды проклятой!

Сила сильных

В. КАВЕРИН

★

ДОМИК НА ХОЛМЕ

Лет двадцати четырех, а на вид двадцати, с розовым свежим лицом, немного толстый и, должно быть, поэтому особенно живой и подвижной, он был так полон жизни, что вы начинали чувствовать это с первой минуты знакомства. Можно сказать, что он был совершенно счастлив. Но была еще и одна, особенная, причина его полного счастья: не прошло и полугода, как он женился. Он много рассказывал о своей жене и при этом безбожно хвалил ее, что было, конечно, вполне простительно. По его словам, она была умная, красивая и вообще замечательна во всех отношениях. И он показывал ее карточку, и краснел, как мальчик.

Теперь он стоял рядом со мной на баке и называл места, мимо которых мы проходили. Он родился и вырос в этих местах и недавно, перед самой войной, ездил к своим старикам в К., что сравнительно недалеко от границы. Целый месяц он с молодой женой провел в К., и, должно быть, хорош же был этот месяц в колхозных садах, весной, на берегу моря!

Даже о жаре, когда и цикады переставали звенеть, Апостоли рассказывал с восторгом. А ночные купанья в такой тишине, что сам невольно начинаешь говорить шепотом... Потом он уехал, а жена осталась гостить у стариков. Забавно было бы на обратном пути нагрянуть к ней в гости. Впрочем, завтра, седьмого, она уезжает в Сухуми.

И старики уезжают — все-таки К. в сорока километрах от границы.

Начало темнеть, и полная луна поднялась и неторопливо устроила весь мир по-своему: на море, вдоль тени, лежащей по горизонту, она поместила великолепную золотую полосу, небо сделалось темнее и глубже, а берег — таинственнее. Это был еще наш берег. Чайки, стремительно падавшие вниз и срывавшие с волн белые клочья пены — это были еще наши чайки.

В полной тишине, нарушаемой лишь равномерным шумом турбины, вдруг заговорило радио, то-есть заговорил, судя по голосу, наш политрук Толубеев: капитан 3-го ранга приказывал командному составу корабля немедленно явиться в его каюту.

Апостоли ушел. Через четверть часа он вернулся и сказал, что в кают-компании в 0 часов 30 минут назначено партийное собрание. Мне показалось, что он чем-то взволнован. Я не курю — он это прекрасно знал, и вдруг попросил у меня папиросу. Я сказал, что он написал чудную статью для «Боевого листка», и он рассеянно выслушал меня и спросил: «Какую статью?»

После собрания мы разошлись, чтобы разъяснить краснофлотцам задачу похода. Она была ясна: согласно приказу командования мы рано утром шестого августа должны были подойти к энскому берегу и принять участие в операции сухопутных частей.

...Холмистый берег открылся перед нами, красиво расчерченный правильными линиями виноградников, табака и лаванды.

Кое-где в редких купах деревьев были разбросаны домики, и только один из них стоял отдельно от других на высоком холме, полускрытый от нас другим холмом, напоминавшем медведя. Это был белый домик с красной черепичной крышей. Я заметил, что Апостолы долго смотрел на него в бинокль, а когда опустил бинокль, у него было усталое и расстроенное лицо. Кажется, он хотел что-то сказать мне, но промолчал. Потом он стал смотреть налево — туда, где за каменным забором, тянувшимся вдоль верхней дороги, залегли румыны.

Берег лежал перед нами, как открытая книга, и мы видели с моря все — в том числе и то, чего не могли видеть ни румыны, ни немцы. Мы видели, как под прикрытием жестокого пулеметного огня наши саперы поспешно чинили мост, должно быть, взорванный при отступлении, и как в глубине ущелья, над которым еще стояла нежная утренняя дымка, маленькие фигурки бежали, ложась и прячась за камни.

Это тоже были наши, обходившие румынские позиции слева, и румыны, без сомнения, не видели их, потому что были совсем в другую сторону — туда, где стягивались, готовясь переходить через восстановленный мост, наши части. Без сомнения это и был главный план: подняться по крутому тупику ущелья и неожиданно ударить на румын с левого фланга...

Ровно в шесть мы начали обстрел. С полчаса мы ходили вдоль берега, рассчитывая, что румыны первые откроют огонь и тем обнаружат свои батареи. Но они молчали. Тогда заговорили мы. Апостолы командовал:

— Пеленг 130. Прицел 82.

И первый залп наших пушек ударил по врагам.

Наши в ущелье упрямо шли вперед — даже отсюда, за милю, видно было, как это трудно! Таща на руках пулеметы почти по отвесной стене, они поднимались все выше — туда, откуда падал маленький белый водопад, пре-

вращаясь вниз в блестящую на солнце горную речку. Это было здорово, что румыны не видели их! Впрочем, они и не могли ожидать, что наши полезут на эту стену, да еще потащат с собой пулеметы.

И вдруг что-то произошло. Заработали румынские минометы, и первые же мины стали рваться в ущелье. Недолет, перелет, опять недолет! Наконец, мины ударили прямо в тупик и, должно быть, наделали немало беды, потому что большие осколки камней высоко полетели в воздух.

Я слышал, как кто-то на мостике сказал с досадой:

— Заметили!

И это слово мигом обошло весь карабль.

Да, заметили. Откуда-то корректировали стрельбу. Откуда?

Конечно, с крыши домика, который стоял так удобно для румын и так неудобно для наших! Только с крыши домика можно видеть, что делается в ущелье — и то не на дне, а приблизительно с трех четвертей подъема.

Наш командир подозвал Апостолы, и мы все внизу, у орудий, сразу поняли, что он сказал ему, показав на домик.

Апостолы повернулся. Твердо ступая, он подошел к нам и отдал команду:

— По дому на холме. Фугасными. Орудия зарядить.

Секунда, вторая и третья.

— Залп!

Первые снаряды легли немного правее, но Апостолы исправил прицел, и со второго залпа мы попали прямо в красную черепичную крышу. Все было кончено, но для верности Апостолы командовал еще один залп, и столб черного пламени поднялся над домом...

Я посмотрел на Апостолы: у него было бледное, нахмуренное лицо — лицо человека, который лишь мучительными усилиями воли заставляет себя двигаться, говорить и думать. Прежний румяный мальчик исчез — перед нами был человек, перенесший все — самые смертные муки, самые горькие сомнения. Как будто десять лет прошло за

немногие минуты боя — десять лет, полных труда, забот и страданий...

Это был дом, в котором он родился и вырос, в котором еще так недавно он был свободен и счастлив. Он не знал: успели ли покинуть этот дом его близкие — самые близкие люди на свете. Но высокое чувство владело им в эти минуты, чувство, которое поднимает душу и делает человека способным на подвиг. Это чувство — сознание воинского долга — решило в нем мгновенную трагическую борьбу и сделало его героем.

К полудню румыны были выбиты, и наши заняли верхнюю дорогу. Разумеется, от белого домика с черепич-

ной крышей ничего не осталось. Но обитатели его оказались живы. С началом боя они, тайком от румын, выбрались через окно и спустились вниз, к морю.

На другой день мы принимали стариков Апостоли на корабле. Это были прекрасные старики: папа, похаживавший на матроса времен севастопольской обороны, с густыми седыми усами и подусниками, и полная добродушная мама.

Жена тоже была симпатичная. Кстати, она успела за время своего плена узнать много интересного — и вечером мы слушали ее доклад о румынской армии в моральном отношении.

★

МОРСКАЯ ПЕХОТА

Это было превосходное место — мельница на маленькой речке, в пяти-шести километрах отсюда впадавшей в Балтийское море. Она была видна с чердака — в просвете между рядами красных в этот час от заходящего солнца сосен.

Такая тишина была вокруг, такая величественная картина открывалась в этом широком, свободном просвете, что трудно, почти невозможно было представить себе, что здесь идет беспощадная, непримиримая война. И что четверо юношей в краснофлотской форме — это форпост одной из частей морской пехоты. И что этот форпост, неслышный и невидный, на дереве сливающийся с листвой, прячущийся в оврагах и ямах, без сна и отдыха, с бесконечным терпением наблюдает за всем, что делается на земле и на небе.

В просторном помещении мельницы было полутемно и прохладно. Еще лежали в углу мешки с мукой. Повсюду, во всех углах и щелях, была тонкая мучная пыль, так что все четверо скоро были выбелены наславу. Они осмотрели мельницу и заняли свои посты. Саша Пегов остался на чердаке. Маленький, неуклюжий Зайцев занял пост над речкой справа, аккуратный Веретев скрыл-

ся в лесу, связист Курочкин возился внизу у плотины, маскируясь и налаживая связь.

И вот начались долгие часы ожидания. Медленно приближалась ночь, тени становились длиннее. Уже над морем появилась чуть прозрачная белая муть и берега потеряли прежние строгие очертания. Дорога, за которой наблюдал Саша Пегов из окна чердака, потемнела и с прежней отчетливостью была еще видна только на поворотах. Но все-таки она была видна, хотя уже первый час был на исходе. Значит, она будет видна всю ночь, значит, здесь ночи лишь немного темнее, чем в Ленинграде.

В Ленинграде он окончил школу и пошел на фронт. В Ленинграде остались его старики. Ему было только двадцать лет, и нет ничего удивительного в том, что он не особенно задумывался над тем — любит ли он свой город. Конечно, он любил его, потому что это был его родной город, в котором он родился и вырос. Но он не знал, как он любил его!

Накануне отъезда его на несколько часов отпустили домой. Он простился со стариками, а потом на набережной встретился со знакомой девушкой, и

они прошлись вдоль Летнего сада. Над зданием Военно-Медицинской академии небо было темно-синее, светло-синее, желтое, оранжевое, всех цветов, какие только есть на свете. Где-то там было солнце. А над Петропавловской крепостью все было совершенно другим — неподвижным и туманно-серым, — настолько другим, что нельзя было поверить, что это одно и то же небо. И они сперва долго смотрели на крепость и ее небо, а потом поворачивались к Военно-Медицинской академии и ее небу, и это был как бы мгновенный переезд из одной страны в другую — из неподвижной и серой в прекрасную, живую, с быстро меняющимися цветами.

— Вот, Саша, что ты будешь защищать, — сказала девушка. — Понятно?

Он засмеялся и сказал:

— Понятно.

И сейчас, в этот ночной час, это было понятно, как никогда. Где-то, далеко на восток, на берегу моря лежал огромный, близкий сердцу, великолепный город. Он спит сейчас, выставив сторожевые посты у каждых ворот и на каждой крыше. Аэростаты воздушного зграждения висят над ним, похожие на больших серебряных рыб с толстыми ушами. На Петроградской спит мать или не спит, а думает о нем: «Где мой Саша?»

Ему показалось, что легкое облачко пыли поднялось над взгорьем — там, где дорога круто шла вверх и вдруг обрывалась. Но облачко растаяло. Тишина, тишина!

И вдруг в этой тишине, нарушаемой лишь сонным всплеском рыбы, раздался очень далекий, металлический звук. Еще ничего не было видно, только снова появилось над взгорьем облачко пыли, а этот металлический, скрежещущий звук все приближался.

Зайцев скатился с берега и мигом перемахнул через плотину.

— Танки, — не переводя дыхания, сказал он.

— Да, вижу.

Это было очень неожиданно здесь, так близко от моря. Воздушный десант? Так или иначе, это были танки, должно быть, штук пять.

Можно было не спрашивать, знает ли уже об этом связист и сообщил ли он командиру части: связист сообщил. Через две минуты после того, как Пегов увидел на дороге облачко пыли, в журнале донесений Энской части появилась запись: «Замечено пять немецких танков. Идут на нас».

То, ради чего четверо юношей в краснофлотской форме лежали всю ночь, наблюдая за всем, что делалось на земле и на небе, было выполнено. Теперь они могли уйти к своим, если хватит времени, или спрятаться, то-есть пропустить танки и начать действия в тылу. Они не сделали ни того, ни другого. Оружия было не так много: четыре винтовки, несколько связок гранат. Зато дорога с крутого подъема скатывалась вниз и с полкилометра шла вдоль берега речки, по гати. Потом начался мост, а за ним плотина — все узкие места, удобные для защиты.

Теперь они все четвером собрались на чердаке и молча стояли, слушая, как нарастает, приближаясь, равномерный грохот машин. Пегов посмотрел на товарищей: Веретьев, подтянутый и, как всегда, особенно тщательно одетый, спокойно ждал приказаний. Может быть, он был немного бледнее, чем обычно. Маленький Зайцев деловито устраивался у окна — у него был такой вид, как будто он всю жизнь только и делал, что с винтовкой в руках сражался против танков. Только связист немного растерялся, зачем-то притащил наверх аппарат, надел его на плечо, опять снял...

Грохот все приближался, и вот первые танки показались на взгорье. Они шли на хорошей скорости — только-что были далеко, а вот уже ближе и ближе. Солнце все вставало, и в бледном утреннем свете они шли и шли — угрюмые, горбатые, похожие на бронтозавров, машины.

Кажется, не было на свете силы, которая могла бы остановить это грозное, решительное движение... Они шли, как победители, прошедшие полмира. За ними были разрушенные города, тысячи трупов, склоненные знамена. За ними была ограбленная и сожженная Европа.

Перед ними в маленькой деревянной мельнице были четверо юношей в краснофлотской форме.

Пегов немного боялся, что связист рано бросит гранаты. Пегов давно присматривался к нему и решил, что он — нервный. Головной танк был теперь совсем близко, и если Курочкин подорвет его до въезда на мост, — ничего не выйдет, потому что задние обойдут и станут бить с тыла. Нужно было послать Зайцева, а Зайцева — нельзя, потому что прекрасно стреляет. Веретьева... Или идти самому... Секунда, другая, третья. Танк с разбега влетел на мост. Взрыв! Связист бросил гранаты.

Очевидно, это было сделано неплохо, потому что танк остановился и круто пошел направо. Направо была река, он сломал перила и, как подбитое чудовище, повис над водой. Стрелок открыл люк. Пегов немедленно бросил в люк гранату.

Теперь нужно было приниматься за второй танк, что было гораздо сложнее, потому что он остановился на самом въезде, как будто задумался — что теперь делать. Впрочем, особенно долго думать ему не пришлось. Вторая связка полетела в него из-за угла — Веретьев. Танк рванулся вперед, потом назад. Люди выскочили из него, и маленький Зайцев, не переводя дыхания, пятью выстрелами убил их из винтовки.

Он сам был убит ровно через минуту. Снарядом снесло крышу мельницы, и осколок попал ему в грудь.

Вдруг наступила тишина. Пегов, отброшенный в сторону, поднялся и медленно встал на колени. На чердаке стояли весы, падая, он ударился о них и теперь, выбираясь из-под сломанных досок, чувствовал сильную боль в плече — наверное, вывихнул. Но об этом некогда было думать.

Он взял у Зайцева винтовку, зарядил ее и спустился вниз. Веретьев стоял на ларе у маленького окна. Очевидно, то, что он видел, было очень интересно, потому что он смотрел, не отрываясь, и только молча показал Пегову, чтобы он встал подле него.

Прямо под окном был привод от жернова и станок, на котором делали дранку, а дальше штабеля напиленной и приготовленной для дранья осины. Между этими штабелями полз человек. В другом просвете мелькнул еще один. Третий, четвертый...

— Хотяб окружить, — шопотом сказал Веретьев.

— Да. Где Курочкин?

— Не знаю.

От штабелей до станка было не больше пяти метров, то-есть расстояние, которое можно перемахнуть двумя шагами. Станут ли они перебегать по одному или бросятся в атаку? Конечно, да. Сейчас выйдут и бросятся в атаку.

Они не бросились в атаку. По одному они стали перебегать и прятаться под станком. Веретьев хотел стрелять, но Пегов остановил его: лучше было встретить их в дверях, а когда бросятся назад, — перебить между станком и штабелями.

Через две минуты они появились в дверях: сперва один робко просунул голову, оглянулся и, обернувшись назад, что-то сказал по-немецки. За ним вошел и остановился на пороге другой. Веретьев выстрелил, и первый упал. Второй бросился назад. Те, что сидели под станком, побежали за ним, и Пегов убил их из винтовки.

...Он почти не волновался, только два или три раза спросил: «Где Курочкин?» — совсем забыв, что уже спрашивал об этом. Никогда прежде он не думал о смерти, не думал и сейчас, когда она была так близка и, кажется, неотразима. Он думал только о том, что танки все-таки удалось остановить и что наши, должно быть, уже выступили, и что самолеты будут здесь самое большое через десять минут.

— Эх, продержаться бы эти десять минут!

Страшный удар, от которого потемнело в глазах, раздался над его головой, стена, подле которой стоял на ларе Веретьев, рассеялась. Он видел, как Веретьев прыгнул вниз и как упавшая балка сбила его с ног и прижала к полу. Пегов прождал с минуту — больше не

стреляли — и пробрался к нему. Веретьев был убит наповал.

Теперь, кажется, все было кончено. Убиты Веретьев и Зайцев. Убит, должно быть, и Курочкин — иначе он бы вернулся, он мог проползти под плотиной.

Пегов был один в этом разрушенном маленьком доме. Но ничего не было кончено! С чувством радостной злобы, бешенства, восторга, от которого кружилась голова, он лежал с винтовкой в руках и нетерпеливо ждал.

Ничего не кончено, у него еще были патроны.

— А ну, подойдите-ка, подойдите-ка... — говорил он про себя.

И, точно согласившись на его просьбу, высокий немец, наверное, офицер, хладнокровно вышел из танка и направился к мельнице — к тому, что от нее осталось.

— Сдавайтесь, руссен! — крикнул он.

Пегов выстрелил в него, и офицер упал.

— Ну-ка, давайте, следующий. Ну-ка!

Он устроился удобнее, сделал для винтовки упор.

Второй удар — на этот раз вниз, в каменное основание мельницы, — обрушился на него и отбросил в сторону. Танки подошли с тылу и били по мельнице прямой наводкой.

Последние винтовочные выстрелы умолкли наконец, а они все били и би-

ли, чтобы снести, сломить, уничтожить этот маленький домик и вместе с ним загадочное упорство русских...

Должно быть, он был ранен, хотя и не чувствовал боли. Еще минуточку он как бы старался остановить ускользающее сознание. Но оно исчезло наконец, и на смену ему пришлось забыть — полусон. Грохот отдалился, пропал, и он лежал теперь в тишине, с открытыми глазами. Что видели они в эту минуту? Быть может, детство, свободное и счастливое, согретое мечтою о море, прошло перед ним? Или город, близкий сердцу, великолепный город, с прекрасной рекой и строгими, милыми площадями.

Ему было бы легче, если бы он знал, что Курочкин жив...

Раненный в руку, Курочкин отполз от плотины и спрятался в камышах. Танки прошли через мост, и тогда, стараясь не очень беспокоить раненую руку, Курочкин стал собирать у мельницы дранку. Костер долго не разгорался — бревна у въезда отсырели от утренней росы, но Курочкин упрямо раздувал костер, и вот, наконец, огонь осторожно прошелся по бревнам и запылал, запылал...

Через час к мельнице подошли наши части, получившие его донесение. Немецкие танки, отступая, остановились перед горящим мостом и были уничтожены. Это был салют четырем юношам в краснофлотской форме. Один из них рассказал то, что вы прочитали.

★

СИЛА СИЛЬНЫХ

Почти невозможно было представить себе, что лишь неделю тому назад он защищал диссертацию на тему «Древнейшие сказания германского народа». Аудитория была полна, и старый Кирпичников, открывая заседание, сказал длинную изящную фразу о своих учениках, сменивших перо на винтовку и с одинаковым успехом сражающихся на фронтах войны и науки.

Аня тоже была на защите, хотя она сидела, как на иголках, потому что

скоро нужно было бежать кормить это удивительное, некрасивое, сморщенное существо, которое, кажется, только вчера появилось у них в комнате, а уже заставляло всех думать о нем, смотреть на него и бессмысленно улыбаться. Он делал ей знаки, что пора, но она кивала, смеялась и все сидела раскрасневшаяся, счастливая.

Несколько раз, и во время прений, ему приходила в голову досадная мысль, что его бы так не расхвалива-

ли, если бы он не приехал с фронта. Но ведь работа в самом деле была ведь, кажется, недурна — все-таки он первый установил связь готской саги об Эрманрихе с легендой о Нибелунгах. Как бы то ни было, он был единогласно избран кандидатом наук, и Кирпичников в заключительном слове сказал, что в сущности это докторская диссертация, нехватает только более подробного анализа скандинавских источников, в частности, песен Эдды.

После защиты он растерялся от поздравлений и позвал к себе слишком много гостей. Негде было даже усадить их в маленькой комнате, полной книг и пеленок. Гости рассматривали сына, и Мишка Арбузов сказал, что склонность отца к древним германским сказаниям, очевидно, отразилась на сыне — потому что сын похож на тевтона.

Все это было ровно неделю тому назад. Да полно, было ли это? Мертвое, изрытое снарядами поле лежало перед ним — земля, на которой был посеян и взошел хлеб, сгоревший и развеявшийся по ветру вместе с пороховым дымом, — земля, на которой было сделано все, чтобы человек не мог существовать.

По одну сторону этого отрезка земли лежали, прячась за глинистыми буграми, немецкие солдаты, пришедшие в чужую, далекую страну по приказу своих командиров, уничтожающие, грабящие, сжигающие все на своем пути, живущие лишь сегодняшним днем, не желающие смотреть в глаза будущему, которые грозили им гибелью и позором. Их было не меньше взвода.

Напротив них, по эту сторону мертвого ржаного поля, лежал только он один, кандидат филологических наук, младший лейтенант Лев Никольский.

Он был окружен, и по всем правилам той войны, которую немцы вот уже более двух лет вели на континенте Европы, должен был положить оружие и отдаться в плен победителю. Но он не считал себя побежденным. Пулемет еще работал, а если бы он замолчал — в ход пошли бы винтовки и гранаты.

Кроме того, он был не один. Двенадцать мертвых товарищей, еще вчера вместе с ним защищавших этот голый кусок земли с одинокой березой, лежали здесь и там вдоль траншеи. Тринадцатый был еще жив. Это был разведчик Петя Данилов — любимец всего полка, талантливый и умный мальчик, писавший стихи и читавший их вслух в самые горячие минуты боя.

Теперь он лежал раненный в грудь навывлет и смотрел в небо, осеннее, но ясное, с редкими, освещенными снизу облаками. Береза вздрагивала от выстрелов, и желтые листья время от времени падали на раненого. Один лист упал на лицо, но Петя не смахнул его, не пошевелился.

— Умер? — оглянувшись и увидев это бледное, спокойное лицо, на котором лежал желтый лист, подумал Никольский.

В одну из редких пауз тишины он подполз к Пете и, смахнув лист, взял Петю за руку.

— Ну, как ты, а?

— Ничего, — чуть слышно ответил Петя. — Дышать трудно. Послушай...

Он помолчал, потом стал с трудом вынимать из кармана гимнастерки бумаги.

— Тут мои стихи остались. Если уйдешь, пошли их вместе с письмом — ладно?

Накануне он долго писал это письмо, и Никольский знал, что он пишет девушке, которая часто приходила к нему, еще когда часть формировалась в Ленинграде.

— Ладно, pošлю. Пить хочешь?

Он поставил подле Пети кружку с водой и вернулся к пулемету.

Должно быть, не больше пяти минут он провел с Петей, а уже немцы, воспользовавшись тем, что пулемет замолчал, намного придвинулись к траншеям. Никольский дал очередь, другую. Они залегли.

Плохо было, что слева, метрах в двухстах от березы, стояло орудие. Правда, оно стреляло не по траншее, а в глубину, туда, где на горизонте были видны темные, еще дымящиеся развалины горевшей деревни. Но в

любую минуту оно могло ударить и по траншее, которую защищала часть, состоящая из двенадцати убитых, одного смертельно раненного и одного живого. Эх, подобраться бы к этому оружию! И тропка была — вот там, где за выходами бурой, взрытой земли начиналось болотце с высокой травой. Но нечего было и думать. Он понимал, что немцы захватят траншею, едва только замолчит пулемет.

Но, когда начало темнеть, он невольно вернулся к этой мысли. Солнце заходило, и, обернувшись, он увидел, как под легким ветром клонилась трава на болотце.

Теперь тропка была почти не видна.

Ему показалось, что Петя зовет его. Он оглянулся и ответил шопотом: «Что?». Петя молчал. Но прошло несколько минут, и слабый голос снова произнес что-то. Никольский прислушался, и в первый раз его сердце дрогнуло, и он крепко сжал зубы, глаза, все лицо, чтобы справиться с невольным волнением. Петя читал стихи. Он бредил, но голос был ясный, звонкий.

Есть улица в нашей столице,
Есть домик, и в домике том
Ты пятую ночь в огневике
Лежишь на одре роковом, —

читал он, закрыв глаза, и каждое слово доносилось отчетливо, плавно.

— Петя, Петя, — взяв его за руку, тихо сказал Никольский.

Петя открыл глаза. Глаза были туманные, и одно мгновение он смотрел на Никольского, не узнавая, потом очнулся.

— Что? — чуть слышно спросил он.

— Петенька, голубчик... Ты меня слышишь? Пулемет нельзя оставить, а то бы я к ним с тылу зашел. К тому оружию, понимаешь? А так все равно конец. Ты не можешь?..

Он не окончил. Такой бессмысленной вдруг показалась ему эта мысль.

Петя приподнялся на докте. Он хотел что-то сказать, но промолчал и, часто, трудно дыша, стал садиться. Волосы упали на лоб. Никольский откинул их и, держа его лицо в руках,

говорил что-то, не слыша себя, беспорядочно и быстро.

— Петенька, — что-то говорил он, — милый...

— Дай-ка воды, — отчетливо сказал Петя.

У него было потемневшее, страшное лицо, когда, сунув руку в кружку с водой, он начал водить по лицу, по глазам. Потом вылил воду на голову и, тяжело опершись на Никольского, пополз к пулемету.

— Есть. Иди, — сказал он, схватившись за ручки пулемета, — а я... Да иди же, — нетерпеливо повторил он, видя, что Никольский медлит, и дал очередь.

— Видишь? Все в порядке. Я еще покажу им...

Пробираясь по траншее к болотцу, Никольский услышал петин голос между двумя пулеметными очередями:

Не снятся ль тебе наши встречи
На улице в жуткий мороз,
Иль наши любовные речи
И ласки, и ласки до слез?

Должно быть, Петя переоценил свои силы, потому что пулемет замолчал, едва только Никольский добрался до выхода из траншеи. Пулемет замолчал. Не теряя ни минуты, немцы пошли в атаку. Притаившись за большими комьями мокрой земли, Никольский видел, как, стреляя из автомата, они набежали на траншею и, мешая друг другу, стали прыгать в нее... Торопились.

Он видел, как, подброшенное штыками, взлетело вверх одно мертвое тело, потом другое. Не остерегаясь больше, он поднялся и, сжав зубы, смотрел, как немцы кололи убитых, стреляли в них. И, наконец... Сердце у него замерло. Высокий, худой солдат наклонился над Петей, который, уткнувшись в землю лицом, лежал у пулемета. Он долго что-то делал над ним, потом выпрямился. Нож блеснул — раз, другой, третий. Он колот его ножом. Лицо уже было залито кровью, а немец все поднимал свой нож высоко, неторопливо, как будто целясь. В глаза? В сердце?

Никольский невольно вскрикнул и прикусил губу. Все стало для него другим в эту минуту.

— Ах вы так? Вот что... Раненого? Вы так?

Он не спал трое суток и почти ничего не ел. Еще полчаса назад он лишь мучительным усилием воли заставлял себя стрелять, следить за своими движениями, думать. Несколько раз он ловил себя на сонном чувстве полного безразличия ко всему, что происходит вокруг.

Теперь все переменилось.. Он снова был свеж и бодр. Время, тянувшееся бесконечно долго, вдруг разделилось на самые короткие секунды, и сердце билось в такт этим секундам, отчетливо и мерно.

Втянув голову в плечи, он мягко опустился в траву и бесшумно пополз, скорее угадывая, чем видя чуть приметную, пересекавшую болотце тропинку. Редкие выстрелы автоматов еще слышались в траншее — на всякий случай немцы убивали мертвых. Но для него во всем мире наступила одна огромная тишина, и в этой тишине оглушительно громко билось его сердце.

Он подобрался к орудию сзади и некоторое время лежал, слушая, как немцы разговаривали резкими, уверенными голосами. Он ждал, когда весь расчет соберется подле орудия. Мину-

та, другая... Он приподнялся и бросил одну гранату, потом сразу вторую.

Все, что произошло потом, было похоже на сон. И это был самый лучший и радостный сон в его жизни. Он убивал с восторгом, с радостью, с чувством полного, еще никогда не испытанного счастья. Немцы были захвачены врасплох, и первым же снарядом из уже заряженного орудия он убил сразу несколько человек. Петино лицо, бледное, с прядью белокурых волос, упавших на лоб, стояло перед ним, и не было ничего выше, благороднее во все времена, во всем мире, как убивать и убивать их, и снова убивать.

За стихи, которые Петя читал между пулеметными очередями, за дымиющиеся развалины сожженной деревни, за ограбленных женщин и детей, бродящих по лесам без крова и пищи, за горе каждой семьи, за разлуку с близкими, за Аню с маленьким сыном, которых он больше никогда не увидит...

Из газет: «Младший лейтенант Лев Никольский на одном из участков Ленинградского фронта, будучи окружен фашистами, в течение двух суток один держал укрепленный рубеж. Оставив у пулемета раненого товарища, Никольский подобрался с тылу к легкому немецкому орудью и, овладев им, прямой наводкой уничтожил до 50 немцев. Рубеж был удержан до прихода наших подкреплений».

★

«КНОПКА»

Это была маленькая, толстая, румяная девушка, с короткими косичками, перевитыми лентами и торчавшими над открытыми, смешными ушами. У нее было много прозвищ: «Мячик», «Чижик». Один боец, когда она еще работала в госпитале, прозвал ее «Пучок энергии». Это было очень меткое прозвище, потому что она действительно была похожа на пучок, состоящий из топота быстрых ног, скороговорки, румянца и косичек. Это была сама энергия, веселая, стремительная и действующая взрывами, как ракета.

Но из всех многочисленных прозвищ удержалось самое простое: «Кнопка». Возможно, что оно намекало на ее маленький нос, напоминавший кнопку. Но она не обижалась. «Кнопка» так «Кнопка»! Главное было, всюду поспеть и все сделать самой. И она поспевала всюду.

В этот день, самый горячий за всю ее 19-летнюю жизнь, она с утра успела поругаться с шофером, сменить повязки раненым бойцам, лежавшим в медсанбате, накормить их, съездить за письмами на почтовую полевую стан-

цию и сделать еще тысячу дел, перечислять которые было бы слишком долго.

Теперь нужно было везти раненых в тыл, и она принялась помогать шоферу, который, ворча что-то себе под нос, вот уже целый час возился с проколотой шиной.

Раненых она уже знала по именам, а кого не знала, того называла «голубушка». «Ну, голубушка, теперь вот сюда, — говорила она командиру, который, делая над собой мучительное усилие, шел, опираясь на ее плечо, к санитарной машине. — Ну-ка, еще раз. Умница! Вот и все».

О том, что дорога простреливается, она сказала, когда все уже были устроены и осталось только принести в машину снятое с бойцов оружие.

— Вот что, товарищи, — сказала она быстро, — мы поедем на полном газу, понятно? Дорога простреливается, понятно? Так что нужно принять во внимание свои головы, чтобы при подбрасывании не разбить. Понятно?

Все было понятно, и никто не удивился, когда машина, слегка подавшись назад, вдруг рванулась и с места во всю прыть помчалась по изрытой танками дороге.

— Держитесь! Раз! — говорила «Кнопка», когда, ныряя в рытвину, машина тяжело кряхтела и начинала, как лошадь, лягать задними колесами. — Есть! Поехали дальше.

Все ближе слышались разрывы снарядов. Черные столбы земли, перемешанной с дымом, вдруг вставали среди дороги, и в одном из таких столбов скрылась и взлетела на воздух сперва телега с фуражом, потом мотоциклист, почему-то стоявший недалеко от шоссе-стойки сторожки, а потом и сама сторожка, рассыпавшаяся дождем досок, стропил и камня.

— Придется обождать, — обернувшись, крикнул шофер. — Эге! Кнопка! — Давай дальше, проскочим!

Но проскочить было невозможно. Шофер свернул и, проехав вдоль обочины по полю, поставил машину среди редкого кустарника, которым некогда была обсажена дорога.

Лучшего прикрытия не было. Но и это было не прикрытия. Во всяком случае оставлять раненых в машине, представлявшей собой превосходную цель, «Кнопка» не решилась. Называя их всех без разбора голубушками и умницами, она вытащила бойцов одного за другим и устроила в канаве, метров за 25 от машины.

Был последний жаркий августовский день. Утро прошло. Солнце стояло в зените. Земля, перегоревшая за жаркое лето, была суха, и над нею неподвижно стоял душный, колеблющийся воздух. Вокруг — ни тени. Разве что под машиной, но это была такая тень, что уже и шофер, загнувшись мотор, присоединился к бойцам. Очень хотелось пить — и первый сказал об этом маленький лейтенант с перевязанной головой, который всю дорогу подбадривал других раненых, а теперь, беспомощно раскинувшись и тяжело дыша, лежал на дне канавы.

— Нет ли воды, сестрица? — спросил он. И, точно сговорившись, все раненые стали жаловаться на сильную жажду.

Воды не было. Метрах в ста от разбитой шоссе-стойки сторожки виднелся колодезный сруб. Но была ли еще там вода — неизвестно. Если и была, как добраться до нее через поле, на котором ежеминутно рвутся снаряды?

— Где ведро? — спросила «Кнопка» у шофера.

Он посмотрел на нее и молча покачал головой.

— В машине осталось? Да что ж ты молчишь? В машине?

— Ну, в машине, — нехотя пробормотал шофер.

— Ты за ними посмотришь, ладно?

И, прежде чем шофер успел опомниться, она выскочила из канавы и ползком стала пробираться к машине.

Это было еще полбеда — доползти до машины и разыскать полотняное ведро в ящике, полном всякой рухлядью, которую шофер зачем-то возил с собой. Она достала ведро и, сложив его, как блин, засунула за пояс. Главное было впереди — добраться до шоссе-стойки сторожки, а самое главное еще

вперед — от сторожки, уже не прячась в канаву, дойти до колодца.

Впрочем, первое главное оказалось не таким уж трудным. Канавка была глубокая, а «Кнопка» — маленькая. Так что, если бы время от времени из непонятного ей самой любопытства она не поднимала голову, украшенную косичками, торчавшими в разные стороны над ушами, — эта часть пути казалась бы ей самой обыкновенной прогулкой. Правда, прогуливаясь, она прежде не ползала на животе и не подтягивалась на руках, которые при этом быстро уставали. Но тогда было одно, а теперь — другое.

Вот и сторожка, то-есть то, что от нее осталось. За нею начиналось второе главное — немецкие орудия облюбовали именно это место, на котором ежеминутно вставала и далеко разлеталась земля.

До сих пор «Кнопка» не думала, есть ли в колоде вода. Эта мысль только мелькнула и пропала, еще когда она разглядывала с рук, издали. Но теперь она снова подумала — а вдруг нет? В первый раз ей стало действительно страшно. Вокруг был такой ад, такой отвратительный вой свистящего и рвущегося воздуха стоял над ее головой, так трудно было дышать, так устали руки, так скрипел на зубах песок — и все это, быть может, напрасно? Но она продолжала ползти.

Сруб стоял на огороде, а огород был отделен изгородью, хотя невысокой и полуразбитой, но которую все же нужно было обойти, чтобы добраться до сруба.

Легко сказать, обойти! Это значило, что, по крайней мере, метров тридцать нужно было ползти под огнем, причем пятнадцать обратных — по совершенно открытому месту.

Руки очень ныли, спину ломило, и «Кнопка», прижавшись лицом к земле и стараясь поворнее дышать, решила, что не поползет. Ведро было на длинной веревке, она перебросит его через изгородь — авось, угодит в колодец.

Четыре раза она перебрасывала ведро, прежде чем оно попало в колодец. Наконец — удалось. Но оно упало бес-

шумно, и «Кнопка» поняла, что колодец пуст.

С минуту она лежала неподвижно. Не то, чтобы ей захотелось заплакать, но в горле защипало, и она должна была несколько раз вздохнуть, чтобы справиться с сердцем.

— Так нет же, есть там вода! — вдруг сказала она про себя. — Не может быть! Есть, да глубоко.

Она сняла пояс и привязала его к веревке. Ведро чуть слышно шлепнуло — или ей это показалось? Приблизившись к изгороди вплотную и приподнявшись на локте, она ждала несколько секунд. Веревка все натягивалась, она слегка подергала ее и поняла, что ведро наполнилось водой.

— Ну-ка, голубушка, — сказала она не то ему, не то самой себе и стала осторожно вытягивать ведро из колодца. Она выгащила его — мокрое, расправившееся, полное воды, и, вскочив, быстро перехватила рукою.

Прежде всего нужно было напиться. Воды было много, хватит на всех, может быть умыться? Но умываться она не решилась. Сейчас-то много, но много ли она донесет...

И тут она впервые задумалась над тем, как вернуться обратно с ведром, полным воды, — ведь теперь его не засунешь за пояс. Эх, была не была! И, подхватив его, со всех ног она побежала к сторожке. Снаряд разорвался где-то близко, земля осыпала ее с головы до ног. Она только присела на мгновение, отряхнулась и побежала дальше.

Запахавшись, приложив руку к сердцу, она остановилась у сторожки и заботливо заглянула в ведро: не очень ли много расплескалось? Не очень. И вообще — гораздо лучше бежать, чем ползти, — совсем не страшно и гораздо ближе. Конечно, не ближе, но почему-то все-таки ближе.

Теперь все было в порядке — от сторожки до машины рукою подать, и можно пройти по канаве.

— Подожду, как станет потише, — сказала она себе, — и айда.

И вдруг она услышала чей-то голос. Сперва она подумала, что ослышалась, потому что этот слабый голос назва-

ее так, как называл ее только один человек во всем мире.

— А, Пучок энергии! Здорово!

— Что?—невольно откликнулась она и в ту же минуту увидела руку, торчащую из-под разваленных досок.

Это был тот самый знакомый боец, который только один во всем госпитале не соглашался на «Кнопку». Последний раз она видела его в Ленинграде, когда он выписывался из госпиталя и снова отправлялся на фронт.

— Сейчас, голубушка! — говорила «Кнопка», осторожно снимая с него разбитые доски, — подождите, милый!

Нужно было, конечно, прежде всего разрезать и снять с него гимнастерку. Но нужно было многое, а у нее, кроме санитарного пакета, ничего не было с собою, и вообще невозможно было перевязывать раненого под таким обстрелом...

Она вспомнила о воде, лишь когда, заставив бойца обнять себя руками за шею, она проползла вместе с ним метров двадцать и была уже рядом с санитарной машиной.

— Ладно, скоро вернусь, — быстро пробормотала она. — Жаль только, что согреться. Эх, не прикрыла!

Шофер, заметив, что она возвращается не одна, выскочил из канавы и смешно пополз к ней, как обезьяна, на четвереньках. Вдвоем они доставили раненого в укрытие, осторожно сняли с него гимнастерку, и, быстро приговаривая, «Кнопка» стала останавливать кровь и перевязывать раны. Он не очень пострадал. Во всяком случае, «Кнопка» сказала, что через две недели он будет совершенно здоров.

Никто больше не просил пить. Никто даже не спросил у «Кнопки», была ли в колоде вода. Жара стала еще душливее, и маленький лейтенант лежал, закинув голову и полукоткрыв пересохшие

губы. Но он только взглянул на «Кнопку» и не сказал ни слова.

— Ты что, Кнопка, — спросил шофер, заметив, что она время от времени нетерпеливо поглядывает на сторожку.

— Ничего, — отвечала «Кнопка». — Кажется, потише становится, а?

Становилось как-раз не потише; а погромче, и шофер только сомнительно покачал головой.

— Нет, потише, — упрямо пробормотала «Кнопка» и вдруг, выскочив из канавы, опростетью побежала к сторожке.

Через несколько минут она вернулась, таща ведро с водой. Правда, назад она летела так быстро, что с добрых полведра выплеснулось ей на ноги, но еще оставалось много великолепной, не успевшей согреться, чистой, вкусной воды.

— Голубушки, принесла! Честное слово, принесла, — закричала «Кнопка», подтанцовывая и сама глядя на воду с искренним удивлением, — вот так штука! Принесла!

Через полчаса, когда обстрел прекратился и раненые, которых она напоила и умыла, были уложены в карету, «Кнопка» с дороги в последний раз взглянула на этот мертвый, изрытый снарядами кусок земли между колодцем и канавой. Песок вдруг скрипнул у нее на зубах, напомнив о том, как она ползла, подтягиваясь на руках, и как справа и слева рвались снаряды.

— Должно быть, я храбрая, что ли? — неясно подумала она и поправила развязавшуюся ленточку на тугой, короткой косичке.

Впрочем, спустя несколько минут она уже не думала об этом. Машина по-прежнему ныряла по рытвинам, и нужно было следить, чтобы кто-нибудь из раненых не ударился головой о раму.

С тобой и без тебя

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

(Лирический дневник)

★

1. ЗАПАД

★

Майор привез мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет, на том и этом свете,
Ему зачтутся эти десять дней.

Его везли из крепости, из Бреста.
Был исцарапан пулями лафет,
Отцу казалось, что надежней места
Отныне в мире для ребенка нет.

Отец был ранен и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.

Мы шли ему навстречу из России.
Проснувшись, он махал войскам рукой.
Ты говоришь — что есть еще другие,
Что я там был, и мне пора домой...

Здесь это горе знают понаслышке,
А нам оно оборвало сердца.

Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой притти не сможет до конца.

Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.

За все, чем мы с тобою дорожили,
Призвал нас к бою воинский закон.
Мой дом теперь не там, где прежде
жили,

А там, где отнят у мальчишки он.

За тридевять земель, в горах Урала
Твой мальчик спит. Испытаны судьбой,
Я верю, мы во что бы то ни стало
В конце концов увидимся с тобой.

Но если нет, когда наступит дата,
Ему, как мне, итти в такие дни,
Вслед за отцом, по праву, как солдата,
Прощаясь с ним, меня ты помяни.

Минское шоссе, июль.

★

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди.
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Изменив вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь
 Всем смертям назло.
 Кто не ждал меня, тот пусть
 Скажет: повезло.
 Не понять не ждавшим, им,
 Как, среди огня,

Ожиданием своим
 Ты спасла меня.
 Как я выжил, будем знать
 Только мы с тобой —
 Просто, ты умела ждать,
 Как никто другой.

Западный фронт, июль.

★

Ты говорила мне: люблю.
 Но это по ночам, сквозь зубы.
 А утром горькое: терплю
 Едва удерживали губы.

И снова ласки перед сном
 Мне в благодарность, что ни разу
 Тебе я не припомнил днем
 Ту, ночью сказанную, фразу.

Я верил по ночам губам,
 Рукам лукавым и горячим,
 Но я не верил по ночам
 Твоим ночным словам незрячим.

И вдруг война, отъезд, перрон,
 Где и обняться-то нет места,
 И дачный, клязьминский вагон,
 В котором ехать мне до Бреста.

Они, как мотыльки огня,
 Боялись дня и вдруг сгорали.
 С рассветом каждый день меня
 Холодные глаза встречали.

Вдруг вечер без надежд на ночь,
 На счастье, на тепло постели.
 Как крик: ничем нельзя помочь —
 Вкус поцелуя на шинели.

Я знал тебя, ты не лгала,
 Ты полюбить меня хотела.
 Лишь ночью лгать себе могла,
 Когда душою правит тело.

Чтоб с теми, в темноте, в хмелю,
 Не спутал с прежними словами,
 Ты вдруг сказала мне: люблю
 Почти спокойными губами.

Но утром, в трезвый час, когда
 Душа опять сильна, как прежде,
 Ты хоть бы раз сказала: да
 Мне, ожидавшему в надежде.

Такой я раньше не видал
 Тебя, до этих слов разлуки:
 Люблю, люблю... ночной вокзал,
 Холодные от горя руки.

Западный фронт, июль.

★

Не сердитесь, к лучшему,
 Что, себя не мучая,
 Вам пишу от случая
 До другого случая.

Коль вернусь — так суженых
 Некогда отчитывать,
 А умру — так хуже нет
 Письма перечитывать.

Письма пишут разные:
 Слезные, болезные,
 Иногда прекрасные,
 Чаще — бесполезные.

Чтобы Вам не бедствовать,
 Не возить их тачкою,
 Будут путешествовать
 С вами тонкой пачкою.

В письмах все не скажется,
 И не все услышится,
 В письмах все нам кажется,
 Что не так напишется.

А замужней станете,
 Обо мне заплачете —
 Их легко достанете,
 И легко припрячете.

От него, ревнивого,
Заперевшись в комнате,
Вы меня, ленивого,
Добрим словом вспомните.

Скажите, что к лучшему,
Память Вам не мучая,
Он писал от случая
До другого случая.

Август.

★

Если бог нас своим могуществом
После смерти отправит в рай,
Что мне делать с земным имуществом,
Если скажет он: выбирай!

Мне не надо в раю тоскующей,
Чтоб покорно за мною шла,
Я бы взял с собой в рай такую же,
Что на грешной земле жила.

Злую, ветреную, колючую,
Хоть ненадолго, да мою,
Ту, что нас на земле помучила
И не даст нам скучать в раю.

В рай, наверно, таких отчаянных
Мало кто приведет с собой,
Будут праведники, нечаянно,
Там подглядывать за тобой.

Взял бы в рай с собой расстояния,
Чтобы мучиться от разлук,
Чтобы помнить при расставании
Боль сведенных на шее рук.

Взял бы в рай с собой все опасности,
Чтоб вернее меня ждала,
Чтобы глаз своих синей ясности
Дома трусу не отдала.

Взял бы в рай с собой друга верного,
Чтобы было с кем пировать,
И врага, чтоб в минуту скверную
По-земному с ним враждовать.

Ни любви, ни тоски, ни жалости,
Даже курского соловья,
Никакой, самой малой малости
На земле бы не бросил я.

Даже смерть, если было б мыслимо,
Я б на землю не отпустил.
Все, что к нам на земле причислено,
В рай с собой бы захватил.

И за эти земные корысти,
Удивленно меня кляня,
Я уверен, что бог бы, вскорости,
Вновь на землю столкнул меня.

Черное море, август.

★

★

Над черным носом нашей субмарины
Взошла Венера — странная звезда,
От женских ласк отвыкшие мужчины,
Как женщину, мы ждем ее сюда.

Она, как ты, восходит все позднее,
И, нарушая ход небесных тел,
Другие звезды всходят рядом с нею,
Гораздо ближе, чем бы я хотел.

Они горят трусливо и бесстыже,
Я никогда не буду в их числе,

Пускай они к тебе на небе ближе,
Чем я, тобой забытый на земле.

Я не прошусь с опасностью земною,
Чтоб в мирном небе мерзнуть, как они,
Стань лучше ты падучею звездой,
Ко мне на землю руки протяни.

На небе любят женщину от скуки,
И отпускают с миром, не скорбя...
Ты упадешь ко мне в земные руки,
Я не звезда. Я удержу тебя.

Черное море, сентябрь.

★

III. СЕВЕР

★

Словно смотришь в бинокль перевернутый,
Все, что сзади осталось — уменьшено.
На вокзале, мятелью подернутом,
Где-то плачет далекая женщина.

Снежный ком, обращенный в горошину —
Ее горе отсюда невидимо;
Как и всем нам, войною, непрошено,
Мне жестокое зрение выдано.

В нем туманится наше недавнее,
Как равнина пустая и снежная,
Там не видно тебя, моя славная,
Твоих плачущих глаз, моя нежная.

В твоей страсти и горе уверенный,
Ослеплен преждевременной верою,
Я не знал, что все это отмерено
В испытаньях растаявшей мерою.

Были грустью и ревностью мелкою
Наши судьбы непрочно испытаны,
Суетливой секундною стрелкою
Были дружба и верность отсчитаны.

Что-то очень большое и страшное,
На штыках принесенное временем,
Не дает нам увидеть вчерашнего
Нашим гневным сегодняшним зрением.

Мы, пройдя через кровь и страдания,
 Снова к прошлому взглядом приблизимся,
 Но на этом далеком свидании
 До былой слепоты не унизимся.

Слишком многих друзей не докличется
 Повидавшее смерть поколение,
 И обратно не все увеличится
 В нашем, горем испытанном, зрении.

Белое море, ноябрь.

★

А. СУРКОВУ.

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
 Как шли бесконечные, злые дожди,
 Как кринки несли нам усталые женщины,
 Прижав, как детей, от дождя их к груди.

Как слезы они вытирали украдкой,
 Как вслед нам шептали: господь вас спаси.
 И снова себя называли солдатками,
 Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измерянный больше, чем верстами,
 Шел тракт, на приторках скрываясь из глаз:
 Деревни, деревни, деревни с погостами,
 Дорожная пыль вдалеке завилась.

Как будто за каждую русской околицей,
 Крестом своих рук ограждая живых,
 Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
 За в бога неверящих внуков своих.

Ты знаешь наверное, все-таки родина
 Не дом городской, где я празднично жил,
 А эти поселки, что дедами пройдены,
 С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою,
 Дорожной тоской от села до села,
 Со вдовой слезою и с песнею женскою
 Впервые война на проселках свела.

Ты помнишь, Алеша: изба под Борисовым,
 По мертвому плачущий, девичий крик,
 Седая старуха в салопчике плисовом,
 Весь в белом, как на смерть, одетый старик.

Ну, что им сказать, чем утешить могли мы их,
Но горе поняв своим бабьим чутьем,
Ты помнишь, старуха сказала: — Родимые,
Покуда идите, мы вас подождем.

Мы вас подождем, говорили нам пажити,
Мы вас подождем, говорили леса.
Ты знаешь, Алеша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
У нас на глазах умирают товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока еще милуют,
Но трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За русскую землю, где я родился.

За то, что сражаться на ней мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

Кандалакша, ноябрь.

★

Я, перебрав весь год, не вижу
Того счастливого числа,
Когда всего верней и ближе
Со мной ты связана была.

Я помню зал для репетиций,
И свет зажженный, как на грех,
И шопот твой, что не годится
Так делать на виду у всех.

Твой звездный плащ из старой
драмы,

И хлыст наездницы в руках,
И твой побег со сцены прямо
Ко мне на легких каблуках.

Нет, не тогда. Так, может, летом,
Когда, на сутки отпуск взяв,
Я был у ног твоих с рассветом,
Машину за ночь доконав.

Какой была ты сонной, сонной,
Вскочив с кровати босиком,
К моей шинели пропыленной
Как прижималась ты лицом...

Как билась жилка голубые
На шее под моей рукой, за
В то утро, может быть, вперед
Ты показалась мне женой. опчик и
ими го-

И все же не тогда, я знак
Ты самой близкой мне было ясно, —
Теперь я вспомнил: ночь в выскочи-
Обледеневшая скала... да пускает
ось. Но на-

Майор, проверив по карм: Прекрас-
В тыл приказал бумагу для своей не-
Когда придется, безыме: что-то тем-
Разведчик должен умирать в блин-

Мы к полночи дошли и ждали,
По грудь зарытые в снегу.
Огни далекие бежали
На том, на русском берегу...

Теперь я сознаюсь в обмане:
Готовясь умереть в бою,
Я все-таки с собой в кармане
Нес фотографию твою.

Она под северным сияньем
В ту ночь казалась голубой,
Казалось, что сейчас мы встанем
И об руку пойдем с тобой.

Казалось, в том же платье белом,
Как в летний день снята была,

Ты по камням обледенелым
Со мной невидимо прошла.

За смелость не прося прощенья,
Клянусь, что если доживу,
Ту ночь я ночью обрученья
С тобою вместе назову.

Карельский фронт, декабрь

Своими глазами

Ф. ПАНФЕРОВ

Повесть.

★

МАЙОР ШИЛОВ

1.

О майоре Шилове говорили, что это человек не только необыкновенной храбрости — на одной храбрости в современной войне далеко не ускачешь, — но вдумчивый, с военной сметкой и инициативой. Говорили о нем и другое: будто он не раз проникал далеко в немецкие тылы, взрывал там склады боеприпасов, уничтожал штабы, и будто «обошел весь свет», воевал в Испании, в Сахаре, в Китае. Говорили всякое. На фронте люди не только воюют, но и складывают легенды.

Сопровождать нас взялся полковой комиссар Левченко. Ему лет двадцать восемь, а, может быть, даже меньше: у него очень молоджавое лицо и такая теплая улыбка, что порой он кажется совсем еще юношей. Он четыре года назад окончил Сельскохозяйственную академию и последнее время работал старшим агрономом в одном из крупных совхозов Украины.

До передовой линии всего каких-нибудь два-три километра, но путь был опасен.

— Немцы с высоты Н. бьют по всякой движущейся цели, будь то автомобиль, походная кухня или просто пешеход, — говорил Левченко.

Вот почему мы отправились в сумерки.

Вначале шли тройкой, а как только стали приближаться к цели, Левченко настойчиво посоветовал, чтобы мы шли за ним следом, то-есть гуськом.

— И, пожалуйста, не сбивайтесь с тропы: поля тут минированы, — сказал он. Затем, чуть погода, шепнул:—Нагнитесь, как можно ниже и бегите за мной.

Мы нырнули в узенький окопчик и побежали, слыша, как над нашими головами понеслись пули.

— Это место у него пристреляно, — объяснил Левченко, когда мы выскочили из окопа. — И он иногда пускает пулеметную очередь. На-авось. Но на днях тут был убит сержант. Прекрасный парень. Погиб благодаря своей неосмотрительности.

Мы снова нырнули в какую-то темную щель и вскоре очутились в блиндаже.

Горит лампа, освещая стены блиндажа, бревенчатый березовый потолок, нары, усталые пахучим сеном, столик и самовар. Где же майор Шилов?

— В бою, — ответил Левченко. — Позавчера мы получили приказ выбить немцев с высоты Н., — он развернул карту и, водя по ней тупой стороной карандаша, стал разъяснять нам «ход со-

бытий». — Вот эту высоту Н. заняли немцы. Как видите, она незначительна по размерам, но в военном отношении играет огромную роль: немцы, укрепившись тут, как в орлином гнезде, имеют полную возможность не только наблюдать за расположением наших частей, но обстреливать их. Нам предложено выбить их с высоты. Второй день выбиваем.

— Как? Второй? С такой незначительной высоты?

— Да. Второй.

— Враг наш очень коварен. Его надо перехитрить. Вот вчера всю ночь майор Шилов выводил из терпения врага, изматывал его мелкими ударами. Под конец врагу показалось, что у нас нет сил, и он сам пошел в наступление. Майору Шилову это только и надо было: он из минометов расстрелял немцев. А сегодня? Сегодня майор Шилов придумал что-то такое... А впрочем, пойдемте и посмотрим.

2.

Ночь черная, густая и такая же ветреная, зябкая, как и утро. Кажется, живет только небо: оно, освещенное ракетами, блеском минометного огня, взрывами артиллерийских снарядов, колышется, как гигантское море.

— Сюда, сюда, — говорит Левченко и по темному узкому окопчику ведет нас за стог сена.

Как чудесно пахнет сено!

— Все тут изменилось, не изменился только запах сухих трав, — задумчиво сказал Левченко.

В это время три ракеты осветили поле боя.

Высота Н. совсем недалеко от нас, может быть, в километре. Там, как показалось нам, растет мелкий кустарник. К высоте вьется набитая дорога. Справа черное, как разлитая нефть, — картофельное поле. А слева, будто озеро, ложбинка.

Как только погасли ракеты, немцы открыли ураганный огонь артиллерии, минометов, пулеметов. Затем все резко оборвалось. Непроглядная тьма. Только ветер свищет. Где-то в стороне пронеслась яркая трассирующая пуля.

С высоты Н. слышался гул, затем снова взвились три ракеты и стало видно, как по прибитой дороге, четко отбивая шаг, крепко придерживая за плечом винтовки, спускается в низину рота немецких солдат.

— Психическая атака, — прошептал Левченко.

И еще три ракеты... Рота уже почти в низине... Вот кто-то из бойцов не выдержал, вскочил. А немцы, отбивая шаг, все идут. Они уже приблизились к картофельному полю. И как бы для того, чтобы показать, с каким спокойствием идут немецкие солдаты, то-и-дело на их стороне взвиваются ракеты.

И вдруг из картофельного поля метнулись на роту два прожектора и рота остановилась, как перед неожиданной огненной лавой. И в ту же секунду вправо, из мелкого кустарника, застрочили пулеметы. Немцы, видимо, еще не пришли в себя от прожекторов, как пулеметы начали косить их. И вот те, кто остался в живых, кинулись в разные стороны, преследуемые прожекторами и пулеметами. Они бежали, спотыкались, падали, как зайцы под фарами автомобиля, и пули, настигая их, обрывали тут — на русских полях — их жизнь.

Все это произошло молниеносно.

И, казалось, безумие этой психической атаки очевидно, казалось, что немецкое командование понимает это.

Но жестокая машина была заведена, и вот с возвышенности, так же четко отбивая шаг, так же освещенная ракетами, стала спускаться вторая рота. И на нее тоже накиннулись прожекторы, и в эту же секунду застрочили пулеметы... но жестокая машина крутилась, и с возвышенности стала спускаться третья рота, так же четко отбивая шаг.

Прожекторы вскинулись вверх, вильнули и, как бы играя, погасли.

Тьма снова окутала поля, леса, возвышенность. Снова завизжал ветер

— Мерзавцы, — зло проговорил Левченко, нарушая тишину. — А майор Шилов молодец: такое придумал, — и снова смолк.

И вдруг по темной земле, по оврагам, понеслось оглушительное «ура».

— Пошли в атаку, — с дрожью в го-

лосе и очень тихо словно боясь своим вмешательством повредить атаке, проговорил Левченко.

В эту секунду снова грохнуло «ура», затем где-то на подступах к высоте равнули немецкие минометы, отвратительно каркая, как бы отплевываясь, но уже было поздно: в окопы, в блиндажи полетели гранаты, в окопы, в блиндажи ворвались бойцы Красной Армии, и до нас донеслись отчаянные крики немцев.

— Ага-а-а, — торжествующе протянул Левченко.

3.

На заре, через какой-нибудь час после того, как высота Н. была взята, в блиндаж внесли политрука Пшенцова. Он все время боя находился вместе с пулеметчиками в кустарнике, откуда они расстреляли три немецких роты, затем пошел было доложить майору Шилову о том, что задание выполнено, но по пути нарвался на мину. Теперь он лежал на нарах — бледный, лицо в крови, на губах запеклась кровь, смешанная с «пороховой» землей. Левченко обтер ему лицо, влил в рот полрюмки коньяку, но Пшенцов продолжал дрожать, будто иззяб на сильном морозе. Он что-то лепетал, показывая все время в одну и ту же сторону, и его никто не понимал.

— Вася! Что ты? Вася! — наклонясь над ним, глядя в его помутневшие глаза, спрашивал Левченко и, ничего не понимая из его лепета, взял блокнот и вложил в руку Пшенцова карандаш.

Пшенцов хотел что-то написать, но получились неразборчивые каракули. Карандаш выпал из его руки, и он начал рвать на себе куртку, рвать бесильно, как это делают в бреду. Это была уже предсмертная агония.

Вскоре его отравили в госпиталь и по дороге он скончался.

В блиндаже сидели молча, опечаленные смертью Пшенцова. Сидели и ждали майора Шилова, надеясь на то, что он рассеет это настроение. Но майор Шилов не появлялся. Левченко несколько раз ходил к нему в блиндаж и всякий раз, возвращаясь, говорил — то будто бы майор передевается, то он составляет какой-то новый план, то пишет

родным письмо. И только последний раз, вернувшись от майора, Левченко сказал правду:

— Ужасно. Майор никак не придет в себя: смерть политрука Пшенцова потрясла его, — и, чуть погодя, добавил: — Не удивляйтесь. Пшенцов был очень талантливый математик. В двадцать четыре года он получил кафедру в Московском университете.

В блиндаж вошел адъютант майора Шилова и громко, четко произнес:

— Майор Шилов просит вас к себе.

И вот мы снова в том же блиндаже, где были вчера. Блиндаж прибран, повешено маленькое зеркальце и даже вычищен самовар. Чистили его, очевидно, кирпичом или рашилем: такие зияющие борозды на его боках! Стол уставлен едой и даже две бутылки коньяку. Около стола боец лет двадцати — низенький, расторопный. К поясу у него привешен штык. При нашем появлении он вытянулся и отработал полковому комиссару Левченко:

— Майор Шилов приказал подождать. Будет с минуты на минуту. — Все это он произнес так, будто не он подчинен майору Шилову, а майор Шилов подчинен ему. Обращаясь к тому же Левченко, он с задором проговорил:

— Вот вы меня, товарищ Левченко, на днях поставили в неловкое положение — самовар, дескать, давно в бане не был. Глядите, как блестит. Зеркало!

— Ох, Коля, — засмеялся Левченко. — Здорово ты его продрал. Еще раз за два так — и до дыр.

— Ничего. На два года хватит. Раз в году буду чистить.

Мы рассмеялись.

Когда Шилов входил в блиндаж, он показался нам огромным. На нем чистая, тщательно проглаженная куртка. Волосы на голове аккуратно причесаны. Лицо выбрито. Вначале показалось, что он непременно поздоровается с нами официально. Но он поздоровался за просто, сказал:

— Слышал я, товарищи, что вы здесь. Но притти к вам сразу не смог: некогда было.

Сел, и мы увидели, что он совсем не так велик, как показалось нам, лоб

у него открытый, глаза синие-синие и даже какие-то детские, а лицо светится обаятельной улыбкой.

— Много ты поставил, Коля, — сказал он, показывая на бутылки коньяку. — Нам с устатку и по рюмочке хватит.

— Весь наличный винный погребок, товарищ майор. А при том мы уже договорились, вы — мой подчиненный за столом.

— Не при гостях, Коля.

— Потому как, — продолжал Коля, не обращая внимания на слова майора, — я вас кормлю, а не вы меня. Вот. И по случаю победы предлагаю кушать и выпить...

— Ишь ты, — Шилов улыбнулся, но тут же глаза у него загрустнели.

Мы спросили:

— Вас так расстроила смерть Пшеницова?

Майор встрепенулся, глянул куда-то в сторону:

— Что ж, тут на войне пуля не щадит даже гения. Я вот иногда думаю: через пятьсот, может, через триста лет, а может, и раньше, у людей вырабатывается такое же физическое отвращение к тому, — чтобы не то что убить человека, но и ударить его.

— Я думаю, и тогда на нас будут смотреть неплохо, — вставил Левченко.

Майор Шилов улыбнулся, обращаясь к нам:

— Ну да, ну да. Это же ясно само собой, что на нас, на нашу страну будут смотреть, как на пионеров воспитания такого чувства... — Он встал, у него, видимо, привычка во время думать ходить из угла в угол, но тут ходить было негде. А он все-таки прошелся — шаг туда, шаг обратно. — И... и поэтому бить мы будем всю эту пакостную братию! За одного Пшеницова я буду уничтожать их, как вошь. Помните, как замечательно сказал Горький: «Врага надо уничтожать, как вошь», — то-есть безжалостно, с таким же омерзением. Вот так будем бить, Коля, — он стукнул кулаком по столу и весь преобразился.

— Ну да. Ну да. Мы с вами их загоним туда, куда Макар телят не гонял,

товарищ майор, — Коля тоже преобразился, стал серьезен, вдумчив и тут же тронул за руку майора. — Но вы покушайте, товарищ майор, а то у меня все сердце изныло: два дня, как едите на бегу. Не годится это. Силы надо беречь, — поучительно заговорил он, — на врага надо силы беречь.

— Это верно, Коля. Прошу, товарищи. Да не просто так, а давайте попросим Сашу Крайнова сыграть.

В блиндаж вошел молодой, румянощечкий боец, а вслед за ним другой, коренастый.

— Наша душа — Саша Крайнов — замечательный гаомонист, — потрепав по плечу Сашу, сказал майор. — А, Ураз! — он повернулся к коренастому бойцу, с золотистыми чуть-чуть раскосыми глазами. — Это житель астраханских степей Ураз Бузакаров, пулеметчик лихой и певец лихой. Садитесь, товарищи, и давайте споем нашу любимую, — и сам первый запел «Песнь о Сталине».

Мы никогда не слышали такого исполнения песни. Пели все, пели под сводами бревенчатого березового потолка, глубоко под землей, — став вдохновенными, совсем другими, нежели в бою, — нежными, мягкими и мечтательными. Обветренное лицо майора Шилова стало задорным, детским.

Во время пения в блиндаж вошел младший лейтенант Ярцев, рота которого первая ворвалась в немецкие окопы. Он почернел от «пороховой земли», лицо обросло бородой, а глаза такие усталые, что кажется, вот сейчас он привалится к стенке блиндажа и уснет крепко, непробудно. Но как только кончилась песня, он вытянулся и отпартовал:

— Высота Н. укреплена, товарищ майор.

— Очень хорошо, — и, повернувшись ко всем, майор Шилов от полного сердца сказал: — Товарищи! Дайте лучшее место за столом младшему лейтенанту Ярцеву: он сегодня среди нас — герой.

Все уступили за столом лучшее место младшему лейтенанту Ярцеву. Он сел. Казалось, сейчас он привалится к стенке блиндажа и крепко уснет. Но как только майор Шилов запел новую

песню, Ярцев встряхнулся и, по-крестьянски прикладывая руку к уху, влез в общий хор свой басок — густой, грудной и как бы обветренный.

Вдруг майор Шилов оборвал песню и все в недоумении посмотрели на него.

— Да. Я забыл сказать, контужена Маленькая... Очень опасно.

— Маленькая? Антонина? — в тревоге спросил Левченко. — А где она?

— Отправили в госпиталь.

— Так я... я пойду... Я туда, — и Левченко, бледный, вышел из блиндажа.

АНТОНИНА МАЛЕНЬКАЯ

1.

Ее все так и звали — Антонина Маленькая, хотя ей было уже двадцать четыре года, она окончила Медицинский институт и имела звание врача. Да и рост у нее был средний. Но вот почему-то все без исключения — комиссар ли, рядовой ли боец, или даже мы, недавно прибывшие на фронт, — все без исключения называли ее маленькой Антониной. Может быть, это потому, что у нее такие крохотные, но цепкие руки и детская улыбка? А может быть, потому, что вся она — открытая, любит людей, любит так же бескорыстно, как дети любят взрослых. Непонятно было, почему к ней привилось такое имя, тем более, что она была вовсе не беспомощная: она приехала на фронт, зная только врачебное искусство, а тут быстро превратилась в популярного лектора, хорошего чтеца газет, за короткий срок научилась управлять легковой машиной. Все кипело в ее руках. Единственно, чем она никак не могла овладеть, — это огнестрельным оружием. Как-то майор Шилов подарил ей браунинг в кобуре из сафьяновой кожи.

— Маленькая! — Бываете вы всюду и возьмите это на всякий случай.

Но браунинг в кобуре из сафьяновой кожи так и остался висеть на стене у ее кровати. Верно, первый вечер она долго и пристально рассматривала его, даже разузнала, как из него надо стрелять, но когда ей предложили выйти на улицу и выстрелить, она, крепко зажмуря глаза, сказала:

— Нет. Как-нибудь потом. А то еще кого-нибудь убьешь.

— Кого же? Ночью-то? В воздухе? Мышь что ли летучую? — упрекнул ее старший врач Иннокентий Гаврилович.

— Ну, а мышь? Она ведь тоже жить хочет.

— Смешная. На фронте, а боится мышь убить.

Антонина склонила голову набок и, глядя в угол, чуть скривив губы, быстро-быстро заговорила:

— Ну, да-а-а! Смешная! Вы не смешной: вы и за обедом в каске.

— Осторожность всегда нужна, — Иннокентий Гаврилович вспыхнул. У него была одна слабость: он никогда не расставался с каской. За обедом — в каске, на улице — в каске, в госпитале — в каске и даже, когда ложится спать, то непременно кладет каску в изголовье. — Осторожность всегда нужна, — повторил он и обеими руками провел по лицу, чтобы скрыть, как оно горит, в то же время думая: «Экая задира! Ну, погоди, дождешься у меня».

Так тогда разговор на этом и закончился.

Но сегодня Иннокентий Гаврилович решил настоять на своем.

Дело в том, что только позавчера немцы с высоты Н. обстреляли общежитие работников санитарного персонала. На крыше общежития был разостлан красный крест и крест этот был виден издали. Однако немцы намеренно обстреляли общежитие. Несколько человек было убито, несколько искалечено. А сегодня командование решило выбить немцев с высоты.

— Значит, Антонина Маленькая тоже потянется на передовую, это уж непременно. Но ее надо задержать. Я лучше сам пойду. А впрочем, что ж, я ведь могу и приказать. Я ведь старший врач, — рассуждая так, Иннокентий Гаврилович вошел в избу, где помещался главный санитарный пункт и жила Антонина Маленькая.

Она была в своем углу и что-то делала там, тихо мурлыча песенку.

Иннокентий Гаврилович кашлянул. Хотел было снять каску, но не снял, решив этим подчеркнуть, что обстановка

сегодня сложная, напряженная и даже опасная.

Антонина выглянула из своего угла и громко крикнула:

— Ага! Иннокентий Гаврилович! Снимите. Снимите каску. Тут ведь не бомбят, — и вышла к нему, уже в полной форме, с перекинутой через плечо полевой сумкой.

— Та-а-к-с, — протянул он, глубже напяливая каску.

— Та-а-к-с? — она вопросительно посмотрела на него.

— Те-е-к-с. То-есть, нет. Не то. Не то, — заторопился Иннокентий Гаврилович, уже боясь, что она снова повторит «те-е-к-с» и что такой разговор может длиться без конца.

— Вы что это сегодня междометиями изъясняетесь, Иннокентий Гаврилович?

Он ничего не ответил. Сидел и думал:

«А, может, я нехорошо делаю, что хочу задержать ее тут, — Иннокентий Гаврилович вообще любил задавать себе вопросы и не отвечать на них. Он, возможно, и дальше задавал бы их, но она шагнула к двери, собираясь покинуть избу. — И без револьвера? — вырвалось у него, — нет, так нельзя. Прицепить. Непременно!

И он сам пристегнул ей револьвер. Пристегнул и испугался.

— Вы ведь знаете, сколько нашего брата вчера погибло? — сказал он. — Нет, не только в общезнании, а и там, на передовой? Вы понимаете, эти молодчики стали охотиться на нашего брата и там, на передовой. Дикость. Понимаете? Ни в одну войну такого еще не было. Понимаете?

— Ну, конечно, понимаю. Но итти мне надо. Не оставлять же раненых на поле!

Иннокентий Гаврилович насупился и нарочито грубо бросил:

— Вы, кажется, сегодня писали письмо матери? Смотрите, будьте осторожнее, иначе оно может остаться незаконченным, — и, хлопнув дверью, вышел из избы.

2.

Как только Иннокентий Гаврилович ушел, Антонина достала из книги письмо к матери. «Мама. Меня тут все лю-

бят. И я тебе хочу сказать», — дальше она еще не написала и вот теперь на какую-то секунду склонилась над письмом, ярко представив себе мать-старушку, тетю Груню, как ее все зовут. Затем вынула фотографическую карточку и, тихо поглаживая мизинцем голову матери, проговорила:

— Мамуленька! Какие у тебя седенькие височки... А ведь может быть... Ох, нет, нет! — Она тут же отбросила печальную мысль и ласково улыбнулась, вспомнив, как мать провожала ее. Она совсем не плакала и, усаживая дочку в вагон, намеренно грубовато ворчала, все время зачем-то поправляя на Антонине синий берет. И только, когда поезд уже тронулся, у нее неожиданно хлынули слезы. Все это Антонина вспомнила теперь. — Мамочка! — и, спрятав карточку, она стремительно покинула избу.

Была ночь, черная, густая и какая-то тяжелая, будто залита чугуном. С передовой линии слышались взрывы артиллерийских снарядов и мин. Мины с хриплым шипением перелетали через Антонину и, казалось, вот-вот упадут на голову. Иногда взлетали ракеты. Они взрывались в вышине и, освещая огромное пространство, угасая, падали. А то вдруг по небу проносились тасирующие пули — голубые стремительные огни. И хотя все это происходило на передовой линии и несло смерть, Антонина на миг остановилась и залюбовалась этой ночной игрой огней и разрывов. Затем побежала по знакомой тропе и вскоре очутилась в блиндаже майора Шилова.

Майор Шилов сидел за телефоном и отдавал какие-то, совсем непонятные для Антонины, распоряжения, вызывая то «Волгу», то «Гверь», то почему-то «Париж». Но вот он оборвал телефонные переговоры и, повернувшись к Антонине, заулыбался:

— А-а! Маленькая! Пришла? Это хорошо. Во-время пришла, — он посмотрел на часы. — Через несколько минут начнем наступать. Идите-ка туда. Только одна не ходите, возьмите с собой санитару Яшу. Он тут, в соседнем блиндаже. Идите-ка.

Санитар Яша был моложе Антонины. Веснущатый, с задраннным носом, он говорил всегда как-то по-своему. Например, если ему что нравилось, он говорил: «Это очень даже хорошо, прямо беда».

Вместе с Антониной они пробрались в роту младшего лейтенанта Ярцева. Увидев Антонину, Ярцев, всегда по-крестьянски молчаливый и даже суровый, передал по рядам бойцов: «Антонина Маленькая к нам пришла». Бойцы оживились, на душе у каждого стало сразу веселей. Антонину Маленькую они хорошо знали: она не раз вела с ними беседы, читала им газеты.

И вот младший лейтенант Ярцев, искусно повертывая фонарик, посмотрел на часы. Было ровно двенадцать. Тогда он шепнул Антонине:

— Оставайтесь здесь. Туда, к окопам не суйтесь. Подаю команду, — он встал во весь свой богатырский рост и крикнул: — За Родину, товарищи! Вперед! — и первым кинулся к немецким окопам.

Рота взметнулась. Кружно шагая, выставляя вперед штыки, освещенные заревом ракет, оглушая окрестность громким «ура», прыгая через кочки, рытвины, бойцы хлынули на неприятельские окопы, неудержимо, как поток.

Антонина Маленькая осталась на месте и, крепко сжав руки на груди, как завороченная, смотрела на стремительный бег бойцов.

Яша крикнул ей:

— Раненые!

Она кинулась к Яше, который уже перевязывал раненого бойца. Перевязывая, он медленно, неторопко бормотал: «Здорово выковыривают из нор немцев, прямо беда».

Антонина взялась помогать ему. Ее крохотные, цепкие руки делали перевязку быстро, аккуратно и бережно.

А рота младшего лейтенанта Ярцева, выбив немцев из окопов, блиндажей первой линии, метнулась на вторую линию, затем на третью.

«Ура» разносилось уже где-то далеко, приглушенно. За ротой двигались

Яша и Антонина. В работе они даже не заметили, как за опушкой леса загорелась заря.

Около блиндажа, мучительно извиваясь на земле, кричал раненый немец.

— Перевяжите его, — сказала Антонина Яше, а сама побежала к стонавшему красноармейцу.

Красноармеец лежал в ложбинке, стараясь, как и все раненые в таких случаях, переползти в канавку, чтобы там укрыться от случайного удара. Антонина опустилась на колени и быстро стала перевязывать ему ногу, пробитую пулей. Боец быстро, по-вожжски «окая», заговорил, обдавая ее прерывистым дыханием:

— Вы ногу-то мне оставьте, товарищ доктор. Без ноги я уж не жилец, как хотите, а оставьте. Понимаете, доктор?

— Ну, еще бы не понимать. Какой уж жилец без ноги? — невольно подражая ему и «окая», ответила Антонина.

Боец очень обрадовался тому, что она заговорила его языком и, уже улыбаясь, перешел на «ты»:

— А ты совсем наша: говоришь, как моя сестренка Марусяка. Ты прямо наша, честное слово.

— Честное слово, ваша и есть. Вот война кончится, обязательно поедем к вам в деревню.

Боец замотал приветливо головой.

В эту самую минуту случилось то, чего никто не ждал. Неподалеку от Антонины из норы, тщательно замаскированной в кустарнике, выбрался немецкий солдат — оборванный, грязный, давно не стриженный. Сначала он показался сумасшедшим. Но вот он выпрямился во весь рост и, глянув в сторону Яши, который перевязывал раненого немца, метнул в Яшу гранату. Антонина это запомнила на всю жизнь. Она видела, как граната рванулась, как рука Яши отлетела, точно она была привязанная веревочкой, как подбросило раненого немца и как второй немец повернулся в ее сторону и снова замахнулся гранатой.

Антонина кинулась вперед, крикнув: «А, мерзавец!» И тут же увидела, как

немец всплеснул руками, точно защищая лицо от пыли, и плашмя упал на землю: пуля бойца, внезапно появившегося за ее спиной, безошибочно настигла его.

— А-а! Убит! — мелькнуло в ее голове, и в ту же секунду ее что-то сильно ударило в голову и она сунулась к бугорку, как маленький-маленький воробушек. Где-то в ее сознании промелькнуло: мать-старушка, ворчливый, но добрый Иннокентий Гаврилович, раненый боец, недописанное письмо матери, звериное лицо немца и... вдруг все это покрылось тьмой, и Антонина Маленькая скатилась куда-то глубоко, глубоко...

Майор Шилов ахнул, когда увидел, как упал немец, как взорвалась граната и сбило с ног маленькую Антонину. Он кинулся к ней, подхватил ее на руки и, унося прочь с поля боя, шептал:

— Ах, ты, Антонина! Наша маленькая Антонина.

Через несколько дней маленькая Антонина пришла в себя, и еще через несколько дней у нее восстановилась речь. А сегодня она лежала в палате, в той самой палате, куда она не раз заходила, как врач, и писала письмо своей матери. Она лежала перед окном. Легла зима: выпал первый пушистый снег. И Антонина, то-и-дело поглядывая на снег, писала:

«Мама! Меня тут все любят. У нас выпал пушистый снег. Бойцы мне вместо цветов принесли с передовой линии сосновые ветки. И сосновые ветки так хорошо пахнут, мама...»

Письмо было несвязное, но сердечное, теплое и открытое, как открыта и вся душа Антонины Маленькой.

КОМИССАР ЛЕВЧЕНКО

1.

Комиссар Левченко легкой походкой пересек полянку и направился в блиндаж младшего лейтенанта Ярцева. Такой легкой походкой, чувствуя во всем теле бодрость, он ходил в дни удач. Сегодня удачный день: немцы выбиты с высоты Н., и теперь их окопы и блиндажи заняты ротой младшего лейтенанта Ярцева. Между Левченко и лейте-

нантом была какая-то невысказанная дружба, они о ней ни разу не говорили, но при встрече всякий раз любовно поглядывали друг другу в глаза.

Левченко спустился в блиндаж и невольно остановился. Он ждал, что Ярцев там один, но увидел, что тот окружен бойцами. Все были увлечены спором. Молодой гармонист Саша Крайнов с жаром доказывал, что дружба вообще существует редко, дружба большей частью разлетается в пух и прах при первой же смертельной опасности. На него нападали. Молчал только Ярцев. Он сидел в углу и, казалось, дремал. Но вот он поднял руку, провел ею по лицу и сказал:

— В бою, кроме долга, обязанности перед родиной, главный козырь — дружба. — Сказав это слово «козырь», Ярцев смутился, понимая, что мысль свою высказал неточно, но, увидав, что его все внимательно слушают, успокоился и продолжал: — Вот есть один человек в полку нашем. Я ему, конечно, всегда, как старшему, подчиняюсь, но случись с ним беда какая, я пойду выручать его и уж не только потому, что я обязан.

— Даже если тебе грозит смерть? — с молодым и довольно наивным задором перебил его Саша Крайнов.

— Об этом я и не подумаю, потому что знаю: если не выручу своего друга, я перестану любить и себя, — Ярцев даже потемнел в лице.

«Какой молодец», — подумал Левченко и хотел было вступить в спор, но Саша Крайнов с еще большим задором крикнул.

— Знаем, о ком говоришь! О комиссаре Левченко.

Левченко попятился и незаметно вышел из блиндажа.

После блиндажа ночь показалась еще темнее. Расспросив часовых, как пройти в окопы второй линии, Левченко направился туда, не взяв с собой своего адъютанта, и сделал это напрасно: вскоре он сбился с тропы, попал в какой-то лес и тут, на повороте к оврагу, на него неожиданно напали немцы. Левченко не успел даже выхватить наган, как был связан.

«Ну, вот, — мелькнуло у него, — я и влопался в качестве «языка». Что ж, испытываем и это», — Левченко обыкновенно не терялся ни при каких, даже самых тяжелых, обстоятельствах, но сейчас сердце у него невольно сжалось, во рту пересохло и страшно захотелось пить. «Ну да. Ну, да. Но надо как-нибудь дать о себе знать», — подумал он и рванулся.

На него накинули мешок и он почувствовал, как его подняли и понесли.

Через несколько часов он очутился в комнате, обитой коврами, с завешенными окнами. За столом сидел немец, гладко причесанный. Улыбаясь, он встал из-за стола и, показывая на кресло, заговорил на русском языке:

— Прошу садиться, комиссар Левченко. Мы с вами почти старые знакомые, хотя вы мною интересовались гораздо меньше, чем я вами. Это вам упрек. Прошу садиться. Я Иоганн Миллер. Слыхали? Нет? И нам есть, о чем с вами поговорить. Не так ли? Ах, вы не хотите сесть. Вы хотите стоять передо мной, как перед представителем великой Германии?

Левченко сел.

Под глазами у Иоганна Миллера появились мешки, но он снова заулыбался и, резко отдернув штору с окна, сказал:

— Хотите я вам покажу, как мы обучаем молодежь? Вашу молодежь.

Левченко посмотрел в окно. За окном — деревенская улица, столб, к столбу привязан, как бы распят, ногой человек.

— Это ваш солдат, — сказал Миллер. — Сейчас на нем будут обучать молодежь стрельбе по живой цели.

И верно, из-за хаты вышли ребята. Было их человек двадцать. По одежде можно было определить, что все они ученики ремесленного училища. Тут же, следом за ребятами, из-за хаты вышел немец. Он подошел к ребятам и что-то долго объяснял им, показывая пальцем на распятого красноармейца.

— Это он им объясняет, — заговорил Иоганн Миллер, — какое место у человека убойное. Понимаете? Голова, сердце, живот. Я, например, люблю стрелять

в живот: человеку тогда кажется, что он еще жив, но он мертв. И наш знаменитый доктор Фридрих все это прекрасно знает.

Тот, кого Иоганн Миллер назвал Фридрихом, отошел от нагого красноармейца, приблизился к одному пареньку, сунул ему в руки винтовку и что-то скомандовал — видимо, «огонь». Паренек весь сжался, посмотрел во все стороны и вдруг, бросив винтовку, плашмя упал на землю и начал биться, мелко-мелко, как выкинутая на берег рыба. Тогда Фридрих подошел к нему и, слегка наклонясь, выстрелил ему в затылок.

— Правильно! Bravo! — воскликнул Иоганн Миллер и, повернувшись к Левченко, заговорил с полным убеждением, что это так и должно быть. — А как же? Это не мужчина, это девчонка: мужчина должен стрелять по команде. А как же? Мы же их ловим и обучаем быть храбрыми. А как же? Вот посмотрите, как стреляет гитлеровская молодежь.

Со двора выбежали шесть молодчиков, одетые в военную форму. Они встали в ряд, по команде Фридриха дали залп по нагому красноармейцу и тут же кинулись к нему «изучать убойные места».

Иоганн Миллер, видимо, заметил, как гневно блеснули глаза Левченко, затем, задернув штору на окне, сказал, кривя губы:

— Вы думаете, ваши ребятишки в красноармейца стрелять не будут? Будут. Не будут? Ну и что же? Тех мы перестреляем. Из сотни одного выберем. О-о-о. Это будет такой...

За стеной заиграла музыка. Иоганн Миллер как-то весь преобразился; глаза у него остервенели и он, отбрасывая всякую напускную вежливость, подойдя вплотную к Левченко, ткнул его пальцем в нос:

— Эй! Ты! Довольно дурака морочить, — он, очевидно, хотел сказать «валять дурака». — От тебя мне надо немного — проведи моих людей за линию и все. И гуляй. Ну-у? — и положил на стол револьвер.

«Пусть он меня убьет, но я дам ему по морде», — мелькнуло у Левченко, и он ринулся на Иоганна Миллера.

Дверь открылась, и трое вцепились в плечи Левченко.

— А-а-а, — завизжал Иоганн Миллер. — Качели ему! На пятнадцать минут. Нет, на десять. Я сегодня добрый.

2.

Дверь со скрипом открылась и Левченко втолкнули в полутемное помещение. Он сразу не мог оглядеться. А потому, как наверху премела музыка, он определил, что находится в том же здании, только в нижнем этаже. Через несколько минут глаза его привыкли к темноте и он освоился.

Помещение было не велико, в несколько окон, но все окна были заколочены, кроме одного, зарешеченного. Левченко осторожно, ожидая западни, подошел к окну, вцепился руками в железную решетку, дернул. Она была вделана очень крепко.

«Да-а, отсюда не вырвешься», — подумал он, намереваясь пройти в темный угол, чтобы осмотреть и его, и вдруг почувствовал, что руки у него слипаются. Он посмотрел на свои ладони и замер на месте: ладони были в крови. Левченко посмотрел на решетку, затем на подоконники, на пол, на стены, на потолок — все сплошь было залито кровью. «Неужели это человеческая кровь? — в ужасе подумал он и невольно протянул руку к подоконнику, двумя пальцами поддел застывшую кровь и потянул. Застывшая кровь поползла, как перепрелая шагреневая кожа. У Левченко по всему телу пошла мелкая-мелкая дрожь, зубы застучали. — Не может этого быть! Не может быть, чтобы это людская кровь», — проговорил он и отбежал в темный угол. И отсюда, из темного угла, он увидел, — рядом с дверью, почти у косяка, окровавленный след кисти руки. И тут же он ярко представил себе, как окровавленный человек ввалился в дверь, как он промахнулся и уперся рукой в стену рядом с косяком... И Левченко понял, что пытали здесь не трусов, а людей, глубоко преданных

родине, людей благородного и чистого сердца.

Дверь отворилась, вошел в сопровождении двух солдат Иоганн Миллер.

— Ах, это вы... Простите, помешал вам. Вы опять молчите? Странный вы человек, — и усмехнулся. — Простите, там наверху я вам нагрубил. И вот вам мое извинение, — качели даю вам не на десять минут, а на восемь. Только восемь. И вы следите, чтобы эти остолопы, — показал он на солдат, — не перетянули дольше. Только восемь минут, — и, что-то объяснив солдатам, шагнул к двери, затем повернулся и, показывая на стены, на потолок, на подоконники, проговорил: — Это все кровь большевиков. Понимаете? Будьте разумны. Мне вас жаль, вы еще совсем молодой, и у вас есть возлюбленная, есть мать. Представьте себе, как содрогнется сердце вашей возлюбленной, особенно вашей матери, в минуту, когда вы будете... — он провел рукой по горлу и издал звук, похожий на крик старого гуся. — А прошу я немного — проводите моих людей через линию. Поверьте, об этом никто знать не будет. Вы скажете, что вы заблудились или еще что-нибудь такое. — Иоганн Миллер посмотрел в глаза Левченко и отвернулся. бормоча: — Такие глаза надо просто выгнать. — И вышел, крепко хлопнув дверью.

Солдаты раздели Левченко догола и тут же поделили между собой его одеяние.

«Так, — решил Левченко, — они делают мое добро, как после умершего. Значит, живым отсюда не вьбраться. Ну, что же, насолою им, пока жив».

Солдаты подвели Левченко под кольца в потолке, затем привязали к кольцам два полотенца, сделав на конце каждого из них петлю, и продели их подмышки Левченко. Потом его вздернули. Когда вздергивали, Левченко даже улыбнулся и подумал: «Шуточками изволят заниматься». Но тут же, через несколько секунд, голова у него набухла, глаза полезли на лоб, а тело так невыносимо зануло, что Левченко ровно через четыре минуты впал в состояние глубокого обморока. Его сняли, облили

соленой водой и бросили в угол. Когда он пришел в себя, то не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, голова же была, как каменная.

К нему снова вошел Иоганн Миллер. Он вошел расторопной, чуть покачивающейся походкой и еще с порога заговорил:

— Ну, как наши качели? О! О! Вы не такой богатырь, чтобы выдержать восемь минут. Впрочем, еще никто на свете восьми минут не выдерживал. Четыре — это самое большое. Ну, что ж, вам осталось еще четыре.

Левченко посмотрел на два полотенца. Еще четыре минуты! Четыре мучительных минуты. Казалось, уже страшны не качели, а вот это ожидание, что тебя снова подвешат подмышки, у тебя снова набухнет голова, глаза полезут на лоб и по всему телу пройдет невыносимая боль.

— Я вас понимаю, — чуть покачиваясь, продолжал Иоганн Миллер. — Вам неприятно быть на качелях. Ну, тогда самое простое — проводите моих людей за линию и только. Они вас отпустят, как говорят ваши мужики, с богом, и никто не будет знать, что вы были тут. Решайте, — и он вышел.

И снова Левченко пытали. На качелях ему втыкали в плечи сапожные шила, затем быстро выдергивали, и кровь брызгала в потолок. Ему выкручивали руки, рвали ногти. Он молчал. Его били резиновыми палками, били по спине, по почкам. Левченко молчал. Стиснув зубы, он смотрел только в одну сторону, — на окровавленные пальцы своих ног. Раз он вспомнил своего друга, младшего лейтенанта Ярцева, улыбнулся и снова, крепко стиснув зубы, стал смотреть на окровавленные пальцы своих ног.

На второй день Иоганн Миллер, выведенный из терпения молчанием Левченко, приказал:

— Если через три часа не заговорит, на опыт его! — и вышел.

Левченко вывели на улицу и привязали к тому же столбу, к которому был накануне привязан нагой красноармеец.

Но в это время из переулка выскочила группа людей, одетых в крестьян-

ское платье, вооруженных винтовками, гранатами. Люди эти, их было всего четырнадцать человек, быстро развернулись. В соседний дом, где гремела музыка, полетели гранаты. Оттуда, из этого страшного дома, через окна стали прыгать немцы и тут же на улице их подхватывали штыки.

Среди этих четырнадцати комиссар Левченко увидел младшего лейтенанта Ярцева.

ЕГОР ЯРЦЕВ

1.

После боя за высоту Н., грохота артиллерии, взрывов мин, пулеметного назойливого треска и стонов наступило затишье. Солнце растопило первый пушистый снег, — тогда почему-то показалось, что вернулась весна, и всем стало радостно. А тут еще откуда-то прилетел голубь — сизый, дикий. Он сел на березу перед пушкой и стал поводить головой, словно рассматривая обстановку.

Голубь! Голубь! Это не то, что воронье. Воронья тут так много и оно вызывает у всех такое отвратительное чувство, что каждому, при виде этой черной, каркающей тучи, хочется немедленно уничтожить ее. А теперь прилетел голубь, сизый, дикий голубь, и этот дикий голубь вызвал у бойцов воспоминание о домашних, и они все кинулись писать родным письма, наперебой показывать друг другу фотографические карточки жен, возлюбленных, детей. На передовой линии, как только кончается бой, заводят разговор о родных, знакомых и главным образом о самых близких, самых дорогих — женах, детях. На-днях, например, Егору Ярцеву пришла из деревни Вилки открытка от жены Ольги. Ольга писала, что дома все благополучно, что в колхозе председательствует мать Егора, Екатерина Ярцева, что у Елены, подруги Ольги, родился сын. Егор Ярцев тогда же хотел ответить жене, но, во-первых, узнал, что деревня Вилки сейчас занята немцами, а, во-вторых, пришел приказ взять высоту Н., и он спрятал открытку в самое надежное место, чтобы

потом, когда вернется в окопы, написать ответ.

... Он ушел к себе в блиндаж, сел за стол, достал бумагу, чернила и написал первое любимое слово «Ольга»... и письмо было прервано...

По всем окопам разнеслась тревожная весть — пропал комиссар Левченко. Это открыл Коля. Как обычно, он поднялся чуть свет, приготовил завтрак, разбудил майора и пошел будить комиссара. Но комиссара в блиндаже не оказалось.

— А я думал, что он ночует у майора, — удивленно развел руками адъютант.

И начались поиски.

Вчера поздно ночью комиссара Левченко видели около блиндажа младшего лейтенанта Егора Ярцева, затем его видели на стыке двух полков около Горькой балки, затем он разговаривал с дозорными на Черной речке, дальше следы его терялись, и тогда неожиданно всем пришла страшная мысль. Эту же мысль высказал и майор Шилов. Он сам, рискуя жизнью, под перекрестным огнем немецких автоматчиков, или как их тут зовут, «кукушек», прибыл на высоту Н. и, разыскав Егора Ярцева, сказал:

— Позор на вашей роте, — и ушел.

Ярцев сел на нары и запел русскую песенку о Ланцове. Он пел тихо, тоскливо, ни с кем не разговаривая, ни на один вопрос не отвечая. Бойцы видели, как у него через весь лоб легла резкая складка, а глаза стали какие-то неподвижные, смотрящие куда-то вдаль. Так он сидел, раскачиваясь, тихо напевая песенку о том, как Ланцов из замка задумал убежать. Песенку он тянул по-старинному, приложив руку к уху, как будто перед ним было еще несколько певцов, а лицо у него с каждой минутой чернело.

— Умрет он так: сердце у него замерзнет, — сказал Саша Крайнов, лихой боец и гармонист. — Его надо из себя вывести.

Все знали о большой любви Егора Ярцева к комиссару Левченко, все понимали, какая тяжесть легла на его сердце, все норовили помочь своему ко-

мандиру, и не знали как. Тогда Саша Крайнов кинулся в лес. И тоже рискуя жизнью, пробираясь туда под перекрестным огнем автоматчиков, он нарвал зрелой калины и, войдя в блиндаж, положил золотистые ягоды перед Ярцевым.

— Твоя любимая... Тетерев еще здорово клюет это добро, — Саша громко засмеялся, предполагая, что Ярцев подхватит его смех, но тот сидел, всё так же раскачиваясь, напевая про Ланцова. Тогда Саша обозлился и грубо крикнул: — Не сберегли друга-то!

Глаза Ярцева дрогнули. Чуть-чуть кривя губы, он посмотрел на Сашу:

— А помочь мне хочешь? Только гляди, это может лишить тебя молодой жизни твоей... Хочешь?

— Сократ умер за идею свою. Джордано Бруно сгорел на костре за идею свою. И многие, — ответил Саша, радуясь тому, что командир роты, наконец, заговорил.

— Ишь ты, — удивленно протянул Ярцев. — Тогда пойдем.

И отпросившись у майора Шилова, прихватив с собой пулеметчика Ураза Бузакарова, они в тот же вечер скрылись, а через два дня на село Отрадное был совершен дерзкий налет.

Немцы знали, что готовится налет. Разведка донесла им, что два дня тому назад три человека, переодетые в крестьянское платье, переправились через Черную речку, зашли в деревню Малые Озерки к крестьянину Иргизову. Он их провел в соседнюю деревню, там к ним присоединились шесть человек, затем они отправились дальше уже в числе четырнадцати. Узнав об этом, начальник разведки Иоганн Миллер дал такое приказание:

— Пусть собираются. Когда соберется их больше, тогда возьмем. По русскому обычаю: «Одним взмахом сто побивахом». Тем более, крестьянин Иргизов наш.

Но тут скоро свершилось такое, чего никак не ожидали: четырнадцать человек разгромили штабквартиру, выбили немцев и посадили на штык Иоганна Миллера. От такого неожиданного, дерзкого налета немцы сперва растеря-

лись, а спустя час, придя в себя, послали солдат в погоню за Ярцевым. Было уже поздно: Ярцев со всей группой успел пройти через топкие болота и скрылся в густых лесах. Тогда немцы, зная, что обратный путь Ярцева лежит через деревню Малые Озерки, приказали Иргизову сделать все, о чем тот условился с Ярцевым, а на окраине деревни выставили пятнадцать всадников и пять собак-овчарок.

Всего этого Егор Ярцев не знал. Не знал он и о том, какую службу несет косоглазый, низкорослый и вертлявый мужичонка Иргизов.

2.

Дерзкий налет на село Отрадное и то, что удалось живым выхватить «из лап палачей» комиссара полка Левченко, — это радовало Ярцева, придало ему смелости, и он повел своих людей через густые леса напрямик на деревню Малые Озерки. С Иваном Иргизовым Ярцев познакомился раньше. Несколько лет тому назад, когда еще был жив отец Ярцева, Иван Иргизов не раз заезжал к ним в деревню для сбора утильсырья. Отец про него говорил:

— Иван мужик хозяйственный, только душа у него мелкая: все норовит дешево урвать кусок белого пирога.

Странно было, конечно, то, что в деревне Малые Озерки первым встретил их именно этот Иван Иргизов и предложил провести в соседние деревни. Егор Ярцев, по-военному осторожный, искоса посмотрел на Ивана Иргизова, но то, что тот так охотно повел их в соседнюю деревню, охотно указал путь к группе партизан и сразу согласился вывесить бельё на заборе своего двора, чтобы дать знать на обратном пути, что в деревне Малые Озерки все благополучно, и то, что он назвал его «дружком», — все это подкупило Егора Ярцева.

«Видно, душа его очистилась», — решил он и смело повел свой отряд на деревню Малые Озерки.

Он шел впереди, за ним двое — Саша Крайнов и Ураз Бузакаров — если завернутого в немецкую шинель комиссара Левченко. А за ними шли пар-

тизаны. Иногда у Егора Ярцева снова возникало сомнение в честности Ивана Иргизова. Тогда он останавливал отряд и высылал разведку. Разведка приходила с хорошими вестями, а последний раз пришла и сказала:

— На заборе Ивана Иргизова вывешено бельё.

— Значит, идем, — радостно сказал Ярцев и уже представил себе, как они вернутся в свои окопы, как вызовут майора Шилова, как Ярцев посмотрит майору в глаза и скажет: «Позор снимите с нас, товарищ майор». А сколько будет радости у всех бойцов! Больше ни о чем не думал Егор.

Так они шли.

Уже был поздний вечер. Уже над болотами поднялись едкие туманы и на озеро упали три запоздалые стаи диких уток и где-то далеко проревела корова.

По звуку Ярцев определил, что корова ревет по ту сторону немецких окопов, на «совсем нашей земле», значит, скоро и они будут у себя «дома». И вот они вышли на опушку леса и отсюда увидели развешенное бельё на заборе Ивана Иргизова. Увидав бельё, Егор Ярцев чуть не вскрикнул, как человек, долго сидевший в подвале и увидевший солнце. Но сдержался. Он подошел к Левченко и тихо сказал ему:

— Крепитесь, товарищ комиссар, скоро дома будем, — он еще что-то хотел было сказать комиссару, но к нему подбежал зоркий Ураз Бузакаров и, показывая рукой вперед, произнес:

— Товарищ командир, смотрите, за забором кони. Видите головы и уши?

Они всмотрелись и в самом деле увидели: за высоким плетнем стояли лошади.

— Назад, — скомандовал Ярцев и закричал зубами. — А-а-а. Мы до него доберемся, до дружка. Передать комиссара партизанам, — скомандовал он. — Бузакаров, Крайнов, ко мне. — И он сам первый упал на колени, выставив по направлению к забору свой автомат.

Рядом с ним упали Крайнов и Ураз Бузакаров, и как только партизаны скрылись в лесу, Ярцев крикнул:

— Огонь!

Кони вздыбились и рванулись с храпом, с визгом. В ту же секунду откуда-то справа раздалась беспорядочная, оголтелая, как на фронте говорят, в божий воздух, стрельба немецких автоматчиков. По этой беспорядочной стрельбе Ярцев определил, что немцы не ждали нападения, что они сами намеревались заманить его в ловушку. Ого! Вон как носятся по лесу кони. Вон как за конями бегают солдаты. Теперь бы их из пулемета. Ярцев встал во весь свой богатырский рост, намереваясь пробиться ближе к лесной опушке, чтобы оттуда расстреливать бегущих за конями немецких солдат, как его дернул за рукав Ураз Бузакаров и сказал:

— Собака. Овчарка.

По тропе, низко опустив голову, как это делает волк, преследующий свою добычу, неслась крупная собака-овчарка. Она неслась стрелой, минуя Ярцева, Ураза Бузакарова и Сашу Крайнова. Она неслась туда, куда ушли партизаны. Ураз Бузакаров вскинул было винтовку, но Ярцев остановил его.

— Я. Я охотник. Я так снимал зайца, — и, приложившись, выстрелил.

Овчарка несколько раз перекувырнулась через голову и плашмя упала на тропу.

— Есть, — торжествующе сказал Ярцев.

Но в этот миг следом за первой овчаркой понеслась вторая. И вторую снял Егор Ярцев. Но когда из деревни вырвалась третья собака, он шепнул Уразу Бузакарову:

— Беги за нашими и предупреди. Собаки страшнее немцев. И еще скажи, чтобы пробивались через деревню Люшкино.

Ураз Бузакаров со всех ног кинулся в лес догонять партизан, а Саша — это он сделал напрасно — быстрее кошки забрался на сосну и оттуда хотел было пустить очередь по немцам, но тут же был сражен пулей. Он упал на землю, как падает убитый глухарь — с тяжелым шумом.

— Саша! — вскрикнул Ярцев и кинулся к нему, и одновременно заметил, как мимо них по тропе промчалась четвертая и пятая собаки. Через какую-то

секунду раздался один за другим два выстрела, и Ярцев понял, что это стреляет Ураз Бузакаров. — Саша! Саша! — бормотал он, кладя себе на колени его голову. — Саша!

Тело бойца отяжелело, голова свалилась, из уголка рта появилась струйка крови, кровь потекла с подбородка на шею, на ворот куртки.

— Саша, — еще раз позвал Егор Ярцев и затормошил его, как это делают, когда хотят пробудить человека от глубокого сна. И, видя, что этим не поможешь, Егор Ярцев заплакал.

3.

Было уже совсем темно. Смокли выстрелы. В деревне вдруг заговорили немцы, — как всегда, громко. Кто-то на кого-то кричал. Крик стал приближаться, и Ярцев понял, что немцы направляются к сосне. Он подхватил на руки мертвого Сашу и понес в лес, пробиваясь сквозь густой, темный, перепутанный кустарник. Тело Саши показалось очень тяжелым, и Ярцев подумал:

— Как тяжелеет человек... мертвый.

Вскоре он споткнулся о сваленное дерево и рукой нащупал скат в овраг. Он спустился туда, быстро, маленькой саперной лопаточкой, которую он всегда носил с собой, вырыл яму, положил в нее Сашу и закидал его землей.

Голоса немцев приближались.

И Егор Ярцев пошел, сам не зная куда, понимая, что он теперь не отыщет той тропы, по которой ушли партизаны, что ему вообще теперь надо куда-нибудь уйти от немцев. И он шел, лез через бурелом, пробирался через лесные балки и только, когда вышел на просеку, вдруг вспомнил, что искалеченный пулей автомат свой он оставил около сосны. Ему стало страшно, как было однажды, еще во времена детских лет, когда он отбил от взрослых и затерялся в лесу. Тогда он взобрался на дерево, привязал себя веревкой и два дня просидел так, тихо-тихо, боясь шумом привлечь зверя. Теперь ему было так же страшно без оружия. При нем оставался наган, но в нем всего пять пуль. И он двинулся дальше,

осторожно ступая по земле, пугаясь скрипа сучьев, дуновения ветра. Он шел, как ему казалось, в одну сторону, но когда натолкнулся на сваленную сосну, понял, что кружит на одном месте, как подстреленный заяц, и обозлился на себя, на свою растерянность.

— А еще охотник, все из башки у тебя вылетело. Вспомни-ка, как отыскивал дорогу бывало! Ну! Определи, где юг, где север. А ну-ка, — он даже прикрикнул на себя, и склонился около густой ели, нащупывая на ней слой мха. Он знал, что мох растет только на северной стороне. Нащупав его, он определил север, понял, куда надо идти, и смело зашагал в одном направлении — к своей деревне Вилки, которая находилась всего в пятнадцати километрах от деревни Малые Озерки.

Он смело выбрался из леса в поле и тут остановился. Совсем недалеко от него, может быть, в десяти километрах, пылало зарево. По всему было видно, что это горела деревня — широкое зарево лизало небо, выбрасывая густые клубы дыма; дым был, как от соломы — значит горят крыши хат.

— Неужели наша деревня? — подумал он и прибавил шагу.

Но за лесом уже дрогнула заря. Итти было опасно, и он решил переждать день в стоге сена. Забравшись в стог, он согрелся и крепко уснул.

Проснулся он от русского говора. Осторожно отгреб сено, выглянул.

По дороге из леса шли человек тридцать. У каждого за поясом торчал топор. Двое несли пилы. Неопытный глаз решил бы, что это лесорубы. Но у Егора Ярцева глаз был опытный и он увидел, что пилы не завернуты, а у лесорубов правило — острие пилы завертывать в мешок или в паклю. И ни у одного лесоруба за плечами не было вещевого мешка.

— Эге. Да ведь это... — прошептал Ярцев и высунулся из стога. Он увидел среди «лесорубов» агронома Любина. — Любин! Степан Егорович! — позвал он и сам пошел к Любину, который при виде Ярцева так растерялся, что не мог вымолвить и слова.

— Здравствуйте, товарищ агроном, — сказал Ярцев и посмотрел на остальных; узнав в них своих односельчан, он подмигнул им: — Ну-у. За мирный труд взялись? — И тут же спросил агронома: — А мать где?

— Мать? Екатерина Петровна? — Любин глубоко вздохнул и, показывая вдаль, на угасающее зарево, сказал: — Видишь? Это наша деревня Вилки.

— А мать? Мать где? Ольга где?

Агроном Любин долго молчал. Молчали и остальные, низко опустив головы.

— Где мать? — Егор Ярцев рванул Любина.

Тогда агроном вынул из-за пояса соседа топор, ногтем попробовал лезвие и, подавая топор Егору Ярцеву, сказал: — Вот тебе, бери, Егор.

Все было понятно. Ярцев долго стоял, прислонившись к сырому, в росе, стому, и снова глаза у него застыли. Устремившись куда-то вдаль, Любин тронул его за плечо:

— Ольга осталась, а за мать мстить надо, Егор.

Ярцев поморщился и повернулся к агроному.

— В Малые Озерки сегодня ночью заглянуть надо... Дружка одного вызвать. Ух, и дружок. А потом пойдем, разыщем наших. Комиссар Левченко там.

И они ушли. Они забрались в чащу леса, переспали там тревожным сном и вечером, оставив почти всех на месте, втроем направились в деревню Малые Озерки.

— Вот в этой избе живет Иван Иргизов. Вы же, товарищ агроном, по-немецки умеете балакать. Забыли? Ничего. Тон дайте. А ты, — обратился Егор Ярцев ко второму попутчику, делопроизводителю колхоза Борисову, — вроде переводчика будешь. Переводи, что этот господин немец, — показал он на агронома, — желает пробраться к партизанам, потому и переделся в крестьянское. Вызовете дружка моего на улицу, да к речке его.

Борисов подошел к избе, тихо стукнул. Открылось окно. Выглянула баба. Громко выругалась.

— И чего лезете ночью? Мой спит.

Любин что-то забормотал, подражая немецкому выговору. Борисов перевел:

— Господин Вольф хочет видеть Ивана. Партизаны ему нужны. И я тут не причем: самого силой...

Баба заворчала было, но Иван Иргизов уже был на крыльце и уверенно говорил на ходу:

— Могу. Дорога к ним мне известная... Я ведь... я ведь, ах, я ведь такой, я налету птицу поймаю, — начал хвастаться он. — Я служу. Вчера пришел один и говорит, проводи меня в село Отрадное...

Иван Иргизов бормотал, шагая впереди всех, но у Черной речки, там, где переправа на другой берег, он, точно окаменев, замер: перед ним стоял, держа в руке топор, Егор Ярцев.

УБИЙСТВО ЕКАТЕРИНЫ

1.

Ее знали все и не только у себя в деревне Вилки, но и в районе. Она была женщина рослая, румянощекая, сильная и, главное, у нее был живой, восприимчивый ум и чистое, благородное сердце: Екатерина никогда и ни перед кем не кривила душой.

— Екатерина у нас богатырь-баба, — говорили о ней, — на работе в поле — первая, да уж если на собрании сказать надо, скажет так, что и деваться некуда.

— Огонь баба.

И верно, когда она выступала, то голос ее гремел, и тогда уже берегись тот, кто вильнул: застыдит любого, будь то рядовой колхозник или представитель власти.

Вот почему иногда местный агроном Любин, человек весьма тихий, отзывал ее в сторонку и шопотом говорил:

— Екатерина Петровна! Талант у вас большой! Вы от земли человек и мозг у вас, как прекрасный чернозем: рассевай на нем — плоды будут. Но... — и переходил на «ты», — но чего ты гремишь всегда и вперед везде лезешь? Что тебе больше всех надо?

— Больше, — отвечала Екатерина. — У меня три сына и четыре дочери.

— Ну, гляди, — бурчал агроном и, чуть согнувшись, уходил от нее прочь, а она кидала ему вслед:

— Правда всегда себе дорогу пробьет! Это запомни, товарищ агроном!

И когда многие из мужчин, в том числе и три сына Екатерины, были призваны в армию, то председатель колхоза (он тоже призывался), с согласия всех колхозников, торжественно заявил:

— Тебе по всем правам председателем быть. Держи крепко знамя это, Екатерина Петровна!

С того часа Екатерина вела колхоз.

— Тоже... выбрали, — сказал агроном Любин, — ей бы детей рожать!

— Тоже... агроном, — так же шуточно говорила про него Екатерина. — Ему бы на балагайке играть.

Но когда выходили на работу, они невольно тянулись друг к другу: Любин не умел говорить с колхозниками, Екатерина не знала того, что знал агроном Любин, и поэтому всегда советовала колхозникам:

— Не глядите, что у него рученьки девичьи. Голова ученая: он в поле колдун полный и его слушайте.

В одно ненастное утро в деревню Вилки ворвались немцы. Войска прошли вправо, оставив в деревне сорок солдат и одного господина Кляуса. Этот самый Карл Кляус, постукивая плеткой по своей жирной икре, обошел хозяйство колхоза, долго всматривался в поля, а затем, прищелкнув языком, что-то сказал переводчику — сивенькому, вихрастому и юркому Нейману. Нейман заюлил перед Кляусом и, повернувшись к Екатерине, которая только-что вышла из амбара, крикнул:

— Господину Карлу Кляусу все это — поля, леса, река — все очень нравится. Э!

— Еще бы!..

— Ему, знаете ли, обещали двести гектар земли с рабочими, то-есть с русскими, зарабатывать будете.

— Ну, что ж, обещанного долго ждут, — Екатерина усмехнулась.

— Да, да. Ему это все очень нравится, — выкрикивал Нейман.

Екатерина молча пошла на деревню. Сердце больно сжалось, казалось, оно истекает кровью. Дойдя до правления колхоза, она присела на бревно и тихо проговорила:

— Вон какому мерзавцу достанутся труды наши, — и тут же, расправив плечи, пошла по порядку, стуча в окна, вызывая хозяев, передавая им: на работу не выходить.

Вечером всех жителей деревни Вилки согнали к правлению колхоза. Их окружили вооруженные солдаты. На крыльцо вышел все тот же щеголеватый Кляус, а с ним переводчик Нейман. Карл Кляус долго смотрел на колхозников, улыбаясь, затем развел руками и что-то сказал Нейману. Тот быстро заговорил:

— Господин Карл Кляус очень опечален, что не знает вашего родного языка. Он вас всех очень любит и любить будет. Но надо работать. Надо хлеб молотить, ссыпать в амбар.

Колхозники молча опустили глаза. И в этом молчании, как набат, прогремел голос Екатерины:

— Да, любит, как волк овечек! Но мы-то не овечки!

Нейман перевел слова Екатерины. Тогда Кляус вздрогнул, лицо побагровело. Затем он деланно улыбнулся и что-то приказал солдатам. Те немедленно вскинули ружья, со двора выкатили пулемет. Агроном Любин, чтобы отвести угрозу, выкрикнул:

— Хлеб? Конечно, хлеб молотить надо. Кто откажется от этого? И даже Екатерина Петровна...

Кляус махнул плеткой. Солдаты опустили ружья, пулемет укатили во двор. А Кляус, еле прикасаясь ладонью к ладони, заплодировал, одобрительно кивая агроному Любину. И в этот миг агроному Любину стало так погано, словно он ударил ребенка.

Но утром на работу все равно никто не вышел. Еще вечером, когда расходились с собрания, Екатерина подошла к агроному и, раскачиваясь, будто намереваясь ударить его в лицо, сказала:

— Плюнуть тебе в зенки? Мало. Кисляк!

— Катя! Катюша! — агроном тронул

ее за сильные плечи, и было видно, как руки у него дрожали. — Да ты что, хочешь, чтобы они дуrom нас на штык подняли? Надо думать, как выкрутиться. Что делать? Приказывай!

— Жечь! Хлеб в стогах жечь! Ты не пойдешь жечь, они пойдут, — показала Екатерина на народ. — Они не пойдут, девки мои пойдут. Девки не пойдут, сама пойду и хлеб сожгу.

С ней согласились все.

Карл Кляус понял, что все зависит от Екатерины и вечером направился к ней, все так же улыбаясь, в полной уверенности, что ему легко удастся сломить эту «непокорную даму».

Екатерина не удивилась такому визиту: она ждала его и поэтому еще вчера сказала своим дочкам, чтобы они спрятались в лесу. И она встретила Кляуса, готовая на все.

Переводчик Нейман сказал:

— Карл Кляус просит хлеб молотить.

— Мы сами знаем, что нам надо делать с нашим хлебом, — ответила она.

Кляус расвирепел от таких слов. И Нейман снова перевел:

— Господин Карл Кляус сказал, что земля вашей деревни, поля, леса, хлеб в стогах, в амбаре, скот и все, все принадлежит ему: ему все это подарил фюрер Гитлер.

— Пусть он сам сначала посеет, работает, а потом дарит, — ответила Екатерина и отвернулась к окну.

Кляус нервно похлопал плеткой по своей жирной икре, затем неожиданно размахнулся и наотмашь ударил по лицу Екатерины. Из щеки брызнула кровь. Кляус выскочил из хаты и на улице крикнул переводчику:

— Подчинить! Не убивать, а подчинить! Подчинить, а потом убить.

И через какой-нибудь час к Екатерине снова пришел Нейман в сопровождении двух солдат. Он положил на стол лист бумаги, сказал грубо:

— Эй! Ты! Заноза. Подпиши. Больше от тебя ничего не требуется.

Екатерина прочла. На листе бумаги было написано распоряжение колхозникам, чтобы они выходили на работу.

— Не я писала грамоту, не я и подпишу.

— Тогда плохо будет. Будет стыдно тебе.

— Почему же мне стыдно?

— Ты мать, и я знаю, у тебя есть дочки.

Екатерина тихо ахнула, присела на табуретку и, с тоской глядя в окно, подумала: «Успели ли они сбежать, мои девочки?»

— Подпиши и всё, — Нейман подвинул ей бумагу.

Екатерина взяла бумагу и снова глянула в окно, думая все о том же. Ах, если бы они сбежали, как она расправилась бы с этим человечешкой.

Нейман видел, что творится с Екатериной и стал еще более нахален. Он подошел к Екатерине, хлопнул ее своей вялой рукой по плечу.

— Э-э-э! Что тебе какой-то там хлеб в стогах? Дочки дороже всего на свете: ты мать. Я ведь тоже отец и для меня дороже всего на свете дети мои. Вот как. Подпишись. Не то дочки твои перестанут уважать тебя.

У Екатерины закипело сердце:

— Наши дочки научились уважать честных людей и презирать трусов, особенно вот такую дрянь, как ты. — и, скомкав лист бумаги, она кинула его в лицо Нейману.

— А-а-а! Сумасшедшая! Раздеть ее! — крикнул он солдатам. — Раздеть и выгнать на улицу.

Солдаты были, очевидно, опытные: несмотря на то, что он крикнул им это на русском языке, они кинулись на Екатерину и сорвали с нее одежду. Они хватили ее грязными лапами, они выворачивали ей руки, они щипали ее, били ее кулаками под лопатки. А когда волна густых волос с головы упала на обнаженную спину, Нейман поджег их.

— Как судака, изжарю, — крикнул Нейман.

Екатерина, крепко сцепив зубы, молчала.

Ночью вдруг на деревне раздался душераздирающий крик. Крик этот вырвался из хаты Екатерины. Он пронесся в морозной ночи вдоль порядка, поднял на ноги встревоженных людей. Люди

выбегали из хат, прислушивались к крикам Екатерины, грозя кулаками, тихо произносили:

— Истязают. Екатерину истязают. Ах, ты-ы!

Безо всякой команды, в тот час, когда крики Екатерины уже умолкли, деревянная бесшумно поднялась — женщины, мужчины, старики, дети, — и все скрылись в лесу.

Туда, в густой лес, на заре агроном Любин и делопроизводитель Борисов принесли, закутанную в одеяло, мертвую Екатерину. Она была убита штыком в живот. Волосы на голове были спалены, а на правой щеке зиял шрам от удара плеткой.

Тут под березками вырыли ей могилу.

Кто-то сколотил гроб. В гроб Екатерину положили молча, без слез; молча, без слез, опустили гроб в могилу и засыпали землей.

Агроном хотел было сказать что-то большое, чтобы каждого проняло до глубины души, но, глянув на людей, понял, что им много говорить не надо, и произнес только несколько слов:

— Убили! Какой кровью расплатятся они?!

После этого все, взяв каждый щепотку земли с могилы Екатерины, тронулись через густые леса, через болота туда, к своим братьям, сестрам, сыновьям...

Выглянуло солнце. Растопило золотистые, замерзшие сережки на березках. С сережек начали падать капли, и, казалось, березки плачут над могилой Екатерины.

А в ночь в деревню Вилки ворвались, во главе с агрономом Любиным, партизаны, вооруженные острыми топорами, и вырубали немцев. Затем со всех концов подожгли деревню и скрылись.

ЧЕЛОВЕК НА ГОЛОЙ ЗЕМЛЕ

1.

Фронт дрогнул — немцы покатались, бросая вооружение и опустошенную землю. Обычно немцы очень крепко держались за деревушки, города, высоты, а тут покатались неудержимой лавиной. Вскоре знаменитая высота Н., которая в

течение тридцати шести дней не раз переходила из рук в руки, осталась позади. Когда высота окончательно была взята, в одном окопе мы нашли на стенке надпись на ломаном русском языке: «Товарищи. Бейте в морду Гитлера и его банду». По этой надписи все догадались, что передовые, оголтелые отряды Гитлера уничтожены, что из тыла он вызвал тех, на кого не совсем надеялся. Улыбнулись и пошли преследовать врага, забирая у него наши поля, наши леса, наши деревеньки, города, — и города, деревеньки, поля, леса, до этого сумрачные, затаенные, вдруг стали радостными, близкими.

Майор Шилов сегодня решил прохаться вдоль линии, побывать в полках, дивизии, повидаться со своими фронтовыми друзьями.

— Я только возьму с собой Ураза Бузакарова. Люблю этого юношу, — сказал он.

— Почему он стал такой молчаливым, Ураз?

— Тоскует. С того дня, как потерял Егора Ярцева. Удивительный парень: открытый, бесхитростный.

— Кстати, есть ли у вас сведения о Егоре Ярцеве и Левченко?

Майор развел руками:

— Знаю, что по ту сторону орудует отряд партизан. Судя по лихим налетам и некоторым сведениям, этим отрядом руководят такие люди, как Ярцев и Левченко. Может быть, и они. Но это только моя догадка. Я думаю, ведь если бы они были живы, то, наверное, как-то дали бы нам знать о себе.

В машине Ураз Бузакаров сидел рядом с майором. Ураз был мрачен, все время тревожно оглядывался по сторонам, а когда подъехали к Черной реке, он чуть привстал и проговорил:

— Вот тут... вот тут, товарищ майор, мы тогда переходили с товарищем Ярцевым. Тогда на реке еще не было льда и мы ее переплыли. Ух! Вода была холодная, очень холодная: она нас жгла, как огонь. Вот тут...

Майор повернулся к нему и, положив руку ему на колено, тихо сказал:

— Ураз. Найдется ваш друг. И не думайте о нас плохо: мы все верим вам и знаем, если бы потребовалось умереть за Ярцева, вы умерли бы. Знаем.

Ураз пристально посмотрел в глаза майора и тоже тихо произнес:

— Я не покидал его. Он приказал мне догнать партизан, которые на руках несли комиссара Левченко. Он сказал мне, чтобы я предупредил о собаках. Немцы выпустили на них собак-овчарок. Они такие... как волки. Я кинулся вслед за партизанами и тут увидел, как по тропе несутся две собаки. Я вскинул винтовку и одну за другой уложил их. Потом я догнал партизан. Я им сказал все, что было мне приказано. Затем я подошел к комиссару Левченко и простился с ним. Простился и кинулся обратно... и уже не нашел товарища Ярцева.

Он еще долго рассказывал нам о том, как переправился через линию фронта, и по всему было видно, какая-то дума запала на сердце Ураза Бузакарова: он боялся, что ему не верят, и это мучило его, — но больше мучило другое — то, что он потерял своего друга.

— Ничего. Вы не обижайте нас: мы вам верим, Ураз, — сказал майор.

Тогда Ураз протянул руку и тут же отнял ее, видимо, во-время вспомнив, что он рядовой боец, а Шилов командир полка. Но Шилов улыбнулся и сам протянул руку.

— Будь здоров, Ураз, — сказал он.

2.

Ветер зыбкий, злой носится по изуродованным, чуть-чуть покрытым белесым снегом, полям. Поля изуродованы взрывами снарядов, мин, окопами, норами, противотанковыми рвами, воронками от фугасных бомб.

На пригорке село. Березы обуглились, стали черные. Села, собственно, нет, торчат только остатки полуразрушенных труб, да на одной обугленной березе висит лемех от старого плуга. Это было. Оно каждое утро возвещало жителей села, что взрослым пора за работу, малышам — в школу. А вечером гудело оно и звало людей на покой.

Вот и все, что осталось от села... и носится по этим опустошенным, разрушенным местам злой, зябкий ветер и скрипит обугленная береза.

Шилов со спутниками идет улицей, если все это еще можно назвать улицей. По обе стороны груды развалин, под ногами то-и-дело попадаются осколки снарядов, гильзы, поломанные колеса, помятые немецкие каски... а вон, чуть в стороне — в овраге, длинный ряд крестов. Почти на каждом кресте, как голова, торчат почерневшие, помятые, пробитые пулями немецкие каски.

Майор Шилов стоит на бугорке. Ветер рвет на нем серую шинель. Шилов смотрит на разрушенное село, на изуродованные поля, на овраг, усеянный крестами, на прокопченные березы.

Майор что-то хотел сказать, но в ту секунду из щели показалась голова человека и мгновенно скрылась. Он только и успел заметить, как страхом блеснули глаза. А то, что лицо все заросло спутанными волосами, что на голове у человека какая-то самодельная шапка — не то из мешка, не то из брезента — это рассмотрел уже потом.

— Кто там? — спросил Ураз и собою загородил выход из щели.

Ответа не было.

Ураз взялся за гранату.

Засвистел ветер и заскрипела обугленная береза — жалостно и тоскливо.

— Кто там? — наклонясь, крикнул Ураз.

И вот из щели послышался глухой, придавленный детский писк, затем снова появилась голова, и только тут стало видно, что лицо у человека испещрено морщинами и один глаз косит. Человек отвел руку с гранатой Ураза и весь придавленный, прибитый стоял перед ними, растерянно открыв рот, и вдруг закричал, хлопая себя ладонями по тощим бокам:

— На... На... наши! Э-э-э! Наш-и! — и, повернувшись, еще громче крикнул в сторону пепелищ: — Наш-и-и-и! — Уже не зная, что делать, он прыгал около нас, ощупывал нас и, захлебываясь, радостно твердил: — А я думал те... А это наши... На-а-аши-и-и! Эка! Наш-и-и!

— Да вы-то кто? — прервал его Ураз.

— Я-то? Да я-то ведь это... хозяин двора, — он показал рукой на пепелище и снова как-то весь погас, протянув еле слышно: — Двора!? Вот те и двора. Ни кола, ни двора... Вот те двора... Да-а-а, — и человек закутался в полы драного пиджачка, весь дрожа от пронизывающего ветра и волнения. — У меня ведь это... тоже сын, Пшенцов. Рифметик был. Бывало, как что, все село к нему — считай, Вася. Он раз, раз и готово. Маленький это когда был. А потом вон, где учит людей — в Москве. Вон где. Профессор. Сын-то у меня... Советская власть ему путь-дорогу открыла — вот кто. А тут пришли: «Меняй советскую власть на немецкую сласть». Как же? Сласть. Вот она сласть, — с остервенением он ткнул рукой в пепелище. — Жили мы. Строили. Горбом своим строили, а они пришли и сожгли. Вот те и «немецкая сласть».

Майор Шилов шагнул к нему и, сжав эго в своих объятиях, крепко поцеловал. Затем отвернулся, сказал:

— Ветер какой, — и украдкой смахнул слезы.

Пшенцов некоторое время стоял, недоуменно глядя на Шилова, и весь вдруг расцвел:

— Целуется. Вот — на! Целуется. Экий. А-а-а! Да это ты за что меня?

Шилов рассказал, что он знает сына Пшенцова, математика, профессора. Он умолчал только о том, что несколько месяцев назад, во время боя за высоту Н., политрук Пшенцов был ранен и скончался. Об этом Шилов не сказал, а просто еще раз подошел к отцу Пшенцова, обнял его и снова поцеловал.

Пшенцов, очевидно, что-то почувствовал. Он долго смотрел на Шилова и тихо произнес:

— Письма что-то давно от него нет. Впрочем, мы ведь под немчушкой были два с лишком месяца... Может, письмо где и есть. А вы вот что, чего на холоду-то? Идемте-ка ко мне в хату, — и тут же спохватился. — В хату? Хаты-то и нет... А там — темно, — показал он на щель. — Мы, вроде, люди на голой земле. Вот ведь чего. Да ничего.

Прогоним зверя и опять — давай только. Построим.

Пока шла беседа, откуда-то со стороны стали собираться люди. Они подходили робко, но как только увидели, что приезжие не чужие, так сразу глаза у всех засияли и кто-то со вздохом произнес:

— Наконец-то! Наконец-то, наши пришли. И-и-и! Тут-то чего творилось без вас.

— Курятину любили, ух, как. Как курицу увидит, так цап ее, и в котелок, водки достанут и лопают. — Пшенцов распахнул полы пиджачишка, как будто ему стало очень тепло, и шагнул к щели. — Да ничего. Духом не падаем, — это и есть наш главный козырь. Живем! Одна курица на все село уцелела, а мы живем! Петька! — крикнул он в щель. — А ну-ка, покажи красавицу нашу. Ну-ка!

Из щели выбрался мальчик лет шести-семи, тоже весь оборванный, с перепуганными глазами. Он держал в руках пеструю курочку. На шее у курочки голубенькая ленточка, такие же ленточки на ногах. Мальчик еще не успел подойти к нам, как его окружили владельцы сожженных хат, и курочка пошла по рукам. Ее гладили, ее называли самыми ласковыми именами.

А Пшенцов, весело улыбаясь, рассказывал:

— Вот ведь какая разумная. Спаслась. Чуть свет — в поле бегала, а как вечер, так ко мне в щель. Соображает: дескать, в руки немцу не попадайся — сожрет. Одна на все село спаслась. На развод нам. У-ух-ты-ы, умница, — и он погладил курочку.

И люди снова принялись называть курочку самыми ласковыми именами. Только одна женщина, заложив ладони подмышки, стояла в стороне. По виду ей было лет двадцать пять. Густые ее брови были чуть сдвинуты, а из-под них смотрели большие карие, тоскующие глаза. На щеках играл густой румянец, такой густой, что, казалось, вот он зальет все лицо. Да и ото всей ее фигуры веяло чем-то хорошим, материнским.

Она подошла к майору Шиллову, заулыбалась, и лицо ее стало ласковым, притягательным, простым.

— Смотрю на вас и признаю, вроде вы товарищ Шиллов?

— Он, — ответил Шиллов. — Он.

Тут все повернулись к Шиллову.

Женщина протянула ему руку, сильно встряхнула ее:

— Спасибо вам хотим сказать... Я еще хочу спросить вас, где Егор-то? Ну, Ярцев Егор?

Ураз Бузакаров кинулся к ней и закричал:

— Ольга? Да? Ольга? Да? Егорка милка? Да?

— Жена,—ласково ответила Ольга.— Милкой была, когда в девках гуляла. А теперь — жена. Что ты?

Майор Шиллов отвел ее в сторону и несколько минут о чем-то говорил с ней.

Затем гости простились со всеми, сели в машину и поехали... И еще долго, долго с пути видели они погорелое село, обугленные березы, полураздетых, озябших людей.

— В окопы. Домой, — сказал майор Шиллов. — Мстить надо.

ЖИЗНЬ

1.

Гурьев — это пески, это — высокие, до черноты, зеленые травы, это широкие просторы, глазом не окинешь. И пасутся среди жирных трав скакуны — башкирской, калмыцкой породы, и ходят тучные стада коров.

Оттуда, из-под Гурьева, пришел золотоглазый, чуть-чуть раскосый Ураз Бузакаров, рожденный в восемнадцатом году. Он еще очень плохо говорил по-русски, но у него был пытливый ум, неиссякаемая энергия и страшная жажда побеждать.

Когда ему только-что стукнуло семь лет, отец, по обычаю прадедов, вскинул его на неоседланного коня, подхлестнул коня и пустил в степь. Конь сорвался с места, как бешеный, и помчался по песчаным дюнам, разрезая высокие травы, стремясь сбросить со своей спины неопытного ездока. Но Ураз, как клец, вцепился коною в приву и держался до

той поры, пока конь не примчался в табун столь же быстроногих скакунов. Тут пастух снял Ураза с коня, сказал:

— Крепкий будешь. Настоящий мужчина.

Вот такой он — крепкий, настоящий мужчина — и пришел в полк майора Шилова. Ураз попросился, чтобы его допустили до пулемета.

— Степь наша дает нам хороший глаз, — сказал он. — Очень хороший глаз. Вы видите, что делается там на далекой поляне? Нет? Не видите? А я вижу. Степь учит глаз далеко видеть.

Вскоре он хорошо усвоил русский язык. Когда он шел с занятий или в свободное время выходил на опушку леса, чтобы из-за нее посмотреть вдаль, его обязательно окликали:

— Ураз. Заходи к нам. Расскажи что-нибудь или песню спой.

И он рассказывал про море, про песчаные бури, про то, как надо ловить рыбу, как обучать коня, или пел свои песни — унылые и трогательные. Однажды он рассказал, как сломалась его мечта. Он учился. Окончил десятилетку и думал поступить в астраханский Рыбный институт.

— Я люблю ловить рыбу. Не удочками. Нет. А неводом. О-о! Закинем невод, и целые косяки, пять-десять тысяч пудов рыбы! О-о! Рыба в неводе, как каша: бросишь палку, палка торчит, не тонет. А какую мы пели песню! Слов немного, совсем мало: «Ну-ка наша, наша, эй». Все слова. Только каждый поет в свой такт. Один поет «Ну-ка», другой — «наша», третий — «эй». И получается, как море. Каспий! Это такое море. Такого моря больше на земле нет.

— Ну да, нет, — возразили ему.

— Нет. Такого больше в мире нет. Оно очень красивое, когда тихо... оно ласковое, особенно, когда солнце садится за воду. Но когда буря — тогда держись, разбрасает по косточкам. Вот какое море!

Ураз Бузакаров в боях был уже несколько раз ранен, но никогда не покидал свой пулемет. Совсем недавно во время боя он был ранен в ногу. К нему подбежал сосед пулеметчик и сказал:

— Ураз, давай я тебе сниму сапог.

— Если ты будешь снимать мне сапог, твой пулемет останется сиротой, — ответил Ураз. — Нет, ты строчи, а я отползу в лесочек и там сам сниму сапог.

Вечером после боя к нему зашли его товарищи. Ему принесли вареной баранины — любимое блюдо. Ураза хвалили за выдержку, за храбрость, но он сказал самое простое:

— Что ж, родину защищал, себя защищал. Я не хочу умирать, родина не хочет умирать, и я буду драться.

Но самый сильный бой был сегодня.

Сегодня чуть свет немцы, укрепившись в селе Большое Дно, прикрывая собой отступающие части, неожиданно пошли в атаку. То ли им разведка донесла, что в полку у майора Шилова не так-то много живой силы, то ли им было приказано «маневрировать», только в самую рань, из-за села, слышался гул и безалаберная стрельба автоматчиков. Вскоре майору Шилову стало известно, что враг ринулся не справа, откуда слышался гул, а слева, где было совсем тихо. Враг обманывал, перехватив прием у Шилова.

Шилов улыбнулся и послал на шум Ураза Бузакарова и его приятеля с двумя пулеметами.

Получив приказ, Ураз занял место около опушки и, несмотря на то, что было еще почти темно, он своим зорким степным глазом рассмотрел шумливого врага и открыл по нем пулеметный огонь. И немцы смолкли. Но вскоре по той самой опушке, где засел Ураз Бузакаров и его приятель, немцы открыли яростный минометный огонь. Огонь сносил деревья, рвал их с корнем, земля вздымалась и сыпалась на пулеметчиков, как из вулкана. Было желание — страшное, непреодолимое желание перебежать с пулеметами на другое место, хотя бы вон туда, к канаве, где было тихо и где — это тоже было еле заметно — ветер колыхал поседевший от инея кустарник.

— Приказ, — сказал Бузакаров. — Приказ командира надо выполнять точно. Не то мы можем спасти себя, но угубим товарищей своих. За выполне-

ние приказа пускай огонь минометов растерзает меня, но я не двинусь с места, — и снова пустил очередь по невидимому врагу, угадывая по слуху, что враг вон там — впереди за канавой.

И вдруг Ураз Бузакаров увидел, как слева от него, перебираясь через овраг, срстаясь с землей, с поседевшими травами, поползли люди. По каскам в темноте было трудно разобрать, кто это — наши или враги. Но у Ураза Бузакарова глаз острый, и он крикнул своему приятелю:

— Огонь!

И в эту же секунду оттуда, от оврага, послышались голоса:

— Свои! Свои! Не стреляйте!

— В самом деле, своих перебеешь, — предупредил Ураза приятель.

— Огонь, — яростно закричал Ураз и пустил очередь из своего пулемета.

Тогда те, кто полз от оврага, вскочили и с криком «ура» кинулись вперед. Но у Ураза Бузакарова не только зоркий глаз, но и острое ухо. По звукам он определил, что это «ура» кричат немцы.

— Они кричат «ура», — сказал он своему приятелю, — так давай заставим их кричать «караул», — и тогда два пулемета начали косить врага.

Враги дрогнули, побежали, вскидывая руки, бросая винтовки, а два пулемета косили их, кидая на землю.

— Ого! Давай! Давай! Давай, голубчик, — одобительно засмеялся Ураз и тут же увидел, как совсем недалеко от него разорвалась мина. — По нас. Пристрелялись, — и Ураз хотел было откатить свой пулемет, но не успел: рядом с ним разорвалась одна мина, потом вторая... и вот шквал земли оторвал его от пулемета, бросил в сторону. Ураз почувствовал, как в глазах у него позеленело, руки вцепились в землю — в поседевшие замёрзшие травы, а губы сами собой с жадностью начали хватать снег.

2.

Вечером Ураз лежал в госпитале. Он был ранен осколком в спину, в позвоночник. За ним ухаживала врач Антонина Маленькая, и ему было приятно прикосновение ее крохотных, но цепких рук.

— Ураз, — говорила она. — Вы знаете, сегодня сюда пришла Ольга — жена вашего друга Егора Ярцева. Она хочет работать у нас в госпитале. Вы не забыли своего друга Ярцева?

Антонина Маленькая знала, что с ранеными всегда надо говорить о самом дорогом для них.

— Ага! Ага! — сказал Ураз и хотел было подняться, но боль в спине приковала его к постели. — Вы позовите ее ко мне, — и Ураз улыбнулся. — Я сохранил открытку. Ольга когда-то прислала ее товарищу Егору, и я, когда мы покидали окопы, разыскал открытку в блиндаже Ярцева и вот взял с собой.

В это время в палату вошли два человека. Один из них бородатый, другой бритый. Бородатый человек вел под руку бритого, как иногда ведут слепого. Они оба стали в дверях, и бритый, почему-то повернув голову совсем в другую сторону, проговорил:

— Здравствуй, Ураз Бузакаров! Здравствуй!

Антонина Маленькая еще не успела рассмотреть гостей, как Ураз крикнул:

— Левченко! Товарищ комиссар Левченко!

— Здравствуй друг, Ураз Бузакаров, — сказал и второй, бородатый. Посадив Левченко на стул, он подошел к Уразу и, опустившись на колени, крепко поцеловал Ураза в губы — так целует брат любимого брата.

Ураз громко, по-детски засмеялся.

— Нос! Нос! — выкрикивал он, не в силах удержать смех. — Нос! Антонина... Маленькая... вы смотрите, в этой бороде нос Егора... Друга моего, Егора Ярцева...

И они все тесно сомкнулись около койки Ураза Бузакарова. И опять почему-то Егор Ярцев взял под руку комиссара Левченко и подвел его к столу.

«Не ослеп ли он?» — подумал Ураз и посмотрел в его глаза.

Глаза Левченко были свежи и даже чуть-чуть увлажнены слезами. Около него стояла Антонина Маленькая, и пальцы ее (а любовь человека ведь можно узнать по его пальцам) — маленькие, но упругие пальцы, ползали по его пле-

чу нежно и мягко. И по этим пальцам Ураз догадался, что Антонина Маленькая любит Левченко, совсем не так, как она любит всех.

— Ну, поцелуйтесь, — сказал он. — Поцелуйтесь, я прошу вас.

Левченко своей рукой провел по локтю Антонины Маленькой, и опять Ураз по его пальцам определил, что всё чувство свое Левченко передает Антонине Маленькой. Вот пальцы потянулись выше, добрались до плеча, затем прошлись по лицу Антонины, затем обхватили ее шею.

— Тоня! Милая моя Тоня... я вижу тебя, — тихо произнес Левченко.

Дверь в палату с шумом распахнулась и на пороге появился майор Шилов. Он был в своей постоянной, пробитой пулями шинели, веселый, радостный. Уже с порога он крикнул:

— Приветствую братьев моих!

Он шагнул вперед и замялся. Было странно: он ждал, что Левченко поднимется со стула и, как Егор Ярцев, кинется навстречу ему. Но Левченко только повел головой на приветствие, затем встал и, не отпуская от себя Антонину Маленькую, шагнул почему-то в другую сторону. И тут майор Шилов понял, что его друг комиссар Левченко слеп. Он сам подошел к нему, посмотрел в его увлажненные глаза и, обняв его, расцеловал.

— Вася! Милый мой, сердечный мой друг, Вася!

— Да. Вот так. Видят только руки, — и, протянув руки, Левченко обхватил ими маленькую Антонину.

— Били его... немцы... Мы ведь его сняли с качелей... Мы его сняли, а через два дня он ослеп, — объяснил Ярцев. — Но мы потом им за глаза нашего комиссара дали жару, — добавил Ярцев, забирая в кулак свою бороду и улыбаясь молодыми глазами.

Левченко тоже улыбнулся. Он протянул правую руку и, оцупывая ею майора Шилова, тихо проговорил:

— А ты все такой же, друг мой. Верно, от тебя сильнее пахнет порохом.

— Да и от тебя им пахнет, — ответил майор. — Слышал и знаю, что вы делали со своим отрядом партизан там, в тылу. И знаю не только я. Родина знает о ваших делах.

Они сидели в палате у кровати Ураза Бузакарова и наперебой рассказывали о том, как жили эти месяцы, как дрались, что чувствовали, как продвигались вперед. Антонина Маленькая опустилась на пол, рядом с Левченко, и, положив свои руки ему на колени, смотрела ему в глаза — нежно, любяще. А Левченко рассказывал свою историю.

И вот в палату вошла Ольга.

Она стала на пороге, не прикрыв за собой двери. Казалось, она качается и вот-вот упадет. Егор Ярцев кинулся к ней и обнял ее.

— Ненаглядный, — только и произнесла она.

И они оба вышли в открытую дверь.

А те, кто остался в палате, еще долго через окно молча смотрели на то, как Егор и Ольга пересекли двор и скрылись в далекой хате.

Два стихотворения

АЛЕКСАНДР ЗОЛУШКИН

★

НАСТУПЛЕНИЕ

Уже зима — сосну окутал иней,
Стоят морозы, мечутся ветра.
Когда в поля выходишь ты с утра,
Все кажется необычайно синим,
Каким-то незнакомым и чужим...
В такое время я шагал сквозь дым,
Сквозь дым и снег. Гремели батареи,
Ворочал землю ротный миномет,
А мы в атаке двигались вперед.
Уставшие, мы, силы не жалея,
Шли по снегам на лютого врага.

Мы долго шли, в ушах у нас гудело,
Мороз крепчал... Тепла хотело тело.
Но что тепло, когда вблизи враги,
Кругом снега и не видать ни зги.
А за плечами милые селенья,
Родные дети, жены, сыновья...
Последнее тяжелое мгновенье,
И дрогнула могучая земля.
Еще удар, еще один удар,
Горячий дым, взвиваются знамена...
И бросились в атаку батальоны,
И впереди товарищ комиссар.

★

ТРИ БЕРЕЗЫ

Вот плетень, а вот за ним и хата,
Смотрит в окна сонная луна.
Три ступеньки лесенки горбатой,
В хате спят германские солдаты.
Тишина повсюду, тишина...
А за хатой тонкие, седые
Три березы смотрят на восток.
Тихо-тихо, только часовые
Молчаливо ходят у дорог.
Три березы, три остывших трупа
И тугой намыленный канат.
Лютый ужас подступает туло,

Глотку жмет испуганных солдат.
Злобный ветер пошатнул березы,
Пролетел в порыве у окна,
Чудится солдатам — при морозе
Мертвые воспряли ото сна.
Жутко немцам, жутко...
Тишина...
Время шло...
И утром увидали,
Там, у хаты, около двора
Часовые мертвыми лежали —
Местью трех повешенных вчера.

Юго-Западный фронт.

Война

ВЛ. СТАВСКИЙ

Пьеса в 4-х действиях

★

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Макаров Петр Иванович — старый ленинградский рабочий, металлист.

Марфа Петровна — его жена.

Капитан Макаров — их старший сын.

Иван Макаров — их младший сын.

Валя — их дочь, студентка строительного института.

Ольга Ивановна — жена капитана Макарова.

Петя — сын капитана Макарова, школьник.

Володя — товарищ Пети.

Анна Михайловна — донор.

Лейтенант Горленко — товарищ капитана Макарова.

Комдив.

Начальник штаба.

Командир полка.

Старший лейтенант.

Командир-таежник.

Штабной командир.

Политрук Семенов.

Красноармеец Щеглов.

1-ый связист.

2-ой связист.

1-ый красноармеец.

2-ой красноармеец.

Красноармеец-наблюдатель.

Зав. военным отделом в Смольном.

Техсекретарь в Смольном.

Кировец.

Командиры, красноармейцы, рабочие ленинградских заводов.

Действие происходит в 1939—1940 гг. во время войны с белофиннами.

★

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Большая уютная столовая в квартире старого металлиста Макарова Петра Ивановича. Два больших окна и дверь на балкон. Видна панорама Невы, ростральные колонны. За Невой стройный и легкий купол Исаакия, сверкающий шпиль Адмиралтейства. Солнечные зайчики на праздничном столе, на полу, застланном цветными половиками. На стенах — портреты вождей. На подоконниках цветы. В углу отличный радиоприемник. У одной стены буфет. У другой — диван. Посреди комнаты круглый массивный стол, накрытый скатертью. Над столом модель парусного корабля. На буфете и на спинке дивана тоже модели кораблей — парусных, паровых, теплоходов, военных — всюду корабли.

Макаров (выходит из двери слева. В жилетке. Свежевыбригтый. Усагтый. Грозный и веселый). Мать, а мать! Да где ты, Марфа Петровна?

Марфа Петровна (выходит из двери справа. Раскрасневшаяся. Вытирает руки о чистенький серенький фартук). Чего встал? Полежал бы еще, отдохнул в праздник!

Макаров (*улыбается приветливо*). А я уже отоспался. Сейчас с депутатскими письмами разберусь, почитать тоже хочется. Ну? (*Идет к ней.*)

Марфа Петровна. Что еще придумал?

Макаров (*грозно*). А вот и придумал! (*Обнимает ее и целует.*)

Марфа Петровна. Что ты, Петр Иванович! На старости-то лет!

Макаров. Э-ге! Взгляни-ка на меня, взгляни! Так. Глаза ясные. Какие мы старики? Да на нас с тобой против старости броня, как на танке.

Марфа Петровна. Головушка ты моя удалая...

Макаров. А ты свою голову выше держи, Марфа Петровна! Мы с тобой у нашей родины не в долгу. Два сына командиры, дочь в вузе...

Марфа Петровна (*перебивает его*). На сердце неспокойно.

Макаров. Ну, вот! Ты же у меня — кадровая! Сколько вместе прожило. Вспомни-ка!

Марфа Петровна. Скажи прямо — война? Куда ни пойдешь — только и слышно про войну. Знаю, все вижу, все понимаю. Да ведь сердце-то у меня материнское. А уж как про Ванюшу подумаю, места себе не найду. Будет ли когда на земле время, чтобы матерям из-за войны по сыновьям не убиваться? Хоть бы денек-другой в ту пору пожить! Видно, и не доживешь!

Макаров. Как не доживешь? До такой жизни добились — сами хозяева, теперь только жить-поживать и добра наживать. Ну и... Гм... Да... Насчет войны? Уши надо держать топориком!

Марфа Петровна. То-то и оно! Уши топориком, а на сердце прямо огонь печет! Заговорила с тобой. Пойду уж. Рыбкой хочу тебя угостить.

Макаров. Давай, давай, Марфа Петровна! И не кручинься, смотри!

Марфа Петровна. Ладно, ладно. (*Уходит.*)

Макаров (*шагает по комнате*). Вот оно какое дело, братцы-ленинградцы! Марфа-то Петровна соображает. А за письма садиться надо! (*Идет к столу, берет по пути книгу и тетрадь с*

радиоприемника, садится за стол, раскрывает и книгу, и тетрадь.) Чего это она об Иване так сказала? А, Иван, какой-то ты нездешний растешь! Поговорить все некогда. (*Из двери справа слышен звонок. Макаров быстро идет в дверь.*) Кто это спозаранку? (*Тотчас же слышен его веселый возглас.*) Василий!

(Густой решительный бас отвечает: «Здорово, батя!» В столовую входят капитан Макаров под руку с отцом, позади лейтенант Горленко.)

Макаров (*радостно взволнованный*). Ох, Вася, и обрадовал! С матерью не встретился? Только-только вышла.

Капитан Макаров. Во все гляделки глядел, когда к дому подъезжал. И проглядел. Вот досада-то!

Макаров. Скоро вернется.

Капитан Макаров. А где же все наши? Извини, батя. Это мой сослуживец, боевой товарищ.

Лейтенант Горленко (*вытягивается, улыбаясь*). Лейтенант Горленко.

Макаров (*пожимает ему руку*). Я по-домашнему. Петр Макаров. (*Шутливо, оглядывая командиров.*) Лейтенанты, капитаны! Скоро и генералами будете.

Капитан Макаров. Наверняка. Где наши, батя?

Макаров. Петя и Валя дрыхнут без задних ног! Иван в школе. А жена твоя в институте пропадает. Вчера вечером ждали, звонила: остается на ночь у больной.

Капитан Макаров (*одергивает гимнастерку, ремни*). Пожалуй, я съезжу.

Макаров. Куда? Что надумал? Не терпится?

Капитан Макаров. Знаешь, батя...

Макаров (*сразу посерьезнев*). Ты надолго, Василий? Прямо говори! Ну?

Капитан Макаров. С запада моя часть переходит на границу. Дело острое, батя.

Макаров. А может, так обойдется? Наши-то из Кремля, может, так все уладят? Дел, Вася, много по всей

нашей стране. И у нас на заводе — какие машины строим!

Капитан Макаров. Соседи обстреляли уже наши часки на границе. Есть убитые. Раненые. Пока — секрет. Может, вечером будет в «Последних известиях». Чего же теперь ждать?

Макаров. Вот оно что! Задирают, черти!

Капитан Макаров. А чего ты от них хочешь, в конце концов? Вот что, батя! Я к Пете зайду, потом съезжу за Ольгой. Время считанное!

Макаров. Ступай, действуй!

Капитан Макаров. А Михаилу разреши, пожалуйста, остаться здесь.

Макаров. Милости просим!

Лейтенант Горленко. Спасибо, Петр Иванович!

Капитан Макаров (улыбается им). Ну, я побежал! (Уходит в дверь налево.)

Макаров (лейтенанту Горленко). Вот, какие дела-то, товарищ командир. А вы что не садитесь?

Лейтенант Горленко (садится). Спасибо.

Макаров (ходит по комнате). Гм... Да... Давно такого под Ленинградом не было.

Лейтенант Горленко. Ой, и треба добре вдарить!

(Из двери справа слышен восторженный крик: «Папа!»)

Макаров (взволнованно). Петя обрадовался. Петушок!

Лейтенант Горленко (улыбается). Василий Петрович рассказывал про него.

(Из двери слева слышны смех, возня.)

Макаров. А вы что же, товарищ командир, с Украины?

Лейтенант Горленко. Нет, я кубанский казак.

Макаров. Казак? А почему же вы в стрелковом полку, в пехоте?

Лейтенант Горленко. Петр Иванович, в кубанском казачьем войске с истари веков пехотные батальоны были. Может, слышали, — про пластунов. Так то же казачья кубанская пехота. Ох, и лихо действовали пластуны. С тех

пор говорят: ползать по-пластунски. А уж это значит — проползти так, что и заметить тебя нельзя!

Макаров. Понятно.

Петя (вбегает, надевая находку ружья). Дедушка, папа приехал! (Остановившись, смотрит на Горленко.) Здравствуйте, товарищ командир! Вы с папой?

Лейтенант Горленко. Точно, Петя.

Петя. Дедушка, теперь мы их спросим, могут пушки стрелять через горы или нет?

Капитан Макаров (входит смеющийся, веселый). А вот мы поедем за мамой, дорогой поговорим. Умывайся скорее!

Петя (убегает в дверь направо). Момент!

Капитан Макаров (улыбается, глянув вслед сыну). Растет! Как на дрожжах!

Макаров. Наша макаровская порода!

Горленко. Совершенно точно!

Макаров (в раздумьи). Вася, скажи — очень серьезно положение?

Капитан Макаров. Да, батя!

Макаров (в грозном гневе). Помню — в конце семнадцатого года финны получили от нас государственную независимость. Декрет подписал Владимир Ильич Ленин. Во ВЦИКе доклад об утверждении этого декрета сделал Иосиф Виссарионович Сталин. А соседушки от ветили на наше добро... Три интервенции в Карелию сделали? — Сделали. С Юденичем на наш город наступали? — Наступали. Советскую нашу страну травили? — Все время травили. И опять — провоцируют!

Капитан Макаров. В том-то и дело.

Макаров. Надо дать по рукам крепко дать!

Капитан Макаров. И дадим.

Макаров (спохватившись, встревоженно). Вася, не забудь: мать не расстраивай, осторожно ей рассказывай. Ну, что же это мы? Надо бы ринькинуть со свиданьем!

Капитан Макаров. На смородинном листу?

Макаров. Есть и на смородиновом, весеннем листочке и еще — моя секретная.

Капитан Макаров (смеется). Знаю твою секретную! Попробовали тогда. Всю глотку обожгло.

Лейтенант Горленко. Моя мать тоже такую настойку делает — стенолаз!

Петя (вбегает). Поехали, папа!

Капитан Макаров. Ясно!

Макаров. Да я вас провожу. (К лейтенанту Горленко.) Извините, я сейчас.

Лейтенант Горленко. Пожалею.

(Они уходят.)

(Смотрит в окно.) Ой, просторно! А, старый кремль! Ух, кремль!

Валя (врывается в столовую бурей из двери слева). Василий, где же Василий? (Увидела лейтенанта Горленко, мгновенно взбила огненные кудри.) Михаил!

Лейтенант Горленко (обернувшись к ней и улыбаясь). Здравствуйте, Валя!

Валя. Расскажите, как вы воевали.

Лейтенант Горленко. Нам и повоевать как следует не пришлось.

Валя. Эх, почему я не мужчина? Мне бы там с вами за пулеметом быть!

Лейтенант Горленко (явно лобуетя ею). Что же вы в наши силы не верите? Неужели ж мы без женщин врагов не расколошматим?

Валя (упрямо). Это вы в наши силы не верите! Мы можем любое дело и на войне не хуже вас сделать.

Лейтенант Горленко (оживленно). Валентина Петровна, до чего же вы на Василия Петровича похожи!

Валя (так же упрямо). Вот, вот! С головой себя выдаете! (Передразнивает.) «До чего вы похожи!» А почему не он похож? Скорее бы институт кончить, уж и покажу тогда, кому на кого надо быть похожим!

Лейтенант Горленко. В каком институте вы учитесь, Валентина Петровна?

Валя. В строительном. Гражданских

сооружений. Это с детства у меня — строить, строить, строить! Отец сейчас строит... вам можно сказать... танки, а дочь будет строить дома, дворцы.

(Входят Макаров и Иван Макаров, в руках у него горшок с цветами, обернутыми бумагой.)

Макаров. Эге! Вы тут уже познакомились!

Валя. Да мы еще с тех пор знакомы, когда я к Василию в лагеря ездила. Перед походом.

Макаров. Ну и ладно! А это — мой Иван.

Лейтенант Горленко (встает, очень приветливый). Знаю вас по рассказам Василия Петровича. Лейтенант Горленко.

(Здороваются.)

Валя. Ваня, какой ты сегодня парадный! И подтянулся, сапоги-то блестя! Почему кудри не завиты?

Иван Макаров (добродушно почесывая бровь). Сразу и щипаться, непесяда дорогая!

Валя (со смехом). Ваня, что ты там крутишь, это же не усы! Усы не там растут.

Макаров. Валентина, хоть бы гостя постеснялась!

Валя. Ну, вот! И слова сказать нельзя. Ве-е-село!

Макаров (хмурится). Гм. Да... Полно на боку дырку вертеть! Мы все, матушка, в твои годы...

Валя. Папаша, все известно. Мы все... под гнетом царизма... Страдания... Кровь... Знаю и преклоняюсь. Но ведь теперь-то не то время.

Макаров (подходит к столу, берет папку с письмами, отходит к окну, садится на диван). Вот тараторка! Ты ей слово, она тебе десять.

Валя (подходит и тербит упаковку горшка с цветами). Интересно, что тут такое?

Иван Макаров (отстраняет ее). Нет, уж я сам, подожди, матушка.

Валя. Я — матушка? Вы что, сговорились женщин обижать? Ну, вы (обращается к Горленко) хоть с фронта. А ты, ты... (Изображает Ивана Макарова.) Нежная чистюля! Ну, скажи,

чему ты научился там в своей военной школе? Чему?

Иван Макаров (*добродушно*). Стрелять из винтовки, из пистолета. На отлично.

Валя. Наши девушки из института лучше тебя могут стрелять! Еще что ты умеешь?

Иван Макаров. Плавать на отлично.

Валя. Я тебя обгоню. Еще что?

Иван Макаров. На лыжах бегаю.

Валя. Я с любой горы в Парголове скачусь. И с трамплина прыгну. А вы, товарищ лейтенант?

Лейтенант Горленко. Сколько жизни в вас, Валентина Петровна!

Валя. Это мне нравится! А ты, Иван, что ты еще умеешь?

Иван Макаров. Молчу, преклоняюсь, матушка!

Валя. Опять «матушка»? Ты сам тетенька! Тетя Ваня! И специальность-то у тебя бабья. Телефонист. Барышня? Центральная, дайте двадцать восемь два нуля!

Макаров. Валентина, ты бы показала гостю нашу стрелку Васильевского острова, рюстры.

Валя. В самом деле! Пойдемте-ка, товарищ лейтенант!

Лейтенант Горленко. С удовольствием!

Валя (*идет мимо Ивана*). Мне бы вместо тебя мужчиной родиться!

(Лейтенант Горленко и Валя уходят.)

Макаров (*встает, подходит к сыну*). Как же это стерпел, а? Стерпел, Иван. И слова не нашел.

Иван Макаров (*улыбается*). Пустяки, папа!

Макаров. Как пустяки? Где же твой характер, характер твой где? Василий — орел, Валентина — сам видишь. Мы с матерью не робкого десятка, за словом в карман не полезем. А ты?

Иван Макаров. Все это пустяки, папа!

Макаров. Душа у тебя должна быть горячая, да уж больно далеко жар лежит. Ну, скажи, как у тебя огонька достать?

Иван Макаров. Да зачем тебе этот огонь понадобился?

Макаров. Ему все, как с гуся вода. Кто ты такой, Иван? Помню, маленьким ты был, года четыре. Застал я тебя раз дома одного. Сидишь в углу, молчалив, смотришь перед собой. Что ты, Ваня? Молчишь. Ваня, Ваня! Отозвался, глаза чудные, нездешние. Что с тобой? Я задумался. Меня прямо ошарашило. Ему четыре года! Что же ты на всю жизнь задумался, что ли?

Иван Макаров. Папа, вот мы живем день за днем. Пролетают годы. В вихре времени и событий мы просто не замечаем многого, не задумываемся...

Макаров. Под самым нашим городом враг пушки в нашу сторону наставлял!

Иван Макаров. Они стояли всю мою жизнь. Меня в живых еще не было, эти пушки стояли. Мелькнуло детство, они стояли... Я окончил десятилетку, редакционно-издательский техникум, сейчас вот кончаю свой срок военной службы. А они все стоят!

Макаров. Как ты можешь это говорить, Иван! Ты же — завтрашний командир!

Иван Макаров. Мне присвоено звание младшего командира, папа. И для этого звания я подготовлен отлично.

Макаров. Душу надо приготовить, Иван. На войне душа понадобится крепкая, литая, как металл! Без единой трещинки!

(Иван Макаров подходит к столу, срывает упаковку, и на столе нежно засинел цветущий куст сирени.)

Иван Макаров. Полюбуйся, какая сирень!

Макаров. Она дорого стоит. Откуда у тебя деньги?

Иван Макаров. Командование школы за отличную учебу наградило меня. И как я рад, что мог купить подарок маме!

Макаров. Хорошо, Ваня, что ты помнишь и любишь мать!

Иван Макаров. Ты знаешь, какой человек наша мама?

Макаров. Гм... Да... Немного знаю. А зря я тебя около маменькиной юбки

оставлял без своего глаза, без своей руки! (С горечью.) Родина каждому дала права, открыла дорогу. Правильно! А ты что думаешь дать родине, философ? Цветочки!

Иван Макаров. Я тебя не понимаю, папа!

Макаров (с горечью). Не думал я этого, Иван, не думал! Тут, недалеко враги готовятся войной пойти на родину, на наш город!

Иван Макаров (невозмутимо улыбается). Да ты не волнуйся, папа!

(Входят в обнимку: капитан Макаров с Марфой Петровной, за ними Ольга Ивановна и Петя.)

Капитан Макаров. Вот и мы! Ваня!

Иван Макаров (бросается, обнимает брата). Василий!

Капитан Макаров. Мама, Оля, смотрите, какой Иван молодец! И звание уже получил! Младший командир Макаров!

Ольга Ивановна. Иван — теперь настоящий военный!

Макаров. Оставь, Ольга Ивановна. «Настоящий военный!»

Капитан Макаров. Интересно было бы посмотреть на тебя в бою!

Иван Макаров (с запалом, протягивает брату руку). Посмотришь, Василий! Руку! И уговор: если война — будем вместе!

Капитан Макаров. Идет!

(Жмут друг другу руки.)

Марфа Петровна (разнимает их). Будет вам! Еще накаркаете войну! Вася, ты постарше! Перестань, Ванюша, душа моя!

Иван Макаров (обнимает мать). Ничего, мама! А это тебе (кивает на сирень).

Марфа Петровна (взволнованно). Утешение мое! (С гордостью обращается ко всем.) И в детстве мой Ванечка самый ласковый был! Да я таких цветов и смолоду никогда не получала.

Макаров. Гм... Да... Ты уж, мать, полегче бы!

Марфа Петровна. А что — неправда, что ли? Ну, таскал, как вещи-

ки, ветки. Через чужие заборы за ними по весне лазил! Молчи уж, ухажор!

Макаров. Молчу! Комендор!

Марфа Петровна. То-то. А ты, Васенька, тоже хорош. Только появился — в драку-собаку. Как был задирал, так и остался.

Петя. Дедушка! А что, если сейчас рикикикнуть?

Макаров. Вот это дело сказал. Петр Васильевич!

Капитан Макаров. Поддерживаю.

(Входят лейтенант Горленко и Валя.)

Валя (обнимает брата). Василий!

Лейтенант Горленко. Мы увидели, как вы подъехали, и вернулись.

Капитан Макаров. Шумишь. Сестричка, все шумишь?

Макаров. Закусить бы чего, мать!

Марфа Петровна. Сейчас соберу.

Валя (подбегает, удерживает ее). Мамочка, ни с места. Я все сделаю сама.

Петя. Что это с ней сегодня? Какая деликатная!

Валя. Молчи, Петя! Мамочка, это лейтенант Горленко, из батальона Василия. Он — герой! Миша, мы будем сидеть вместе. (Убегает в дверь направо.)

Лейтенант Горленко. Очень рад с вами познакомиться в вашем доме.

Марфа Петровна. Милости просим.

Макаров. Ну, вот все и в сборе, мать! Садитесь-ка за стол, как кому по сердцу.

Ольга Ивановна (подходит к лейтенанту Горленко). Здравствуйте, Михаил. Можно мне вас так назвать? Василий так хорошо, так тепло мне писал про вас.

Лейтенант Горленко (смущенно). Здравствуйте, Ольга Ивановна!

Капитан Макаров. Я тебе и сотой доли про него не рассказал.

Петя. Расскажи сейчас, папа. Это про войну, да?

Капитан Макаров. Про войну, Петя, и про то, как он меня...

Лейтенант Горленко. Васи-

лий Петрович, не будем касаться, обещался ведь!

Ольга Ивановна (мягко). Вы мне потом все расскажете.

Лейтенант Горленко (признательно улыбается). Хорошо, Ольга Ивановна. До чего же у вас хорошо здесь! Нева, простор, прямо дух захватывает!

Ольга Ивановна. Да как же можно наш город не любить. Вы посмотрите-ка! (Подходит к окну, показывает рукой панораму.) И народ у нас такой же! Широкий и красивый!

Иван Макаров (взволнованно, с жаром). Как правильно, хорошо сказали, Ольга Ивановна! И город, и народ! Смотрите — это неудержимое стремление Невы, ветры Балтики, очарование белых ночей... И на ленинградцах — в их характере тоже: суровое мужество и мягкая лиричность!

Макаров. Это дельно сказано. Как же не любить наш город, он всей России дал толчок к новой жизни!

Марфа Петровна (ревниво). Васенька, где же ты уселся, за версту? Садись со мной.

Макаров. Пусть вместе сидят, мать!

Марфа Петровна. Выходит, мать только больным да маленьким нужна. Хорош, Василий, хорош! Приехал домой в кой-то веки и сразу к жениной юбке. Ольга Ивановна, пусти-ка его, пусти! Насидишься еще со своим муженьком! Какая жадная...

Петя. Бабушка! Мама вовсе не жадная! Мо-я мама хорошая, добрая! Мы сейчас за ней в институт ездили, нам там Анна Михайловна рассказывала: мама одну больную ночью от смерти спасла!

Ольга Ивановна. Петя, перестань! Запрещаю тебе болтать!

Петя. Но ведь бабушка неправа.

Марфа Петровна. Ишь, напал! Петух какой.

Капитан Макаров (встает, улыбается). Ну, о чем тут разговаривать? Вот, я в серединку между мамой и женой сяду, и все! А по работе, мама, Ольга самый настоящий фронтовик! Кто знает, может, и нам с Иваном

жизнь спасет ее большое дело — переливание крови!

Макаров. Бухнул тоже, Вася.

Марфа Петровна (встревоженно). О чем это вы? Что это мне не понять никак! Чего это вы скрываете. Петя. И я тоже не понимаю.

Макаров. Тут понимать нечего, мать. Вот сидит, выдумывает.

Петя. Папа, теперь ты никуда не поедешь, дома будешь жить?

Капитан Макаров (громче обычного). А хорошо дома, батя, а?

Петя. Мама, что с тобой?

Ольга Ивановна (сдерживая волнение, слезы). Ничего, Петя! Просто обрадовалась — все собрались, вся семья!

Лейтенант Горленко (взволнованно). Ольга Ивановна, прошу вас!

Ольга Ивановна. Спасибо, Михаил! Вы очень хороший.

Петя. Опять не понимаю, что к чему!

Марфа Петровна. Нет, вы что-то скрываете!

Макаров. От тебя и скрыть ничего нельзя, мама. Эх, братцы-ленинградцы, до чего хорошо, все в сборе! Всего было в жизни, и хорошего, и плохого! А теперь смотри, что вокруг! Революция на ноги поставила, партия в люди вывела! А твоей крови и сердца, Марфа Петровна, в наших больших делах немало!

Марфа Петровна. С чего ты меня стал хвалить? Что за баловство?

Иван Макаров (встает с места, обнимает мать). Это тебя хвалят, мама? Да тебя, и всех таких матерей на руках надо носить!

(Из двери направо слышен звонок.)

Ольга Ивановна (глядит на мужа). Василий, уже?

Марфа Петровна (весело). Кого еще бог послал?

Валя (из дверей). Василий, к тебе! (Отходит от двери.)

Капитан Макаров (встает из-за стола). Хорошо!

(В дверях появляется шофер.)

Шофер (обращается к капитану Макарову). Товарищ капитан, по при-

казанию начальника штаба с пакетом к вам явился!

Капитан Макаров. Хорошо. Давайте! (Подходит к шоферу, берет пакет, раскрывает его и читает.)

Макаров (подходит к нему вместе с Ольгой Ивановной, лейтенантом Горленко). Что там, Василий?

Капитан Макаров (складывает бумагу, сует в пакет). Надо сейчас же ехать, родные мои! А рижикижнем, батя, после победы!

Марфа Петровна. А-ах! Война, Васенька?

Капитан Макаров. Война, мама!

Занавес.

★

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ВТОРАЯ

Глубокий железобетонный погреб со стальными рельсовыми перекрытиями. Дот. Хлопочут связисты, устанавливая телефоны на ступеньках бетонной лестницы к каземату. Горят фонарики «Летучая мышь» и электрические, аккумуляторные. В открывающуюся и закрывающуюся за входящими и выходящими бойцами дверь видна траншея, сумеречное небо, вспышки огня от разрывов шрапнелей. Слышен гул и грохот боя.

Капитан Макаров (входит в полушубке, в снаряжении, грозный и решительный). Связь! Дайте мне связь с ротами. Товарищ начальник штаба, где связь?

Начальник штаба. Даем, товарищ капитан! Связисты на линии.

Капитан Макаров. Мне она нужна немедленно. Смотрите! (Вытаскивает из планшета карту.)

(Красноармеец тотчас подсвечивает фонарем. Командиры склоняются над картой.)

Вот, в этой излучине мы переправились через реку в пятнадцать ноль-ноль. В шестнадцать ноль-ноль роты с боем, опрокидывая группы врага, прошли вот эти бугры. К восемнадцати ноль-ноль захвачен этот дот. Что же вы думаете, белофинны не попытаются вернуть дот, а потом опрокинуть нас, утопить в реке и разбить переправу? А наша задача: удержать дот и подступы к нему во что бы то ни стало. Противник ведет сейчас сильный артиллерийский и минометный огонь с высоты за лесом. Это подготовка к атаке. Замысел противника ясен. Мое решение: приостановить движение рот, занять на ночь круговую оборону, окопаться. И ни шагу назад, при любых обстоятельствах. Понятно?

Начальник штаба. Понятно, товарищ капитан!

Командиры (вместе). Понятно, товарищ капитан!

Капитан Макаров (начальнику штаба). Сейчас же пойдете в первую роту. Организуйте круговую оборону. Приготовиться к контратакам. Внимание на фланги. (К командиру.) Вы во вторую роту. (К другому командиру.) Вы в третью роту, расположите за уступом, сзади тех рот. Исполняйте!

Начальник штаба. Есть, товарищ капитан. Разрешите идти?

Капитан Макаров. Идите!

Начальник штаба. Товарищ Семенов, Иванов, за мной!

(Уходят.)

1-ый красноармеец (спускается по лестнице из каземата, тащит автоматы, винтовки). Товарищ капитан, там еще целая куча.

Капитан Макаров. Хорошо. Все соберите!

1-ый красноармеец (сваливает оружие и вновь бросается по лестнице в каземат). Есть, товарищ капитан!

Капитан Макаров (поднимает ручной пулемет, рассматривает его фабричную марку). Заморская работа. (Ставит пулемет к стене. Берет

винтовку, тоже рассматривает.) Французская. Не из новых. Прямо сказать, заваль.

1-ый красноармеец. Товарищ капитан, а вот тут корона. (Подает капитану гильзу противотанкового орудия.)

Капитан Макаров (рассматривает гильзу). Немецкая работа тысяча девятьсот тридцать седьмого года. Так. И тогда уже готовились, так надо понимать.

1-ый красноармеец. Товарищ капитан, я таких пистолетов и не видал никогда!

Капитан Макаров (берет и рассматривает пистолет). Маузер новенький. Тоже фашистского происхождения! (Прячет пистолет в карман.) Поняли, товарищи? Все это оружие послали своим наемникам их заморские хозяева. Рассчитывали на них, на свой передовой отряд!

1-ый красноармеец. Товарищ капитан, а это откуда будет?

Капитан Макаров (берет белофинский автомат). Это у них свой автомат «Суоми», тоже по заморским чертежам. (Ловко подбрасывает, ловит автомат и бережно ставит к стене.) Нам он еще пригодится?

1-ый красноармеец (весело, одобрительно). Скажете, товарищ капитан.

1-ый связист (от телефонного аппарата). Товарищ капитан, просит командир отделения взвода связи Макаров. С линии.

Капитан Макаров (берет трубку). Я — Перекоп. Что? Провод противника нашел? Болтают — не понимаешь? Вырежь кусок побольше. Хорошо. Проследи, куда провод идет. В сторону противника не ходи, еще в плен попадешь. Смотри — не ротозейничай. Исполняйте. (Передает трубку связисту.)

1-ый связист. Товарищ капитан, вас требует командир полка, то-бишь, из Пензы.

Капитан Макаров (берет трубку, зажимает ее ладонью, отчетливо говорит красноармейцу). Товарищ красноармеец, приказываю называть, с кем говорите по телефону, только условным текстом. (В трубку.) Я, Перекоп, слу-

шаю. Есть доложить обстановку. Противник сбит и отброшен за рошу, дальше бугров, ведет артподготовку, готовит контратаку. Я принял решение: приостановить движение, занять на ночь круговую оборону. Товарищ командир полка, где тут кодировать разговор. Жду контратак. Нуждаюсь в средствах усиления. Приданная артиллерия еще не переправилась. Положение серьезное. Я? Нервничаю?.. Все в порядке, товарищ командир.

(Пауза. По лестнице из каземата спускается сначала с грохотом, потом, увидев капитана у телефона, на дыпочках красноармеец. Он осторожно опускает оружие на пол и утирает пот с лица рукавом.)

1-ый красноармеец (обращается к связистам). Вот жара! С утра до ночи!

2-ой красноармеец. Как бы ночью жарче не было!

1-ый красноармеец. Куда жарче! Так и плещут шрапнельные разрывы. Глаза заплывишь, все равно огонь!

2-ой красноармеец. Слышал, капитан говорил: они дот этот самый отбивать полезут!

1-ый красноармеец. Ну, уж это, что с возу упало, то пропало.

Капитан Макаров (в трубку). Есть — во что бы то ни стало удерживать дот и весь район, все подступы! Есть — ни шагу назад! (Выпрямился, торжественно чеканит.) Служу Советскому Союзу! (Передает трубку связисту. Быстро, внимательно оглядывает томящихся бойцов, командиров.)

Красноармеец (в снегу, вбегает). Товарищ капитан, разрешите доложить.

Капитан Макаров. Доложите.

Красноармеец. В направлении соседнего батальона, серия зеленых ракет над тем лесом. Сильный пулеметный огонь.

Капитан Макаров. Хорошо. Продолжайте наблюдение.

Красноармеец. Есть. (Убегает.)

2-ой связист (шумно и радостно). Товарищ капитан, первая рота на линии! Вас просят.

Капитан Макаров. Хорошо. (Берет трубку.) Я — Перекоп. Здорово. Начальник штаба у вас? Доложите обстановку. Где? (Правой рукой достает карту из планшетки.)

(Красноармеец придвигает фонарь.)

Что? Окружают? Кто вас там окружает? Дайте им по черепам, этой шайке сумасшедших! Правильно! Со всех сторон стреляют! Какая же война, если стрелять не будут? Раненые, потери? Да что с вами? Это же война. На войне и убить могут!

1-ый красноармеец. Ну, и скажет наш комбат! Как очередь из пулемета влепит.

(Бойцы улыбаются, переговариваются между собой.)

Капитан Макаров. Боеприпасов мало? Бей без промаху. Ближе подпускай! Расстреливай в упор! Товарищ командир роты, доведите до сведения каждого бойца: командир части объявил всему батальону благодарность от лица службы за переправу и овладение дотом и рубежом. Дальнейшая задача: удержаться во что бы то ни стало. Замысел белофиннов ясный: сбросить нас и потопить в реке, разбить переправу, не пустить идущие за нами части. Понятно? Окопы отрыть в полный профиль. Проверьте пулеметы. Приготовьте гранаты. Ни шагу назад! Доложите начальнику штаба, когда вернется из подразделений. Исполняйте!

Красноармеец - наблюдатель. Товарищ капитан...

Капитан Макаров. Ну?

Красноармеец - наблюдатель. В направлении первой роты над рощей серия зеленых ракет. Сильный огонь.

Капитан Макаров. Продолжать наблюдение!

Красноармеец - наблюдатель. Есть. (Убегает.)

(Капитан Макаров передает трубку связисту. Садится на корточки. Снимает шлем. Углубляется в карту.)

1-ый связист (осторожно подходит к капитану, протягивает фляжку). Товарищ капитан, может, вы попить хотите? У меня тут чай, сладкий.

Капитан Макаров (обращается к связисту). Вызовите Пензу.

2-ой связист (вызывает). Пенза, Пенза, Пенза!

Капитан Макаров (улыбается красноармейцу-связисту). Это вы хорошо придумали. (Берет фляжку красноармейца-связиста, делает глоток, другой.) Замечательно хорошо!

2-ой связист. Товарищ капитан. Пенза!

Капитан Макаров. Хорошо! (Берет трубку.) Я — Перекоп! Товарищ Сотый, противник усиливает нажим на первую роту. Боеприпасов маловато. Прошу протолкнуть приданную батальону артиллерию. Мой штаб в ротах. Никакой... неясности в батальоне нет. Все в порядке. Есть, товарищ командир! (Отдает трубку связисту.)

(Из-за двери в траншею слышен тревожный окрик: «Стой! Кто идет?» Все в доте вскидывают головы.)

Что там такое?

Иван Макаров (весь в снегу, быстро вбегает в дот, останавливается навзгядку перед капитаном). Товарищ капитан, задание выполнено.

Капитан Макаров (сдерживая улыбку). Доложите!

Иван Макаров (радостно и возбужденно). Я, когда провод в роту тянул, вижу, в елочках над дорогой провод надо подвесить повыше. Только стал подвешивать, смотрю — тоненький черный провод тянется. Подключился, слышу, балакают-болтают. По вашему приказанию вырезал метров пять. (Вытаскивает из кармана полушубка моток провода, передает капитану, тот рассматривает.) Потом пошел по проводу. Иду, иду, вижу — на бугре впереди сарай: я — ползком. Стороной. Вижу: на чердаке огонек мигнул. Еще. Еще. Азбука Морзе. А понять не могу! Язык финский. Ух! (Вздыхнув всей грудью, вытирает пот с малиново-красного лица, жадно пьет воду из фляжки.)

1-ый связист. Товарищ капитан, вот гады! Ну, не гады ли? А? В нашем тылу устроились!

Капитан Макаров. Сейчас все узнаем. Продолжайте, товарищ Макаров!

Иван Макаров (*берет из рук капитана вражеский провод и прячет его в карман*). Я, собственно, все уже сказал!

Капитан Макаров. И ты не догадался подползти и гранату метнуть в тот сарай?

Иван Макаров (*вспыхнув*). Я же не знал, сколько их там!

Капитан Макаров. Сколько бы ни было. Метнул бы гранату, другую, чтобы вся свечка жарко загорелась.

Иван Макаров (*не знает, куда деваться от стыда*). Я думал...

Капитан Макаров (*жестко*). Здесь философствовать нечего. (*Отворачивается от Ивана Макарова*). Товарищ красноармеец, и вы, и вы, и вы! (*Показывает рукой*.)

(Красноармейцы быстро встают навывтяжку.)

По проводу к сараю на бугре — бегом! Забрать лазутчиков в плен. В самом крайнем случае — уничтожить. (*Обращается к первому красноармейцу*.) Вы за командира.

Красноармейцы (*дружно*). Есть! (*Берут винтовки, быстро уходят*.)

Капитан Макаров (*дает Ивану Макарову кусок хлеба*). На, поешь!

Иван Макаров. Не могу, Василий!

Капитан Макаров. Приказываю поест!

Иван Макаров. Есть, приказано поест! (*Садится в углу, ест горбушку хлеба, глубоко расстроенный*.)

2-ой связист. Товарищ капитан, вторая рота.

Капитан Макаров (*берет трубку*). Я — Перекоп. Арабат! Здорово. Помначштаба у вас? Пошел обратно? Хорошо. Противник ведет артогонь. Контратака? Обходит? Ладно! Сиди! Идет подкрепление, вот мы и зададим

им звону. Держись! Обязательно поддержи! (*Пауза*.) Артогнем поддерживать? Сейчас даю заявку майору в артполк. Он по тем целям днем бил. Управляй сам огнем! Кто там мешает? (*Дует в трубку*.) Арабат! Арабат! Нет! (*Отдает трубку связисту*.) Вызывайте!

2-ой связист (*берет трубку*). Есть! (*И начинает, согнувшись в три погибели, вызывать Арабат*.)

(Капитан Макаров обращается к Ивану Макарову, тот сидит на лесенке, грустно опустив голову.)

Капитан Макаров. Так развевался, говоришь?

Иван Макаров. Василий!

2-ой связист. Товарищ капитан, связи со второй ротой нет!

Капитан Макаров. А она позарез нужна. Кого бы потолковее? (*Поворачивается, внимательно вглядывается в лица связистов*.)

Иван Макаров (*встает, прячет горбушку в карман*). Я здесь, товарищ капитан.

Капитан Макаров. Хорошо. Немедленно на линию. Восстановить связь со второй ротой. Лейтенанту передать: ни шагу назад. Сейчас дам заявку на артиллерию. Поддержим огоньком. Пусть управляет огнем по телефону. Понятно?

Иван Макаров. Понятно, товарищ капитан. Разрешите итти?

Капитан Макаров. Идите.

Иван Макаров (*четко поворачивается, идет*). Есть!

Капитан Макаров. Ваня! Забудь, с бойцами будешь, не упускай случая сказать, подбодрить: за какое великое дело мы боремся! И не ротозейничай там, Иван!

Иван Макаров. Есть, не ротозейничать, товарищ капитан!

Занавес.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Ночь. От кровавых зарев пожаров, от разрывов снарядов и вспышек ракет — тревожный, трепетный свет. Сосновый бор. На ветвях охапки снега. Ветер. Вдали ухают орудия. Разрывы снарядов. Слева — треск пулеметов, ружейной стрельбы. И с сосен падает снег, ветви, сбитые пулями, снарядами. В глубину леса уходит широкая просека, с дорогой посредине. А поперек, уходя в лес, траншея. Окопы отрыты в полный профиль. Оборудованы хорошо пулеметные гнезда. В окопах и гнездах красноармейцы и командиры. На скате бугра с огромными тремя соснами, в большом удобном окопе, командный пункт командира роты. Телефон под обрывом. Винтовки, противогазы.

Лейтенант Горленко (*хлопает по плечу политрука Семенова*). Вот, братику, и мы сами с усами, и эту контратаку отбили.

Политрук Семенов. Ты не очень хвастай, ночь-то ведь только начинается.

Лейтенант Горленко. Это верно. Вот что, товарищ политрук, надо по взводам пройти! Скажи, чтоб наблюдателей почаще меняли. В каждом отделении назначить дежурного, пусть смотрит, чтобы кто не уснул. Жизнь проспать можно. По банке консервов на двух человек открыты! Пора подзаправиться. Ты в какой взвод?

Политрук Семенов. В первый.

Лейтенант Горленко. А я — во второй.

Политрук Семенов (*мягко и взволнованно*). Михаил! Поднимай дух! Дух! О родине, о Сталине! Воспитывай!

Лейтенант Горленко. Сам же видел и слышал!

Политрук Семенов. Ну, пока! (*Убегает, пригнувшись, вправо.*)

(Слева движение. Горленко хватается свою автоматическую винтовку. Тотчас же слева перебегают двое, в снегу, оба запыхавшиеся.)

Красноармеец Щеглов. Товарищ лейтенант, связь из батальона! (*Бесшумно исчезает.*)

Иван Макаров. Товарищ лейтенант, докладывает командир отделения связи Макаров. Связь восстановлена! Комбат приказал — ни шагу назад. Поддержит артиллерийским огнем. Управляет огнем по телефону!

Лейтенант Горленко. Есть! Ваня! Вот ловко! (*Отряхивает с него снег.*) Запорошило-то как! Ну, сидай, сидай, хлопчику! Как прошел?

Иван Макаров (*в изнеможении прислонился к стенке окопа*). В двух местах обстреляли. Ушел — где бегом, где ползком. На линии убитый связист.

Лейтенант Горленко (*присев на корточки у телефона, берет трубку*). Я — Арабат. Я — Арабат. Перекоп, Перекоп! Я — Арабат. Слушай, товарищ капитан. Только-что прибыл. Моего связиста убили на линии. Ваня жив-целехонек. Обстановка такая, товарищ капитан. Две контратаки отбили. Точно, огнем станковых пулеметов. Противник опять ведет артиллерийский и минометный огонь. Накапливается в роше «сапог» против меня. Есть — разведать! Есть — усилить наблюдение на фланги. Есть — беречь патроны! Штыки и гранаты приготовлены! Есть — ни шагу назад! (*Улыбается.*) Будь уверен, Василий Петрович, будет все в порядке.

Иван Макаров. Кто там, товарищ лейтенант?

Лейтенант Горленко (*хлопает легонько трубкой телефона по ладони левой руки*). Хорошо, Ваня! И что за человек Василий! Как ни трудно на душе, а поговорит он с тобой, и силы прибавляются, и перед тобой все яснее. (*Встает, управляет снаряжением.*) Ты послушай здесь, а я по взводам! Держи!

Иван Макаров (*принимает из его рук телефонную трубку, садится рядом с аппаратом*). Есть, товарищ лейтенант.

Лейтенант Горленко (*убегая влево*). Я скоро!

Иван Макаров (*один, в раздумьи*). Вот я и развоевался! Сколько событий. Одно за другим. Даже подумать, собраться с мыслями некогда.

Красноармеец Щеглов (*неслышно появляется у трех сосен над*

окопом ползком, поднял голову, смотрит в окоп). Эй, связь, с кем это ты там?

Иван Макаров (*вздрыгнув*). Это я так... Задумался. Сам с собой!

Красноармеец Щеглов (*соскальзывает в окоп*). Ты, видать, веселый, такие мне по сердцу. А ну, давай-ка! Банку-то на двоих, а я один, неполный! (*Садится, ставит винтовку между колен, раскрывает банку консервов.*)

Иван Макаров. Не видел — не думалось. Увидел — так захотелось!

Красноармеец Щеглов. Тот и оно! На-ка, брат!

Иван Макаров (*берет у него из рук кусок хлеба*). Спасибо, товарищ!

Красноармеец Щеглов. Щеглов моя фамилия, Дмитрий Иванович.

Иван Макаров. А я — Макаров, Иван Петрович.

(Щеглов достал из банки полную ложку. Протянул банку Макарову.)

Красноармеец Щеглов (*с полным ртом*). Забирай гуще, гуще!

Иван Макаров (*достает из банки мясо, ест*). Спасибо!

Красноармеец Щеглов. Ты откуда?

Иван Макаров. Из Ленинграда.

Красноармеец Щеглов. А я издалека. Из Казахстана.

Иван Макаров. Очень приятно.

Красноармеец Щеглов. Чего это тебе приятно? Кругом — страсть, а ему приятно. Или тебе не страшно?

Иван Макаров. Ну, что ты! Понятно, страшно.

Красноармеец Щеглов. А ты все-таки не бойся. Если бы каждая пуля убивала, давно бы на всей земле ни одного человека в живых не осталось! Вот они, пули-то, проливным дождем хлещут! Стало быть, понимай: не всякая пуля убивает!

Иван Макаров. А ведь верно! Нет, до чего это, товарищ Щеглов, верно сказано!

Красноармеец Щеглов. Стало быть, понимаю. Вторую войну ломаю. Обсмотрелся.

Иван Макаров. А сначала сильно боялся?

Красноармеец Щеглов. Куда там! Плечи сами так и сдвигались! А потом обтерпелся — ничего, хорошо. Хочешь, я тебя научу, как не бояться?

Иван Макаров. Научи, пожалуйста.

Красноармеец Щеглов. Ладно. Слушай. Ты той пули, которая свистит — не бойся. Раз ты ее слышишь, не бойся, не сгибайся, эта пуля уже пролетела мимо тебя. Понятно?

Иван Макаров. Понятно.

Красноармеец Щеглов. А той пули, которая тебя убьет, ты и не услышишь. Но ты ее тоже не бойся.

Иван Макаров. Как не бойся?

Красноармеец Щеглов. Чкнет она тебя насмерть, и напугаться не успеешь. Так что же тебе раньше времени дрожать, бояться?

Иван Макаров (*весело*). Очень разумно. А дальше?

Красноармеец Щеглов. Что дальше? Ну, ранит тебя, к примеру. Если легко — перевяжешься, и опять в бой. Если тяжело, отправят тебя в госпиталь. Ребята придут навестить. Девчата цветов принесут своему герою.

(Недалеко с отвратительным треском рвется мина.)

Красноармеец Щеглов (*кричит*). Ложись!

(Оба лежат.)

Иван Макаров (*поднимает голову*). Товарищ Щеглов!

Красноармеец Щеглов (*проворно садится*). Живы-здоровы! Ну, вот тебе и цветочки!

Иван Макаров (*трясет головой, трет ладонью ухо*). Хороши цветочки, в ухо как воды набралось!

Красноармеец Щеглов (*свирипет*). Ну, за эти цветочки будут им, чертям, ягодки. Ты подумай: дома у нас весна скоро, люди к севу готовятся. На Украине то же самое. Делов-то, делов-то нам сколько! А эти гады задумали границу нарушать, городу Ленинна грозить. Мины бросать! (*Вскакивает*.) Бить буду! Земля столбом! Насмерть!

(Бросается вперед, в свой окоп за соснами.)

(Сперва слышен сильный огонь. Вдруг крики: «Ура! Ура!» Тут наступает внезапная тишина. Иван Макаров с трубкой телефона около уха, с винтовкой в другой руке, выглядывает из окопа.)

Лейтенант Горленко (перебегает слева, согнувшись, и прыгает в окоп). Вызови Перекоп, Макаров!

Иван Макаров (в трубку). Перекоп! Перекоп! Есть!

Лейтенант Горленко (хватает трубку). Давай. Перекоп! Перекоп! Я — Арабат. Есть. Справа — бой. Против моего левого фланга на опушке в ложине накапливается до батальона белофиннов. Считал? Не считал, но видно же, товарищ капитан, большое движение. Туда бы сейчас огоньку, товарищ капитан. Вот хорошо! Жду, товарищ капитан. В порядке, товарищ капитан. (Передает трубку Макарову.)

Иван Макаров. Опять контратака будет, товарищ лейтенант?

Лейтенант Горленко. А ты думал что? Политрук Семенов не приходил?

Иван Макаров. Не приходил. Почему так тихо, товарищ лейтенант?

Лейтенант Горленко (торопливо раскладывает по краю окопа ручные гранаты). Скоро будет громко, Ваня! А ты слушай, слушай там!

Иван Макаров. Скорее бы началось. К чорту эту тишину!

Лейтенант Горленко (с биноклем в руках, всматривается вперед, в лес). Возьми себя в руки.

Иван Макаров. Не выношу тишины!

Лейтенант Горленко (мягко, взволнованно). Ничего, привыкнешь, Ваня! Слышишь?

Иван Макаров. Слышу.

Лейтенант Горленко. Хорошая вся ваша семья, Ваня. И сестра твоя мне по сердцу пришлась. Скажи ей, если что...

Красноармеец Щеглов (показывается ползком на бруствере окопа).

Товарищ лейтенант, наблюдатель сообщает: по лесу хрюстит.

Лейтенант Горленко. Продолжать наблюдение.

(Красноармеец Щеглов исчезает за бруствером.)

Иван Макаров. Идут? Наступают?

Лейтенант Горленко. Идут. Наступают. Ваня, если не уцелею, отцу скажи и сестре Вале тоже скажи, что все мы, советские казаки, с оружием в руках за родину до последней...

Красноармеец Щеглов (вновь появляется на бруствере). Товарищ лейтенант, беляки в ста метрах. Ползут в белых халатах.

Лейтенант Горленко. Продолжать наблюдение. Огня без приказа не открывать.

(Красноармеец Щеглов исчезает.)

Иван Макаров. А если они ворвутся?

Лейтенант Горленко. Куда ворвутся? Милости просим. Сообщи в батальон! (Деловито пристраивается на бруствере с автоматом.)

Иван Макаров (в трубку). Перекоп! Перекоп! Я — Арабат. Командир отделения Макаров, товарищ капитан. Лейтенант Горленко с автоматом. Белофинны подходят. Видно.

Лейтенант Горленко (обернувшись). Силой больше роты...

Иван Макаров. Силой больше роты.

Лейтенант Горленко (звонко). Батальон, слушай мою команду!

Иван Макаров (вскакивает, хватая винтовку и вспрыгивает, ложится рядом с лейтенантом). Есть, товарищ лейтенант!

Лейтенант Горленко. По врагам родины — огонь!

(Тотчас по всей линии окопов грохочут пулеметы, станковые и ручные. Трещат винтовки. Из-за сосен впереди неистовые и жуткие вопли: «Эла юон!» Они сливаются в сплошное воющее: «Аля-ля!»)

Красноармеец Щеглов (из-за сосен). Бегут! Побежали, беляки! Я!.. (Вскакивает.)

Лейтенант Горленко. Назад!
Лежать, преследовать огнем!

Красноармеец Щеглов (падает). Я бы им!

Иван Макаров (лежа, стреляет). Врут! Не уйдут!

Лейтенант Горленко. Макаров, донести комбату — третья контратака отбита! (Громко.) Прекратить огонь!

(Справа и слева слышна команда: «Прекратить огонь!» Огонь стихает.)

Иван Макаров. Есть!

(Иван Макаров скатывается в окоп и вдруг видит, как слева за деревом поднимается на колено снайпер в халате с автоматом в руке. Сейчас он начнет стрелять. Иван Макаров хочет нагнуться к лейтенанту, но понимает, что это же смерть. Из каких-то доли секунды успевает схватить винтовку, выстрелить и убить врага.)

Иван Макаров. Есть, прекратить огонь. (Хватает трубку левой рукой, в правой — винтовка.)

Лейтенант Горленко (обернувшись, видит и Ивана Макарова, и убитого вражеского снайпера у дерева). Ваня!

Иван Макаров. Он подкрался, как кошка!

Лейтенант Горленко (метнулся, схватил автомат врага, прыгнул в окоп и торжественно). Здорово стреляешь, товарищ Макаров. Если бы не ты... От, стерво, де ж вин пробравсь? От, гадюка!.. Здорово стреляешь, товарищ Макаров!

Иван Макаров. Пришлось вот. (И в трубку.) Я — Арабат, Арабат. Перекоп! Товарищ капитан, третья контратака отбита. Потерь нет!

Политрук Семенов (перебегает справа и падает в окоп). Горленко!

Лейтенант Горленко (нагибается к нему). Семенов! Куда ранен?

Политрук Семенов. В голову. Горленко, справа обходят! Сам видел. Поверни третий взвод направо. Артиллерией бы сейчас!

Лейтенант Горленко. Макаров, перевязать политрука.

Иван Макаров (бросается к раненому). Есть, перевязать!

Лейтенант Горленко (подскакивает к телефону, хватая трубку). Перекоп! Я — Арабат! Товарищ капитан, дайте поддержку артиллерийским огнем. По роще, по роще!

Красноармеец Щеглов (появляется на бруствере). Опять ползут!

Лейтенант Горленко (в трубку). Перекоп, Перекоп, Перекоп... Связи нет... А мне связь нужна! Макаров!

Иван Макаров (перевязывает голову политрука). Есть, товарищ лейтенант!

Лейтенант Горленко. Товарищ Макаров, рота в тяжелом положении. От связи зависит все. Восстановить связь. Немедленно.

Иван Макаров. Будет исполнено!

Политрук Семенов. Надо вдвоем. Одному не пройти.

Лейтенант Горленко. Товарищ Щеглов!

Красноармеец Щеглов (скатывается в окоп). Слушаю.

Лейтенант Горленко. Пойдите с командиром Макаровым. Восстановите связь с батальоном.

Иван Макаров. Разрешите идти?

Лейтенант Горленко. Идите. Счастливо.

(Иван Макаров и красноармеец Щеглов убегают влево.)

Политрук Семенов. Горленко, положи меня, чтоб я мог стрелять. Направо.

Лейтенант Горленко (помогает ему лечь, кладет рядом винтовку). Всю бы твою боль на себя принял, товарищ Семенов!

Политрук Семенов (укладывается удобнее, сдерживая стон). Когда будешь в партию подавать, Горленко?

Лейтенант Горленко (улегся со своим автоматом). А ты и сейчас считай меня коммунистом. (Четко.) Вижу белье халаты. (Звонко.) Батальон, слушай мою команду!

Занавес.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

На буграх елочки в грудь человека, в охапках снега, сказочные милые елочки, как в детстве. На горизонте черная, угрюмая стена леса. Над лесом мечутся грозные зарницы боя. Отдаленный гул, разрывы. Треск пулеметов и автоматов. С воем и клокотом проносятся снаряды. Вдали возникает белое облачко. Двигается на бугор. Пропадает в лоштинке. Опять появляется на бугре ближе, ближе. И вот это уже не облачко. Это человек в белом маскировочном халате. Позади, метрах в тридцати, такое же облачко. Тоже приближается. И тоже человек в белом халате. Придерживаясь дистанции, они, осторожно, пригибаясь, идут между елочек. Вот уже видно: первый — Иван Макаров. Второй — красноармеец Щеглов. Иван Макаров спускается в лоштинку, его не видно. И красноармеец Щеглов тоже спускается в лоштинку. В тот момент, когда он исчезает, справа выходят двое с автоматами наизготовку. Вот они подходят к бугру, за которым только-что скрылись Иван Макаров и красноармеец Щеглов. Ваги останавливаются, потом поднимаются на бугор. Встреча неминуема. Но белофинские разведчики с половинки бугра сбегают вперед, влево и исчезают. На вершине бугра, из-за елочки, появляется Иван Макаров. Согнувшись, он сбегает в лоштинку. В правой руке у него винтовка. Левою он держится за провод, пропуская его между пальцами, в лоштинке Иван Макаров останавливается. Из пальцев левой руки выскользнул конец оборванного провода. Иван Макаров на коленях ищет другой конец провода, разрывает снег руками.

Красноармеец Щеглов (внезапно появляется у елочки левее Макарова). Обрыв?

Иван Макаров (вздрагивает от неожиданности). Третий обрыв, сволочи!

Красноармеец Щеглов. Нашел другой конец?

Иван Макаров. Сейчас найду. А ты смотри, смотри.

Красноармеец Щеглов. Ладно. И ты тоже смотри. За мной смотри. Я тогда руку подниму. (Вдруг исчезает, появляется на бугре, еле заметный в елочках).

Иван Макаров (находит другой конец провода). Вот сколько вырезали, подлецы! Стой! Вот вражеский провод и пригодится. Хорошо, я его не выкинул. (Отбросил полу халата, достает вражеский провод, стоя на коленях, оглядываясь и прислушиваясь, ловко и быстро сращивает концы провода.)

Красноармеец Щеглов (поднимает вдруг руку). Так!

(Щеглов и Макаров исчезают под елочками в снегу. По дальним буграм пробегают люди в белых халатах.)

Иван Макаров (появившемуся рядом с ним красноармейцу Щеглову). Ловок ты маскироваться.

Красноармеец Щеглов. Спрашиваешь! Да и помирать неохота.

Иван Макаров (забрасывает провод снегом). И откуда только их, чертей, в наш тыл набралось!

Красноармеец Щеглов. Идем! Зараз я впереди пойду, в головном дозоре.

Иван Макаров. Иди. Провод из рук не выпускай. Так по проводу и иди!

(В отдалении слышна обойная серия разрывов.)

Красноармеец Щеглов. Наши гранаты бросают. (Пригибается.) Пули оттуда летят! Окружили наших! Наши отбиваются! Эх, братцы!

Иван Макаров (горячо). Вперед!

(Красноармеец Щеглов пробегает между елочек вперед. Как раньше Макаров, между пальцами левой руки он пропускает провод. В правой — винтовка. Иван Макаров, отпустив его шагов на десять-пятнадцать, трогается следом; оглянувшись, поднимает руку, коротко свистит и падает в снег. И красноармеец Щеглов тоже падает. По дальним буграм опять пробегают люди в халатах. Здесь — тишина.)

Иван Макаров (приподнимается, осторожно оглядывается). Товарищ Щеглов, вперед!

Красноармеец Щеглов (мелькает между елочек.) Есть, вперед!

Иван Макаров. Только бы не опоздать!

Красноармеец Шеглов (тревожно). Опять обрыв!

Иван Макаров (бросается к нему). Иду!

(Невдалеке за елочками взрывается вражеская мина. Ивана Макарова на мгновение не видно в вихре снега. Когда вихрь рассеялся, Иван Макаров лежит на снегу.)

Красноармеец Шеглов (поднимается над елочками). Товарищ Макаров!

(Молчание.)

Товарищ Макаров! Товарищ Макаров! Убит! (Бросается к нему, поднимает голову.) Товарищ Макаров!

Иван Макаров (открывает глаза). Ох, стукнуло.

Красноармеец Шеглов. Куда ранило, товарищ Макаров?

Иван Макаров. Подожди. Кажется, в ногу. Помоги. (Пытается встать и падает с коротким стоном.) Не выходит.

Красноармеец Шеглов. Дай я перевяжу.

Иван Макаров (с усилием садится). Провод срстил? Связь дозарезу нужна.

Красноармеец Шеглов. Куска нехватает.

Иван Макаров. Натягивай два конца. Выправляй провод! (Со смертельной обидой.) Ранило. А там товарищи! Товарищ Шеглов, бегите в батальон!

Красноармеец Шеглов (вынимает индивидуальный пакет, разрывает его). Не брошу я тебя так! Давай перевяжу вперед!

Иван Макаров. Где концы? Дай концы! Концы провода подай.

Красноармеец Шеглов. Что ты, товарищ Макаров? Вот они, концы. (Берет их и начинает быстро подтягивать.)

Иван Макаров. Подтяни меня к елочке.

Красноармеец Шеглов (помогает Макарову доползти к елочке, как раз в месте обрыва провода). Что ты задумал, товарищ Макаров?

Иван Макаров. Защищай конец...

Красноармеец Шеглов. А рана?..

Иван Макаров. Защищай конец.

Красноармеец Шеглов. Есть, зачистить конец! Ты и в руку ранен, товарищ Макаров?

Иван Макаров. Нет.

Красноармеец Шеглов. А что же перчатка в крови?

Иван Макаров (стаскивает зубами перчатку, сжимает и разжимает руку). Зацепило. Жилы целы!

Красноармеец Шеглов. Вот тебе концы.

Иван Макаров (стаскивает зубами и вторую перчатку). Давай! Натяни, нехватает!

Красноармеец Шеглов (натягивает провод изо всей силы). Больше не идет!

Иван Макаров. Эх, какую-то малость нехватает. Ну, теперь переязывай. Я в руках поддержку. Ток через меня пройдет!

Красноармеец Шеглов. Стужа-то, пальцы голые.

Иван Макаров. Переязывай! Кровь уходит, кровь...

Красноармеец Шеглов. Есть, товарищ Макаров! (Быстро перевязывает рану Макарова.)

Иван Макаров. Вот и восстановлена связь, товарищ Шеглов.

Красноармеец Шеглов. Брат ты мне! До самой смерти!

Иван Макаров. Какой там смерти! Ногу перевяжи, поскорее.

Красноармеец Шеглов. Потерпи. Больно, небось? Потерпи. Я — зараз. Повернись маленько.

Иван Макаров (повертывается). Ой!

Красноармеец Шеглов (аккуратно и быстро обнажив ногу, перевязывает ее). Что, товарищ Макаров?

Иван Макаров. Давай, давай! Не слушай, не я, боль моя кричит.

Красноармеец Шеглов. Зараз перевяжу!

(Над елочками проносятся с воем снаряды с нашей стороны.)

Иван Макаров (восторженно). Наши! Наши пушки загворили. Держитесь там, товарищи! Ты скоро, товарищ Шеглов?

Красноармеец Шеглов. Кончаю.

Иван Макаров. И связь восстановлена. Централка! Барышня, дайте двадцать восемь два нуля.

Красноармеец Шеглов. Товарищ Макаров! Готово уже, перевязал.

Иван Макаров. Товарищ Шеглов, слушай мой боевой приказ: в батальон с донесением бегом, марш!

Красноармеец Шеглов. Как я тебя брошу? Замерзнешь, руки голые, ранен, и не отобьешься!

Иван Макаров. Именем Родины, вперед!

Красноармеец Шеглов. Приказано — вперед! (Убегает.)

Иван Макаров (откидывается к елочке). Связь восстановлена, товарищи!

Занавес.

★

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Квартира Макаровых. Так же, как и раньше, уютно, хорошо. Но окна плотно завешаны синими шторами и поверх еще байковыми одеялами. На том же круглом столе посредине коробки с бритвенными приборами, флаконы с одеколоном, пачки папирос, стопка почтовой бумаги, горка автоматических ручек, пачки конвертов. Тут же готовые, заделанные ящички и посылки.

Марфа Петровна (укладывает в ящички набор вещей: флакон одеколена, автоматическую ручку, бритвенный прибор, три пачки папирос, пакет почтовой бумаги, пачку конвертов). Как там родные сыночки мои?

Макаров (тихо входит из двери справа, на нем поношенный рабочий костюм). С кем это ты, мать? (Быстро подходит, обнимает ее за плечи.) Сидяка ты, сиди, Марфа Петровна!

Марфа Петровна. Заждалась я тебя!

Макаров. И сейчас ненадолго, мать.

Марфа Петровна. Ну, и не приезжал бы совсем.

Макаров. На, Марфа Петровна, посылку привез. (Вынимает деньги и отдает их жене).

(Марфа Петровна прячет деньги в ящик буфета и возвращается к столу.)

Не сердись!

Марфа Петровна. Трое суток дома не был, непутевый!

Макаров (проходит к буфету, берет большую папку с письмами, возвращается, говорит с особенным нажимом). Не пустяками занимаемся! Всем

Ленинградом победу над врагом куем, братцы-ленинградцы.

Марфа Петровна. А войне конца-края не видать! От наших с тобой братцев-ленинградцев с фронта ни слуху, ни духу. Прислали по письму, и с тех пор, как в живых нет! А тут раненых везут!

Макаров (сел за стол, развернул папку, разрывает конверты, просматривает письма, оседлав нос очками). Не тревожься, мать. Василий ни свою, ни другие головы зря под пули не подставит. Оба живы и здоровы. Подарки вот получают. Подарки укладываешь?

Марфа Петровна. Сам видишь! Всем домом собрали, целый вечер одна укладывала. А как же мне не тревожиться? Я их под сердцем носила! Помнишь, Петр Иванович, как мы нашего первенького ждали? Ты все просил сына. А я уже знала: во мне — сын, сын буянит!

Макаров (растроганно). Вояка! Таким и уродился!

Марфа Петровна. А Ванечка, душа моя, спокойный был. И рос, помнишь, тихий да ласковый. И здоровье

у него слабенькое. В тяжелом — девятнадцатом, году Ванечка родился.

Макаров (хмурится). Поменьше баловать надо было Ивана. А то — «Ванечка, душечка». Ему же теперь хуже в сугробах, в мороз! Любимчику твоему.

Марфа Петровна. Уж ты, если тебе что не так, навалишься. Что он тебе сделал такого? Как хочешь, а Ванюшу я в обиду не дам! Так и знай! Ой, что же это я? Петр Иванович, сними-ка! Да где же тебя псы, что ли, драли — ни единой пуговицы! Снимай, снимай! (Встает, подходит к нему, стаскивает пиджак, берет из ящика буфета деревянную коробку с иголками, нитками, пуговицами.)

Макаров (в одной жилетке, немного сконфуженный). Сам не знаю, где они оторвались. Валентина как, Петя, Ольга Ивановна?

Марфа Петровна. Оля, вроде тебя, от дому отбилась. Валя учится и в госпитале работает. Петя — все про войну да про войну!

Макаров (озабоченно, читая бумагу). Мать, ты в жилотдел ходила?

Марфа Петровна. Это насчет ремонта у семьи красноармейца Иванова? Ходила. Ремонтируют до морковкиного загovenья. А на дворе — зима давным-давно. Я ему все высказала.

Макаров. Бюрократом назвала?

Марфа Петровна (продолжает пришивать пуговицы). Так ведь он самый что ни на есть бюрократ!

Макаров. Чиновником?

Марфа Петровна. Чинодрал — истинный свет.

Макаров. И лодырем?

Марфа Петровна. Сидит целый день, сложа руки!

Макаров (смеется). Полегче надо было. Оскорбила ответственное лицо. Вот он жалобу на тебя накатал.

Марфа Петровна. Ответственное лицо! На такое лицо штаны надеть — и сидеть можно.

Макаров (смеется). И это сказала!

Марфа Петровна. А ты чего смеешься? Да у меня сердце закипело.

Земли под ногами не слышу. Он, волокитчик, мне говорит: время военное, этого нет, другого нет! А у меня двое сыновей на войне в такие-то морозы, на снегу, в стужу лютую. А муж на производстве днюет и ночует. Время-то ведь военное.

Макаров. Согласен!

Марфа Петровна. Ну, и не смейся больше.

Макаров. Ну, ладно, ладно. Вот какое дело, мать. Тут жена красноармейца пишет, — просит помочь прописку продлить. Сходи-ка завтра в милицию, а я записку пишу. Вот!

Марфа Петровна (все еще сердито). Пиши уж, сделаю. Ой, батюшки, тебе еще письмо. В кармане. В пальто забыла. Сейчас! На-ка пиджак! (Подает мужу пиджак и выходит из комнаты.)

Макаров (выпрямился за столом, потягивается, надевая пиджак, и тут видно, как сильно он утомлен). Эх, Марфа Петровна! Скинуть бы нам годков по двадцать! (Опускает голову на руки и внезапно засыпает.)

Марфа Петровна (входит в столовую с бумагой в руке). Вот... (Вдруг умолкает. На цыпочках подходит к столу. В нерешимости останавливается. Шепчет). Светы небесные! Да что ж это такое будет? Уснул. (Решительно подходит к мужу, обнимает его за плечи.) Отец! Отец!

Макаров (встрепенувшись). Деталь заporоли? Кто? Где?

Марфа Петровна (гневно). Чуть ты заporол! Иди-ка в постель. Выспись.

Макаров (бережно и нежно отстраняет ее). Не выйдет, некогда, мать. Пора на верфь!

Марфа Петровна. Какая там верфь! Никуда я тебя не пушу!

Макаров. Пустишь! А как, на самом деле, без меня деталь заporют, а я тут сижу! Ну, я пошел, мать!

Марфа Петровна. Не пушу!

Макаров. Пошел. Я пошел, мать!

Марфа Петровна. Не пушу, пока не накормлю. На, читай! (Дает ему в руки письмо, выходит проворно из комнаты.)

Макаров (*разрывает конверт*). От Василия! Мать! Где ты? Скорее! (*Читает.*) «Дорогие папа и мама!»

Марфа Петровна (*входит с тарелкой борща в руках*). Что, что?

Макаров. Письмо от сыновей.

Марфа Петровна. Ох! (*Остается, еле удерживая тарелку.*)

Макаров (*быстро подоспев к ней, берет из ее рук тарелку и, обняв ее, подводит к столу; ставит тарелку, оба садятся*). Ну, чего ты? Тревожишься?

Марфа Петровна. Читай ты! Читай!

Макаров. «Дорогие папа и мама! Шлем сердечный привет и крепко целуем. Мы живы, здоровы!»

Марфа Петровна. Живы-здоровы! Сыночки мои!

Макаров. «Живем на свежем воздухе. Все идет хорошо. Недавно хотели нас соседи оставить без голов. Но мы не привыкли жить без голов». Хо-хо. Слышала, мать? «Не привыкли жить без голов»! Это уж Василий чудит!

Марфа Петровна. Читай! Читай!

Макаров. «В общем мы сами прочли соседей. Так будет и дальше. Братцы-ленинградцы не подкачают!» Слышишь, мать? Братцы-ленинградцы!

Марфа Петровна. Да читай, читай!

Макаров. «Священное знамя Родины не уроним. Расколосматим врага вдребезги и без пощады, тогда и войне конец! Папа и мама, привет всем, привет Ленинграду! О вас вспоминаем и думаем все время. Целуем вас крепко».

Марфа Петровна. Дай сюда письмо! (*Прижимает его к сердцу.*) Живы! Здоровы! Сыночки мои!

Макаров (*торжествует*). И всем ленинградцам — боевой привет! А ты тужила. Ну, успокоилась теперь? (*Берет из ее рук письмо.*)

Марфа Петровна. Вот счастлива я!

Макаров. То-то, братцы-ленинградцы! А ехать на завод надо!

Марфа Петровна. А борщ?

Макаров. Какой там борщ! Борщ подождет.

Марфа Петровна. Я тебя провою. Дай-ка мне письмецо-то!

Макаров. Эх, хотел было ребятам показать. (*Отдает ей письмо.*)

(*Выходят оба из комнаты. Сталкиваются в дверях с Петей и Володей.*)

Петя (*быстро*). Здравствуй, дедушка. Вот ты как-раз нам и нужен!

Марфа Петровна. Петечка, папа письмо прислал.

Петя. Где? (*Берет из рук Марфы Петровны письмо, пробегает его.*) Ура! Ура! Ура! (*Хватает деда в обнимку.*)

Папа и дядя — герои! Правда, дедушка?

Марфа Петровна (*ревниво и гордо*). А как же?

Макаров. Дело-то какое ко мне, ребятки?

Петя. Видишь, дедушка, у нас есть план!..

Володя (*нападает на Петю*). Чего ты болтаешь, чего болтаешь? Дедушка, ничего не готово. Мы придем через неделю.

Макаров. Ну, тогда подожду. Будьте здоровы. (*Жмет руки мальчишкам.*)

Марфа Петровна. Петя, не потеряй письмецо-то! Дай-ка мне его!

Петя (*с обидой отдает письмо*). Что же я разиня, что ли?

Макаров (*смеется*). Слышала, мать?

(*Старики выходят из комнаты.*)

Петя. Папа письмо прислал!

Володя. Папа твой человек, как человек, а ты — болтун!

Петя. А что я сболтнул? Деду не такие дела всегда доверялись. У деда сам Ленин бывал.

Володя. Если бы не это, я с тобой и водиться перестал бы после нынешнего... Давай карту!

Петя (*вынимает из-под блузы большую карту*). На, разверни!

Володя. Конечно, самое лучшее, это обойти армию противника справа и слева. Окружить, чтобы не разбежались. И раскрошить их всех дотла!

Петя. Согласен. А как ты обойдешь? Справа — Ладога, слева — залив. Нет. Тут надо наступать по суше. Я бы пробил в укреплениях сначала

маленькую дырку. А в эту дырку скорее, скорее пустил танки, пушки, все войска.

Володя. Не забыть бы про очки!

Петя. Какие очки?

Володя. Наши будут наступать и ночью. Противник будет ослеплять их прожекторами. Чтобы не ослепнуть, нужны синие очки.

Петя. Согласен. А все-таки обидно.

Володя. Что?

Петя (со вздохом). Родись мы лет на десять пораньше — и воевали бы теперь на фронте.

Володя. Петя, а что если попробовать махнуть прямо на передовые позиции?

Петя. Ничего не выйдет. Отец сказал: если появишься на фронте, будешь выслан немедленно. Сиди дома, учись, заботься о матери, о родных, поддерживай порядок и дома, и в школе, и на улицах! Ну, а уж раз капитан Макаров сказал — точка.

Володя. Возмутительно: тебе скоро пятнадцать лет, вполне взрослый, умеешь стрелять, вообще готов к труду и обороне — и все равно ходу нет! А я бы такие подвиги совершал!

Петя. Папа мне еще сказал так: на твой век войны хватит! Смотри, говорит, что на земном шаре-то делается.

Володя. На наш век войны хватит? Как же это понимать?

Петя. Давай-ка лучше планом займемся. По-моему, наш план совсем надежный. Абсолютно.

Володя. Тем более надо сохранить его в тайне.

Петя. Слышал. Слышал...

Володя. Ого, уже девять! Пора домой. А то мама будет беспокоиться. На улицах затемнение. (Сворачивает карту.)

Петя. Оставь карту. Я посижу еще над планом. Поработаю.

Володя. Смотри, Петя, как бы кому в руки не попало.

Петя. Ну, хватит. Заладил тоже. Сказал — будет в тайне. Чего зря повторять!

Володя. И буду всегда повторять. Ну, пока, друг!

Петя. До завтра.

(Володя уходит в дверь направо.)

Петя (складывает карту и вдруг порывисто прижимает ее к груди). Эх, папа! Все думают, что я маленький. По годам-то маленький, но я все отлично понимаю. Ну, довольно, Петр Макаров. Пошли работать! (Уходит в дверь налево.)

Марфа Петровна (входит, румяная). Дома никого. Петя! Молчит. Уснул, поди. Ох, подарки надо разложить. (Садится за стол, быстро раскладывает подарки по ящичкам.) Кому какие подарочки попадут? Как мой там?

(Из комнаты справа слышен стук двери.)

Марфа Петровна (вздрагивает). Кто это там?

Ольга Ивановна (входит). Это я. Здравствуй, мама. Петя спит?

Марфа Петровна. Здравствуй. Оля! Петя уснул, поди. А Васенька письмом прислал!

Ольга Ивановна. Где? Где оно?

Марфа Петровна. Вот оно. На-ка! (подает ей письмо.)

Ольга Ивановна (жадно хватая письмо, читает его). «Дорогие папа и мама...» (Продолжает читать про себя). Как славно, мама! Где же письмо?

Марфа Петровна. Я же тебе дала.

Ольга Ивановна. Это — вам. А мое письмо, мне письмо?

Марфа Петровна. Это все письмо.

Ольга Ивановна (вздрагивает и начинает шагать по комнате). Очень хорошее письмо, мама. Оба — и Ваня, и мой Василий живы, здоровы, оба героически себя ведут!

(Марфа Петровна подходит к ней, обнимает.)

Марфа Петровна. Не надо, Оля, не надо!

Ольга Ивановна. Мама, все в порядке.

(Марфа Петровна подталкивает ее к дивану; они садятся.)

Марфа Петровна. Все вижу! И повадка-то у тебя вся, как у Васи. А

ты не думай! Не думай! Это я, мать, тебе говорю.

Ольга Ивановна. Мог бы он хоть открыточку мне написать!

Марфа Петровна. Написал, Оля, написал. Уж я Васеньку знаю. Помню—отца жандармы посадили. Я с двоими мальчишками на руках—Вали еще не было. Стиркой кусок хлеба зарабатывала. А Вася все лезет: давай, мама, я тебе помогу. Придет, говорит, папа, всех богатых побьет. Всем бедным хорошо будет жить. А у самого глазенки горят! Я-то Васеньку знаю. И тебе он письмецо написал. Может, сейчас почтальон постучит—вам письмо!

Ольга Ивановна. Хорошо, мама, хорошо, все в порядке. Жив. Здоров. А я так волновалась, так волновалась.

Марфа Петровна. Чего, Оля?

Ольга Ивановна. Эти дни к нам в институт то-и-дело приезжают из госпиталей. Давайте кровь! Давайте кровь! Раненых много. На фронте, видно, наступление идет!

Марфа Петровна (встревоженно). Когда они письмо написали?

Ольга Ивановна (рассматривает письмо). Пять дней тому назад.

Марфа Петровна. А что с ними сейчас? Может, их в живых нет. Говоришь—наступление идет?

Ольга Ивановна. Не надо, мама, милая! И не думайте! Все в порядке, я вам верно говорю.

Марфа Петровна. Сердце томится, Оля.

Ольга Ивановна. Что вы, мама! Я же Василия знаю. Он храбрый и умный командир. Он всех сбережет.

Марфа Петровна. Беда! Чую—беда! Будь она проклята, война! Отняла, из души вынула самое родное!

(Слышен звонок. Они вздрагивают. Ольга Ивановна выходит в дверь направо.)

Марфа Петровна (тоже встает). Кто там, Оля?

(В дверях появляется бледная Ольга Ивановна.)

Убиты?

Ольга Ивановна. Мама, успокойтесь! Живы, оба живы.

Марфа Петровна. Все говори.

Ольга Ивановна. Иван ранен.

Марфа Петровна. Где? Где он? Что же я стою? Идем! (Идет из комнаты.) Идем! Сама его спасу!

Занавес.

★

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Госпиталь. Палата и коридор, сообщающиеся дверью. В палате белоснежная койка. Рядом тумбочка. На ней корзина цветов. В углу—на другой тумбочке—корзина с фруктами. Светло от лампы на металлическом вилке, который можно по желанию сгибать. На койке Иван Макаров. Нога распухшая, словно бревно,—лежит на подушке. Обе руки перевязаны. Дверь из палаты в коридор закрыта. В коридоре вдоль стены столики. На столиках—цветы. Удобные, плетеные кресла. В кресле спит Марфа Петровна. Ольга Ивановна и Анна Михайловна идут по коридору к палате.

Ольга Ивановна (подходит к ней). Мама! Вы больны?

Анна Михайловна (берет ее за руки). Марфа Петровна, голубчик!

Марфа Петровна (встревоженно). Что такое? Что с ним?

Анна Михайловна. Все хорошо с ним. По-честному. А с вами что? Лицо-то горит. Да у вас жар. У вас температура, Марфа Петровна.

Ольга Ивановна. Мама, вам надо немедленно домой, в постель.

Марфа Петровна. Перестаньте.

Анна Михайловна. Нет, вы посмотрите на нее.

Ольга Ивановна (строго). Я вас сейчас же отведу домой.

Анна Михайловна. Строгий приказ. Без разговоров. (Помогает Марфе Петровне встать.)

Марфа Петровна (*подходит к двери палаты, прислушивается. Приглушенным голосом.*) А если здесь что случится? Скажите вы мне, выживет мой Ванечка?

Ольга Ивановна. Он будет жить.

Анна Михайловна. Марфа Петровна, по-честному, — плясать еще будет!

Ольга Ивановна. Идемте, мама!

Марфа Петровна. Хоть взглянуть разочек.

Анна Михайловна. Еще разбудите его. Пусть спит.

Ольга Ивановна. Идемте, не беспокойтесь. Ему лучше и лучше. А вам — на вас смотреть больно! Поправитесь — я сама вас привезу.

Марфа Петровна. Как же я уйду!

Ольга Ивановна (*берет под руку, ведет*). Приказ — есть приказ.

(Уводит Марфу Петровну по коридору. Анна Михайловна осторожно заходит в палату.)

Иван Макаров (*порывисто поднимает голову*). Бейте их! Бейте!

Анна Михайловна (*подходит, поправляет подушку*). Кого бить, Ваня? Нет никого!

Иван Макаров. Вот тут только что два фашиста стояли!

Анна Михайловна. Приснилось вам. Пить хотите?

Иван Макаров. Дайте.

Анна Михайловна. Вина налить?

Иван Макаров. Нет, дайте водички. Я водички хочу.

Анна Михайловна (*поит его из поильника*). Попейте, голубчик!

Иван Макаров (*откидывается на подушку*). Спасибо. И теперь я усну.

Анна Михайловна. Спите, голубчик, спите. (*Выходит из палаты.*)

(По коридору на цыпочках быстро подошла тем временем Валя в белом халате, в белой косынке, из-под которой выбиваются огненные кудри.)

Валя (*обращается к Анне Михайловне*). Как Иван?

Анна Михайловна. А ты ти-

ше, тише, девица. Садись сюда! (*Усаживает ее в кресло.*)

Валя. Неужели он умрет?

Анна Михайловна. Второй раз переливание крови сделали. И сыворотку впрыснули.

Валя (*мрачно, сосредоточенно молчит.*) Анна Михайловна, когда вы первый раз кровь давали — вам страшно было?

Анна Михайловна. Еще как!

Валя. Как это было?

Анна Михайловна. Сестра моя совсем на ладан дышала. Доктора сказали, одна надежда на переливание крови. А нас с сестрою на белом свете — двое, больше ни души родной не осталось. Я и думаю, — не хочу без нее жить одна горькой сиротой, умрем вместе. Да и говорю докторам: берите мою кровь для сестры.

Валя. А дальше? Взяли кровь?

Анна Михайловна. Стали меня осматривать, обследовать. Доктора говорят, — у вас первая группа крови, лучше не бывает, для всех групп подходит. Возьмем у вас кровь. — Берите, говорю. А дух мой обмирает, смертынька моя, ох...

Валя. Ну? Ну, дальше как?

Анна Михайловна. Вот и умерла. Посмотри-ка на меня. (*Встает, поворачивается — пышная, славная, румяная.*)

Валя. Вы все шутите, Анна Михайловна.

Анна Михайловна. А унылую, Валя, и блоха добьет! Да что ты задумалась? Я с тех пор литров двадцать крови дала. Гордости, гордости сейчас во мне! Это же красиво, радостно, почетно: дарить кровь. Я свою книжку донора, как орденский документ, ношу. (*Вынимает из кармана серенькую книжечку.*)

Валя (*берет ее*). Как я вас уважаю, Анна Михайловна!

Анна Михайловна (*прячет книжечку*). Ладно, ты тут сиди, слушай. Мне надо в нижние палаты сходить.

Валя. Хорошо, Анна Михайловна. (*Анна Михайловна уходит по коридору. Валя раскрывает книгу, прислуши-*

вается к тому, что в палате. А из соседней палаты выходит красноармеец Шеглов с забинтованной рукой. Он подходит к Вале, и она вздрагивает.)

Вал я. Напугали.

Красноармеец Шеглов. Извините. Больше никогда не буду. А вы, видать, надолго к нам? С книжкой? (Садится в кресло рядом.)

Вал я. На ночь. Буду дежурить.

Красноармеец Шеглов. Брата сегодня в операционную возили, на перевязку. Ох, и терпеливый!

Вал я. Расскажите, пожалуйста, как все это там было.

Красноармеец Шеглов. Да я вам уже четыре раза рассказывал. Помните, как командир роты послал связь восстановить. Без связи вся рота погибла бы. А за ротой и переправа наша загремела бы. Точно. Ну, наша рота устояла, — связь была, лейтенант Горленко по телефону огнем артиллерии управлял. Артиллерия аж с той стороны реки била. Вот и думайте, если бы не Иван Макаров, что бы там было!

Вал я. Ну, как, как это было?

Красноармеец Шеглов. Какскомандовал он мне именем Родины, — у меня в сердце завихрилось! Он-то один остался да еще раненный, — не уйти! Там я его и нашел утром под елочкой.

Вал я. Но как же он восстановил связь? Неужели ток через него шел?

Красноармеец Шеглов. В этом все дело. Подумать только: стужа, а тут надо голыми пальцами провод держать, и так тебя при вызове дернет, так дернет! Конечно, связь была не ахти какая, сопротивление большое — тело человека, а все-таки себя оправдала. Лейтенант Горленко огонь артиллерии вызвал.

Вал я. А тот, ваш командир, храбрый?

Красноармеец Шеглов. Лейтенант Горленко? Гвоздь! Так мы его и зовем! Гвоздь!

Вал я. Рассказывайте. Расскажите о себе.

Красноармеец Шеглов (посмеивается). Если бы не со мной лично это было, никогда бы не поверил.

Вал я. Рассказывайте, рассказывайте.

Красноармеец Шеглов. Я его-чуть свет (кивает головой в сторону палаты) на том самом месте, под елочкой нашел. Это уже наши танки прошли, всех беляков разгромили. Нашел его, а он еще улыбается, губы белые-белые. У меня сердце, словно ножом, полоснуло. Положил его на санки изпод снарядов и повез. Надо скорее к переправе. Я напрямик через озеро. А противник снарядами бьет и бьет. Я бегом. Вдруг перед глазами встали вода, лед, прямо стена. И я под воду ушел! Батюшки, водой обожгло, нахлебался сразу. Слышу — грохнуло, лечу вверх, потом вниз. Шлепнулся. Гляжу — на льду я. Вода хлопает. В двух шагах санки, Макаров на них лежит белый, на меня смотрит. Я вскочил. Думаю — неудобно получается. Схватился за веревочку от саней и ходу. Прямо к переправе. Там только и разглядел, что в руку ранен.

Вал я. Но как же все это?

Красноармеец Шеглов. Снаряд лед проломил, и я ухнул в прорубь. Он там в глубине разорвался, меня водой и вышибло обратно. Вот и вся недолга. Поправлюсь — и опять в строй. Теперь вам черед рассказывать.

Вал я. Что же вам рассказать?

Красноармеец Шеглов. Расскажите из истории. Я очень люблю историю.

Вал я (вдруг оживляется, берет со стола книгу, заглядывает в нее, потом захлопывает). Историю любите? Хотите, я вам расскажу про средние века.

Красноармеец Шеглов. Хорошо.

Вал я. Начало средневековья мы считаем с времен падения Римской Империи и образования в Западной Европе государств варваров-готов, остготов, вестготов, тевтонов и франков...

(В глубине коридора появляется Анна Михайловна. Толстая и добродушная, в развалочку, но очень быстро идет сюда, к палате.)

Красноармеец Шеглов (сконфуженно). Вы мне про этих тоже расскажите.

Валя. Про эти народы? Ну, конечно, расскажу.

Анна Михайловна (подходит). Товарищ Шеглов, вам пора спать.

Красноармеец Шеглов. Эх, только начали...

Анна Михайловна. Без разговоров.

Красноармеец Шеглов. Сестричка, завтра увидимся?

Валя. Конечно!

Красноармеец Шеглов. Ну, спокойной ночи. (Уходит.)

Анна Михайловна и Валя. Спокойной ночи!

Анна Михайловна. За временем смотреть надо, Валя. «Только начали». Чего это вы начали?

Валя. Я зачет по истории готовлю, вот и начала ему рассказывать.

Анна Михайловна (подобрав). Во-время надо. (Прислушивается, что в палате.) Спит?

Валя. Не зовет.

(В глубине коридора появляются, быстро идут сюда Ольга Ивановна и старик Макаров.)

Анна Михайловна. Отец идет. Валя (взволнованно). Отец! Папочка!

Анна Михайловна. Ну-ка, марш от греха в дежурку.

Валя. Хорошо. (Уходит в дверь дежурки.)

(Анна Михайловна отходит к двери палаты.)

Макаров (подходит с Ольгой Ивановной к палате). Оля, мне всю правду надо говорить.

Ольга Ивановна. Я же вам сказала, папа.

Макаров. Ну?

Ольга Ивановна. Бациллы, живущие в земле, попали в рану, вызвали этот процесс. Мы перельем еще кровь, чтобы взбодрить организм. Он молодой, могучий. Но его надо поддерживать!

Макаров. Сердце выдержит?

Ольга Ивановна. Должно выдержать, папа.

Макаров. А нога будет цела?

Анна Михайловна. Сохраним ногу! По-честному.

Макаров (жмет ей руку). Спасибо.

Анна Михайловна. Вам за такого сына спасибо.

Макаров (сморкается в клетчатый платок). Гм... Да.

Анна Михайловна. Под наркозом даже наша сестра, женщина, иной раз так ругается, тошно слушать. А ваш сын ни одной грубости не обронил. О родине говорил, о народе. Душа-то чистая.

Ольга Ивановна (тем временем заглянувшая в палату). Можно, папа?

Макаров. Сейчас, сейчас.

Ольга Ивановна (подводит его к двери). Идите. А нам с Анной Михайловной надо распорядиться.

(Уходит с Анной Михайловной по коридору.)

Макаров (заходит в палату, проходит к койке).

(Иван Макаров пытается подняться.)

Лежи, лежи, Ваня.

Иван Макаров. Да лежу вот, папа. Приходится.

Макаров. Как же это ты, Ваня? Эх! Гм... Да... В общем поговорим, когда поправишься.

Иван Макаров. А ты не сердись, папа.

Макаров. Нога как?

Иван Макаров. Ничего. Ну, да... Ничего.

Макаров. Эх, Ванюша!

Иван Макаров. Не надо, папа. За битого двух небитых дают.

Макаров. Помолчи, ты. Помолчи. (Аккуратно оправляет одеяло, садится на стул рядом с койкой.) Болит нога, Ваня?

Иван Макаров. Ничего.

Макаров. А ты правду говори.

Иван Макаров. Терпеть можно.

Макаров. Попить хочешь, вояка?

Иван Макаров. Да.

Макаров (берет с тумбочки поильник, поит сына). Вот так я тебя, маленького, поил.

Иван Макаров (*напился и откинулся на подушку*). Ох!..

Макаров (*заботливо оправляет подушку*). Устал, Ваня?

Иван Макаров. Обидно, папа. Василий там, товарищи там. А тут валяйся, как колода.

Макаров. Успеешь. Помолчи. Поправишься, — приедешь на завод к нам в гости героем.

Иван Макаров. Какой уж там герой!

Макаров. А ты не спорь. Молчи!

Иван Макаров. На заводе как, папа?

Макаров. Победу ищем, Ваня. Такую броню теперь делаем, уж не пробьют.

Иван Макаров. Хорошо бы побольше!

Макаров. Будет, Ваня! И новости будут еще (*поправляет подушку, одевало*). Ванюша!

Иван Макаров (*закрыв глаза*). Сиди, папа. Рассказывай, как маленькому. Так меньше болит.

Макаров (*поворачивает металлический виток лампы так, чтобы свет падал в сторону, теперь он с сыном — в тени*). Жили-были старик со старухой. Жили они у большой реки в славном городе.

Иван Макаров. В Ленинграде?

Макаров. И было у них два сына и дочка.

Иван Макаров. Валечка?

Макаров. И все они крепко-накрепко любили свой город.

Иван Макаров. Город Ленина?

Макаров. Люди спрашивали: за что вы любите так свой город? А они отвечали: «Прежде всего мы — город дела. Большого великого дела. Дело

это начали в нашем городе Ленин и Сталин, за ними пошли наши братцы-ленинградцы. Разъехались они по всей стране — со словами Ленина, Сталина в сердце. Нет такого местечка в стране, где бы они не ломали хребет старому миру, братцы-ленинградцы.»

Иван Макаров. Нет такого местечка в стране.

Макаров. Вырастили сыновей старик и старуха умных, толковых. А сам старик, видно, из ума выживать стал. И обидел однажды младшего сына совсем напрасно.

Иван Макаров. Выдумал, папа.

Макаров. Выросли сыновья. И как же сам город вырос, — могучей красой поднялся.

Иван Макаров. Любимый мой!

Макаров. Возненавидел старый мир наш город Ленина и пошел на него войной. Подобрался совсем близко. Развернул тут плечи наш город и отлетели враги. Помчались на них братцы-ленинградцы, бьют-молотят! А город стоит — могучий, гром гремит на заводах, куют братцы-ленинградцы победу!

Иван Макаров. Папа!

Макаров. Что, Ваня?

Иван Макаров. Напиши за меня письмо.

Макаров. Кому?

Иван Макаров. Товарищу Сталину.

Макаров. О чем?

Иван Макаров. Напиши: «Извините, дорогой товарищ Сталин, я ничем сейчас, никаким делом не могу отметить ваше шестидесятилетие». Запомнил?

Макаров. Запомнил, Ваня.

Иван Макаров. Как только поправлюсь, немедленно вернусь в строй за боевую работу!

Занавес.

★

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Кабинет в Смольном. Затемненные окна. Портреты Ленина, Сталина. Бюст Кирова. На стене — большие часы. Технический секретарь — усталая белокурая женщина — встречает входящих рабочих.

Техсекретарь. Проходите, товарищи, садитесь!

(Рабочие, переговариваясь, входят, рассаживаются вокруг стола.)

Кировец. А надолго это рассаживаться, дорогуля?

Техсекретарь. Как все соберутся, сейчас и начнем.

Кировец. Да зачем мы ни свет, ни заря понадобились? На заводе никто толком не сказал.

Техсекретарь. Придет заведующий военным отделом, он сам расскажет.

Кировец. Военным... Вон оно что! Макаров (входит в спецовке, грозный, настороженный). Здравствуйте, товарищи.

Рабочие. Здравствуй, товарищ Макаров.

— Петру Ивановичу!

— Здорово, Макаров!

Кировец (подходит к Макарову, низенький, коренастый, с рыженькой редкой бородкой, здороваётся). Здравствуй, Петр Иванович. И твои мощи подняли, а?

Макаров. Здравствуй, Иван Иванович! Все чудись, подъялдыкиваешь, а?

Кировец. Я — что? Наши вот чудят. Глянь-ка на циферблат — пятый час утра. Меня с постели подняли.

Макаров. Значит, понадобился. А где твоя постель стоит?

Кировец. Зис сто один подали. Пожалуйте, а? Я так думаю, что-то ослабело. Заминка... С этими самыми... дотами, шюцкорами, а? Вот мы и понадобились! Ночью вызвали!

Макаров. Чудило-чудило! Кого же вызывать, как не нас с тобой? Ты что прибедаешься, Иван Иванович? А помнишь, вместе в семнадцатом году бежали в Пулково Краснова отбивать? А в девятнадцатом «Серую лошадь» тоже вместе штурмовали.

Кировец. Да это ж когда было!

Макаров. Зис сто один ему подали! Пешком бы сам прибежал!

Кировец. Ну, и прибежал бы, и ты такой же, Петр Иванович. Прижмешь как медведь, и давишь, и давишь!

Макаров. Где постель твоя стоит В Красном уголке, что ли?

Кировец. А ты откуда знаешь?

Макаров. Я себе тоже в Красном уголке постельку оборудовал. Где ж тут с завода домой ходить!

Кировец. Слышал, зачем вызвали.

Макаров. Знал бы — не сказал

Кировец. Петр Иванович, как сына ка здоровье?

Макаров. Не спрашивай, Иван Иванович! Тяжело!

Кировец. А ты у меня повздыхай повздыхай! Я вот тебе дам подзатыльник

Макаров. Знаю, что и тебе жалко Иван Иванович. Креплюсь. Вот душ болит.

Кировец. Новое дело, а говорят что души-то и нет.

Макаров. Опять чудись! Болит значит есть. Наша. Рабочая.

Кировец. Ты его калинкой бы по поил!

Макаров. Чего?

Кировец. Я говорю, Ивана-воин калиной надо поить. Ветки молодые на парить и отваром вместо чая поить. дрянь из тела гонит, и силу дает. У моя баба знает эти дела. Я ее пришил к твоей Марфе Петровне.

Макаров. Пришли, Иван Иванович, спасибо.

Кировец (ворчиливо). Что же он нас на зимовку сюда собрали? Смотри Петр Иванович! И ижорцы здесь. у меня там детали в отжиге! Душа и на месте! Вдруг — что случится!

(Входят еще несколько рабочих.)

Рабочий. Да тут народу! К обед не, что ли, собрались. И Петр Иванович!

Макаров. Здорово, братцы-ленинградцы!

Рабочий. Петр Иванович, не слы

хал, как там на фронте? Скоро врагов разгромим?

Макаров. Про это не скажу. А вот, как вы программу выполняете?

Рабочий. Да если бы наши электростанции энергию давали сколько просим, мы бы двести процентов дали!

Макаров. С энергией не хитро. Ты сумей вот так выполнить.

Рабочий. От вас все равно не останем!

Макаров. Прыткий какой!

Зав. воен. отд. (входит). Здравствуйте, товарищи! Все собрались? (Осматривает собравшихся.)

Кировец. Откуда же мы знаем, все или нет? Вы нас собрали, а не мы вас. На мой взгляд — представителей пионеров нет. Октябрят не видать. Женотдела тоже!

(Собравшиеся смеются.)

Зав. воен. отд. Обойдемся как-нибудь. Значит, все собрались. Садитесь поближе, товарищи! Товарищ Макаров, здравствуйте! Если что-нибудь понадобится сыну, — скажите, все будет сделано!

Макаров (смущенный и благодарный). Спасибо, товарищ. Все есть!

Зав. воен. отд. На всякий случай помните, в любую минуту. Хорошо. Давайте начнем, товарищи. Товарищ секретарь, вы можете быть свободны.

Техсекретарь. Спасибо. (Уходит.)

Зав. воен. отд. Товарищи! Вас, конечно, интересует положение на фронте?

Голоса. Вы бы рассказали!

— Скажите коротенько!

Зав. воен. отд. Товарищи, прежде всего, если день и ночь мы выматываем фашистов? И артиллерийским огнем, и авиацией, и непрерывными поисками разведчиков. А тем временем идет подготовка к удару.

Кировец. А нельзя узнать?

Зав. воен. отд. Что?

Кировец. Скоро? Этот? Штурм?

Зав. воен. отд. А я не спрашивал. Ни к чему. Зачем мне еще тяжесть на душу брать? Еще скажешь кому по дружбе. И пойдет. Да, может, до фашистов дойдет, а те — примут свои меры!

Рабочий. Вот и получил, Иван Иванович.

(Смеются.)

Кировец (тоже смеется). А может, я его испытать хотел?

Рабочий. Ух, хитрый!

Зав. воен. отд. Давайте к делу, товарищи! Руководство поручило мне поговорить с вами об одном деле. Командование обратилось в Смольный с вопросом об инструкторов экипажей усовершенствованных танков прямо на фронте, а также и о ремонте танков тоже на фронте. Танки стали теперь просто замечательные. Но все эти усовершенствования надо срочно разъяснить. Стоит вопрос о поездке на фронт самих строителей танков. Как вы думаете...

Кировец. Так бы и с самого начала сказали напрямик, а то взбулгачили народ ночью. В Смольный — легко сказать!

Макаров. Иван Иванович, опять?

Кировец. Да молчу, молчу, ну тебя!

Зав. воен. отд. Вы как, товарищ Макаров?

Макаров. Говорите, когда будем выезжать!

Рабочий. Вот это да!

Голоса. Чего тут рассусоливать!

— Валенки, полушубки хорошо бы получить.

— По утрам, по светлому — и в дорогу!

Зав. воен. отд. А кого бригадиром, товарищи?

Голоса. Макарова!

— Петра Ивановича.

— Кого же, как не его?

Зав. воен. отд. Вот и славно. И мы тоже думали — просить товарища Макарова.

Макаров. Меня просить нечего!

Кировец. Опять я к тебе под руку, Петр Иванович!

Макаров. Опять вместе, Иван Иванович.

Зав. воен. отд. Я вижу — дело ладится?

Голоса. А чего ему не ладиться?

— Пойдет дело!

— Еще как пойдет-то!

Зав. воен. отд. Будем считать дело решенным. Товарищи, отсюда на машинах по домам. Взять теплое белье, полотенце, мыло, зубную щетку и порошок. Валенки и полушубки получите в штабе, питаться — в частях. Родным сказать — едете в командировку. Сбор здесь. К 7 часам утра. У кого есть вопросы?

Макаров. У меня есть вопрос.

Зав. воен. отд. Пожалуйста.

Макаров (*вынимает из бокового кармана бумагу.*) Проект у меня есть,

товарищ! Вот и чертежик! Щиток броневой для пехоты. Боец укрывается за щитком, толкает его и продвигается вперед.

Зав. воен. отд. Очень ценно. Прошу оставить. Обсудим. Вопросы еще будут?

Кировец. У меня вопрос.

Зав. воен. отд. Пожалуйста.

Кировец. У меня частность... Личное, так сказать... По такому морозу в сорок градусов я бы сорокаградусной тяпнул...

Зав. воен. отд. Клин клином выбить?.. Это чертежа не требует.

Макаров. Время терю, товарищи.

(Движение.)

Занавес.

★

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Остров. Гигантские, в полтора и два обхвата, сосны, словно бронзовые колонны. Огромные заснеженные скалы, валуны. Между сосен и скал видна синеватая равнина занесенного снегом льда. Вдали вражеский берег, скалистый, поросший вековым лесом. Над лесом, над берегом господствует огромная светлая высота, поросшая редким лесом. Вершина ее голая, каменная. На этой высоте — наблюдатель врага. Оттуда виден каждый человек на льду залива. В густом лесу, между камней и валунов, вражеские позиции. Сияет мартовский день. Солнце в зените. Слева у скалы наблюдательный пункт командира полка.

Слева выходят комдив, командир полка и группа командиров. Комдив в бекешке с сизыми смушками, в синей кубанке с синим верхом.

Комдив. Товарищ командир полка, вы просматриваете оперативные сводки перед отправкой?

Командир полка. Обязательно, товарищ комдив.

Комдив. В последней сводке почему-то не указано, что полк вышел на ту сторону залива и захватил высоту Лысую и шоссе за нею.

Командир полка. Товарищ комдив, полк...

Комдив. Разъясните штабному командиру его ошибку.

Командир полка. Товарищ комдив, противник на том берегу залива занимает сильную оборону. Два моих батальона второй день лежат на льду, метрах в полторастах от берега.

Комдив. Не по сезону принимать солнечные ванны... на льду!

Командир полка. Противник прижимает огнем. У меня в резерве только батальон капитана Макарова.

Комдив. Вызовите его сюда!

Командир полка. Есть, вызвать капитана Макарова. Товарищ старший лейтенант!

Старший лейтенант. Есть, вызвать капитана Макарова! (*Четко поворачивается на месте и бросается со всех ног за скалы, за сосны.*)

Комдив. Какое настроение у бойцов?

Командир полка. Исключительный подъем. Перед наступлением десятки бойцов подали заявления в партию.

Как один, написали: идя в бой, хочю умереть коммунистом.

Комдив. Редактор газеты печатал вот такие письма. Военный совет так его пробрал!

Командир полка. Неясно, товарищ комдив.

Комдив. И редактору было неясно. Военный совет разъяснил. Почему, идя в бой, умереть коммунистом? Победить надо коммунистом!

Командир полка. Точно, товарищ комдив.

Комдив. Товарищ командир полка, приказываю сегодня к исходу дня забрать высоту Лысую, оседлать стратегическое шоссе. Задача должна быть выполнена при любых обстоятельствах, любой ценой!

Командир полка. Приказано к исходу дня забрать высоту Лысую, оседлать стратегическое шоссе.

Комдив. Немедленно довести до каждого бойца: с выходом на шоссе, мы сядем на горло противнику, ломаем ему это горло. И обеспечим плацдарм для прямого удара по всему тылу врага, — одновременно отрезав всю его действующую армию.

Командир полка. Разрешите бросить батальон Макарова, и мне лично возглавить атаку, товарищ комдив.

Комдив. Отставить! В начале войны сошло бы, тогда многие, забыв про все, в атаки бегали! Ваша личная храбрость известна. Но нам нужна храбрость для организации победы, а не для личного успокоения. Ваше дело — управлять боем, организовать, обеспечить! Командир батальона со своим делом лучше нас с вами справится. Как вы используете технику, какое у вас взаимодействие? *(Проходит к краю скалы, смотрит в бинокль на лед, на тот берег, на высоту Лысую.)*

Командир полка. Пехота шла за танками под прикрытием артиллерийского огня. Но белофинны отрезали ее ружейно-пулеметным огнем. Со вторым батальоном то же. Белофинны снова положили пехоту.

Комдив *(не отрывая бинокля от глаз)*. Каждую кочку на десять кило-

метров видно. На высоте Лысой наблюдатели?

Командир полка. Им все видно, как на ладони, товарищ комдив. Открывают артиллерийский огонь по отдельным людям.

Комдив. На Сумме, у Хоттинена, на высоте шестьдесят пять хуже было, а прорвали. Что решило там дело?

Командир полка. Техника. Взаимодействие.

Комдив. Герои патриоты, использовавшие технику. Артиллерия и танки прочищали путь пехоте, уничтожали проволоку, надолбы, минные поля, кололи доты. Запомните: полное использование техники, полное взаимодействие всех родов оружия — это партийная линия на войне. Этого требует товарищ Сталин.

Капитан Макаров *(выбегает из-за сосен, встает перед комдивом)*. Товарищ комдив, вверенный мне батальон выполнил боевой приказ, находится во втором эшелоне, готовый к выполнению дальнейшей боевой задачи.

Комдив. Здравствуйте, товарищ Макаров.

Капитан Макаров. Здравствуйте, товарищ комдив.

Комдив. Спасибо за боевую работу, товарищ Макаров. Отстояли честь дивизии. Оправдали доверие. Батальон хорошо дрался, одобряю. Передайте это бойцам. Готовьтесь к решающему бою.

Капитан Макаров. Товарищ комдив, приказ будет выполнен.

Комдив. Товарищ командир полка, ставьте задачу.

Командир полка. Есть, поставить задачу. Товарищ комбат! Приказываю к исходу дня выйти с батальоном на тот берег и захватить шоссе за высотой Лысой!

Капитан Макаров. Приказано к исходу дня выйти батальоном на тот берег и захватить шоссе за высотой Лысой! Разрешите спросить, что придается батальону?

Командир полка. Артиллерийский дивизион, взвод полковой артиллерии, минометный взвод полка. Десять минут на решение.

Комдив. А танки?

Командир полка. Придаю танки. *(Вглядывается.)* Где командир танкистов? *(Громко.)* Товарищ Степанов.

Голос *(из-за скалы)*. Есть!

(Быстро входит командир-танкист.)

Капитан Макаров. Товарищ комдив, разрешите обратиться к командиру танков?

Комдив. Пожалуйста.

Капитан Макаров *(танкисту)*. Товарищ командир, сколько можете дать танков?

Командир-танкист. Сколько надо — столько и дам.

Капитан Макаров. Сто танков дадите?

Командир-танкист. А разрешите узнать, кто вы будете?

Капитан Макаров. Командир 3-го батальона.

Командир-танкист *(осматривает капитана Макарова, заросшего, небритого, с ног до головы)*. Да... Не видать что-то!

Капитан Макаров. Товарищ командир полка, танки поддерживают батальон или приданы батальону?

Командир полка. Приданы, товарищ комбат.

Капитан Макаров *(танкисту)*. Вы слышали, товарищ командир?

Командир-танкист. Точно, товарищ командир.

Капитан Макаров. А раз слышали, так слушайте теперь мой приказ!

Комдив. Правильно, товарищ Макаров. Техника подчиняется пехоте. Последнее слово — за пехотой. Пехоте придется ставить свою твердую ногу на том берегу, на высоте. Поняли, товарищ командир?

Командир-танкист. Точно, товарищ комдив.

Капитан Макаров. Сколько танков дадите?

Командир-танкист. Тридцать.

Капитан Макаров. А сколько бойцов они поднимут?

Комдив. Товарищ капитан, что вы надумали? По глазам, по всей ухватке вижу. Докладывайте.

Капитан Макаров. Товарищ

комдив, мое решение такое. Белофинны занимают природную крепость, усиленную сооружениями. Сбить их возможно только молниеносным ударом.

Комдив. Толково. Как вы его нанесете?

Капитан Макаров. Посажу пехоту на танки. На полном газу прорвусь к скалам и овладею рубежом.

Комдив. Танковый десант?

Капитан Макаров. Точно, товарищ комдив. Танковый десант. Во время броска на машинах артиллерия проутюжит мне огнем налетом весь берег.

Комдив. Оригинально мыслите. А у вас выйдет! Ваше решение считаю правильным. Как вы, товарищ командир полка?

Командир полка. Считаю решение правильным, товарищ комдив.

Комдив. Товарищ капитан, как вы организуете взаимодействие движения десанта с огнем артиллерии?

Капитан Макаров. Проработаем совместно всю таблицу огня. Цели укажу лично. Каждому оружию укажу лично огневую позицию.

Комдив. Не получится у вас, как в начале войны бывало? Пока идет артподготовка, белофинны в убежищах скроются, а потом вылезут и встретят вас огнем в упор?

Капитан Макаров. Не успеют им!

Комдив. Как же вы думаете?

Капитан Макаров. Артиллерия продерет берег фугасными, а «кукушек» собьет шрапнелью. Понятно, придется поработать. Белофинны, может, будут прямой наводкой бить. Наши артиллеристы не должны дать белофиннам и заряжать!

Комдив. Одобряю!

Капитан Макаров. Перенос огня артиллерии — команду подает командир артдивизиона, он будет смотреть, когда я на танках подойду к берегу. Я брошу серию зеленых ракет. Связь потяну за собой на танке.

Комдив. Во что одеты красноармейцы?

Капитан Макаров. Ватные стеганые куртки, шинели.

Комдив. Шинели не думаете оставить? Легче будет атаковать.

Капитан Макаров. Точно, товарищ комдив: шинели оставим.

Комдив. Толково. Одобряю.

Капитан Макаров. Разрешите приступить к выполнению боевой задачи, товарищ комдив?

Комдив. Доложите командиру полка.

Капитан Макаров. Товарищ командир полка...

Командир полка. Ваш успех будет развивать оба других батальона, товарищ Макаров. Можете исполнять!

Капитан Макаров. Есть! (Обращается к командирам-артиллеристам и танкисту). Товарищи командиры, прошу ко мне!

Комдив. Уверен в вашей победе, товарищ капитан.

Капитан Макаров. Приказ будет выполнен, товарищ комдив.

(Комдив с группой политработников уходит влево.)

Лейтенант Горленко (вбегает). Товарищ капитан!

Капитан Макаров (отводит его). Это вы утром с того острова бегом по льду бежали?

Лейтенант Горленко. Точно, товарищ капитан. Просмотрел всю систему огня противника.

Капитан Макаров. Без одного залегания пробежали?

Лейтенант Горленко. Точно, товарищ капитан! Только шерсть из полушубка под халатом летела. Двенадцать пуль, ни одной раны.

Капитан Макаров (во внезапной и страшной ярости). Какое вы имели право рисковать? Перед решительным штурмом?

Лейтенант Горленко. Товарищ капитан, надо было...

Капитан Макаров (все так же яростно). Надо было ползти час, два, три часа, не поднимая головы, сливаясь с землей. Вас могли убить, а вы мне нужны!

Лейтенант Горленко. Больше этого никогда не будет! Даю честное слово!

Капитан Макаров (совсем другим тоном — сердечным, из самой глубины души). Хорошо. Все в порядке, Михаил?

Лейтенант Горленко. Точно, Василий Петрович. Только я хочу...

Капитан Макаров (останавливает его легким прикосновением руки, вынимает из полевой сумки сложенную вчетверо бумагу). Я написал рекомендацию в партию и ручаюсь за тебя, Михаил!

Лейтенант Горленко. Василий!

(И они крепко обнимаются.)

Капитан Макаров (с улыбкой). Спрячь рекомендацию.

Лейтенант Горленко (прячет рекомендацию в полевую сумку). Есть, товарищ капитан! Василий Петрович...

Капитан Макаров. Что еще? Скорее!

Лейтенант Горленко. Письмо от Валентины Петровны получил.

Капитан Макаров. Очень рад. Ну, как?

Лейтенант Горленко (пригнувшись, взволнованно). Василий Петрович, яка ж вона для мене... горлинка...

Капитан Макаров (шутливо). Ну и быть ей Горленко! Пошли, товарищи!

(Затемнение. Грохот артиллерийского и минометного огня — протяжный, слитный и мощный. Светлеет. Тот же остров, скалистый, поросший опромывыми соснами. Только командный пункт командира батальона, капитана Макарова опустел. Слева, на скале, командир полка со своими командирами. Они смотрят в бинокли. Грохочет артогонь. Над тем вражеским берегом кипит огненный смерч. Грохот, непрерывный блеск шрапнели над соснами. Вспышки разрывов в лесу, по берегу. Взлетают ветки и стволы деревьев, огромными черными фронтами встает земля; мелькают в воздухе огромные камни.)

Штабной командир (из-за стереотрубы, замаскированной сосновыми веточками). Товарищ командир полка, ах, и пошли же танки. Пошли. С ходу ведут огонь!

Командир полка. Где Макаров? Не видно.

Штабной командир. Он был на передовом танке, со своими связными.

Командир полка. С первым и вторым батальоном связь в порядке?

Штабной командир. Точно, товарищ командир полка. Смотрите! Смотрите. Противник ведет артиллерийский огонь. На льду разрывы. Это противотанковые пушки!

Командир полка. Видите — откуда ведется огонь?

Штабной командир. С зеленого мысочка, товарищ командир полка.

Командир полка (берет трубку телефона). Командир артдивизиона? Произвести огневое нападение на ПТО противника. На зеленом мысу! Да. Навалиться на мыс дивизионом. (Отдает трубку связисту. Ходит по скале.)

(С новой силой грохочут пушки.)

Штабной командир. Что там делается, товарищ командир полка! Смерч! Сосны летят! Земля летит! Камни летят!

Командир полка (явно подражая комдиву). Правильно! (Продолжает ходить по скале, изредка вскидывая бинокль к глазам.)

Штабной командир. На зеленом мысу орудия противника смолкли, товарищ командир полка.

Командир полка. Правильно! (Застывает на месте. Вскидывает бинокль к глазам.)

Штабной командир. Товарищ командир полка, над лесом серия зеленых ракет.

Командир полка. Время!

Штабной командир. Артиллерия перенесла огонь вглубину и на фланги, товарищ командир полка. Танки остановились. Пехота соскочила. Залегла, товарищ командир! Лежит, товарищ командир. Побьют их сейчас с берега, побьют!

Командир полка. Где Макаров?

Штабной командир. Вскочил на скалу. Бросился вперед. Пошла! Пехота пошла. За капитаном Макаровым! В лесу уже!

Командир полка (связисту). Вызовите первый и второй батальоны.

Связист. Есть! (Сгибается над аппаратом.)

Штабной командир. Весь батальон в лесу, товарищ командир! Бегут, скачут, как козлы! Ура!

Связист. Есть, товарищ командир.

Командир полка (хватает трубку). Луга, Кама. Я — Хасан. Первый батальон, на берег, вперед! Второй батальон, на берег, вперед! (Отдает трубку связисту. Ходит по скале.)

Штабной командир. Встают! Батальоны встают. Пошли. Бегут, товарищ командир полка!

Командир полка. Правильно!

Штабной командир. От берега танк сюда идет. Со всей скоростью.

Командир полка. Простым глазом вижу.

Штабной командир. Батальон на берегу, товарищ командир полка. Батальон в лесу!

Командир полка (смотрит вниз со скалы). Кто там на танке? Кто? (Спрыгивает со скалы.)

Красноармеец Шеглов (вбегает). Товарищи! Лейтенант Горленко! Беда!

Командир полка. Где?

Красноармеец Шеглов. На танке.

Командир полка. Где?

Красноармеец Шеглов. Из третьей траншеи офицер резанул из автомата по животу.

Командир полка (связисту). Донести комдиву, просить прислать самолет для героя лейтенанта Горленко. Товарищ связной! Командиру артдивизиона — беглый беспощадный огонь по врагу. Где Макаров?

Красноармеец Шеглов. Капитан Макаров на высоте!

Штабной командир (со скалы. Громко). На высоте Лысой красный флаг!

Занавес.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Квартира Макаровых. Темно. Стук справа. Вспыхивает свет в прихожей. В полосе света, упавшей в столовую, тени мужчины и женщины.

Ольга Ивановна (*она говорит еще в прихожей взволнованно и радостно*). Подожди, милый, я тебе помогу! Простуженный мужской голос. Поухаживай, поухаживай!

Ольга Ивановна. Как страшно сделать тебе больно, родной мой!

Мужской голос. Ах ты, трусиха! (*Входят в столовую Ольга Ивановна и капитан Макаров. Левая рука у него в повязке через плечо, забинтована.*)

Ольга Ивановна. Не зажигай огня.

Капитан Макаров. И тут затемнение.

Ольга Ивановна. Посиди со мной. Для всех у тебя есть время. Удели немножко и мне. Тебе удобно? Не болит рука? (*Усаживает мужа на диван.*)

Капитан Макаров. Все в порядке, Оля!

Ольга Ивановна. И у нас в порядке, Василий. Петя тоже любит это говорить — «все в порядке». Как он вырос, Василий. Они с Володей Петровым послали в штаб свой оперативный план разгрома врага. Из штаба прислали ответ. Хвалят план. Соображения считают весьма ценными.

Капитан Макаров. Вот он Макаров!

Ольга Ивановна. С бабушкой у них дружба, она с ним по всем делам советуется.

Капитан Макаров. А как она? Ольга Ивановна. Прошу тебя, подасковее с ней! Побереги ее!

Капитан Макаров. Хорошо. Что же ты совсем не говоришь про себя?

Ольга Ивановна. Подожди. Это придет. Тебя не было, думала, как увижу, ну, просто заговорю тебя. А сейчас слова не попадают. А сколько раз от тоски и горя сжималось сердце! И тут одно спасенье: работа, работа, работа. Упитьея работой, общением с людьми, которым ты нужна! И тебе не придется краснеть за свою жену, Василий!

Марфа Петровна (*отворяет дверь слева*). Кто тут? (*Зажигает свет.*) Ох!

Капитан Макаров (*бросается к ней*). Мама!

Марфа Петровна (*голова ее совершенно белая; крепко обнимает его; положив руки на плечи, пытливо осматривает и вдруг прячет голову на груди Василия, и снова смотрит на него*). Здравствуй, Васенька!

Ольга Ивановна (*проводит обоих к дивану*). Да вы садьте, садьте. (*И все трое в обнимку усаживаются на диване.*)

Марфа Петровна. Опять на часок домой, Васенька? Опять домой — как домой, а как на полустанок — от поезда до поезда?

Капитан Макаров. Какой полустанок, мама? Прямо обидно. Крепость, а не полустанок! И не от поезда до поезда, — а сил набраться. До тех пор не уеду, пока рука не заживет! Мама, как ты изменилась.

Марфа Петровна. Ладно. А ты почему, такой-сякой, мало писем оттуда писал?

Капитан Макаров (*смеется*). Видно, сердце чувствовало, домой по паду.

Марфа Петровна. Отец-то! Отец и не знает, что ты дома!

Ольга Ивановна. Я звонила уже на завод, мама, когда Василий захал за мной в институт. Отца побежали искать по цехам.

Петя (*вбегает в сорочке и трусах*). Папа! Ура!

Капитан Макаров (*прижимает его здоровой рукой*). Здравствуй, здравствуй, стратег!

Петя. Почему стратег, папа?

Капитан Макаров. Ты мне все потом расскажешь. Здоров?

Петя. Здоров. Очень соскучился по тебе, папа.

Капитан Макаров (*довольный, радостный, тормошит Петю*). И я со-

скучился, сынок! Тащи-ка ранец, там гостинцы тебе с фронта.

Петя. Гостинцы с фронта! *(Петя взвизгивает и выбегает в дверь направо.)*

Марфа Петровна *(вслед)*. Одедся бы наперед!

Капитан Макаров *(матери и жене)*. А вам уж я в Ленинграде гостинцев достану.

Марфа Петровна. Ты бы мне пушку оттуда приволок, Васенька, пушки в доме нехватает.

Ольга Ивановна *(улыбается)*. Счастливая). Милый ты мой!

Петя *(вбегает. В руках у него ранец; он бухает его на стол)*. Что же тут такое?

Марфа Петровна. Сними со стола. Еще чего нехватало — на стол! *(Петя послушно снимает ранец со стола.)*

Петя. Снял, бабушка.

Марфа Петровна. Марш одеваться. Пстой. А лучше бы тебе спать, Петя. И я с вами закружилась. Полночь на дворе.

Петя. Бабушка, ни за что в жизни не лягу!

Капитан Макаров. Пускай посидит с нами, мама.

Марфа Петровна. Разбалуй мне его.

Ольга Ивановна. Только одеться, Петя!

Петя *(убегает в дверь налево)*. Момент!

Марфа Петровна. Ну, уж только на радостях. А то бы ни за что не уступила!

Капитан Макаров *(улыбается)*. Попрежнему — командир?

Марфа Петровна. В батальоне у себя командуй, а уж дома — слушайся. Тут моя власть. Как на фронте, Васенька?

Капитан Макаров. Сейчас отлично, мама. Мы беляков и за горло схватили, и под ребра им залезли. Только доламывать!

Марфа Петровна. Доломать бы до распутицы! Какая там война летом. Я грибы с отцом собирала в тех

краях, — кругом скалы, болота, топи страшные.

Капитан Макаров. Верно, мама!

Петя *(вбегает одетый и — к ранцу)*. Теперь поглядим! *(Перетаскивает ранец на подоконник, раскрывает его, восхищенный)*. Этой ни у кого в школе нет!

Марфа Петровна. Осторожно, Васенька, там ничего не выстрелит? Не мина?

Капитан Макаров *(хохочет)*. Мина? Конечно, мама, мина. Та самая, про которую в начале войны болтали, что села ворона и взорвала мину!

Марфа Петровна. Будет тебе! Нашел над чем смеяться.

Петя *(уже надел на голову каску, в руке огромная финка, другой рукой вынимает и раскладывает на подоконнике штыки, клинки, артиллерийские гильзы)*. Папа, это все белофинское?

Капитан Макаров. Всякое найдется, Петя!

Петя. Я устрою у себя музей. А это что такое, папа? *(Показывает небольшой голубой снаряд.)*

Марфа Петровна. Убери!

Ольга Ивановна. Положи, Петя.

Капитан Макаров. Сейчас это совершенно безопасно и безвредно! И здесь. И на фронте. А в начале войны этот снаряд пробивал броню наших танков, — до их усовершенствования.

Марфа Петровна. Спасибо за гостинцы, Васенька!

(Стук справа. Все оборачиваются.)

Капитан Макаров *(встает)*. Отец!

Валя *(влетает бурей)*. Василий! А я — с Иваном у порога встретилась.

Иван Макаров *(загорелый, словно бронзовый, возмужавший, входит бодро, прямо)*. Родные мои, мама, Василий!

Марфа Петровна. Ваня! Ванюша!

Иван Макаров *(подбегает к матери и крепко обнимает ее)*. Мамочка!

Марфа Петровна. Ванюша! Я

тебя раньше полмесяца и не ждала с твоего курорта. Умница ты моя!

Валя (*обнимает Василия нежно и бережно*). Хорошо. Оба вы дома.

Капитан Макаров. Растем, сестричка!

Марфа Петровна. Идите все ко мне, садитесь рядышком!

(Валя и капитан Макаров подходят к ней, и все усаживаются на диване, на стульях.)

Ольга Ивановна. Вы совсем молодцом, Ваня.

Иван Макаров (*вдруг обнимает ее крепко*). Ваша работа, Оля.

Капитан Макаров (*смеется*). Теперь вижу, совсем поправился. Вот облапил-то. Здравствуй, брат-орденоносец!

Иван Макаров. Здравствуй, брат-герой!

(Целуются, счастливые, осматривают друг друга.)

Капитан Макаров. Хорошо! Хорошо, Иван!

Иван Макаров (*показывает глазами на руку*). Василий, серьезно?

Капитан Макаров. Слегка. Вмякоть. Надкостницу чуть-чуть царапнуло. Пустяки, Иван.

Марфа Петровна. Сядьте! Все вам пустяки.

(Братья садятся.)

Валя. Расскажи, Василий, как все это было? Рассказывай, жутко, как интересно!

Капитан Макаров. Батальон ворвался на ту сторону залива, прямо на горло противнику, как наш комдив сказал. Какие скалы, траншеи! (*Смеется*.) Если бы не танки, мы на них к скалам на льду подскочили, — если бы не артиллерия, никогда бы на эту крепость не прорваться! Техника помогла! Мама, помнишь первые годы пятилетки, того, этого не было...

Марфа Петровна. Помню.

Капитан Макаров. Есть, чем скалы колоть. Да еще ленинградцы нам кое-что в подарок присылали!

Валя. Ну, артиллерия била, танки подвезли, а потом, потом?..

Капитан Макаров (*сдержанно, чуть хмурясь*). Потом! Потом — каждый на моем месте сделал бы то же самое, выполнил свой долг.

Валя. Расскажи!

Капитан Макаров. Да нечего рассказывать. Если бы не лейтенант Горленко, я бы и слова сейчас вообще не мог сказать!

Валя (*радостно вспыхивает*). Я знала, что Михаил настоящий герой! А что, что он совершил?

Капитан Макаров (*мрачный и грозный*). Михаил истинный герой!

Валя. Что же он совершил? Рассказывай.

(Молчание. Капитан Макаров избегает встретиться с взглядом Вали.)

Валя. Рассказывай! Что же ты молчишь! Мама, почему он молчит? Мама, что с ним?

Марфа Петровна (*прижимает Валу к себе, гладит ее кудри*). Не надо, доченька. Заупряжь сердце.

Валя (*решительно и бережно высвобождается*). Что ты молчишь? Говори. Я должна знать все.

(Капитан Макаров встает, отходит к окну.)

Ольга Ивановна. Валя, родная, милая!

Петя. Мама! (*Подходит и прижимается к матери, в каске, с финкой*.)

Валя. Убит? Да не молчи же ты! Мука... (*Подбегает к капитану Макарову*.)

Капитан Макаров. Он умер за Родину. Героем.

Марфа Петровна (*пытается встать*). Иди ко мне, Валя!

(Валя рукой останавливает мать. Подняв голову, медленно уходит из комнаты. Ольга Ивановна быстро выходит вслед за нею, и Марфа Петровна хочет итти, но Иван Макаров удерживает ее. Петя, вскочив, бросается котцу. Тот обнимает его.)

Капитан Макаров. И как это я... Легче в атаку итти!

Марфа Петровна. Вы в атаку пойдете... А ей какво? А матерям-то опять какво?

Иван Макаров (*берет руки ма-*

тери в свои руки). Мама, как сказать тебе про любовь нашу? Ты стала совсем белая. Седенькая наша мама. А руки-то как похудели! В госпитале я просыпался ночью в липком, изнуряющем поту, и ты была рядом, ты склонялась надо мной, как в детстве, и твои милые руки облегчали, утоляли мою боль!

Марфа Петровна (настороженно). Ты к чему это? Что ты подумал, Ваня? Говори сразу.

Иван Макаров (обращается к брату). Мне было очень туго тогда, Василий! Сознание — словно в сумерках. Нога — как бревно. А как она пахла! Я вначале не понимал. Потом подслушал: газовая гангрена, общее заражение крови. Думаю, курносая с косою недалеко. Надо мобилизоваться. Уходить не имею права. Сколько еще надо сделать на этом свете!

Капитан Макаров. Молодец, отбилась же!

Иван Макаров. Отбили, Василий. Лет десять тому назад с этой акулой и не знали, как бороться.

Капитан Макаров. А сейчас ее чем бьют?

(В двери появляются в обнимку Валя и Ольга Ивановна.)

Иван Макаров. Четыре раза кровь переливали. Четыре раза. Я сейчас дважды кровный ленинградец. Кому спасибо сказать за кровь? Она не моя. Но она моя. В сердце стучит, в жилах бьется — чистая, алая. Моя, спасительная. Кому спасибо сказать? Кому в ноги поклониться?

Валя. Народу спасибо скажи! Народу в ноги поклонись! Народ тебе ее дал.

Ольга Ивановна. Какие стужи, метели были. А к нам в институт сот-

ни народу шли. Рабочие, работницы, интеллигенция. Валя тоже...

Валя (порывисто). И они все имели право. Ты же едешь опять на фронт, Ваня!

Марфа Петровна. Опять на фронт?

Иван Макаров. Да, мама! Я должен быть там. Меня ждет мое боевое место. Потом я буду философом.

Капитан Макаров. Молодец, Ваня. Твое решение правильное!

Марфа Петровна. Когда?

Иван Макаров. Скоро за мной заедет машина.

Марфа Петровна. Сколько муки я за вас маленьких приняла. Вот пришла наша власть. Сами стали хозяева. Расцвела в радости моя душа.

Макаров (входит сияющий). Братцы-ленинградцы!

Марфа Петровна. Сядь и молчи. За всю жизнь слово держу.

Макаров. Есть, командир!

(Петя подбегает к деду, взял его за руку и подводит к подоконнику. Они садятся из стулья. Макаров слушает, разглядывая, перебирая оружие.)

Марфа Петровна. И вот опять война. Каюсь: дрогнула я. Сердцем дрогнула, зачем война? А теперь вижу и знаю, — справедливая она. Все мне глаза открывали. И ты, отец, и ты, Оля, и вы, оба. И ты, Валя! Не таюсь, я твою книжку донора нашла. Все знаю, все вижу. Справедливая война. На фронт идешь, Ваня? Иди. И ты пойдешь, Вася. Надо. Я — кадровая, и все мы под призывом, пока враг на нашу землю лезет, Родине угрожает! Идите и бейте врагов, кто бы они ни были. Вдребезги и без пощады бейте! Войной по войне! Тогда материнских слез не будет, когда наша навсегда возьмет. Это я, мать, за всех советских матерей говорю.

Занавес.

Ополченцы

Ц. СОЛОДАРЬ

★

Лег тяжелый туман на сады и леса Подмосковья
И дорогу укрыл от несмелых осенних лучей.
Каждый взгляд, каждый дом, каждый куст провожает с любовью
Батальоны идущих на Западный фронт москвичей.

Что ни видишь вокруг — все московское, наше, родное!
И бетон корпусов, и холодный багрянец листвы,
И улыбки — в сердцах батальоны уносят с собою,
Как привет, как тепло, как напутствие нашей Москвы.

Этот путь меж берез, что извилистой лентой светлеет,
Помнят с самого детства, как взгляд материнских очей,
И студент-комсомолец, и кряжистый красногвардеец —
Батальоны идущих на Западный фронт москвичей.

Но вот это шоссе, что сейчас серебрится в тумане,
Что покорно звенит под ударами мерных шагов,
Да, вот это шоссе ошестивится, вздыбится, встанет,
Вспыхнет лавой огня под ногами заклятых врагов.

И вот эти леса, и разъезды, и тихие дачи,
И лежащие под проводами большие луга —
Если враг подойдет — силу ярости гневной, горячей,
Пламя мести священной обрушат они на врага!

За пожары, за трупы, за стоны, за кровь, за мученье
И за детские слезы в тревоге бессонных ночей
Будет грозной расплата! Поручкой тому — ополченье,
Батальоны идущих на Западный фронт москвичей!

Рассказы

ЛЕОНИД СОБОЛЕВ

★

СОЛОВЕЙ

На фронте под Одессой работал отряд разведчиков - моряков. По ночам они пробирались в тыл румынам, проползая на животе между минными полями, переходя по груди в воде осеннего лимана, забираясь на шлюпке далеко за линию фронта. Они снимали часовых ударом штыка или кинжала, забрасывали гранатами хаты со штабами, сидели под обстрелом своих же батарей, корректируя огонь, — неуловимые, смелые, быстрые «черные дьяволы», «черные комиссары», как звали их румыны.

Среди них был электрик, красивый и статный моряк с гордыми усиками, которого за эти усики и за любовь к кавалерийским штанам прозвали «гусаром». Галифе, армейские гимнастерки и пилотки были вызваны необходимостью: не очень-то ловко ползать по болотам в широких морских штанах и флотских ботинках. Разведчики изменили морской форме, но «морская душа» — полосатая тельняшка — свято сохранялась на теле и синела сквозь ворот неоспоримым доказательством принадлежности к флоту, и на пилотке под звездочкой гордо поблескивал якорек.

Люди, пришедшие с разных кораблей в береговой отряд, сдружились удивительно быстро и крепко. Сказалась флотская тяга к коллективу: ничто так не сближает людей, как корабль, где люди живут, работают, спят, бьются в

бою и побеждают, и гибнут — рядом, локоть к локтю, сердце с сердцем.

В первые же дни начинающейся морской дружбы и узнавания друг друга «гусар» обнаружил неожиданные способности.

В жаркий, пыльный день шестеро разведчиков шли через Одессу из бани. Пить хотелось нестерпимо. Но пить в городе хотелось всем, и у ларьков скопились очереди. Моряки со вздохом прошли три ларька, поглядывая на часы: стать в очередь у них нехватало времени. Внезапно им «повезло»: с неба раздался характерный жужжащий вой мины. Это было на краю города, куда мины порой залетали, и звук их — противный, воющий, длинный — был хорошо знаком одесситам. Очередь распалась, люди попрыгали под защиту каменных стен домов.

Но мина не взорвалась. Она проняла свою скверную песню и бесследно пропала. Зато у освободившегося ларька, откуда привычный ко всему продавец так и не ушел, уже стоял «гусар» и с наслаждением тянул содовую воду, приглашая остальных моряков.

Оказалось, что «гусар» был одарен необыкновенной способностью к звукоподражанию. Из его розовых полных губ вылетали самые неожиданные звуки: свист снаряда, клохтанье курицы, визг пилы, вой мины, шелканье соловья, шипенье гранаты, лай щенка, отдаленный гул самолета. И способности эти,

едва они только обнаружили, были немедленно обращены на пользу делу.

«Гусара» объявили «флагманским сигнальщиком», разработали целый код и понесли его на утверждение командиру. Клохтанье курицы означало, что у хаты замечен часовой, крик утки — что часовых двое. Пулеметчик, замаскированный в кустах, вызывал жалобный посвист иволги. Место сбора ночью после налета на румын определялось долгим пением соловья, с упоением артиста самозабвенно щелкающего в кустах или у шлюпки.

Вечерами, когда разведчики отдыхали после опасного рейда, «гусар» устраивал в хате концерт. Моряки лежали на охапках сена, и он, закинув руки за голову, свистел. Так я и застал его в хате, приехав в гости к морякам-разведчикам.

За поздними щами — ночным военным обедом — я узнал, что, уйдя с флота в запас, он стал артистом. Он назвал свое имя, которое я не раз встречал на афишах, и тогда я вспомнил, что слушал его в Москве, в Доме народного творчества. В первые дни войны он явился на флот и скоро пошел добровольцем в береговой отряд.

В темной хате, где свежо и тонко пахло сеном, он свистел чисто и сильно штраусовские вальсы, шопеновские прелюды, виртуозные скрипичные пьесы, — и верный, прозрачный его свист, которому аккомпанировали глухие, непрерывные гулы своих и чужих орудий и взрывов (постоянная симфония осажденной Одессы), звучал далекой мечтой о мирной, спокойной жизни, о ярком свете на улицах и в залах, о белых нарядных платьях и чистых руках, о забытом, утерянном спокойствии, уюте и доме. Моряки слушали молча, и, когда замирал последний, утончающийся и переходящий в хорошую, умную тишину звук, гигант-комендор тем глухим урчанием, которое иногда слышишь в могучей дымовой трубе линейного корабля, негромко басил:

— Ще давай... Гарно свистишь.

И моряки лежали на сене и думали каждый о своем: о прошедшем удачно ночном набеге, о раненом друге, о пись-

ме от далекой семьи, о жизни, судьбе и победе и о том, что будет еще — непременно будет! — жизнь с такой же тишиной и с мечтающей песней. И орудия за стенами хаты извергали металл и крошили тех, кто нарушил нам эту жизнь.

В следующий вечер разведчики, отдохнув, вновь ушли в тыл. Я уехал на другой участок фронта. Через неделю я встретился с новыми друзьями, и вот что они рассказали мне о «гусаре».

Он остался в шлюпке в камышах — охранять это единственное средство возвращения к своим и, как обычно, быть «флагманским сигнальщиком». Ночью моряки натворили дел в тылу, сняли два пулемета, взорвали хату с румынским штабом и ушли в каменоломни отсидеться до следующей ночи. В шесть утра на вторую ночь они возвращались к шлюпке. Крадучись, они подходили к камышам. Гиганта-комендора несли втроем — его ранило разрывной пулей в бедро, двоих товарищей недосчитывались. В камышах все прилегли передохнуть и стали слушать ночь, чтобы определить, где находится шлюпка.

В ночи пел соловей. Он щелкал и свистал, но трели его были затруднены и пение прерывисто. Порой он замолкал. Потом пение возобновлялось, но такая тоска и тревога были в нем, что моряки толкнули друг друга. Они оставили тяжелое тело раненого под охраной и кинулись на свист соловья.

«Гусар» лежал в шлюпке навзничь. В темноте не было видно его лица, но грудь его была в липкой крови. Автомат его валялся на дне, все диски были пусты. Те, кто подтаскивал к шлюпке раненого комендора, наткнулись в камышах на трупы румын. Очевидно, они обнаружили днем шлюпку, и здесь был неравный бой.

«Гусар» не узнавал родных голосов. Он лежал на спине и хрипел тяжело и трудно. Потом он набирался сил, и тонкий свист вылетал из-под его усов, сквозь непослушные, холодеющие губы. Не видя, не сознавая, что те, кому он должен был дать спасительный сигнал, уже вернулись к шлюпке, он продолжал свистеть. Он все свистел и

щелкал даже тогда, когда все сели в шлюпку и, осторожно опустив весла, пошли по тихому, темному морю.

И соловей — птица кустов и деревьев — пел и щелкал над морем. В шлюпке молчали, и только иногда шумно и долго вздыхал огромный комендор, лежащий рядом с «гусаром».

«Гусар» все свистел, замирая, отдыхая, трудно втягивая воздух. Он все свистел, и небо над морем стало розо-

веть, и пение соловья перешло в мелодию.

Оборванная, изуродованная, как и его тело, она металась над светлеющим морем последней жалобой. Никто не понял, что он свистел. Может быть, то, что я слышал когда-то из-под этих гордых, задорных усиков на огромной, светлой московской эстраде, где ему впервые сказали, что свист его — искусство.

★

ПАРИКМАХЕР ЛЕОНАРД

Это был волшебный мастер бритья и перманента, юный одесский Фигаро. Впервые я увидел его на одной из морских береговых батарей, куда он приезжал на трамвае (так в Одессе ездили на фронт) три раза в неделю по наряду горсовета, — живой подарок краснофлотцам, веселый праздник гигиены.

В кустах возле орудия номер два поставили зеркало и столик, батарейцы сгрудились вокруг, нетерпеливо дожидаясь очереди и заранее глядя щеки. Пощелкивая ножницами, как кастаньетами, он пел, мурлыкал, острил, гибкие его пальцы играли блестящими инструментами, и порой, когда обе руки были заняты пульверизатором, он швырял гребенку на верхнюю губу и зажимал ее носом. Бритва так и летала в его ловких пальцах, угрожая носу или уху быстрыми взмахами, и очередной клиент с опаской водил глазами по зеркалу, следя ее сверкающий полет. Но остроты и песни никак не мешали работе, и бритва скользила по щекам, обходя все возвышенности, и Леонард сдергивал салфетку с видом фокусника.

— Гарантия на две недели, брюнетам на полторы, кто следующий?

Сев на стул, я невольно залюбовался в зеркало его пальцами. Тонкие и гибкие, они нежно прощупывали пряди волос, безошибочно отбирая то, что нужно снять. Каждый палец его, бледный и изящный, жил, казалось, своей осмысленной, умной жизнью, подхватывая кольцо ножниц, зажимая гребенку или

выбивая трель на машинке, — в вечном неустанном движении, в веселой шаловливости, в постоянном следовании за песенкой, сопровождавшей работу.

Не удержавшись, я сказал:

— С такими пальцами и слухом вам бы на скрипке играть.

Он посмотрел на меня в зеркало и хитро подмигнул.

— Хорошая прическа — тоже не большая соната, скажете нет?

Мы разговорились. Большие черные его глаза стали мечтательными. Он рассказывал о своем профессоре, который называет его «моложавым дарованием», о скрипке, о том, что, когда кончится война, он все-таки кончит техникум и бросит перманент, из-за которого его зовут Леонард, хотя он просто Лев. Он говорил о музыке, о любимых своих вещах, напевая отрывки мелодий, пальцы его, как бы вслушиваясь, перестали балаганить. Выразительные и беглые, они теперь ложились на гребенку цело и властно, как на гриф скрипки.

Приведя в порядок всех желающих, он достал скрипку, которую неизменно привозил с собой на батарею, и краснофлотцы вновь обступили его. Видимо, эти концерты после бритья стали здесь, на батарее, традицией. Южное осеннее солнце сияло на тугих молодых щеках, выбритых до блеска, просторное море синей мечтой манило к себе сквозь зелень кустов, и огромное тело орудия номер два, вытянув длинный хобот, молчаливо вслушивалось в певучие ук-

раинские песни, в жемчужную россыпь Сарасате, в медленный ход анданте из концерта Мендельсона. Леонард играл, смотря перед собой через орудие и кусты на море, вторя невидимому оркестру и изредка напоминая о нем звучным и верным голосом, и казалось, что он видит себя на большой эстраде, среди волнующегося леса смычков и воинственной меди труб.

Очередной румынский снаряд, рванувшийся за кустами, оборвал концерт. Леонард опустил скрипку.

— В партитуре этого нет. Опять пьяный литаврист уронил палку, скажете нет?

Вторично я встретил Леонарда в госпитале. Он лежал, закрытый до подбородка одеялом, и черные, влажные его глаза были грустны. Я узнал его и поздоровался. Он кивнул мне и попытался пошутить. Шутка не вышла. В коридоре я спросил врача, что с ним.

Была тревога. Все из парикмахерской кинулись в убежище. Оно было под пятью этажами большого дома. Бомба упала на крышу, и дом, сложенный из одесского хрупкого известняка, рухнул. Убежище было завалено.

В нем была темнота и душный, набитый пылью воздух. Никого не убило, но люди кинулись искать выхода. Закричали женщины, заплакали дети. И тогда раздался звучный голос Леонарда:

— Тихо, ша! В чем дело? Ну, маленькая тревога «у-бе» — «уже бомбили!». Больше же ничего не будет... Тихо, я говорю! Я у отдушины, не мешайте мне держать связь с внешним миром!

В убежище притихли и успокоились. Леонард заговорил в отдушину, и все

слышали, как он подозвал кого-то — видимо, из тех, кто кинулся к развалинам, назвал адрес дома («бывший адрес», сказал он), вызвал помощь и пожарных. Один у своей отдушины, не уступая никому этого командного места, он спрашивал в нее, как идут раскопки и передавал это в темноту. Люди лежали спокойно и ждали. Хотелось пить — он сказал, что уже ведут к отдушине шланг. Стало душно — он обещал воздух, ибо со своего места уже слышал удары мотыг и лопат. Он передавал в темноту время, узнавая его через отдушину, и всем казалось, что часы текут страшно медленно.

По его информации прошло около шести часов. На самом деле раскопки заняли больше суток, и помощь пришла совсем не со стороны отдушины, по которой он говорил. Отдушины не было, как не было долгие часы ни пожарных, ни мотыг, ни лопат, которые раскидывали камни где-то высоко над грудой развалин. Все это выдумал веселый парикмахер Леонард, чтобы остановить панику, успокоить гибнущих людей и вселить в них надежду.

Когда добрались до него, он лежал в глухом углу, и руки его были прижаты тяжелым камнем. Пальцы его были разможены, и руки пришлось отнять до запыстия.

Первую неделю после операции он просил выключать радио, когда началась музыка. Потом он слушал ее спокойно, закрыв глаза, — веселый одесский Фигаро, простившийся со своей мечтой, человек, который в страшной своей скорби и боли сумел целые сутки думать о других.

★

СНАЙПЕР

Из глубокого безразличного забытья стало смутно возникать неопределенное чувство тяжести в ногах. Оно беспокоило все сильнее, и наконец мышцы сократились тем бессознательным движением, которым спящий устраивается поудобнее. Но что-то помешало подогнуть ноги, и это дало в мозг тревожный сигнал. Первая, еще неясная,

мысль подсказала, что на ноги опять навалился сосед по нарам. Резким, уже сознательным движением лежавший попытался высвободить ноги. Тогда он почувствовал боль и открыл глаза.

Несколько мгновений он смотрел перед собой, щурясь от яркого света и пытаясь понять, почему он лежит на жи-

воте в снегу, придавленный елью, густые ветви которой образовали над ним плотный шатер.

Сквозь остро пахнущую морозом и смолой зеленую хвою, нависшую у самого лица, ослепительно белел снег. Отягощенные им широкие лапы елей были недвижны. Глубокою тишиною зимнего леса нарушало чье-то прерывистое дыхание рядом.

Он прислушался. И вдруг, поняв, что так громко дышит он сам, тотчас широко раскрыл рот. Вместе с этой осторожностью разведчика окончательно проснулось сознание, и, сразу вспомнив, где и что с ним, он покрылся мгновенным горячим потом. Сердце, сорвавшись, забилося гулко и часто. Ни волевым напряжением, ни ровным дыханием нельзя уже было удержать его бешеный стук, наполнивший, казалось, весь лес. Тошнотная истома поднялась от ног, заливая все тело сонной, проклятой, бездеятельной вялостью. Это был страх, обыкновенный животный страх, отчаянный протест живого человеческого тела, внезапно увидевшего себя в ловушке, из которой выход один — в смерть.

Он попытался понять свое положение. Во враждебном лесу, беспощадно освещенном солнцем, он лежал совершенно один, почти безоружный, только с гранатой у пояса, лежал, прижатый елью. Она укрывала его от точной пули снайпера, но придавила, а может быть, и перебила ноги. Винтовка была вышиблена из рук тем тяжелым и горячим ударом, который выбросил его из густого ельника сюда, к подножию сосны, ударил о снег и погрузил в это забытьё.

Ночью их было двое — сам Колобанов и беспокойный его сосед по землянке Коля Ситин. Ползком они добрались сюда в белых халатах, бесшумные и осторожные, два друга, два удачливых красnofлотца, два лучших разведчика морского отряда. Вон в той заросли ельника они пролежали полчасика, а может быть час, прежде чем выползти на открытый снег между ельником и недвижной колоннадой сосен. Они лежали и слушали лес. Опытное

ухо различало далекий звяк оружия и шуршанье там, за соснами, но здесь все было тихо.

Тогда Ситин надавил ему кисть руки два раза и, погодя, еще раз, что означало «иду вперед один», и выполз из ельника. Он исчез в трех шагах, ползя по снегу неясной тенью, медленно и беззвучно, как умел это делать только он сам. Но все же где-то рядом щелкнул негромкий и сухой снайперский выстрел, будто хрустнул под ногой сук, и опять в ночи стала глубокая лесная тишина.

Колобанов подождал пять-десять минут, уверенный, что Коля вернется, — не раз после таких же выстрелов, бесполезных во мраке, они встречались целыми. Но Ситин не возвращался. Тогда он пополз вперед, чтобы помочь ему, если он ранен, или убедиться, что он погиб. Но на четвертом метре опять, уже с другой стороны близко щелкнул выстрел, у левого плеча взметнулся снег, и пришлось надолго замереть, выжидая, пока у невидимого снайпера не зарыбит в глаза от пристального всматривания в темноту.

Но скоро кто-то дернул его за правый валенок: Ситин, «разведчик-невидимка», как прозвали его в отряде, оказался уже сзади. Колобанов отполз назад, в ельник, и прилег к другу. Жаркое дыхание того грело ему щеку, и можно было угадать, что он улыбается озорной, возбужденной улыбкой охотника, напавшего на дичь. Без шопота одним горячим дыханием, Ситин сказал: «Полно кукушек... давай по ельнику, пощупаем, что справа?..» И тотчас гибкое его тело скользнуло в чашу. Колобанов пропустил его вперед и пополз, осторожно пригибая и отодвигая торчащие из снега ветви. Тут впереди встал огненный столб, тяжелый воздух опалил лицо. И, успев еще понять, что его несет неудержимой силой взрыва, Колобанов потерял сознание.

Теперь, очнувшись, он понял, что ночью его кинуло миной к этой сосне в какую-то яму, и завалило сверху елью, вырванной с корнем. Не шевелясь, он разглядывал сквозь ее хвою ельник, снег и деревья, отыскивая

Коло. Потом он увидел на розовом снегу нечто страшное и закрыл глаза.

Он был один. Теперь это было несомненно. И это был конец.

День едва начался. Разящий, беспощадный солнечный свет заливал лес, и на деревьях сидели снайперы, те, кто охотились за ним ночью. Оставить яму было невозможно. Ждать ночи — на это нехватало бы тепла. Его и так мало оставалось в теле, намерзшемся за долгие часы забвения.

Солнце переползало по пышным елям, двигалось вокруг желтых, смолистых стволов сосен. Все это было медленно. Лес молчал.

Он думал обо всем, кроме леса, тишины и света. Он представлял себе темную украинскую ночь, запах вишен, журчанье у запруды. Он вызывал в памяти всякую темноту, которую когда-либо знал, он думал о темноте, — любовной, боевой, усталой и сонно-ночной, — он ждал только темноты, в которой можно будет выползти из-под ели. Изредка он открывал глаза и смотрел на освещенные колонны сосен.

Время потеряло смысл. Оно не двигалось, и темнота никогда не могла наступить. Отчаяние охватило его. Он нащупал гранату. Это было бы проще всего. Стоило сорвать кольцо, и он будет лежать спокойно, как Коля Ситин. И не нужно будет считать удары сердца, искать, как переменялась тень от сосны, не нужно будет ждать, ждать и ждать, когда ждать было невыносимо. Он посмотрел на розовый снег возле неподвижного тела, и вдруг почувствовал у щеки жаркое дыханье друга, его беззвучный шопот, озорную улыбку, и тут же подумал, что так, наверное, шептал Коля ласковые слова в чье-то девичье ухо, отодвигая дыханьем завитки волос, и снова страстная жажда жизни охватила его. Надо было жить, чтобы отомстить тем, кто навсегда остановил это жаркое дыханье. Мысль эта показалась ему важнее всего, и он напрягал мышцы, разогревая тело для схватки, мозг для выдумки, душу для ненависти.

Тишина леса внезапно разорвалась. Сухо и раскатисто треснул воздух, ветви елей зашевелились, снег пышными

клоками упал вниз с нескольких ветвей. Снова и снова рвалось где-товерху небо, и Колобанов понял, что это начался обстрел леса: наши орудия били шрапнелью над деревьями, спугивая снайперов. Лес ожил. Падали ветви, надсеченные горячим металлом, рядом с визгом упал осколок, с шумом вылетели неизвестно откуда взявшиеся две черные птицы, выскочила белка и юркнула в гущу ветвей, заколебав их и осыпав пушистые комья.

И тогда с недалекой сосны неуклюже и медленно, цепляясь за ветви, пополз вниз человек.

Он был в чужой, но знакомой одежде, закутанный, обвязанный, готовый к долгому морозу. Он спускался безоружный, оставив в ветвях автомат, из которого бил ночью по разведчикам. Жаркая волна пробежала по телу Колобанова и едва не подняла его из-под ели. Потом он передумал и осторожно потянулся за гранатой, не опасаясь раскрыть себя, — теперь снайперу было не до шевеления ели, осколки свистели по лесу, и он сам торопился в укрытие. Колобанов вытянул ноги из-под ели, сжался в комок, готовый к прыжку, к броску гранаты и к быстрому бегу в ельник, но тут что-то тяжелое и теплое обрушилось на него.

Не понимая еще, что это, он ударил локтем назад, услышал стон и мгновенно перевернулся под навалившейся на него тяжестью.

Это был второй снайпер, тот, который сидел на сосне над Колобановым и который спустился теперь в вырытую заранее яму у корней. Схватка была короткой и страшной. Враг тянулся за кинжалом к поясу. Колобанов, придавливая ему руку, искал оружия. Граната снова попала ему под руку и, взмахнув ею, он ударил врага по голове, как молотком, несколько раз, пока тело того не ослабело.

Дрожь от гадливости, он вытащил у него из-за пояса кинжал и сделал то, чего требовала эта внезапная встреча в яме. Потом он поднял ветви ели, высунав голову, и осмотрелся, не таясь. Шрапнель продолжала визжать между ветвей, воздух рвался с треском, об-

стрел шел плотно и беспощадно. Он посмотрел на убитого врага, взглянул на сосну, примерился — и полез наверх.

Между ветвями он нашел логово кукушки. Здесь висели повешенный на сук автомат, обоймы, мешок с продовольствием, бинокль, фляга, — все, что нужно, чтобы просидеть на дереве до смены, хотя бы трое суток. Шрапнель визжала и свистела в воздухе, и Колобанов в первый раз за все это время раскрыл рот.

— Толково бьют, — сказал он промолком. — Где ж им под таким огнем усидеть...

И он поудобнее устроился на ветвях, взял в руки автомат и стал ждать, вжимая голову в плечи, когда над лесом с треском рвалась шрапнель.

Первой его добычей стал тот снайпер, которого он видел спускающимся в укрытие. Едва кончился обстрел, тот высунул голову из окопчика. Колобанов подвел мушку к подбородку, но передумал. Он дал ему взобраться по сосне до половины и потом выстрелил в затылок. Снайпер опустил руки и грянул в снег, и было похоже, что его подбила шрапнельная пуля.

Вторую добычу пришлось ждать долго. Лес был пуст; видимо, тут только и были эти два снайпера. Колобанов взял бинокль, осторожно повернулся и стал смотреть сквозь ветви назад. Солнце уже клонилось к закату, когда он увидел вдалеке фигуру офицера, вышедшего из-за стволов сосен. Колобанов дал ему постоять и пожить, и потом ударил в голову. Офицер упал. Тотчас выскочили еще двое и кинулись к нему. Они легли рядом.

Подошла темнота, и можно было уходить. Но Колобанов остался на сосне. Он ждал смены.

Она пришла, когда было совсем темно. Солдаты — четверо — шли уверенно и не остерегаясь. Возле упавшего снайпера они наклонились, переворачивая его и совещаясь. Один за другим все четверо упали: двое на первый труп, третий у сосны, куда он отскочил, четвертый — на снегу, рядом с телом Ситина, смутно черневшим в белесой темноте.

Теперь было ясно, что стрельба привлечет врагов. И скоро Колобанов увидел в темноте огоньки, вспыхивающие там и здесь. На сосну повели правильную осаду. Пули свистели рядом, сдирали кору на стволе, но ни одна пока не задела Колобанова. Переждав, он бесшумно и ловко спустился во тьме в яму.

Там он приготовил гранату, положил ее рядом с собой и высунул из ветвей автомат. Стрельба учащалась. Люди подходили ближе. Он искал во тьме, где появится смутный силуэт, но видел только огоньки. Он ждал.

Потом стрельба прекратилась, очевидно, враги подумали, что гнездо опустело. Послышались громкие голоса. К сосне пошли.

Колобанов поднял глаза, взглянул на небо. Звезды сияли на нем морозно и ярко. Он пододвинул гранату и положил ствол автомата на замерзший труп бывшего хозяина гнезда, как на бруствер окопа.

Но небо вновь расколосось, и вокруг завизжали осколки: наши вновь начали обстрел леса. Колобанов подвесил гранату к поясу, положил обоймы в карманы и, выставив вперед автомат, пополз к ельнику.

Утром он допрел до расположения наших частей.

★

НЕВЕСТА

Конечно, в дни, когда в палате дежурила Люба, все мы были в отличном настроении. Ласковая и живая, она влетала в палату утром в мягких своих тапочках — неслышный, но видимый сол-

нечный луч. Мороз еще пылал на ее щеках ярким, холодным пламенем, смешливые, почти детские глаза блестели оживленно, и безногий майор с крайней койки неизменно возглашал:

— «Девичьи щеки ярче роз»!.. Любочка, выходит, дальше надо жить?»

— Обязательно! — звонко отвечала она, дуя на замерзшие пальцы.

Заложив руки за спину, она прижималась к черной большой печке — белая, тоненькая фигурка, деловитая серьезность которой была по-детски уютна и трогательна. Грел руки, она со скоростью тысячи слов в минуту болтала обо всем: об утренней сводке, о происшествиях с сырными дровами, о том, что варится к обеду на кухне, о вчерашнем кино, — и стоны утихали, и лица, сведенные судорогой боли, прояснялись, и надоевший, скучный больничный воздух палаты свежел, и легчало горе, и улыбались мысли.

Потом она прикладывала тоненькие пальцы к шее, проверяя, согрелись ли они, прямой носик ее озабоченно морщился, она оглядывала палату быстрым взором хозяйки, соображающей, с чего начинать, — и рабочий день палатной сестры начинался.

Она умела быстро и ласково делать все — вымыть голову, не уронив ни капли воды на подушку, поправить повязку, написать письмо тем, у кого не работали руки или глаза, во-время уловить ухудшение и вызвать врача, цепко и страстно бороться за жизнь в час опасности, утешить и успокоить того, кто, казалось, потерял покой, и погрузить его в тихий, облегчающий душу сон.

Мы все любили ее, а может быть — все были влюблены. Но ревности вход в нашу палату был воспрещен. И если в свободную минуту Люба присаживалась к кому-либо из нас поиграть в подкидного дурака, все знали, что именно у него сегодня тяжело на сердце, тяжелее, чем у других.

В этот день я был по праву первым кандидатом на дурака. Ночь я не спал, нервничая по причинам, не относящимся к рассказу, и утром смог солгать ей лишь улыбкой, а не глазами, отвечая на приветствие. Удивительно, как эта юная женщина, почти девушка, чувствовала в чужой душе неладное. Она лишь мельком взглянула на меня, но, закончив обход, безошибочно подошла к моей койке с колодой в руках.

Однако игра не вышла. Нынче детские ее губы порой опускались в горькой взрослой складке, веселые глаза были печальны, и мне вдруг показалось, что ей много-много лет. Карты бесполезно остались лежать, темнея на белом одеяле десяткой пик, символом горя, и мы разговорились негромко и откровенно.

Ее муж, капитан-танкист, воин большой смелости, уже награжденный орденом, пропал без вести. Месяц она не могла отыскать его след. Долгий месяц эта женщина влетала к нам смеющимся солнечным лучом, а между тем, душа в ней ныла и сердце сжималось и по ночам она плакала в общепитии, стараясь не разбудить подруг.

Вчера она отпросилась из госпиталя и нашла давнего друга мужа, большого танкового начальника. Он взял ее руку в свои и сказал:

— Люба, обманывать не буду. Павел остался в окружении. Прорвались все, он не вернулся. — Он не дал ей заплакать и сжал руку. — Спокойнее, Люба. Он может вернуться. Понимаешь — надо ждать. Конечно, это большое искусство — ждать. Я обещаю тебе сказать, когда ждать будет больше не нужно.

Я смотрел на нее и искал в себе той силы, которая была в этой женщине. Перед этим горем, я забыл о своем, но слов — тех слов утешения и надежды, которые с такой великой щедростью она шептала всем нам, — я не мог найти в корявой, неловкой и себялюбивой мужской своей душе.

Застонал майор на крайней койке — началась его мучительная иллюзия: зачесались пятки ампутированных ног. Люба вскочила и легким видением скользнула к нему. И вновь глаза ее стали прежними, и скорбь — своя скорбь — отступила перед чужой. И никто в палате не заметил, какое горе несут ее тонкие, почти детские плечи.

Вскоре меня на время перевели в другой госпиталь. Через две недели я вернулся в знакомую палату. Многих я уже не застал, появились новые раненые, и рядом с собой я увидел

неподвижную огромную куклу из бинтов.

Это был танкист, которому обожгло грудь и лицо. Все, что на человеческом лице может гореть, у него сгорело: волосы, брови, ресницы, сама кожа. В белой марле жутко и зловеще чернели выпуклые темные стекла огромных очков. Очки не пропускали никакого света, они лишь предохраняли чудом уцелевшие глазные яблоки от прикосновения бинта.

Пониже, хитро и искусно, было оставлено отверстие для рта. Отсюда невидимо исходила человеческая речь — живая, страстная речь, единственный проводник мыслей и чувств, мертвых для других без нее.

Танкист боролся с медленной своей и долгой болью. перевязки были мучительны, но он хотел жить. Он очень хотел жить и снова драться в бою. Эта воля к жизни кипела в его неразборчивой речи, в косноязычии сожженных губ.

Он любил говорить. В темном и одиноком своем мире он жаждал общения с другими. Глухо и странно вылетали слова из недвижного клубка марли, и, приучившись понимать эти раненые, подбитые слова, я слушал доблесть, ненависть и победу, слушал бой и касание смерти, слушал мечты и надежды, признания и исповедь, — то, что может рассказывать другу двадцатидвухлетний человек, бегущий от призрака одиночества. Другу — ибо к ночи мы подружались той внезапной и крепкой дружбой, которая приходит в бою, или в болезни.

Под утро я проснулся, когда было еще совсем темно. Тяжело дышала палата, порою стон прорезал это тревожное дыхание сильных мужских тел, полуманых боем. И по тому, что на этот стон не двинулась неслышная белая тень, я понял, что дежурит не Люба. Вероятно, дежурила вторая сестра — Феня, некрасивая и немолодая женщина, которая быстро уставала и ночью часто засыпала на стуле у печки. Я встал, чтобы выйти покурить, и, услышав меня, танкист попросил пить (это звучало у него странно —

как «шюить»). Боясь, что я сделаю ему больно, я хотел разбудить сестру.

— Не надо, — сказал он, — ничего...

Я осторожно налил в отверстие бинтов несколько глотков из леечки и, конечно, облил марлю. Смутившись, я извинился.

— Ничего, — повторил он и засмеялся, обозначая смех тихими перерывами дыхания. — Это только она умеет... будто сам пьешь губами...

— Кто она?

— Невеста.

И я услышал необыкновенную повесть любви.

Он говорил о женщине, которой не видел и видеть не мог. Он называл ее старым русским ласкательным словом: «моя душенька». Так назвал он ее в первый же день, учуяв в ней особенную ласковость и душевность, и так продолжал звать теперь, потому что сожженные его губы не позволяли ему выговорить ее имя.

«Ну, конечно, Люба», — подумал я. Это имя и в самом деле могло у него звучать нелепо: Люфа, Люа, Люша...

Он говорил о ней с глубокой нежностью, гордостью и — странно сказать — страстью. Мечтая вслух, он угадывал ее лицо, глаза, улыбку, и я поразился этому провидению любви, угадывающему образ. Понизив голос, он признался, что знает ее волосы, пушистые легкие волосы, выгбившиеся из под косынки, — однажды он тронул эту прядь, пытаясь слепыми пальцами по мочь ей найти упавший за столик футляр термометра. Он говорил о ее руках — нежных, сильных, бережных руках, — которые он часами держал своих, рассказывая ей о себе, о своем детстве, о военной мечте, о боях, взрыве танка, о своем одиночестве и страшной жизни уroda, какая его ждала.

Он пересказал мне все ее утешения: все нежные слова надежды, всю веру в то, что он будет видеть, жить и снова драться в бою, и мне показалось, что я слышу голос самой Любы. Со всем шопотом он сказал мне, что завтра — решающий день: профессор обещал снять ему очки, и, возможно, начнет видеть. Он не говорил об этом «душеньке», — а вдруг он видеть!

будет? Пусть она не мучается. Не выйдет — не выйдет, он и так знает ее лицо. Оно прекрасно, нежно, он видит ее глаза и в них — любовь. И еще: она уговорила его на сложную операцию, которая вернет ему брови, ресницы, свежую розовую кожу. Он знает, какой болью он купит себе это новое лицо, но он пойдет на все ради своей невесты.

Да, невесты. Он повторил это слово с гордостью. Муж ее погиб на фронте, совсем недавно, она одинока, как и он, и несчастна более чем он: он потерял только лицо, а она — любимого человека. За долгие эти ночи они все узнали друг о друге, и любовь пришла в эту палату, где витала смерть, и жизнь, приведенная любовью, помогла ему переломить себя: ведь он хотел застрелиться, — ну, куда жить такому? Теперь другое: он живет мечтой о будущем, он борется за жизнь, за здоровье, за силу, за счастье, за возможность отомстить врагу за себя и других.

— Она сказала — мне все равно, что будет с твоим лицом. Я тебя люблю, а не лицо, понимаешь...

И он заплакал. Я понял это по тому, что грудь его, наполненная счастьем, тряслась и дыхание стало прерывистым.

Не мешая ему, я тихо прилег на свою койку, думая о Любе. Странная ее судьба поразила меня. Была ли это и впрямь любовь — необъяснимая любовь высокой женской души, или нежная жалость, которая порой так похожа на любовь? Или, может быть — разделенное горе, ужас потери, найденный призрак утраченного: танкист, герой, воин... Я дожидался утра, смены сестер, чтобы в одном взгляде Любы прочесть разгадку, — в таких глазах все читалось легко. В этих мыслях я задремал.

Проснулся я поздно. По знакомым призракам палатного дня я понял, что сестры уже сменились, но Любы в палате не было. Я подошел к танкисту и спросил, как он себя чувствует.

— Чудесно, — ответил он. — Она пошла узнать о перевязке. Слушай, только ни слова ей о профессоре. Неужели — сегодня увижу?

По голосу его я понял, что он улыбается.

— Она ведь красавица, ты же ее знаешь?

— Красавица, верно, — ответил я.

Он снова заговорил о том, как сегодня ее увидит. Вдруг он замолчал и притих, слушая шаги — легкие шаги в тапочках, и было странно, что сквозь бинты, укутавшие голову, он различил их. Или это был слух любви?

— Она, — сказал он с глубокой нежностью. — Душенька моя...

Я обернулся. Но это подошла Феня, очевидно, задержавшаяся после дежурства. Я хотел показать ему, что он ошибся.

— Здравствуйте, Феничка, — сказал я. — Скоро там Люба справится?

— Здравствуйте, опять к нам? — спросила она. — Уехала Люба, мужа отыскала. Раненый...

И она под села к танкисту.

— Роденький мой, Коленька, — сказала она ласково. — Набирайся сил... перевязка сейчас...

Он судорожно протянул руку, и тотчас эта рука воина, видевшего смерть и вздрогнувшего от предчувствия боли, попала в руки Фени. Она покрыла ее другой рукой, и большое, значительное молчание встало над ними. Она тихонько гладила его руку, перебирала пальцы, и в глазах ее, устремленных на черные очки, теплым, медленным течением плыла любовь.

Я смотрел на лицо Фени — незапоминающееся лицо, которое мы видели ежедневно и скользили по нему равнодушным взглядом. Удивительная перемена в нем поразила меня. Немолодое, усталое — одухотворенное силой любви, — оно было прекрасно, простое лицо русской женщины и матери, исполненное веры и грустной нежности. Потом в глазах ее набежали слезы, она тихонько отвела голову, чтобы слезы не капнули на его руку. Но, почуввав это легкое движение, он встревожился.

— Душенька моя дорогая, что ты?

И — поразительная вещь — Феня заговорила оживленно и весело, ласково ободряя его, а слезы лились по ее лицу

безостановочно и быстро, и глубокая скорбь искадила рот, из которого вылетали шуточные, веселые слова. Потом глаза ее перешли на дверь, и безнадежная молчаливая мука отразилась в них. Я проследил ее взгляд: в дверь вкатывали коляску, и я понял ее слезы. Это было предчувствие приближающейся боли.

Танкиста положили в коляску, и Феня пошла рядом, держа его руку. Я провожал их. У дверей перевязочной она осталась. Силы ей изменили, она прислонилась к косяку и дала волю слезам. Я тронул ее плечо. Она подняла на меня глаза.

— Иван Савельич сказал... Иван Савельич сказал...

Она не могла говорить.

— Я знаю,—ответил я.—Ну, что ж раньше времени волноваться... Конечно, он будет видеть.

Она замотала головой, как от боли.

— Вот и увидит меня... Куда я ему такая... Что он обо мне выдумал, зачем выдумал?.. Красавица, красавица... Пустите меня! — вдруг почти крикнула она и прильнула ухом к двери перевязочной.

Там я услышал веселый голос Ивана Савельевича:

— Хватит, хватит на первый раз, еще недельку в темноте проведете!

Феня побледнела страшной бледностью отчаяния и быстро пошла по коридору.

Больше ее в госпитале никто не видел. Потом узнали, что она уехала на родину — высокая женская душа, которая предпочла уйти, чтобы оставить в человеке, возвращенном ею к жизни и победе, прекрасную мечту о «душеньке», красавице, молодой женщине, полюбившей его самого, а не его лицо, — чем открыть ему правду, уничтожающую эту мечту, помощь жизни.

Песнь борьбы

Т. СТРЕШНЕВА

★

Медным голосом орудий, в громе яростной пальбы
Песнь победы петь мы будем, песню гнева и борьбы.
Кто сложил ее, не знаю. В час, когда рдеет мгла,
Может, мать, качая сына, эту песню родила.
Иль ее на льду сложили, вынуд русские клинки,
Новгородцы, когда били лихо рыцарей полки,
И она через столетья, словно луч звезды, дошла,
Иль ее услышал ветер у парящего орла?
Не ее ли пел Чапаев, в черной бурке до бровей?
Кто сложил тебя, не знаю, песня родины моей!
Только нам она знакома — мать-земля ее поет:
Клокоча потоком темным, льется нефть в трубопровод,
Чтобы песню боевую, в нашем небе пел мотор
В битве за Москву родную, на врага стремясь в упор.
В черных слитках антрацита, в блеске оловянных руд
Песнь победы, песню битвы нам поет народный труд.
И она звучит, как клятва, делу Сталина верна,
Песнь борьбы и песнь расплаты, что поет моя страна.

Четыре пункта

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

Рассказ.

★

Получив приказ, майор собрал уцелевших бойцов и сказал:

— Выход из окружения осуществить небольшими группами. В пять-шесть человек.

Он молчал, как бы давая возможность вдуматься в грозное величие слов приказа, а затем добавил:

— Задача наша будет состоять из четырех пунктов: а) дойти до цели, в район Воробьевска; б) в дороге неводить панику на врага; в) собирать все сведения о противнике; г) беречься шпионов, а тем более не привести их с собой. Переходы осуществлять ночью. Все. До свиданья, товарищи.

К вечеру остатки подразделения, потопив орудия и разбив машины, покинули место боя.

Случилось так, что последней группой уходили те пять человек, которых должен был вести политрук Григорий Матвеевич Мирских. Группа уходила последней потому, что боец-ополченец Мирон Подпасков никак не мог уложить в котомку многочисленное свое имущество. Уму было непостижимо, откуда только оно ни появлялось. Кальсоны вылезали из радиатора брошенного грузовика, валенки лежали в ящике с пулеметными дисками, шапка в свертке с плакатами, полшубок среди медикаментов. Наконец он нашел где-то пустой рюкзак, сложил в него зимние вещи, — но и то

все не влезало. Он принес второй рюкзак и навьючил им своего приятеля Семена Отдуж, хилого, длинного, с голубыми, терпеливыми и мечтательными глазами, безмолвно говорящими о постоянной нужде и постоянной вере в то, что нужда эта минует, — и минует по воле односельчанина его, вот этого самого Подпаскова.

— Не тяжело будет нести? — спросил Мирских.

— Зачем тяжело? Ведь это мое, — ответил Подпасков.

Лицо его, широкое, угловатое, его переливающаяся быстрая и хитрая походка, его моргающие глазки, подергивание плечами, словно над ним постоянно моросит дождь и холодная вода льется за воротник, ненужное множество морщин на лице и одежде, — все это и при других, менее сложных обстоятельствах, могло вызвать раздражение.

Раздражение и бушевало в сердце третьего бойца их группы Гната Нередка. Это был плотный, ширбкий и крепкий, как вагон-платформа, парень лет двадцати пяти с плавными движениями, глядя на которые редкий не скажет: «Какой ловкий солдат». Он, действительно, был ловок, смышлен, любил исполнять приказания, и ему нравилась война, грохот сражений, переходы, — и как-раз по нему были размеры винтовки, а с автоматом он был еще пригляднее. К тому времени, когда майор

произнес последние слова приказа, Гнат Нередка был уже готов к переходу. И вот, с ранцем за плечами, с автоматом в руках, с фляжкой воды и аварийным запасом продовольствия, он стоял рядом с политруком и чрезвычайно неодобрительно смотрел, как Подпасков суется со своими вещами. Но раз политрук ничего не говорил Подпаскову, то ничего не говорил ему и Нередка. А он многое мог бы сказать. Он доставал большой, чистый голубой платок, сморкался в него, свертывал его вшестеро и, спросив разрешения у политрука, закуривал трубочку.

Политрук Мирских, поверх голов Подпаскова и Нередка, смотрел на место сражения, на эти сгоревшие танки, на эти разбитые снарядами орудия, взорванные блиндажи, грузовики, упавшие в канавы, и на множество немецких и русских трупов, прикрывших собою хлебные поля. Немцы прекратили огонь. Должно быть, они догадывались о маневре русских и теперь перебрасывали войска на фланги, чтобы отрезать части пути передвижения. Солнце, ясное и осеннее, приближалось к закату. Немало людей на этом поле видело его последний раз и, пожалуй, последний, раз видел такое поле и Мирских. Он не часто думал о смерти, но теперь-то, пожалуй, она была близка к нему более чем когда-либо. Дожди, холодные осенние ночи, длинные переходы, кажется, возобновили его болезнь. Ночью, а в особенности под утро, его сильно знобило, а днем мучила испарина и головная боль. Врачу он не желал показаться и потому, что не любил лечиться, и потому, что считал, что есть множество людей более больных, чем он, более нуждающихся во врачебной помощи. Товарищам, которые, глядя на его неестественно алые щеки, посылали его к доктору, он говорил шутливо: «Койки для меня такой длинной не найдется». Он, действительно, был очень длинен.

Поле битвы казалось ему необычайно красивым и могущественным. Сколько поэтов будущего побывает на нем. Сколько песен будет создано о том, как одна русская часть держала это поле в своих руках, в продолжении пяти дней

сопротивляясь пяти немцам. Сколько слез прольют люди над фильмами, описывающими это сражение. И разве не вспомнят они о том, как после сражения, перед тем как покинуть его, нехитрый русский портной С. П. Лубченков, по прозвищу Сосулька, маленький, сутуленький, похожий на ковщик, сидел на пенечке и наигрывал что-то на губной гармошке. Ротный баян разбило у него снарядом вместе с передвижной библиотекой; и он услаждал себя, подыскивая мотив для этой, весьма не обильной звуками, деревянной, обитой белой жостью, игрушке.

— Что вы играете, Лубченков? — спросил политрук.

Лубченков не отвечал, словно спрашивали не его.

— Что вы играете, Сосулька? — спросил его политрук.

— «По Волге-матушке зимой», — ответил тонким голоском Сосулька, — а что, не похоже?

И он засмеялся.

— Если, скажем, душа, вроде пальто, так от этих минометов, товарищ политрук, не только верх отпадет, но и подкладка. Песня — это подкладка. Катит себе война на огненной колеснице, и подкашивает себе и душу и песню. Так, что ли, сопелочка? — спросил он, дую в гармошку.

И тотчас же он ответил сам себе песней. Песня получилась. Волга, широкая, зимняя, стлалась перед нами. Звенел колокольчик. Ямщик натянул вожжи, Возлюбленная ждала его у окна...

Даже Подпасков почувствовал, что вещи его собраны, и стоял, опираясь на лопату и думая о доме, о детях, о матери, ради которых он четыре года уже работал в городе каменщиком, чтобы получить городское образование, ученье и вернуться в село, и быть, по крайней мере, председателем колхоза. Когда Сосулька окончил песню, Подпасков сказал, указывая на поле:

— Сколько его, хлеба-то, потоптано, а, смотри, не покороено: колос-то выбивается.

Политрук уже привык к иносказательному языку, которым говорили и

Подпасков, и Отдуж, и Сосулька. Сейчас он их понял так, что можно двигаться вперед, все готовы. Он отдал приказание. Они пошли.

Перед войной Мирских служил директором музея. Он ценил и уважал свое дело, а главное, обладал природным и тонким вкусом. В подвалах районного музея краеведения, среди хлама, он обнаружил картину, которой, по его мнению, коснулась чья-то бесмертная рука. Ученые столицы признали ее работою Даниэля де-Вольтерры. Дальнейшие изыскания подтвердили, что картина была написана по рисунку Микель-Анджело кем-либо из его последователей или учеников.

И сейчас, выйдя через овраг на луг, за которым стоял осенний лес, глядя на клены и дубы, Мирских вспомнил копию картины, что висит у него в третьем зале музея. Несомненно, что чья-то великая кисть коснулась ее, также как великая кисть осени преобразовала лес, что вчера еще был зеленым и однообразным. Словно Даная, совершенного телесного цвета, лежит он на темной постели земли. Над изголовьем его висит пурпуровый полог. Выше, над самой красавицей, нежное, белое облако, из которого, кажется, сыплются золотые монеты. Да, осень, поздняя, злая... Старуха-служанка — ее напоминают кустарники, — сгорбленная ветром, сидит у ног Данаи и ловит монеты в свой передник.

Гнат Нередка по-своему понял внимательный взгляд политрука, устремленный на лес. Он сказал, подражая тому военному языку, которым обычно говорил майор:

— Вопрос придется поставить так, товарищ политрук, что большинство бойцов, попавших в лес, будет окапываться в глубине такового.

— Думаете, немцы его будут прочесывать?

— Обязательно, товарищ политрук! У них такая тактика. Постольку и предлагаю засесть в кустарниках, на опушке, поскольку ночь еще не настала и пути нам нет.

-- Поближе к болоту?

— Так точно. Немец будет искать

нас в сухом, товарищ политрук. В болоте он боится гриппа.

Они срезали две кочки, свалили их вбок и стали под ними копать ямы. Торфяная почва, черная с желтыми прожилками, была легка и удобна в копке, но только на глубине, приблизительно метра показалась вода, — вышло, что в ямке придется сидеть скорчившись. Землю сбрасывали в болото. Нередка и Подпасков, как и следовало ожидать, оказались искусными землекопами. Но и Сосулька, этот кое-как и кое-где, без разбора и изящества, сооруженный человек бурого цвета, которого даже кожаная куртка и штаны не делали величественным, обращался с лопатой так, что казалось, она для него не тяжелее иглы. Он с почтением проводил Мирских к яме, накрыл кочкой и, смеясь, спросил:

— В плечах не жмет?

Нередка и Мирских, как наиболее крупные из них, сели в одну ямку, а трое остальных, помельче ростом, в другую. Перед тем как садиться, они съели коробку консервов «зеленый горошек», по ломтю хлеба толщиной в ладонь, — дневную порцию, — запили все это зеленой, с нефтяными пятнами, болотной водой и решили заснуть часа на два. Сосулька, который никогда не верил, что противник будет стрелять, но и никогда не удивлявшийся стрельбе, сказал:

— Какая там проческа, гребенок нету.

И тотчас же после его слов, над деревьями пронесся грохот, посыпались сучья, задрожала земля, словно покоровившись, и все они почувствовали в груди короткое и удушливое стеснение, совсем не похожее на то, которое они чувствовали на поле боя. Здесь они были одни, и им казалось, что это на них валятся стволы, падает земля, неустанно летят раскаленные и острые куски железа, что это их разрывает воздушная волна.

Мирских всем своим телом ощущал, как он дрожит, — и он не мог сдерживать этой дрожи. Когда на мгновение огонь прекратился, Мирских, с трудом соединяя губы, проговорил:

— В чем дело, Нередка?

Обычный этот вопрос был как-раз тем самым, в котором нуждался Гнат Нередка. Если б Мирских попробовал, как всегда, объяснить то, что происходит, — Нередка, может быть, дошел до того состояния ужаса, в котором портится самый лучший солдат. А сейчас, стряхнув с себя куски земли, он пришел в себя и ответил обычным, лихим, слегка сипловатым голосом:

— Минометами прекратили проческу, сейчас автоматами начнут, товарищ политрук. Прикажете наблюдать?

— Наблюдайте!

Тут они оба вспомнили, что в кочке сделана щелка. В нее видна часть проселочной дороги, холм, на который от болота поднимаются деревья, и, подальше, полянка. По всем расчетам, немцы должны были выйти со стороны полянки. Повернув вправо голову и чуть привстав, так что голова его упиралась в корни трав, вылезавшие из кочки, Мирских мог увидеть через плечо Нередка часть полянки и кривой дуб на ней. Он поправил автомат, упирающийся в коленку, и положил под себя диск.

— Разрешите автомат, товарищ политрук!

— Зачем?

— Приказано навести панику.

— Панику будем наводить в темноте, а сейчас еще светло.

— Темнеет, товарищ политрук!

Мирских не ответил. В лесу послышался треск автоматов, и Нередка сказал:

— Все так же идут.

— Как так же?

— А так, что в три ряда прочесывают. Первым рядом он косит верхушки, вторым берет в свой рост, продольно, а третьим рядом нас топчет.

— Что? Не понимаю.

— Третий землю обстреливает, лунки, такие, вроде как наши, ищет. Вот мне бы автомат, я б им показал кровью мою жизнь.

— Сидите спокойно, Нередка.

— Слушаю, товарищ политрук.

Он припал к щели и, не оборачиваясь, шопотом, хотя за треском выстрелов его все равно не было б

слышно, кричи он хоть во весь голос, шептал о том, что он видел в лесу. Мирских плотно прильнул к его плечу. Сумерки еще не сгустились, а им из темной ямы видны были отчетливо не только стволы деревьев, но и мелькавшие среди них люди. Вначале пробежало несколько красноармейцев, спрятавшихся в лесу. Человек десять-пятнадцать скрылись в поле и столько же осталось лежать на дороге. «Раненные, — прошептал Нередка, — ой, боюсь, добивать будут их, товарищ политрук». Мирских и сам опасался этого, но мысль, высказанная Гнатом, как-то совсем спутала и отяжелела его. Ему то казалось, что раненные стонут, то чудилось, что они встали и скрылись в поле, то ему казалось, что убежавшие красноармейцы вернулись и унесли их. Но в то же время он видел, что на поляну вышли мерным и спокойным шагом немцы, сверкающие огоньки, выскакивающие из стволов, и даже разобрал слова команды: он знал немецкий язык. «Пройдут влево», — подумал он. И, словно отвечая на его мысль, Гнат сказал:

— Где влево, прямо на них идут.

Точно, немцы шли к раненым. Автоматы замолчали, и сразу же Мирских услышал отчаянный, хриплый и длинный крик:

— Товарищи, родные!

Немец было девять. Один из них, опустив с живота автомат, достал револьвер. Раненый, привстав на локтях, повторил свой призыв. Немец выстрелил в него. Раненый упал недвижимый. Немец обернулся и сказал что-то другому, шедшему во второй шеренге, но Мирских не понял, что сказал немец. Немец, пристреливший раненого, почесал револьвером шею и пошел к следующему раненому.

— Искалеченных бьют... — пробормотал Нередка.

— Искалеченных, — повторил Мирских и громко крикнул: — А что же вы не видите, что уже темнота?!

И он, словно с раскату, выскочил из ямки, встал во весь рост и закричал иступленно:

— Миллионы за это уничтожу. Миллионы-ы, таких!

И когда он, весь дрожа и обливаясь потом ненависти, стрелял по бегущим немцам, ему действительно казалось, что он уничтожает миллионы. Выпустив целый диск, он взял нож и бросился вдогонку за убежавшими четырьмя немцами. Но тут в груди его нестерпимо закололо, он закашлялся, сел на землю и закрыл руками глаза. Когда Нередка, Подпасков и Сосулька вернулись, Мирских сидел на кочке ипил воду. Голове было мучительно больно, в ушах стоял звон, и вода не помогала.

— Вот как разыгрался, будто ракета, — сказал, смеясь, Сосулька, — пятерых вы сняли, товарищ политрук, а остальных мы раскололи.

— Где ранёные?

— Наши? Среди нас нету, а те, что на дороге, тех мы перевязали и в деревню направили.

— Какие дальнейшие приказания? — спросил Нередка, видя, что политрук молча смотрит на них и ничего не говорит.

— Пошли, — сказал политрук, вставая. — И кроме того, надо беречь патроны.

Однажды Мирских спросил Сосулька:

— Почему вы пошли добровольцем, Сосулька?

— А какая ж война без добровольцев? Они общество любят, товарищ политрук! Случись в моей области партизаны, я бы туда ушел. Вы как о партизанах рассуждаете, товарищ политрук?!

Мирских, привыкший обобщать, ответил:

— Партизанское движение стало теперь более трудным, чем когда бы то ни было. В прежнее время партизан прятался в лес, как в крепость, а теперь легче сидеть в доме, чем в лесу.

— Стало-быть, я не гожусь для партизанского дела?

— Надо полагать, проверим. Вот патроны вы не бережете, а это разве по-партизански?..

— Да они сами стреляют, товарищ политрук. Как увидят немца, так и не могут сидеть. Пуля — она женщина

нервная. Прикажете отдохнуть, ноги вроде, стерлись. Переобуюсь и анекдот расскажу про солдата и попадью.

Анекдотов он знал много и рассказывал их охотно, но, к сожалению, повторялся, — и это раздражало Мирских. Впрочем, его сейчас многое раздражало и раздражение это терзало его, потому что он не мог сдерживать себя, сознавая, что сдерживать себя надо. Он ворчал на Сосульку, обрывал его анекдоты, когда тот заявлял, что он устал и ему надо или отдохнуть, или переобуться. Мирских заводил длинное рассуждение о том, как должен держать себя боец Красной Армии. Он понимал, что в рассуждениях его нет обычного огня свойственного ему, но чем глубже понимал он это, тем длиннее делались рассуждения. Кроме того, ему казалось, что Сосулька не так-то уж устает и остановки придумывает для того, чтобы отдохнуть политрук, да и анекдоты, пожалуй, рассказывает, чтобы товарищ не грустили.

Поэтому Мирских во время остановки не садился, а стоял на ногах, стараясь дышать так же ровно, как и его спутники, он только прислонялся слегка к дереву. И так он стоял, задумчивый, высокий, стройный, готовый всегда к поединку, и они казались секундантами при нем. И, в конце концов, они завидовали, приятной и нежной завистью его силе и выносливости.

А в общем получалось так, что шли они день ото дня все медленнее и медленнее, а в особенности медленно приходилось двигаться по лесу. Дело в том, что после каждого «прочесывания» немцы оставляли в лесу «кукушек» — снайперов, снабженных десятидневным запасом продовольствия и патронов, искусно замаскированных на верхушках деревьев. Эти снайперы, в большинстве своем члены фашистской партии, должны были уничтожать всех, кто проходил по лесу. При следующем прочесывании снайперы менялись. Из-за этого Мирских проводил своих бойцов по лесу всегда между тремя и пятью часами утра, когда снайперы на деревьях, утомленные бессонной ночью, засыпали. Шли босиком, на цыпочках, стараясь не

шуметь и не разговаривать; знаки сообщали друг другу птичьим свистом, хрустом веточек, слабым хлопанием в ладоши.

А как только приближалось утро, они притаивались в ямке. Ямки они научились рыть чрезвычайно быстро и так умело их скрывали, что не раз слышали над своей головой шаги немецких солдат, а однажды в ямку провалилась нога немецкого солдата. Солдат выругался, вытащил ногу, присел возле норы, вытряхнул землю из сапога и пошел дальше. Когда шаги замерли, Сосулька сказал:

— Так мне его дернуть за сапог в ямку захотелось, ребята, просто сердце чуть не лопнуло. Ведь сапог-то дегтем пахнет. Должно быть, с колхозника какого содрал. В ямку бы мне его, да сапогом по глазам, по глазам, по хारे...

Другой раз они долго сидели в болоте, зарывшись головами в корни деревьев, свисавших с крутого берега. Немцы только-что прочесали лес. Было часов семь вечера, ночь еще не наступила. Можно было бы итти, кабы не «кукушки». Они потихоньку вылезли из воды, выжали одежду, вернее, отрепья одежды, выменянные у крестьян, — и присели на мох, все под прикрытием того же, свисающего высокого берега. Перекликнулись две-три «кукушки». Они жадно вслушивались, стараясь угадать, где же они и можно ли их снять. Все затихло в лесу.

Сосулька прошептал:

— Григорий Матвейч, не хочешь побороться для согретья?

Мирских знобило, голова болела, но он согласился. Повозившись слегка с Сосулькой, он быстро запыхался и, выбрав местечко, как ему казалось, потеплее, прилег среди корней. Корни резали тело, как колючая проволока, рот наполнял вязкая горечь, в глазах колело.

И вдруг сквозь эту боль он услышал обрывок хорошей советской песни. Чей-то молодой, сильно срывающийся и, надо полагать, сильно взволнованный голос пел ее. «Только бреда нехватало...» — подумал с большим неудовольствием Мирских. Но он знал, что бред бывает короткими кусками, а здесь ме-

лдия все расширялась, крепла и делалась сложнее. Он привстал на локте. Сосулька сказал ему шопотом:

— Поют. Граммофон что ли, Григорий Матвейч?

— Поют, — мечтательно сказал Отдуж, — ловко поют. В граммофоне куда хуже получается.

Они встали и поползли по корням вверх. Здесь они высунули головы и изумленно стали прислушиваться.

Лес ожил. Слышались шаги, голоса, кто-то бесстрашно лез на деревья, раза три-четыре выстрелили из револьвера, над лесом пронесся испуганный вопль «кукушки». Еще час тому назад казалось, что и воробью не уцелеть в этом лесу, так все живое скрючилось от страха, так умело был прострелян каждый кустик и каждая былинка, а сейчас лес был полон советскими людьми, партизанами; полон настолько, что «кукушки» в ужасе соскакивали с деревьев и бежали, куда глаза глядят.

— Не-е!..—сказал восторженно Отдуж, и сразу стало понятным, почему он пошел в добровольцы. — Не-е, нашего человека не прострелишь!

Да, лес ожил. И ожил он, как всегда оживает творчество, — с песней. Песня царила над лесом. Песня! Пусть немцы, вооруженные автоматами и минометами, находились в трех-пяти километрах, все равно, — песня царила над лесом. Конечно, это не была та беззаботная песня, которую мы слышали до войны, — это была другая песня, хотя она пелась на тот же мотив и на те же слова. Эта песня была тяжелая и грозная, как скрижаль, как закон. В этой песне слышался скрежет ненависти, клятва, что если нехватит оружия — врага соскредем ногтями с нашей земли. Это было навечно скрепленное согласие на борьбу. Да, это была песня, та песня родины, которую нельзя ни победить, ни уничтожить.

Пятеро стояли, затаив дыхание. Песня скрутила их уши, как скручивают листок бумаги для зажигания костра. Огонь бежал по их жилам. Они дрожали от радости и восторга.

У Мирских и Отдужа катились из глаз слезы. Катились они в один сток,

хотя и по разным причинам. Пусть даже среди партизан, поющих в этом лесу, нет ни одного партийца, все равно следы их ведут к партии. Вот почему плакал Мирских, в то время как крестьянин Семен Отдуж плакал потому, что понимал—люди с такой песней не отдадут его земли помещику и, вообще, после этой войны будем жить еще более справедливо, чем жили до нее. Иначе, какая ж ценность людям и их мечтам? Сладостная слава победы уже осияла его взлохмаченную, в земле и прелых листьях, голову.

А Сосулька просто подпевал партизанам на гармошке, плотно прижимая ее к сухим и голодным губам.

А Гнат Нередка, одобряя мотив песни и ее воинское содержание, думал в то же время — с какой военной целью раздается эта песня?

А Мирон Подпасков, как всегда, вращаясь, переваливался с ноги на ногу и ежил плечи, словно над ним моросил дождь. Он тоже был растроган и тоже растроган по-своему. Партизаны дадут пищи — каши, щей, кусок сала, потому, что партизаны, как он видел однажды в кинематографе, очень сердобольные люди...

Но партизаны оказались совсем не сердобольными людьми.

Когда их, пятерых, привели пред очи начальника, он принял их как дезертиров. Особенно подозрительным ему казался почему-то Мирских. Партизанский начальник сидел на пне, ноги его были обернуты одеялом, на голове торчала шапка с ушами. Фонарь «Летучая мышь» освещал его короткие руки и бритое молодое лицо с кислым, каким-то канцелярским выражением. Он долго рассматривал документы, фото и долго сверял — подходит ли длинный рост Мирских к тому человеку, который изображен на фото, а фотография была из тех, узнать по которой человека, даже стоящего рядом с ней, нельзя без богатого воображения. Мирских был обижен и отвечал резко, холодно. Начальник отряда, как оказалось впоследствии, районный агент уголовного розыска, задал несколько неожиданных вопросов, среди них были такие, которые

указывали на некоторые знания марксизма. Должно быть, ответы Мирских удивили начальника, потому что знания эти, даже для себя, он считал редкими. Допросив всех, он снял одеяло с ног, — ноги у него оказались забинтованными, велел подать носилки. Его положили в носилки, он сделал подковырек, и отряд его двинулся дальше, ведя с собой двух «кукушек», которые от страха перед внезапно появившимися в таком изобилии партизанами, слезли с деревьев.

— Товарищ начальник, — спросил Подпасков, — а насчет нас как же?

— А чего насчет вас?

— Распоряжения никакого не будет?

— Ну, идите, куда идете, — сказал начальник.

Они и пошли.

Все молчали. Только Сосулька пытался что-то подсвистывать уходящей песне, да и то у него не получалось. Пройдя минут пятнадцать, Нередка сплюнул и сказал:

— Добрый солдат. В скученности народа выдвинется в соответствии с тем.

Но тут их догнал верхом на коне пожилой партизан и предложил им вернуться к отряду.

— Я ж говорил, покормят! — воскликнул Сосулька. — Не могут не покормить люди, которые поют.

Начальник опять сидел на пне, и ноги его были обернуты одеялом. Лицо его было попрежнему непроницаемо. «Ну, и человечина», — подумал с неудовольствием Мирских. Начальник же голосом допрашивающего обратился к нему:

— Языки иностранные знаете?

«Вот чудак, — подумал Мирских, — сейчас спросит: знаете вы русский язык?» — И он ответил:

— Знаю.

Но начальник был умнее, чем предполагал Мирских. Он сказал:

— И немецкий?

— И немецкий, — любезно ответил Мирских.

— Читаете? — тоже любезно сказал начальник.

— Да, — еще более любезно ответил Мирских.

— И пишете? — совсем уже любезнейше спросил начальник и даже улыбнулся.

— И пишу, — ответил Мирских. — У вас папироски нету?

— Как не быть, — ответил начальник и дал всем пятерым по папироске. Затем, указывая на немецкого солдата в короткой меховой куртке и коротких сапогах: — Кукушку надо спешно допросить.

После допроса начальник совсем подобрел. Он выдал еще по папироске и приказал отделить от скудных партизанских запасов — на всех пятерых два килограмма хлеба и двести граммов масла. Хлеба им выдали, действительно, два кило, но масла не оказалось.

— Значит, кончилось, — сказал начальник, задумчиво глядя на Мирских. — А масло у нас было, не подумайте. Вот, языка у нас нету, это, верно, плохо. Прошлый раз сели мы на караул. У них телефонный аппарат с городом: можно все узнать, будь у меня язык. Я беру трубку, слышу, немец там дышит, а я ему — ни слова. Такая злость взяла, что и выругаться не смог. Нет, не важно у нас было дело поставлено в угрозыске.

И он опять задумчиво посмотрел на Мирских. Лицо Нередка, бывшее до того одобряющим и почти восторженным, приняло вдруг сосредоточенное выражение. Он опасался, что начальник предложит Мирских остаться. Как же это? Ведь распоряжения майора не было. Он быстро составил в голове сводку всех мыслей своих и нащел такую фразу, которая сразу дала понять начальнику, что он и Нередка — в некоторой степени соседи по приказу:

— Велено идти на восток, товарищ начальник, — сказал Нередка громко, прикладывая руку к шапке. — Счастливого оставаться прикажете?

Начальник понял его. Он улыбнулся и сказал про Нередка, указывая на него глазами Мирских:

— Высший сорт. С таким бойцом дойдете счастливо. Пока!

Километров десять спустя, в поле уже, Мирских сказал, вспоминая начальника отряда:

— Мужественный человек.

— Такой из соломинки дворец выстроит, — сказал Отдуж.

— Шутник, — добавил Сосулька.

А еще километров через пять, когда остановились, чтобы Мирских мог передохнуть, Нередка сказал:

— Добрый солдат.

Тормоз всякого похода — голод.

Действие этого тормоза было и стремительным, и гнетущим. Крестьяне, к которым они стучались, чтобы утолить голод, понимали их по стуку. С какой-то военной торжественностью они говорили, что хлеба нет, что весь хлеб потнимали немцы: «Не верите, проверьте». А один крестьянин сказал, чем и привел в восторг Сосульку:

— Немец сказал: можете торговать оптом и в розницу. А можем мы торговать разве что смертью, да никто и за грош не берет. — И, словно прислушиваясь к чему-то, приближения чего они не слышали, он добавил: — Вои она топочет.

И они отошли от хаты, подумав, что последний, полученный ими от партизан, хлеб дал им возможность лишний раз топнуть ногой, — и кто-то даст теперь хлеба?

Из села они спустились в какой-то парк. Они вдыхали запах душистых топей, и им казалось странным, что село, которое они только-что покинули, не пахло ничем. И хотя аллея была суха, но идти было тяжело и топко, словно здесь неделю шли дожди.

Они томились. Они сильно хотели есть.

Да, они хотели есть. Это желание было столь убедительно, что, казалось, от них убегают все живое. Мир был убог, жалок и скуден. Над головами их висела голубая осенняя пустота, похожая на погребальный убор. У, плохо!..

Первым стал жаловаться на голод Подпасков. Жаловался он своеобразно. Он вспоминал подробно, какую жирную убоину он заготавливал перед праздниками. Однажды он кормил двух поросят, и случилось так, что задолго перед рождеством у младшего отнялись ноги и его пришлось прирезать. Наря-

дили стол, призвали гостей, и не поверите, поросенок ушел в один вечер. И никому, главное, не было жалко пищи... Тут он, моргая опухшими глазками, показывая исцарапанную в кровь грудь, воскликнул, обращаясь к Мирских:

— Где пища? Что будем делать дальше?

Голод, недосыпание, усталость совсем ослабили Мирских, но, однако же, он не потерял дара речи, а, казалось, стал еще громогласнее. Попрежнему, когда он говорил, он казался выкованным из того железа, которое было горячо. Слова его входили в человека, как револьвер в кобуру. Он никогда не коверкал слова. Он был чист, как ключ, и в то же время был ключом времени. Он сказал:

— Мы привели вас туда, куда и сами шли. Другой дороги не было. Может быть, вы это поймете позже, Подпасков.

— Я хочу понять сейчас.

— Тогда я хочу попросить вас выслушать меня. То, что вы видите вокруг себя — пожараща, убийства, насилия, дает вам понятие о том, что мы поступали справедливо. У нас один кров с вами — наша сила. Другого крова и другой родины у нас нет. Упустишь силу, отдашь ее немцу, — и не будет крова. Тут уж ничего не поделаешь, раз оказалось, что наши дома стоят у дороги войны. Дорогу можно убавить, только если встать среди ее.

Сам не замечая того, он говорил замысловато, так, как говорили и Подпасков, и Сосулька, и Отдуж. И эта замысловатость, высокый его голос, сильный и гулкий, несмотря на усталость, делали слова его понятными всем им.

— Надо исполнять приказ, а не хныкать, — сказал Нередка.

Затем Нередка достал свой голубой, сильно полинявший от стирки, носовой платок, который обычно стирал каждый день и сушил на кустике. Свертывая платок, он сказал:

— То, что хлеба нет, то нас не сказнит. А что вот патронов стало мало, то нас сказнит и утрамбует.

Подпасков смолк. Когда они просили

хлеба, они не слышали «убирайся подальше», но когда они спрашивали у крестьян патроны, иногда раздавался этот возглас. Крестьяне, так же, как и они, держали при себе последний патрон, и вовсе не для того, чтобы убить себя, — нет. Патрон был совершенно необходим для храбрости. Патрон был тем тесным приютом, куда пряталась одинокая и возмущенная душа. Его берегли больше, чем лопот хлеба, — даже и тогда, когда человек не ел три дня и предполагает этим ломтем поддерживать свои оставшиеся силы.

При убитых или от безавших немцев оставались им патроны и винтовки. Но они не брали их с собой, главным образом потому, что согласно приказа они должны были принести свое оружие, и это оружие как бы уменьшало расстояние между ними и тем, далеким еще, районом Воробьевска, расположенном на востоке, районом, куда через болота, леса, вытоптаные и сожженные нивы, через опустевшие села, мимо озлобленных и мстительных врагов шли они.

Несколько патронов оставалось еще у Гната Нередка, но больше всего, несомненно, хранилось их у Подпаскова. Две котомки на нем, да две на Отдуже весьма ему пригодились. Подпасков, как только уразумел, что патроны дороже хлеба и способны поднимать угасающий дух, стал менять и выпрашивать их у крестьян с удивительным уменьем. Он сразу угадывал хату, где могли найтись патроны, и умел увлечь своим рассказом о своих несчастиях крестьянина, который, вздохнув и утирая слезы, доставал из-под пола две-три обоймы. А много патронов ему нужно было для того, что, как ни старался, он стрелял плохо и качество ему приходилось выбивать количеством.

Меньше всех имел патронов Сосулька, всегда не больше тройки. «Зато в тройке сколько песен поется», — говорил он, смеясь. Подпаскова сердил этот легкомысленный смех. Ему хотелось, чтобы Мирских «произвел увещание насчет Сосульки», но Мирских слабел все больше и больше, и большую половину дня, меняясь, они несли его на носил-

ках. И странное явление, — всякий раз, когда Мирских открывал глаза, он останавливал свой взор на Подпаскове. Да и Подпасков смотрел на него пристально, так что Мирских думал: «Картину надо расчистить, можно новую увертюру услышать в нем...» он путал слова, но мысль его была правильна и он не хотел оставить Подпаскова таким, каким его встретил. И все время мысль эта то увеличивалась, то уменьшалась в нем, то проясняясь и осмысливаясь, будто под микроскопом, то уменьшаясь, словно прикрытая ночью.

И сущность этой новой мысли, как начинал думать о ней сам Подпасков, заключалась в том, что надо возможно больше заботиться о товарищах и воспитывать в себе уверенность, что без этого жить нельзя, и, главное, уметь верить в этом других. И однажды, когда стали меняться и ему надо было взяться за поручни, чтобы нести Мирских, он, Подпасков, достал все семь обойм, которые хранились у него, и положил их на горячую, пышущую жаром, руку Мирских.

Мирских почувствовал на ладони холод — и открыл глаза. Неподвижный взгляд его спрашивал у Подпаскова: «А как же ты, товарищ? Ты же отдал мне последнее!» И на этот неподвижный взгляд таким же теплым, неподвижным взглядом отвечал Подпасков: «Ничего, товарищ, я ловкий, я найду». Мирских сказал, закрывая глаза: «Спасибо, друг!» И тут Подпаскову показалось, что он давно уже копил в себе эти мысли, увлекающие и увлажняющие не только его глаза, но и сердце, — и он накопил их в себе так много, что он способен очень сильно и долго думать о других людях, чем он раньше занимался уж не с такой охотой, разве только о близких родных.

Утром, когда они залегли в чашу, он исчез.

Он не возвращался долго, так что Гнат Нередка обеспокоился. Он, пожалуй, один из всех не понимал того перелома, который произошел в душе Подпаскова, но в то же время он один мог не поверить, что Подпасков пропал.

— Добрый солдат, — сказал он, — такие навсегда не пропадают. Разве что плохие инструкции получил.

Но никто не давал Подпаскову инструкций. Мирских лежал без памяти, остальные и не видали толком Подпаскова. Нередка подошел к Мирских. Мирских дышал поспешно, точно поднимающийся быстро в гору неумелый пешеход. Нередка смотрел на него, и ему казалось, что Мирских получил увольнительное свидетельство от жизни и теперь отмахивается от него пальцами. И еще казалось им, что кто-то в отдалении скачет, хотя они и знали, что всадников поблизости нет.

Гнат Нередка сказал с тоской:

— Большая неувязка. Кто же нам речи и другая узаконения будет производить, чтобы не быть узкими?

Тогда Мирских открыл глаза и произнес последнюю речь, самую короткую в его жизни.

— Подпасков принесет вам патроны... — сказал он, и сделав пальцами такое движение, словно развязывал узел, вздохнул и умер.

Трое неподвижно и пристально вглядывались в него, словно узнав о нем что-то необычайно важное и огромное, что нельзя покинуть. Они стояли объятые этим чувством, которое можно было бы назвать ужасом расставания. Сначала им показалось, что утеряна навсегда дорога на восток. Но затем каждый стал думать о Мирских по-своему, — не расставаясь все же с общим и сроднившим их ужасом: Мирских лежал под кустарником. Веточка, которую он всколыхнул своим последним дыханием, еще качалась.

Нередка сказал:

— Так как мы удостоились присутствовать при такой героической смерти, когда политрук Мирских вел нас на восток, не имея компаса, то я, в силу обстоятельств, беру на себя командование.

— Ну, что ж... — только и мог сказать Сосулька и вынул из кармана губную гармошку. Гармошка теперь казалась ему вздорной игрушкой, недостойной жить в такие великие дни, и он хотел бросить её. Нередка как командир

понял его, хотя раньше, часа за два до смерти Мирских, ему бы и в голову не пришло так подумать. Он взял за руку Сосульку и сказал:

— Зачем бросать инструмент?

И вот, над останками политрука Григория Матвеевича Мирских, в поле, возле ракиты, как в песне, появился низенький холм и надпись на обструганной жерди, над которой из лозы была прибита выплетенная звезда: «Политрук Н-ского полка Г. М. Мирских. Погиб геройской смертью за цветущую жизнь. Товарищи, уничтожайте фашизм».

Когда составляли эту надпись, вернулся Подпасков. Он нес ящик с патронами. Все взяли себе патронов, сколько было нужно. Затем Подпасков бросил этот ящик возле могильного холма, и все проникновенно посмотрели друг на друга, и всем подумалось, что вот этот ящик с патронами и есть тот вечный и нетленный памятник, который воздвигли на могиле политрука Мирских.

И, отдав честь мертвецу, Нередка сказал всем остальным:

— Взаперти не будем. Приказываю, согласно пунктов, шагай на восток!

Их осталось четверо.

Дорога стала еще более извилистой и топкой. К тому же пошли дожди, немцы попадались все чаще и чаще, заботы увеличивались, а усталости было так много, что им казалось, будто они идут уже годы по этим болотам, лесам, валежнику.

О политруке Мирских, казалось, стали забывать.

Подпасков забыл о нем с той философией крестьянина, которая жизнь взвешивает тем — отмучался или еще мучается человек. «Да, отмучался хороший человек, мой брат», — сказал Подпасков, поплакал, — и это была высшая похвала человеку. Так он думал об отце, когда тот умер, так он думал об умершем брате, погибшем лет пятнадцать тому назад от бандитской руки. Погоревал, поплакал, — и принялся за недоделанную ими работу в хозяйстве.

Сосулька, с тем великолепием порыва,

который отличает всех поэтов и музыкантов, сыграл на его могиле марш, трогательный и протяжный, сочинил песенку, где вместе с политруком покойным как бы взобрался на высокую гору, откуда видна вся правда, — и стал рассказывать анекдоты оставшимся товарищам, так как и этим трем необходимо было утешение и шутка.

Гнат Нередка забыл потому, что теперь советоваться об «идейном насыщении», как он называл маршрут каждого дня, было не с кем, и оттого «идейное насыщение» стало невыносимо трудным и занимало все мысли. Приходилось из самого себя черпать воинственную гордость и уважение к войне, которую теперь необходимо вести более чем когда-бы то ни было смело и неуклонно. Помимо этих трудностей, он — это было всем известно, — любил пищу и физические упражнения. Упражнений было много, а пища отсутствовала. И об этом тоже стоило подумать. Он и думал.

Чаще всех, пожалуй, вспоминал политрука Мирских тот человек, с которым политрук меньше всего разговаривал, но который был понятен ему больше всех других, так как Семена Отдужа политрук считал мужиком пылким, восторженным и решительным, но из-за слабости здоровья и долго терзавшей его нужды, потерявшим веру в свою решительность. Так оно и было. То, что друг его, Подпасков, необычайно практичный, который даже из деревни то ушел с Семеном за год до сильнейшего неурожая, крестьянин, постоянно думавший только о себе и о своем хозяйстве, теперь думает лишь о других и, больше того, заботится о Сосулке, песельнике, шутнике и вообще человеке пустом и вздорном, казалось Семену величайшим чудом, вызванным волей и решимостью политрука Мирских. Зависимость от Подпаскова, иногда казавшаяся Семену слегка тяжелой и непонятной, была теперь и понятна и почетна. Вот почему Семен хотел возможно больше знать о политруке. Но все его товарищи знали о нем мало, так как познакомились с ним только перед походом, а сам политрук говорил о себе неохотно. Знали только, что он был в

царской тюрьме, в ссылке, да перед вступлением в ополчение заведывал музеем, где висели картины, написанные красками.

«Почему картины? — думал Семен. — Что в них?» Картины он путал с кинематографом. В кино он бывал редко, так как ему казалось, что там чересчур много двигаются люди и мало говорят, или, вернее сказать, мало рассуждают вслух, а рассуждения людей Семен считал наиболее важным делом в человеческой жизни. Жена, которую Семен очень любил и рассуждениями которой он дорожил, посетила, когда была на съезде колхозников, вместе с другими музей — оружейную палату в Кремле. Она видела там царские короны, сплошь из золота с камнями, много ножей разного размера, но сколько ни вспоминал о ее рассказах, о картинах она как-то не упоминала, что же касается корон, то это и тогда казалось Семену пустяшным делом, а теперь, когда он подержал на голове своей каску, тем более. Хорошая шапка должна быть легка, тепла так, чтобы, при случае, ее можно было положить под голову и заснуть на ней. «Нет, надо самому сходить в музей, — говорил сам себе Семен, шагая болотом и отмахиваясь от последних, осенних и оттого крайне надоедливых комаров, — баба прилячная, но чего-то не доглядела».

— Шагай, шагай, — хриплым, надсаженным голосом восклицал через силу Гнат Нередка, смотря искоса на отстающего Семена.

— Шагаю, — отвечал Семен, — прямо в музей.

Но Гнат Нередка не понимал, в какой музей может шагать Семен. Так как Семен никогда не шутил, то Гнату думалось, что в голове у Семена не совсем ладно, и он говорил:

— Как придем, так в околоток сходи, попроси хины.

До Воробьевска, по прямой, оставалось едва ли двадцать километров. Но эта дорога по прямой была так забита немецкими солдатами и их орудиями, что обходить их надо было километров

полтора-два, не меньше, и полтора-два километра сплошь болотами, сырой землей, тяжелой и холодной, где ни зажжешь ни костра, ни закуришь, где в каждом чмокании, с которым вытаскиваешь ногу из земли, слышится презренное врага и его насмешка.

Они стояли на краю оврага, в который надо было спускаться, так как приблизился рассвет. Овраг, скудный, ошипанный, дышал на них сыростью и отвратительной, надоедливой прелью.

— Волчий овраг, — сказал Подпасков.

— Да и волки-то в нем с голодухи передохли, — добавил Сосулька, и это была его последняя шутка в тот день.

На востоке, там где маячили лучи рассвета, слышались редкие раскаты, точно кто катал голыши. Там рокотали советские орудия. Этот отдаленный, но решительный голос давал им право на жизнь, но в то же время вызывал головокружение, потому что перед ними вставала обходная дорога, — все полтора-два километра болотами.

Перед тем, как подойти к оврагу, они обошли деревню и теперь стояли к ней спиной. Но они помнили все очертания ее: голубоватая, с черным, как головешка, выгоном и с тремя испуганными дымками из труб, она вызывала на сердце их томление и надежду. И сейчас они думали — не вернуться ли к ней, не найдется ли в ней добрая душа.

Пролетел самолет со свастикой на крыльях. Они легли, выругавшись. Когда они встали, деревня, казалось, приблизилась к ним, а овраг был еще отвратительнее, чем прежде. Они смотрели исподлобья на его бока, испокон века испещренные вымоинами, на дно, покрытое искрытыми валунами, и на крылья его, покрытые кривыми дубами, среди которых так превосходно красться. Но мысль о том, что надо красться, вызывала в них покачивание всего тела, сопровождаемое испариной.

И все же они не повернулись бы к деревне, кабы не крик курицы, сообщающей о том, что она снесла новое яйцо. И им хотелось есть, и думали они также о том, что жизнь не остановишь. Этот крик курицы, слабый и чуть заметный, как испарение, разом повернул к

деревне испытые их лица. Искус был велик. Он назывался жаждой жизни.

Принимая во внимание их слабость, они шли искусно и быстро, делая иногда в минуту шесть или семь шагов.

По мере того, как они приближались к деревне, она вставала перед ними во всей медлительности и горести войны, искромсанная, искрошенная. Спинной хребет села — магазины — были искривлены пожаром; рамы без стекол; надворные пристройки без дверей. Три трупа смердели в канаве. Неподалеку, в школе, они услышали голоса, перекликающиеся на чужом языке, — и они остановились.

— Давайте мне все патроны! — сказал вдруг Нередка.

Они послушно передали патроны, не спросив — для чего они понадобились ему. Но Гнат сам объяснил своим замысловатым слогом:

— Коли приказываю искать помощи, поскольку исключительно скомканы недоеданием. В случае вашего непоявления, беру вас под свою защиту. И прошу не исказить моего приказа.

То-есть он приказывал им искать помощи у крестьян, а сам становился в резерв, если бывшие кулаки предадут. Сказав это, он сделал подкозырек и свернул в огород, а они двинулись вдоль плетня.

Колебания маятника все же есть колебания, хотя бы он ни на терцию не уклонялся от задачи показывать время.

Так и трое оставшихся.

Они долго колебались, прежде чем заглянуть через плетень во двор и слабым голосом крикнуть: «Батю!» Колесо солнца вело их по колее и привело к одному двору, не очень отличному от прочих. Так же, как и в других дворах, плодовые деревья в нем обломали немцы, так же всюду были сорваны двери и выбиты окна и так же долго не получали они ответа на свой призыв к доброте отца-кормильца.

Наконец дверь распахнулась. Как они и ожидали, их встретило обезображенное страхом лицо с обезумевшими глазами. Короткобородый крестьянин, в проседи весь, сверкнув, словно ножом,

глазами, вдруг посторонился и сипло сказал:

— Входите!

За столом в хате, против печи, вороша угли и с незакуренной папироской во рту, сидел второй крестьянин, помоложе. Он был в солдатской одежде, но босой. Взор его сверкнул с той же силой, с какой сверкнул взор его отца, так, что взором, казалось, он мог опрокинуть человека, как буря лодку.

— Давно пробираетесь? — спросил крестьянин постарше.

Подпасков, к которому перешло командование, пожелал внести в отношение свои с крестьянином точность и определенность. Если ты шпион, предавай, чорт с тобой, но что б сразу. И тут же он подумал, — как же все-таки они ослабели, раз забыли обменяться с Гнатом условным знаком. Ну, каким образом Нередка поймет, что этот крестьянин их предал и куда придет на выручку? Но, даже и не зная того правила, что философское слово нуждается в долго создаваемой оправе, как бриллиант или рубин, а деревенская мысль величественна сама по себе, словно валун среди долины, Подпасков сказал грузно и тяжело, будто выкатывая валун:

— Жрать дашь, батюко?

Крестьянин молча подошел к печи. Второй крестьянин передал ему горшок. На дне его лежали остатки солдатской каши, видимо, из пшена, принесенного сыном. Трое мгновенно съели всю кашу и когда обнажилось дно, они переглянулись и опять та же мысль мелькнула у них всех разом: «Не предаст?»

— Ну, теперь пойдете в клуно.

И он привел их в погреб.

Погреб был тоже без двери, погребная яма пуста, гнилая солома устилала пол. Крестьянин остановился посредине, опустил голову и развел руками и, поглядев на этот жест, на узкие его плечи, Семен Отдуж подумал: «Не выдаст». Крестьянин сказал:

— А завтра Иван отвезе... Он на ту сторону хоче. Ну, пускай его, раз хоче... пускай везе... Сын мой, сынку... — Голос у него был опустошен горем и только голод и усталость мешали Под-

паскову понять это горе. Сосулька уже спал, уткнувшись в гнилую солому, а Семен Отдуж, никак не желая огорчать друга, когда крестьянин ушел, все же осмелился сказать, впрочем, так и не договорив фразы:

— Никак того нельзя...

— Что никак нельзя? — грубо, как всегда говоря с Семеном, спросил Подпасков, привстав на локте и зорко всматриваясь во двор.

— Никак нельзя так о нем думать.

— Как? Научи!

— Ну, так.

— Оправдываешь? Юду оправдываешь?

— Июда сам по себе, а этот сам по себе.

— А ты видал, сколько каши дали?

— А, може, она у них последняя. Да он же нас не держит...

— Чего и держать, раз кругом немцы.

И точно, — у ворот слышались чужие голоса, стукнул приклад, о стену хаты разбила бутылку, — и словно что сверкнуло и резнуло им по сердцу. Немцы дружно захохотали. Подпасков прикрыл соломой Сосульку и шопотом сказал Отдужу: «Ложись, прикрою». Отдуж тоже шопотом ответил: «Я тонкий, давай тебя». Подпасков толкнул его в бок и зашипел: «Ложись, приказываю». Отдуж лег. Дышать было трудно, и спать уже не хотелось.

— Девок ищут, — сказал чуть слышно Отдуж.

— Не девок, а нас, — ответил Подпасков.

— Чего нас искать, мы спим, — сказал, просыпаясь на мгновение, Сосулька. И, резко повернувшись на другой бок, он опять уснул.

Подпасков вздохнул:

— Вот уж верно, дуракам счастье.

— Он не дурак, — сказал Семен.

— Ну, так мы дураки, не понимаем его.

Подпасков вытряс из головы солому.

— Ушли. Вставай. Да ушли, тебе говорят.

Голоса немцев, действительно, слышались едва-едва. Через двор, охая,

прошел пожилой крестьянин, и Подпасков сказал:

— Только чего он задерживается, интересуюсь?

Сосулька, опять проснувшись на мгновение, сказал:

— Интересовался парень девкой, а она ему двойню да исполнительный лист.

Подпасков засмеялся, и ему тотчас же после смеха захотелось спать. «Спи», — сказал он строго Отдужу, и тот лег. Подпасков прикрыл его еще соломой, зарылся сам и заснул.

Проснулись они от зенитной стрельбы. Солнце стояло высоко. И казалось, — выше и более горячие, чем солнце, летели над землей советские бомбардировщики. Сердца троих наполнились гордостью, а больше всех был преисполнен гордостью Подпасков. Он сидел на гнилой соломе, охватив колена руками, думал о том, что надо бы вырыть на всякий случай ямку, и в то же время говорил сам себе: «А плюю я на вас, людоеды». Ему было приятно так думать. Он подмигивал сам себе мокро, умиленным глазом и бормотал вслух: «Эк, тебя подвело», и это надо было понять, что он умеет и способен исполнить любой приказ командира. То, что он стал теперь другим, подлинным человеком, совершенно не занимало его, и то, что он глазами, полными слез, глядит на небо, где летят советские бомбардировщики, казалось ему не переломом в душе, а точным исполнением приказа. Он подтверждал это, бормоча: «Что же, раз есть приказ, мы дадим подмогу». На одну секунду мелькнула мысль о доме, но те мысли, с которыми он пошел в ополчение, то-есть получить медаль, выйти в председатели колхоза, вызывать всеобщее восхищение и купить несколько дорогих и ненужных вещей, казались ему такими пустыми, что, как себя не подмалевывай, все равно не будут эти мысли стойкими. Он уже не мог представить жену в новом платье с ожерельем из янтарей на шее и с золотыми часами на пухлой руке. Он хотел только увидеть ее лицо, — да и то лишь тогда, когда ему разрешит родина.

— Семен, слышишь?

— Слышу, — растроганным голосом ответил Семен, и Подпаскову было удивительно приятно понять, что у Семена те же мысли, а может быть, даже крупнее и трогательнее. Но долг командира, каким себя сейчас чувствовал Подпасков, не разрешал ему долго «кукаться».

— Я о другом, Семен. Поручаю тебе — приведешь из-под ракиты Гната. А я пока вырою ямку, и будет в той ямке лежать один человек, на всякий запасный случай.

— Слушаюсь, товарищ командир.

— Если не способен привести, так и говори. Я пойду.

— Приведу, Мирон Ефимыч.

— Смотри, доверяем жизнь, Семен.

— Уж что, что, а доверье я понимаю, Мирон Ефимыч.

И Семен, шепча что-то про себя, ушел.

Подпасков и Сосулька взяли лопаты. В углу стояла полуразвалившаяся бочка из-под огурцов. Они решили вырыть ямку под этой бочкой, а землю сбросить в погреб. Рыть было трудно, так как земля в погребке слежалась и в ней было много щебня. Рыли они без перерыва часа два, и к тому времени вернулся Отдуж.

— Приказано интервалом итти, — сказал он, вбегая в «клуню». — Дай лопату, надо ямку пошире, а то Гнат будет ругаться.

Действительно, после «интервала» минут в пятнадцать, пришел Гнат Нередка, он осмотрел ямку и проговорил недовольно:

— Кошке в этой яме сидеть, а не солдату. — И, оглядев всех, как бы этим принимая вновь командование, он добавил: — Приказ вышел в силу того, что нас теперь четверо, и согласно пункту один должен быть в резерве, на предмет мщения или чего-либо сообразного. Семен, садись в яму, жди.

Семен послушно сел в яму. На яму навинули бочку. Нередка достал из кармана клочок бумаги:

— Надо домой, кому хочется, написать. Порубят немцы, один уцелеет, пе-

редаст. Также и рапорт. Подпасков, говори адрес и что писать.

— Пиши, — сказал протяжным голосом Подпасков. — Дорогая жена и детки. Пишу вам из отряда в немецком окружении, где мы сражаемся под руководством товарища Гната Нередка. Во всяком случае, фашисты будут уничтожены, враг будет разбит и победа будет за нами. С получением сего, я буду мертвый, и пусть дети подрастут и сражаются с лютым врагом за ту цветущую жизнь...

— Хватит, — сказал Нередка, — бумаги иначе на всех не достанет. Сосулька, каков твой адрес?

— А ты припиши мой адрес в то подпаскову, письмо. У него жена исполнительная, она моим напишет, а бумаги еще прикурки на три тогда останутся.

— Это верно, — сказал Гнат, приписывая в письмо Подпаскова адрес Сосульки. — И табаку вровень, и бумаги тоже. Полезай, Сосулька, в яму, письмо будет писать Семен.

В разных они сидели ямках, но эта в погребке, оказалась самой душевной; самой тяжелой. Но они сидели безропотно, каждый свой срок, который указывал им Нередка. На краю ямки лежали три записки с адресами, а как только садился сменный в ямку, троих оставшихся повторяли ему, сами не замечая того, что все это они говорили сидевшему перед тем в ямке.

Солнце скрылось. Упала роса. Поднялась луна. С севера подул холодный ветер и показались тучи. Пришла опять очередь Сосулке сидеть в яме.

— Под луной человек выше, а под солнцем подлее, — сказал он, надвигая на себя бочку. — Если тот батька не выдаст, я его подкурю, ребята, так, что он места не найдет.

— Молчи, идут, — проговорил Гнат. — Письма не забудь. Все согласно пункту.

— Будьте покойны, ребята. Прощайте.

— Прощай, — сказали они шопотом.

Вошел крестьянин. В руке он держал краюху.

— Коней у нас немцы поотнимали, так Иван их у немцев отнял, — сказа-

он просто и не спеша, протягивая им краюху. — Пойдем до коней, а то как бы немцы не хватились.

В темноте глаза его казались еще более тоскливыми, а голос резал сердце. Однако они сдерживали себя и старались не верить ему.

— На ту сторону сын хочет, — сказал крестьянин. — Ну, что ж. Хочет, так пусть...

И он проводил их за огород.

Пара коней, запряженных в бричку, стояла у плетня. Иван соскочил с сиденья, поправил чересседельник, не столько для надобности, сколько чтобы скрыть слезы, затем поцеловал отца, и отец сказал троем:

— Садитесь. А то немцы догадаются.

— Да они ж все равно догадаются, — сказал сын горестно. — Не уцелеть тебе, батько.

— А, пускай!

Гнат Нередка спросил у крестьянина помоложе:

— Чего ж отец с нами не едет?

— Да нельзя, Параська больна. Как оставишь?

— Нельзя оставить, — подтвердил пожилой крестьянин.

Подпасков и Отдуж сидели в бричке. Нередка стоял, опустив голову.

— Обождь приказа, — сказал он.

Предводитель думал о том же, о чем думали его подчиненные. Теперь уже не было сомнений, и крестьянину они все верили. Оглядывается он торопливо, на дне брички лежат четыре немецких ружья с патронами, да и бричка, повидимому, досталась Ивану не даром, так как весь передок ее обрызган кровью. Ясно, что опасения их были напрасными, и предвестие недоброго появилось из-за усталости и измучившего их голода.

И что же? Раньше получалось так, что они оставляли Сосульку на жизнь, спасали его, а теперь выходит, что оставляют его на смерть.

— Приказываю поправку, — сказал Нередка, и, круто повернувшись, он вернулся в «клуноу».

Подпасков объяснил пожилому крестьянину:

— Четвертого решили с собой взять.

— Да я знал, что он там сидит, — сказал крестьянин. — Мы так только полагали, что он не хочет или оставлен для вашего дела.

Четверо уселись в бричку.

— Прощай, Иван, — сказал отец.

— Прощай, батька! — ответил сын.

Нередка озабоченно посмотрел в лицо Ивана. Это было красивое, честное и гордое лицо. Он спешил к бою. Он хотел защищать родину. И, наверное, поддаваясь великодушному свету луны, о котором недавно говорил Сосулька, предводитель отряда подумал, забыв о пункте «г» приказа майора: «Из такого лица знамя можно выкроить».

— Двигай, — сказал Нередка.

Бричка вошла в лес. Она пробиралась такими топкими и непроходимыми местами, что, как ни хотелось четверем спать, они не могли не любоваться ловкостью Ивана.

— Да никакого дива тут нет, — сказал Иван. — Мы сюда постоянно за сеном ездим, каждый метр знаем. А вы бы отдохнули пока. До Воробьевска езды часов шесть.

Они и уснули.

Иван сидел, смотрел на дорогу, — и не видел ее. Кони шли сами. Иван думал об отце, о больной сестре и о том, что эти голодные, оборванные люди напомнили ему о любви к родине, о необходимости защищать ее, и что при взгляде на них, он решил уйти из дома «на ту сторону». Он гордился тем, что они доверились ему с первого взгляда, и он решил отплатить им тем же, не покидать их никогда. От света луны он казался еще более стройным, красивым и верным. Если б в эти минуты проснулся кто-нибудь из четверых, он бы непременно сказал, что Иван очень походит сейчас на политрука Мирских, и ему могло б даже под призрачным светом луны показаться, что деревенский парень исчез, передав вожжи Мирских, и политрук правит теперь бричкой.

Ну, что ж, ведь их было теперь, действительно, опять пятеро.

Из блокнота военного корреспондента

ИВАН АРАМИЛЕВ

★

В ГОРАХ

Партизаны били врага по ту сторону гор. Последнее время нам не удалось наладить с ними радиосвязь. Раньше мы сбрасывали туда кое-что с самолетов. Теперь много дней подряд стоит нелетная погода, и надо кому-то итти или ехать; война продолжается, несмотря на метель и снегопад.

— Ты охотник, — сказал командир полка. — Знаешь все пути-дороги. Бери пакет и отправляйся.

Помолчав, он добавил:

— Тут написано коротко. На словах от себя доскажешь. Постарайся ободрить ребят. Если у них патронов мало, мы подкинем, как только улучшится погода. Договорись о месте. Пусть подготовят посадочную площадку для транспортных самолетов.

И вот я бреду по крутым склонам. Ветер вздымает снег, бьет в лицо. За мною на поводу, позвякивая стременами, идет жеребец Сокол. Бока и грудь коня заиндевели.

Бледный сумрак наплывает с низин, закрывает горы. Становится еще холоднее. Подтягиваю пояс, распускаю наушники на шапке и мну валенками рыхлый, сыпучий снег.

Я не знаю, зачем взял коня. Ехать в седле по морозу в горах невозможно. Правда, с конем итти веселее. Я слышу за спиной горячее дыхание и, оборачиваясь, вижу большие спокойные глаза. Это глаза лошади — друга. Мне кажется, Сокол все понимает. Он только не говорит, мой золотисто-гнедой спутник.

Иногда ветер стихает. Даль проясняется. Где-то завывают волки. Протяжный стон зверей навевает тоску щемит сердце. С обрывистой кручи смотрю в долину. Мелькают огоньки. Волчьи глаза или костры? Изморозь дымится угрюмый лес. Глухо шум придавленные снегом сосны. Стволы деревьев потрескивают на морозе.

И я один в холодных, молчаливых горах.

Давно должен быть перевал, а его все нет и нет. Неужели я запутался? Глаза мои зорки. Слух обострен. Прошу мне чудится, где-то сбоку, легкая осторожная поступь. Может быть, кто выслеживает меня? Можно попасть в засаду, столкнуться с вражеской разведкой.

Я вздрагиваю. Поднятая нога замораживает в воздухе. Потом я ставлю ногу на снег, прислушиваюсь. Никого нет. Э ветер бежит по отрогам. Я раскуриваю трубку, глубоко затягиваюсь и выпускаю дым через ноздри. Крепкий табак отгоняет сон и усталость.

Мы попадаем в туман. Обледенелые скалы закрывают путь. Я оставляю Сокола. Иду искать потерянное направление. Тут нелегко ходить. Но ведь я охотник. Мне случалось лазать по таким еще кручам и трещинам. Откаивая тропу, я возвращаюсь. Сокол встречает меня ласковым ржаньем. Ледяной гонькой касается мордой моего плеча. Достаяю компас, освещаю его фонариком, и мы снова устремляемся на перевал.

Впереди что-то смутно чернеет и шевелится. И теперь я отчетливо слышу крадущиеся шаги. Конь прижимает уши, атягивает повод. Значит, не мерещится мне. Сокола не обманешь. Снимаю с плеча автомат. Щелкаю затвором. Осторожно иду. Черное ближе и ближе. Сжимаю автомат в руках. Палец ладонью лежит на гашетке. Я чувствую бжигающий холодок железа. Тело мое напряжено, и руки сами знают, что делать. Секунда, и я плесну в неизвестное огонь и свинец. Так сотни раз бывало на охоте, когда внезапно поднимался с лежки зверь, вылетала из-под ног птица.

Это темнеет на белом скала, и над ней качается под ветром пучок прошлогодней травы. Вот так встреча! Я лыбаюсь. Мне даже начинает казаться, что травка над скалою пахнет полынью и шалфеем. Повеселев, оттираю арегой нос и щеки. Хлопаю коня ладонью по шее. Сокол тихо ржет, удаляет копытом по льду. Мокрый, озябший, скрючившись под седлом, он опускает голову и тянется к траве, что напугала нас обоих.

Разнуздываю коня. Он мерно жует и чавкает. Сгущается ночь. Седая зимняя мгла обступает нас. И какой холод! Лицо коченеет, как только перестаетшь его тереть. Трудно дышать! Тропа жметя к обрыву. Неосторожный шаг, и я полечу в пропасть. Хорошо бы теперь развалиться у камелька на лежанке и заснуть. Можно переждать эту ночь где-нибудь под скалою. У меня есть спички, шанцевый топорик. Нетрудно развести огонь.

Я вспоминаю людей, которые меня послали, думаю о тех, что меня ждут. Им тоже не сладко. Все мы берем трудный перевал. Надо итти. Я подавляю влечение к огню и теплу. Дергаю повод, ободряю коня.

— Вперед, Сокол, вперед!

Утро. В горах безветрие. Студеная тишина. Не видно и не слышно птиц, будто вымерли все. Горный козел перебегает тропу, взбирается на снежный гребень и смотрит на меня. У него огромная голова с чудесными рогами. Стройное, мускулистое, готовое к

прыжку тело. Я кашляю, чтобы испугать козла. Он стоит неподвижно, и как будто совсем не боится человека с лошадьо. Неужели знает рыжий рогач — не до охоты мне сегодня?

У подножья скалы — человек. Он лежит на снегу, раскинув длинные, обутые в валенки ноги. Борода, ресницы и брови — в ледяном куржаке. Рядом — широкие березовые лыжи, винтовка с примкнутым штыком. Куда и зачем он шел? Встречный связист? Да, это может быть так. Партизаны приняли наши радиogramмы и послали человека. Он замерз и погиб в пути, не осилив перевала.

Я выворачиваю его карманы, развывая котомку, надеясь отыскать бумаги. Две ручные гранаты, пачка махорки, полкаравая пшеничного хлеба, кусок вареного мяса, и больше ничего нет. Снимаю с него подсумок с патронами, прилаживаю к седлу винтовку.

Нам это пригодится.

Оставляю мертвеца и, спотыкаясь, бреду по сугробам.

Удастся ли одолеть перевал? Налетит неистовый буран, и я вот так же упаду, засну на тропе и навсегда останусь в холодных, молчаливых горах. Коня растерзают волки, или он спустится в долину. Кто-то расседлает и присвоит его, как приبلудную добычу. Жена, сын, друзья никогда не узнают, что со мною случилось.

Ну, что ж. Я иду по смертной тропе потому, что люблю жизнь. До боли в сердце люблю я землю, на которой провел детство и юность. Эту землю топчет чужой сапог. Когда враг подступает с ножом к горлу, грабит, сжигает города и села, — необходимо драться.

Пусть я погибну. За мною пойдут другие. Нас много, молодых и бесстрашных. Мы бьемся за правое дело. Перевал будет взят. Разве останзят нас горы, снега и холод? Эта мысль укрепляет меня. Тепло становится в груди. Шагаю и радуюсь тому, что ноги мои крепки, сердце здорово, и оно не пугается высоты, не сжимается от мороза.

Взошло солнце. На скатах голубеет

снег, и в солнечном блеске, как свечи, пылают на деревьях ледяные сосульки. Великолепное синее небо раскинулось надо мною. Эх, теперь бы легкие охотничьи лыжи вместо коня... Как на крыльях, ринулся бы я с высоты в долину!

Скоро перевал. Я узнаю знакомые места, где стрелял в прошлые годы козлов, и улыбаюсь коню.

★

ГВАРДЕЙЦЫ

Их было двадцать девять. Стрелки 8-й Гвардейской Краснознаменной имени генерала Панфилова дивизии*.

Молодые, сурово-строгие, с обветренными, обожженными первым морозом лицами. Они занимали рубеж на дальних подступах к Москве: возле развезда Дубосеково, что на Волоколамском шоссе. Взвод возглавлял политрук Василий Георгиевич Клочков, известный в роте под фамилией Диева. (Кличку «Диев» политруку Клочкову дал украинец Бондаренко: «Наш политрук постоянно «дие», — по-украински — работает.) Им дан был короткий приказ: не пропускать врага. Они стояли в сторожевом охранении на левом фланге своей части.

День начинался, как обычно. Слегка подмораживало. Белый снег искрился под негреющим ноябрьским солнцем. Бескрайние поля лежали кругом в тишине и зимней задумчивости. Потом

* Имена этих гвардейцев нужно назвать. Они принадлежат истории. Кроме Диева, в окопе сидели: Добробабин Иван Евстафьевич, Шепетков Иван Алексеевич, Крючков Абрам Иванович, Митин Гавриил Степанович, Касаев Аликбай, Петренко Григорий Алексеевич, Есибулатов Нарсутбай, Калейников Дмитрий Митрофанович, Натаров Иван Моисеевич, Шемякин Григорий Михайлович, Дутов Петр Данилович, Митченко Николай, Шапоков Душанкул, Конкин Григорий Ефимович, Шадрин Иван Демидович, Москаленко Николай, Емцов Петр Кузьмич, Кужебергенов Даниил Александрович, Тимофеев Дмитрий Фомич, Трофимов Николай Игнатьевич, Бондаренко Яков Александрович, Васильев Ларион Романович, Безродный Григорий, Сенгибаев Мустафа, Максимов Николай, Ананьев Николай.

— Шагай, Сокол, шагай!

К вечеру мы будем на той стороне. Веселые и суровые люди в меховых шапках с алыми бантами накормят меня, обогреют, и я передам им горячие слова человека, который думает о нас в Кремле, вдохновляет на битвы. Расскажу, как стойко деремся мы за горами, как растут и крепнут наши силы, и что победа уже близка.

тишина взорвалась грохотом орудий. Где-то вдали застрочили пулеметы. В мутноватой синеве неба послышалось гудение моторов. Летели «юнкерсы» и «мессершмитты». Они разведывали обстановку, авиабомбами расчищали путь своим наземным войскам.

В окопе было холодно. Гвардейцы приплясывали, чтобы разогреть ноги, взмахивали руками. Политрук посмотрел в небо, прислушался, сощурил глаза.

— Ничего, братки, ничего, — сказал он ободряюще. — Скоро жарко будет. Немчура готовится к атаке. Гляди в оба.

— Есть, глядеть в оба! — отозвался высокий, плечистый, в белом маскировочном халате, одетом поверх шинели. — Мы, товарищ политрук, сердцем врага чуем. Он врасплох нас не застигнет.

Политрук медленно шел по окопу. Останавливался возле бойцов, посмеивался, расспрашивал о письмах из дому, о самочувствии. Ему отвечали шуткою, дружеской улыбкой. Его любил в роте за веселый нрав, за твердость в бою, за чуткость, за прямоту. Он всегда появлялся в самых опасных местах, первым шел в атаку, последним отступал. Смерть он презирал тем холодным презрением, которое свойственно скромным и мужественным людям. И это знали все.

— Железный парень, — говорили о нем бойцы. — Рядом с таким в пекло полезешь и не заметишь.

— О чем, Василек, задумался? — просил политрук веснушчатого, круглолицего паренька.

— О жизни думаю, — с какою-то наивной простотой ответил Ларион Васильев. — О жене, о сыне, о родителях вспомнишь, и разные мысли в голове ойдут.

— Э, браток, — покачал головою Диев. — Пореже вспоминай. А то, придется ненароком умирать, — дрогнешь.

— Я не дрогну, — произнес обиженным голосом Василек.

Диев возвращался к своей бойнице и думал о предстоящем сражении. Нанануне разведка донесла о значительной концентрации фашистских танков у переднего края обороны. Панфиловская дивизия в эти дни держала фронт против четырех немецких дивизий, одна из которых была танковая. Немцы готовили удар. В распоряжении Диева не было противотанковых пушек. Перед окопом — ни надолб, ни противотанковых ровов, ни стальных рогаток. Из тыла, в случае наступления немцев, должны подойти наши тяжелые танки. Но как сложится обстановка, когда «К.В.» появятся на поле боя — трудно сказать. Возможно, придется принять на себя всю силу лобового удара вражеских машин, отбиваться одними противотанковыми ружьями. Диев не боялся встречи с врагом. Не боялись ее и стрелки, застывшие на своих местах. Политрук знал всех наперечет. Он верил в людей, с которыми его свела и подружила отечественная война. В их глазах он читал готовность биться до последнего вздоха.

Только один из двадцати девяти, сутуловатый, угрюмый малый, человек какой-то темной биографии, стоявший на фланге, внушал опасения. Бойцы дали ему кличку: «Телячья душа». Под огнем «Телячья душа» истерически ахал, стрелял, не целясь, глубже всех зарывался в землю, и невозможно было поднять его в контратаку. Теперь «Телячья душа» беспокойно топтался на месте. После оружейных раскатов закрывал уши ладонями.

— Чего паясничаешь? — окликнул его политрук. — Стреляют в пяти ки-

лометрах, а он ходуном ходит. Придется попросить тебя из гвардии.

— Страшно... — прошептал «Телячья душа». — Не могу привыкнуть, товарищ политрук.

Диев не успел ответить. В поле, за невысоким холмом, стал нарастать характерный шум, звон и скрежет. Немецкая стальная армада двинулась на приступ. Диев щелкнул затвором. Лицо его напряглось. Он вытянулся на носках.

— Внимание! Без команды не стрелять!

Гвардейцы подпустили врага на короткую дистанцию. Танки шли по два в ряд. Их было пятьдесят. Все ближе и ближе грохот металла. Отчетливо видны детали на башнях, смотровые щели, жерла пушек, извергающие огонь и смерть. Они громыхают, уверенные в своей силе и несокрушимости. Они призывали к победным маршам на полях Польши, Франции, Чехословакии, Югославии. Кто может остановить их здесь, в редком снежном ельнике, среди унылых овальных холмов? Ведь только вчера фашистские солдаты слушали берлинскую радиопередачу о том, что русская армия разбита и неспособна больше сопротивляться. Танкисты знали: впереди какие-то, кем-то охраняемые рубежи. Однако это не пугало. Самоуверенность заставляла их думать, что после артиллерийского обстрела и бомбежки с воздуха на рубежах мертво и пусто.

— Огонь! — скомандовал Диев.

От первого залпа споткнулись и осели обе головные машины. Минутное замешательство в колонне. Остальные танки развертываются вправо и влево. Не уменьшая хода, приближаются к окопу. Скорострельные пушки изрыгают огонь, пулеметы длинными очередями взвихривают снег.

Гвардейцы стреляют уже без команды. Роли распределены заранее. Каждый выбирает себе цель на своем квадрате. Пули-снарядики вбиваются в уязвимые места машин, рвут броню, башни, моторы, бензиновые баки, стекла смотровых щелей. До окопа тридцать метров. Гвардейцы кидают связки гранат, бутылки

с горючим. Одна за другой вспыхивают стальные крепости, замирают с перебитыми гусеницами. Уцелевшие рвутся вперед.

В головной машине открылся люк. Высунулась серая кепи. Стрельба стихла. «Сдавайся, русс!» Политрук навскидку ударил по кепи. Танкист не успел нырнуть обратно. Лег грудью на борт. Кепи свалилась с пробитой головой.

— Сдавайся! — крикнули из другой машины.

«Телячья душа» бросил ружье, поднял над окопом руки. Двое соседней справа одновременно, не сговариваясь, выстрелили в него из наганов. Раньше они презирали его, как труса, но терпели. То, что он делал сейчас, было уже предательством, изменою родине, нарушением устава, и они не могли терпеть. «Телячья душа» склонил голову на грудь и упал, широко раскинув ноги.

— Ни шагу назад! — звонко крикнул Диев. — Велика матушка-Россия, а отступать некуда. Позади — Москва. Не посрамим гвардейских знамен, товарищи!

Крик потонул в гуле и громе. Никто из бойцов не оглянулся и не ответил. Да и не надо было кричать. Гвардейцы знали, что делать. Никто отступить не думал. Танки опять надвинулись. Два проскочили на фланге и заходили с тыла. Диев начал яростно кидать бутылки с «К.С.». После удачного попадания он улыбался.

— Так его, шпаль, не жалей. А ну, еще получай гостинца, паучье отродье!

Пахло удушливой гарью. Подожженные танки металась перед окопом. Преграждали друг другу путь. Сталкивались. Восемнадцать машин выбыло из строя. Остальные развернулись и отошли, чтобы с недосыгаемой для броска бутылок и гранат дистанции расстрелять из пушек и пулеметов защитников рубежа. Окоп разрушался. Его засыпало землей и снегом. Сносило деревянные накаты. Все меньше и меньше становилось в окопе людей. Погибли: Добробабин, Шемякин, Петренко,

Шадрин, Тимофеев, Конкин и другие. Но те, кто остался в живых, продолжали вести огонь. Раненые не покидали постов. Бой длился четыре часа. Стреляя, Василий Диев изредка оборачивался, вглядываясь в опушку леса. Подкрепление где-то задержалось.

— Что ж они, черти? — ругался он. — Слышат ведь пальбу. Хоть бы пяток машин прислали.

И тут же приходила в голову мысль о том, что, возможно, ганки более нужны на другом участке обороны; что помощь, может быть, вовсе не придет, и надо рассчитывать лишь на свои силы, драться до последнего патрона. Пусть доведется погибнуть. Они дорого продали жизни. Враг понес огромные потери. Да, пожалуй, самое главное и не в этом. Упорное сопротивление гвардейцев деморализует врага, ошеломляет его. Враг будет знать: здесь не легко пройти, здесь за каждый метр временно завоеванной земли надо платить кровью и сотнями машин. Эти мысли создавали тот душевный подъем, при котором Диев не боялся свистящих над ним снарядов и не думал о смерти.

Наконец иссякли гранаты, бутылки с горючим, опустели магазины противотанковых ружей. Кое у кого остались наганы, трофейные парабеллумы, карабины. Этим оружием уже нельзя было отразить танковую атаку.

Огонь из окопа прекратился. Немцы поняли это. Подойдя вплотную, они вылезли из люков и с автоматами-пистолетами в руках двинулись на окоп. Двое упали, сраженные пулями из наганов.

— Сдавайся, русс!

— Советская гвардия не сдается! — крикнул Диев. — Товарищи! Вперед за родину!

И гвардейцы, их оставалось теперь шестеро, выскочили на бруствер.

Голубоглазый Василек рванулся вперед, чтобы прикрыть собою Диева. Две пули прострочили ему шею. Он захлебнулся кровью и, опускаясь на колени, внятно прошептал: «Ну, вот видишь... ты говорил: я дрогну». Диев выпустил последний патрон, шагнул через Васильку и тоже повалился с пробитой

грудью. Падая в белый пахучий снег, политрук Диев услышал позади окопа знакомый гул советских танков.

Шло обещанное подкрепление. Грозно ударили пушки. Поле накрывалось навесным огнем. Немцы засуетились возле своих машин.

— Не прошли,— тихо сказал Диев.— И не пройдет. Во веки веков.

Это были его последние слова.

Морозный день угасал. Мягкие тени ложились на сугробы, на синеватые в вечернем блеске холмы. Тихо потрескивали деревья. Могучие красноезвездные «К.В» гнали врага на запад. Отзвуки боя становились все глуше и глуше.

Это было 16 ноября 1941 года.

★

ПОВАР

Комиссар Гвардейской дивизии встретил на тропе бойца. Парень — что надо. Высокий, статный. Шинель на нем сидит, как влитая. Шапка набекрень. В глазах — удаля. Залюбовался на него комиссар. Подозвал к себе.

— Давно в дивизии служишь?

— С начала войны, товарищ полковой комиссар.

— Сколько немцев убил?

— Ни одного, — тихо проговорил боец и опустил глаза.

Нахмурился комиссар. Щеки у него вспыхнули.

— Как? И ты смеешь носить гвардейское звание?

— Я — повар! — трагическим голосом воскликнул боец. — Несчастливая профессия. Товарищи мои каждый день рязят

врага, а я лопатой в котле помешиваю. Завидно мне и горько. Кончится война... Вернусь я домой... Станут меня соседи, друзья спрашивать: «Как бился с немцами?» А мне говорить будет нечего.

— Мы это дело поправим, — улыбнулся комиссар. — Перевожу тебя в строй. Убьешь одного немца, — верну на кухню.

— Благодарю, товарищ полковой комиссар, — ответил повар. — Только маловато одного. Разрешите трех убить. Один, это — не солидно. Скажут — случайность. Три — разговор иной. Трех случаев подряд не бывает. Как хотите, — тут чистая работенка.

— Хорошо, — сказал комиссар. — Бей трех.

★

РОЖДЕНИЕ ОТРЯДА

Части Красной Армии отходят на новые рубежи. В снежной пыли дорог грохочут стальные крепости с паучьей свастикой: головные щупальцы немецких танковых клиньев. Тяжело бьют наши гаубицы. Зарево полыхает над лесом, и вздрагивает мерзлая под снегом земля. Село почти опустело. Выхали в тыл женщины, дети. Старики угнали скот, вывезли хлеб, картофель, фураж.

Агроном Дмитрий Иванович Голубев сидит за столом в правлении колхоза. Он договорился с командованием фронта об организации партизанского отряда. Получил оружие, снаряжение, бое-

припасы. Теперь надо подумать о том, кого из оставшихся мужчин можно взять с собою, кому отказать.

Ступени крыльца скрипят под ногами идущих. Широко распахнулась дверь. Холодный воздух врывается вместе с людьми в комнату. Агроном ежится, застегивает крючки на полушубке. Колхозники рассаживаются на лавках, крутят цыгарки, закуривают. Терпкий, синеватый дымок плывет над столом. Агроном оглядывает вошедших. Пожилей, солидный народ. Призывные возрасты мобилизованы. Ушли с Красной Армией. Остались вот эти «белобилет-

ники». Агроном смотрит на всех умными, веселыми глазами, улыбается, кивает головою. Он знает этих людей. Они еще покажут себя.

— Прет, гад, — говорит тракторист Николай Шамов. — Топчет московскую землю, змеиное отродье.

— Прет и топчет, — соглашается агроном. — Пусть прет на свою погибель. Будет время, его попрут.

— Известно, отшибем, — подтверждает кузнец Никита. — Россию ни одна держава заглотать не в силах. Кто хошь, подавится. Советский народ, как дуб, стоит: ветки побивать можно, а ствол с корнем не выдерешь. Не-ет.

— Все собрались? — спрашивает агроном.

— Все, — отвечают колхозники. — Начинай, Дмитрий Иванович.

Агроном говорит о предстоящей борьбе с оккупантами. Тишина в избе. Люди сидят с напряженными лицами.

— Красная Армия шархнет их от Москвы, а мы встречать будем, — поблескивая глазами, говорит оратор. — В клещи возьмем. Когда они покатытся назад, каждый мостик на дороге, каждая тропка значенье приобретут. Вот где раздолье нашему брату, партизану.

— Дело ясное, — перебивает Николай Шамов. — Открывай вербовку. Пиши меня первым. Я раньше всех пришел. Очередь не уступлю.

Агроном вскидывает глаза на тракториста.

— Не подходишь, Коля, — тихо произносит он. — Нога у тебя...

— Это как такое я не годеи? — вскрикивает Николай. — Подумаешь, нога. Она чуть-чуть покорооче. Или ты забыл — мы с тобою на охоте сутками по болотам ходили? Обидно мне. Эх, Дмитрий Иванович!

— Охота — особ статья, — говорит агроном. — Мы воевать хотим. Нужны крепкие, выносливые бойцы. Не ходить, а бегать, ползать доведется.

— Не понятно, — взволнованно отвечает тракторист. — Ты обмозгуй, начальник. Еще разок обмозгуй. Я спец своему делу. Мотор знаю. На любую машину посади — поеду. Захватишь исправный немецкий танк — что будешь с

ним делать? Ага! Вот и вспомнишь тракториста Николу. Верно говорю. А на немца я зуб имею. Буду бить без промаха.

Агроном сидит, насупившись. Ему жаль тракториста. Славный парень. Постоянный спутник на охоте. Сколько ночей проведено вместе у костра. Сколько было задушевных разговоров. Конечно, Никола обидится. А принять — риск.

— Возьми его, Дмитрий Иванович, — гудит председатель колхоза Данило. — Он, правда, хроменькой, но жилистый, дюжий. Мое мнение такое: Николай выдержит.

Данило намечен начальником штаба отряда. Его голос важен в вопросах вербовки. Агроном облегченно вздыхает.

— Ну, ладно, быть по сему.

— Спасибо, товарищи, — улыбается тракторист. — Я на факте докажу, что вы не ошиблись.

Дальше все идет гладко. Один за другим поднимаются люди, строго и деловито произносят: «Пиши меня». Агроном кивает головою. Данило ставит галочку в списке.

Доходит очередь до кузнеца Никиты. Ему за шестьдесят. Кроме того — хронический бронхит. Агроном мягко и тактично отводит кандидатуру кузнеца:

— Хромых, кривых набрал, а мне полный отказ? — запальчиво говорит старик. — Что я, у бога теленка съел? Из нашей семьи четверо на фронте бьются. Дайте и мне постоять за родную землю.

— Эвакуироваться тебе надо, Никита Сергеич, — советует Данило. — Какой из тебя партизан? Кашляешь так, что на другом конце села слышно. Выставим в секрет тебя. Там держать себя надо мертво. Бронхи твои разыграются, кашлянешь, а немец, вот он где, рядом. В один момент снимет кашлюна. Сам погибнешь и отряд погубишь.

— Верно, — поддерживает кто-то из угла. — С немцем воевать, не зайцев гонять. Тут люди нужны особенные, кремневые.

— Кремневые, — передразнивает кузнец. — Что я чурбан, по-вашему, или

как? Дайте миру послужить на старости лет. Я хошь в разведку, хошь куда.

И такая мольба, такая страстная убежденность в словах старика, что начальник штаба наклоняется к уху агронома.

— Горят сердца у всех, Дмитрий Иванович, — шелчет он. — Невозможно отказать. Гитлер в печенки вьелся каждому. На всю жизнь человека обидишь. Ежели что — потом откомандируем.

— Хорошо, — отвечает агроном. — Я тоже так думаю.

Вербовка закончена.

Агроном окидывает своих будущих соратников и бойцов теплым взглядом. Отличный народ подобрался. Много старых солдат. Пулеметчики и саперы, кавалеристы, пехотинцы, артиллеристы. Неважно, что им за сорок, за пятьдесят. Неважно. Разве может старость погушить огонь ненависти в сердце?

— Вот что, друзья, — начинает он. — Мы идем на трудное, на опасное дело. Примем партизанскую присягу, дисциплину введу строгую. Прикажу остановить танк бутылкой с горючим — остановите. Прикажу с автоматом на дерево залезть — полезете. Случится так — дватри дня без хлеба просидим, и нить, скулить не дозволю.

— Да чего ты нас пугаешь? — раздается в углу обиженный голос. — Мы

немцем сагитированные. Нас теперь нечем пугать.

— Я не агитирую и не пугаю, — раздельно и сухо подчеркивает агроном. — Я к тому говорю, кто чувствует себя не твердо, не путайся в ногах, выходи из строя. Отпущу домой.

— Нету среди нас таких, — отвечает Николай Шамов и оглядывается на колхозников.

— Нету, — подтверждают все. — Кто трусоват, тот не пришел сюда.

— Добре, хлопцы, — говорит Данило. — Идемте со мной до пожарного сарая. Буду оружие выдавать. Ночью выступим.

Все уходят. Агроном снимает со стены автомат, два диска с патронами, мешок с сухарями, выходит на улицу. Ночь опускается над селом. В вышине мигают зеленовато-золотистые звезды. Дует колючий ветер. Агроном слушает тишину. Кругом, в зимней пелене, в изморози, лежат родные московские поля. Он возделывал их, очищал от сорняков, от жаменьев, от кустарников. Теперь надо защищать поля от врага. Агроном думает о Москве, о людях, которые доверили себя ему и пойдут с ним, куда угодно — на муки, на смерть, но не отступят, не покорятся захватчикам.

— Расшибем, — шепчет он сам себе. — Уничтожим всех.

★

«МИХРЮТКА»

I

В землянке было тесно и жарко. Комиссар дивизии, усталый от бессонных ночей, глянул на стоявшего перед ним человека и нахмурился. Журналист, присланный для работы в дивизионной газете, не нравился ему. Незрочный, веснушчатый, с русой бородкой и редкими обвислыми усами. Стоптаные сапоги, потертое бобриковое пальтишко, ветхая клетчатая кепка на вихрастой голове. Насквозь штатский человек. Счетовод сельпо. Управделами периферийного кирпичного завода.

— В армии служили? — спросил комиссар.

— Нет. Не доводилось. От действительной освобожден по болезни. Был корреспондентом районной газеты.

— Трудно вам будет, — покачал головой комиссар. — Редактор тоже новый парень. В военном деле слабоват. Напутаєте вдвоем. А учить мне вас некогда. Других забот хватает. Понятно?

— Привыкнем, товарищ комиссар, освоимся.

Они помолчали.

— Ну, что ж, — сказал комиссар. — Идите получать обмундирование, приступайте к своим обязанностям.

Отпустив журналиста, комиссар взял телефонную трубку, соединился с Политуправлением армии. Разговор был короткий, но бурный. Комиссар возмущался. Он просил первоклассного работника. Ему прислали какого-то «Михрютку». Газета и так плоха, не авторитетна. Теперь она совсем захиреет. Думают ли о кадрах товарищи инструктора?

— Погоди-ка, Хомутов, не горячись, — отвечал спокойный, басовитый голос. — Судить по внешности нельзя. Не справится — отзовем. В чем дело?

II

Через месяц комиссара вызвали к телефону.

— Хэлло, Хомутов! — рокотал в трубке знакомый голос. — Привет, старина! Хорошо деретесь, черти. Двести человек ваших представляем к правительственной награде. Как поживает твой «Михрютка?»

— Ничего мужик, — ответил комиссар, — старается.

— Хотим перевести его в армейскую газету. Твое мнение?

— И думать не смей, — твердо сказал комиссар. — Возьмешь, перейдя через мой труп. И что там у вас за манера? Как только вырастишь человека, немедленно стараются его взять.

— Ладно, ладно, живи, — рассмеялся обладатель баса. — Просто, хотелось узнать. Значит, все в порядке? Будь здоров.

Дивизия вела напряженные бои. Принимала на себя удары танковых клингов. Попадала в окружение. Фронт ломался. Выравнивался. И, как всегда в маневренной войне, были неожиданные отступления, рыжки вперед, стремительные контратаки.

Вслед за полками, по трудным дорогам войны, двигалась дивизионная газета. Случалось, в тыл заходили немецкие автоматчики. Возле редакции опускались парашютисты. Тогда газетчики откладывали перья, брались за ППД и вместе с хозяйственной командой уничтожали врагов. Газета всегда выходила без опозданий. Душой дивизионки был «Михрютка». Он часто вы-

езжал на линию огня. Под обстрелом, примостившись где-нибудь на пеньке, на сваленном дереве или в окопе, «организовывал» заметки, собирал информацию, отклики, письма в редакцию. Самая отчаянная стрельба немецких автоматчиков не смущала его. Было в нем какое-то удивительное бесстрашие и презрение к смерти. Казалось, он родился в атмосфере войны и воевал всю жизнь.

— Ходит под огнем, как лунатик, — восхищенно говорили о нем бойцы. — Кремневый парень.

Собрав материалы, он исчезал и утром на другой день снова появлялся на передовых. Раздавал свежие газетные листы. Он не хуже работников штаба знал обстановку в дивизии. Каждый подвиг бойца газета отмечала дружеским вниманием, горячим словом. Когда нужно, она была зубастой, колючей. «Михрютки» боялись трусы, паникеры и ротозей. Этот мягкий человек, с глазами мечтателя, умел быть беспощадным к людям, которые нарушают устав. Пытаются свалить на других вину за собственные промахи.

Бывало, он увлекался, перебарщивал и ошибался сам. Но все, о чем бы он ни писал, было отмечено жадным исканием, светилось и волновало. «Михрютка» писал кровью сердца. Это понимали, ценили. За это его уважали бойцы и командиры. Прозвище «Михрютка», «привоенное» ему комиссаром в день приезда в дивизию, осталось. Но теперь оно звучало по-иному: нежно, ласкательно.

Командир дивизии, опытный, заслуженный генерал-майор, недолюбливал газетчиков за легкость в мыслях и всезнайство. Он долго присматривался к «Михрютке» и, наконец, не выдержал.

— Молодец, товарищ техник-интендант 1-го ранга, — сказал он при встрече. — В самую точку бьешь. Приказываю так держать.

— Есть, так держать, — отозвался «Михрютка».

III

Командование выдвинуло легкую батарею за передний край обороны. Багаireйцы вгрызлись в землю, замаскиро-

вались в ельнике. Дорога, соединяющая артиллеристов с тылом, простреливалась фланкирующим огнем автоматчиков. Ночью фашисты били по ней из минометов. Ездить на батарею было нельзя. Ходить — опасно. Однако «Михрютка» ежедневно пробирался туда, шутливо именуя себя делегатом шестой державы, шефствующей над армией.

Однажды его остановил командир дивизии. Они поговорили по душам. Командир упрекал «Михрютку» в том, что он «показывает храбрость», а нужды в этом нет. Газету можно доставлять на батарею с оказией.

— А вы-то сами зачем ходите на переднюю линию, товарищ генерал-майор? — спросил «Михрютка». — Своими глазами посмотреть хочется? То-то и оно. Вот и я так. Что может привезти мне с батареи повар? Я чужим глазам не доверяю.

— Люблю упрямых и настойчивых, — улыбнулся генерал-майор. — А все-таки советую остерегаться.

В дивизию подтягивались резервы. Готовился удар по группировке врага. Немцы об этом пронюхали, и особенно яростно обстреливали дорогу. В этот день, как всегда, «Михрютка» направился к батареям с пачкой газет.

— Куда тебя понесло? — сердито сказал комиссар. — Смотри, что делается. Все равно не пройдешь.

— Как это не пройду? — обиделся «Михрютка». — Если надо, пройду обязательно. Сегодня номер особенный. Полоса об артиллеристах. Они должны ее прочесть. А сводка Информбюро? Разве можно без сводки людей оставить? Там народ один к одному — герои.

На батарее журналиста встретили радостными возгласами. Газету подхватили, и она пошла по рукам.

— Как ты обратно? — спросил командир батареи. — Фрицы нервничают. Огня больно много. Обожди до ночи.

— Что вы, друзья? — воскликнул «Михрютка». — Сюда пришел, значит — обратный ход есть. Мне в девять часов номер сдавать нужно. Ну-ка, выкладывайте новости для отдела информации.

На обратном пути он был убит осколком снаряда. Хоронили «Михрютку» в полдень. Над лесом сияло красноватое зимнее солнце. Искрились покрытые белым поляны. Не шелохнувшись, стояли одетые снегом деревья. Над дорогой, как и вчера, свистели снаряды, взметая глыбы мерзлой земли. Война продолжалась, и не все, кто хотел, присутствовали на похоронах журналиста. Могилу вырыли на высоком холме среди сосен, где весною поют глухари. Поставили гладко выстроганный столбик. На нем вырезали: «Всеволод Васильевич Оборонин. Работник армейской печати. Погиб смертью героя в боях за родину». С обнаженными головами стояли вокруг могилы бойцы и командиры.

— Это был вдохновенный и страстный воин-гвардеец, — сказал комиссар в прощальной речи. — Его оружием было перо, и он владел им в совершенстве. Мы потеряли журналиста-снайпера, чудесного товарища, человека большой души.

Ночью дивизия пошла в атаку. Враг был разбит и отброшен. Немцы откатывались на запад. По полю битвы проходил комиссар на лыжах. Остановился возле подбитой немецкой гаубицы, и глаза его затуманились.

— Эх, кто будет описывать сражение? — тихо, с болью и горечью произнес он. — Чортов ты сын, «Михрютка». Не сберег себя.

★

«РЕАЛИСТ»

Блиндаж командира дивизии полковника Н. напоминает собою небольшую, уютную комнатку. На столике — трофейный патефон, стопка пластинок, букет искусственных цветов. На стене — зеркало, большая штабная карта, порт-

реты Наркома Оборон и маршалов Советского Союза. Под потолком — электрическая лампа. В углу — крохотная печурка, и в ней пылают сосновые поленья.

Пленный, обер-ефрейтор германской

армии, греет над камельком озябшие руки, трет ладонь о ладонь и смотрит на нас умным, настороженным взглядом. Он среднего роста, в рваной шинележке и выцветшей, полинялой пилотке. Полковник задает вопросы. Я перевожу.

— Почему вы, Ганс Бломериус, решили перейти к нам? Коммунист? Антифашист?

Пленный отрицательно мотает головой.

— Обижены своим начальством?

— Нет.

— Значит, устали от войны?

— Я еще не успел устать, — чуть слышно произносит он. — Две недели назад мы прибыли сюда из оккупированной Норвегии.

— Так что же привело вас к большевикам?

Пленный называет себя «реалистом». Я перевожу полковнику несколько странный и расплывчатый ответ. Мы переглядываемся.

— Чорт его знает, что за фокусник! — восклицает полковник и улыбается. — Пусть-ка расшифрует. Новый мотив какой-то. Интересно послушать.

Я передаю пленному требование полковника. Обер-ефрейтор долго молчит. Давно небритое, обросшее рыжею щетиной, лицо его неподвижно. Мы ждем. Полковник подкидывает в печурку дров. Сухие поленья весело потрескивают, вспыхивают лилово-синим огнем. Желтые отблески трепещут на стене. Пленный щурится, откидывает голову и просит табаку. Я даю ему папиросу. Он прикуривает от раскаленной до-красна печурки, затягивается дымом и блаженно закрывает глаза. Полковник показывает мне часы. Я понимаю: у него нет времени возиться с перебежчиком. Надо кончать бесплодный разговор. Я трогаю обер-ефрейтора за рукав шинели.

— Вы так и не хотите объяснить причины перехода?

— Отчего же, могу, — произносит он равнодушно. — Вы, конечно, приняли меня за пацифиста. Прочитал, наверно,

парень книги Эриха Ремарк и драпанул из-под огня. Вы ошибаетесь. Я милитарист по убеждениям. Моей библией была «Философия войны» Рудольфа Штейнметц. Там, как вы знаете, дана поэтизация войны. Война воспевается как праздник народов, и горе тому, кто опоздал к пиршеству. Я считал военное дело своей профессией. И теперь продолжаю считать. Но... Это уже особый разговор. Недавно мы взяли в плен девять раненых красноармейцев. Прежде мне их допрашивали в штабе. Вы знаете, какие сведения интересуют наших. Вот офицеры и хотели получить то, что им нужно. Пленные молчали. Допрошенный был долгий, пристрастный. Пленные предлагали жизнь, свободу, деньги. Они ругали офицеров и от всего отказывались. Потом, ничего не добившись ни угрозами, ни пытками, красноармейцы облили керосином и сожгли. Я был потрясен. Не жестокостью. Нет, нет. Война вообще жестокая вещь. Солдат должен быть ко всему готов. Меня потряс факт. Я стал расспрашивать фронтовиков, сражающихся с вами с первых дней кампании. И то, что я узнал, окончательно подавило меня. Вас нельзя победить. Вы понимаете? Ваши солдаты и командиры сделаны из какого-то особого сплава. И я, как реалист, сказал себе: если русские мы все равно не победим, если Гитлер обречен на проигрыш какого дьявола ради я буду погибать в этой войне? Война захватывает, когда веришь в победу и надеешься воспользоваться позднее плодами этой победы. Что? Разве не так? Мыслящие реалисты это отлично понимают. Я все взвесил, обдумал. Нашим — капут. Но пусть они гибнут без меня. Я хочу еще пожить. Надеюсь, вы не поставите меня к стенке. Вы же — рыцари. Гуманисты. Ваш Лев Толстой доказывал, что человека убивать нельзя. Разве не так? С вашей стороны я могу сообщить командованию Красной Армии все необходимые ему сведения о дислокации наших войск и прочее. Разрешите еще одну папиросу? Две недели не курил...

ГРОБИК

Сержант Михаил Васильевич Жбанов вернулся из рейда по тылам врага. Его обступили бойцы, командиры.

— Рассказывай: как там, что?

— Всякой всячины, товарищи дорогие, насмотрелся за полгода войны, — начал он. — Но такого, как в этот раз встречал, во сне не увидишь. Перебиваем, стало быть, на шоссе немецкий обоз. Охранение побили. Начинаем юрки, узлы, ящики распаковывать. бозники посылки «организованные» вил везли. В Германию награбленное отправлять собирались. Адреса: в Берлин, Мюнхен, Франкфурт, Кельн. Сор-

тируем: что пожечь, что с собой взять. И находим мы, братцы, в одном грузовике... детский гробик. Тут мы всю разборку остановили. Дивуемся. Правда, гробик сделан совершенно отлично. Сухой, полированный дуб. Внутри белым атласом обито. Но ведь, как ни верти, гробик есть гробик. Такую посылку домой отправлять — голова нужна. Ежели у него дома кто умер, не станут гробика из России дожидаться. Похоронят в какой-нибудь арийской рогожке. Может, он впрок заготовлял? Может, продать велел и поживиться? Чорт его, мародера, знает.

★

НЕРВЫ

Боец Иван Шумилин стоял на посту.

Охранял военный склад.

День был хмурый. Дымчато-сизые облака низко плыли над землею.

Фронт пролегал совсем рядом. За лесом слышны были разрывы мин, пушечные очереди. Часовой размечтался...

Вдруг над головою заревел мотор. немецкий самолет вынырнул из облаков, начал пикировать на склад. Гулко дарили зенитки. Бомбардировщик выскочил из пики, устремился ввышину. В воздухе засвистела бомба. В двадцати метрах от поста тяжело ухнуло. Все кругом затряслось.

Иван Шумилин был опрокинут взрывной волной, засыпан землей. Комья вывороченной глины накрыли его плашным слезом в полметра толщиной. асовой исчез. Только у самого края воронки торчали рыежие подошвы сапог. бежались бойцы караульного резерва. Ивана откопали, встряхнули, привели в сознание.

— Ну, как? — спросил лекпом. — В госпиталь сам дойдешь или довести?

Иван Шумилин протер глаза, осмотрел свои разорванные штаны, поцарапанные сапоги, почесал переносицу.

— Не такое теперь время, товарищ лекпом, чтобы ходить по госпиталям, — сказал он внушительно. — Стою на ногах, значит — жив. Об чем разговор?

Его стали урезонивать. Кто-то вспомнил о рентгене. Необходимо сделать снимок: нет ли повреждений нутра и позвоночника от контузии. Тогда Иван Шумилин рассердился.

— Дайте-ка винтовку, — сказал он. — И вообще, прошу очистить территорию. На посту посторонним быть не полагается. Отстою смену, пойду штаны латать. Лечиться будем потом. Расшибем врага, и подлечимся. Даже на курорт поедем. Очень просто. А теперь каждый боец, если даже больной, должен здоровье симулировать. Я все объяснил, товарищи. Кругом, марш!

Лекпом дружески хлопнул часового по плечу.

— Крепки у тебя нервы, парень. Другой на твоём месте сутки без памяти пролежал бы, а ты...

— Иди, иди, — улыбнулся Шумилин. — Я, гляди-ко, возомню о себе. А такое, как со мной, с каждым может случиться. И нервы у меня обыкновенные. Советские нервы.

Ленинградские дни

РУД. БЕРШАДСКИЙ

★

ПЕРВЫЙ БОЙ

Мельница стояла перед глазами: казалось, побегу к ней, и достигнешь цели скорее, чем вылетит пуля врага навстречу. Но между нами и противником лежала поляна, и это только казалось, что мельница так близко.

Это был первый бой, в котором участвовал Кузнецов. Поляну окружали исцарапанные минами стволы сосен. Когда Кузнецов достиг рубежа атаки, можно было подумать, что он струсил — так поблбднел. А как он рвался в свой первый бой!

Однако шел перебежками к мельнице политрук Голубев, звал за собою командир роты, и Кузнецов, поудобней надвинув каску, наконец решился высунуться из-за дерева.

Звук пуль походил на дребезжанье цепи, которую волочит за собой дворovýй пес. Это напомнило дом и несколько отвлекло Кузнецова. Припадая к земле, он принялся быстро перебегать от бугорка к бугорку. Пули врага взметали маленькие фонтанчики снега. Кузнецов еле сдерживал себя, чтобы не начать немедленно посылать очередь за очередью. Но куда?

Как далеко, однако, до мельницы...

Хоронясь за щитком, жадно гляделся сквозь прорезь. Ага, кажется, человек на ели шевелится. Кузнецов всмотрелся пристальней. Заслезился глаза.

Так и есть! Сидит!

Яростно нажал пуговку... Пальцы дорожно придавили ее, и очередь почилась длинная — пуль тридцать...

Приминая ветви, с вершины к свалился автоматчик.

Кузнецов выскочил из-за куста — ему страшен теперь? Никто! Но в же мгновение щиток пулемета взнул от пуль. Кузнецов инстинкту упал на землю.

Впрочем, теперь ему казалось, что высовывался из-за щитка намере конечно! — разве он иначе заприм бы вот этого, нового, автоматчика?

Почти не целясь, Кузнецов выстрел снова...

★

Бой длился до темноты. Затем в су смолкло, было слышно лишь, подушки снега, падая с ветвей, бухают о землю. Но Кузнецов по нему не мог успокоиться, мысли продолжали работать все в том только одном, направлении.

Пожалуй, в другое время он не ратил бы внимания на салазки, кто-то бросил на дороге. Но тепе О, теперь он был уже настоящим датом!

— Вспомню, — говорит он мне, — тащил этого кабана на закорках, чудно становится! — И похлопы своего «Максима», поставленного на лазки. — А кабанчик наш стоял Друг...

Мы с Кузнецовым — у опушки, за ней — поляна. Это уже не та, по которой он шел в первый бой, — новая. Впрочем, сколько их нам предстоит еще...

Сейчас мы опять двинемся в наступление.

— Так как, Кузнецов, — спрашиваю я его, — снова будете из-за щитка высовываться?

— Что вы!.. Я человек не рискованный. Но в первый-то раз надо было себя проверить?!

Вспыхивает белая ракета. Кузнецов попрочнее укрепляет «Максима» на салазках и, волоча его за собой, ну точно, как тащат упирающуюся коровенку, оборачивается к отделению:

— А ну, герои, вперед!

Басок его негромко и ровен. Волнение могла бы выдать только бледность, заливающая щеки молодого пулеметчика, но расчет движется командиру в затылок и лица командира не видит...

★

ЛЮДИ «МОКРОЙ» АВИАЦИИ

Разведчики «мокрой» авиации — так иронически называют эти летчики самих себя. Они летают только в такую погоду, которую в авиации определяют кратко: муть. В небе ни единой машины: аэродрома не видно. Не видно и собственной руки. Хлещет дождь. Вода — в воздухе, вода булькает под ногами. Долго нашариваешь носком каждую следующую кочку... Ни проблеска, ни искорки. Одни гнилушки обманчиво светятся в топи, окружающей озеро.

Вдруг озеро освещают отрывистые вспышки яркого пламени. Пламя — из выхлопных труб. Это поднимаются со старта в очередной боевой вылет морские разведчики. Поднимаются без проекторов — нельзя обнаруживать себя, юдятся буквально наощупь, если допустимо так сказать про взлет аэроплана.

Каким мастерством должен обладать штурман, чтобы проложить в этакой ночи курс, каким виртуозом должен быть пилот, чтобы с этого курса не сбиться!

...Подтянутый, пожалуй даже несколько франтоватый старший лейтенант, по виду смахивающий больше на юношу, чем на начальника штаба боевой части, знакомит экипажи с метеорологической обстановкой предстоящего полета.

— Облачность тянется от нашего аэродрома на запад вплоть до мыса та-

кого-то... — Ни секунды не ища на карте нужный ему пункт, он остро отточенным грифелем красного карандаша указывает на мыс собравшимся. — Ветер 9 метров в секунду. От острова Н. до города Т. — полоса дождя... — Голос Румынцева ровен, до тона его никак не определишь, что это — описание прямотаки ноёва потопа.

Тем не менее, разрешение на вылет получено. Командир эскадрильи верит в своих людей — он знает их. Он, как будто посторонний, молча стоит в углу. Габариты землянки командиру явно малы. По самым скромным подсчетам, капитан Браиловский весит 102 килограмма. В эскадрилье смеются:

— Нашему командиру пули бояться нечего. Ну, что такому пуляка!

Браиловский, на шутку всегда отвечающий шуткой же, и на это поддевание не обижается. Наоборот, он весьма доволен такой уверенностью подчиненных в своем командире.

Браиловский стоит молча. Может даже показаться, что он думает о чем-то постороннем. Но если вы уже освоились с полумраком, гнездящимся в углу землянки, где стоит командир, то вы увидите живой блеск его глаз, пытливо следящих, как воспринимает задачу каждый из пилотов. Невозмутимость — это ведь не равнодушие; это заданное себе спокойствие командира, и оно поит верой в собственные силы и тех, кто порой теряет такую веру.

Вот начальник штаба кончил ставить задачу. Только сейчас Браиловский разрешает себе дополнить приказ шуткой:

— Как видите, товарищи, лучшие условия для нас метеоролог и придумать не мог — погода абсолютно нелетная.

Если командир смеется, значит трудности, и правда, преодолимы.

Мастерство командования — тончайшее, сложнейшее искусство. Виктору Леонидовичу Браиловскому было у кого поучиться: первый самостоятельный полет курсанта Браиловского принимал Василий Сергеевич Молоков. Он был тогда командиром учебного отряда.

Нынче Василий Сергеевич успел уже поседеть, да и сам Браиловский, о котором говорят с уважением: «Заслуженный летчик... Старик», — хотя старику всего тридцать три года, успел выпустить в воздух уже не один десяток пилотов.

Чудесно растут у нас люди! Как сталь добротного сплава, — чем жарче закалка, тем более крепкой выходит она из горнила.

Ближайший помощник Браиловского — начальник штаба эскадрильи Румынцев рассказывает, как начинается эта закалка. Он рассказывает о себе с такой простотой и искренностью, которая отличает людей истинно мужественных. Да и не удалось бы другому стать помощником Браиловского!

— Право, нечего мне о себе говорить... Ну, учился, кончил десятилетку... Каждый юноша о чем-нибудь мечтает. Я — ленинградец, вырос у моря, мечтал о флоте. Однако, когда подал заявление — отказали: здоровьем, говорят, не вышел.

Румынцев смеется.

— Доктора — они, вообще, придиры. Вот есть у нас старший лейтенант Алатырцев, всегда гриппом болел, доктор — чуть-что — в постель его. Его и война-то на курорте застала — все от гриппа лечился. А теперь летает каждый день, ночью, под дождем, к тому же привычку имеет колпак открывать и в форточку высовываться, а грипп — как рукой сняло. Так что докторам особенно

верить не стоит. Я им тогда тоже и поверил. Занялся физкультурой. Поступил, в конце концов, в морское училище. Не буду скромничать, учился не плохо. Старался. Кончил. Вдруг — приказ: в летную школу, на курсы штурманов. Даже обидно стало: душа авиации никак не лежит.

«Но подлетнул раз, другой, незаметно втянулся и как-то поймал себя и мысли, что странно и самому, если прошел день, а я не побывал в воздухе.

«Первый боевой вылет совершил уже в эту войну. Если кто-нибудь рассказывает, что в первом бою не испытал никакого страха — не поверю. Хвастуны это сильнее человека.

«Когда вылетели, — не спорю, настроение было иное. Всякие пылкие мысли в голове бродили: наколотим их сейчас — держись.

«О матери мысль промелькнула что ж, родная, вот и третий сын в бой пошел. Один — танкист, другой — сапер.

«Мысли торопливые, одна на другую наскокивают, а сам все взгляд за копак устремляешь. Есть уже разрывы зениток или нет?

«Но когда обстреляли нас... Ведь, во как будто вполне готов был к этому, а нет: если говорить честно — негряное ощущение. Все, о чем раньше думал — вдруг, помимо собственной воли как ножом отрезало! Ни на чем сосредоточиться не можешь, только один знаешь: по тебе палят... По тебе!.. Если сказать точно, страх не страх, за собственную шкуру не дрожь, но четовски необычное состояние. Скванное вроде ты — ты, и не ты.

«Затем разозлился — что ж, так буду терпеть? Начал летчика торопить

« — Чего ждешь? Бей!»

«Хорошо в тот раз побомбили! В конце полета уже совершенно не замечаю огня зениток: работы у штурмана хватает, а когда дела много, про опасность думать некогда. Только лишь после полета, — уже спать укладывался, — понял вылетел-то я один, а вернулся — другой

«Теперь летаю — ощущений никаких. Настроение ровное. Причем такое: ес

с земли никто огнем не встречает — даже обидно становится. Честное слово! Как будто впустую летишь. Но если увидишь облачко разрыва возле себя — загораясь весь, на душе радостно: «Палите, сволочи? Что ж, получайте в ответ!»

— А о себе, значит, вовсе перестали думать теперь во время полета?

— А что думать? На нашем самолете все равно на сушу не сядешь, да и с парашютом не выбросишься — мы ведь ходим низко. Я свои мысли, как зверей, выдрессировал: если какая-нибудь посторонняя — не смей и сунуться не во-время!

Румынцев рассказывает все это с сердцем, но невзначай поделившись самым интимным, — тем, о чем стараются не говорить: что сесть ему в случае аварии некуда, — сразу же умолкает.

Он внимательно смотрит на окружающих нас летчиков: не увлекся ли он, не прихвастнул ли, что не испытывает больше страха?

Но его боевые товарищи не находят в словах старшего лейтенанта никакого преувеличения. Нет, все точно до ниточки: и настроение во время первого полета, и ярость, вскипающая после первого же обстрела, чтобы затем никогда уже не покидать воздушного бойца. Некогда про себя думать во время полета!

★

Как голуби в свою голубятню, слетаются на родной аэродром машины.

Кожаные регланы летчиков блестят под дождем, будто налакированные. Шлем прилип к голове, веки воспалились, покраснели. Все шхеры в этой чертовой мути похожи друг на друга, и отличить, где корабли, а где камень — глаза сломаешь!

Брайловский подробно спрашивает вернувшихся о результатах вылета, но едва зарокочет вверх мотор, останавливает пилота посреди фразы и с легкостью, неожиданной в семипудовом человеке, как есть — без плаща и фуражки, выскакивает из землянки наружу, в ливень и темноту ночи.

Есть, все возвратились! Люди, остав-

шиеся на земле, ютаивают, становятся разговорчивее, охотнее шутят.

Донесения пилотов кратки, сдержанны:

— Дошел до цели, бросил осветительную ракету. На лужку, возле перекрестка дорог, появились новые стога сена. Большие! — Летчик усмехается: — Когда только их накосили!.. Ну, я побомбил поаккуратнее — начали эти стога взрываться. Должно быть, грузовики с боеприпасами — очень уж мощные взрывы были. Обратный путь прошел нормально. Если не считать зениток у лужка — ничего особенного не было. Жаль, на них уже бомб нехватило. Может быть, разрешите слетать еще раз?

— А что, разве ни одной пробоины не привезли? Можете сразу в новый полет?

— Да нет, пробоины есть, но пустяковые. Колпак пробило, вот по шлему царапнуло. Однако голова цела, товарищ капитан, так что существенных пробоин — можете считать — ни одной.

Брайловский улыбается.

— Нет, на сегодня хватит.

Начальник штаба заносит в журнал боевых действий результаты последних полетов. Журнал заполняется быстро. У старшего лейтенанта Алатырцева с начала войны уже больше 40 боевых вылетов, у капитана Браиловского — тоже около этого, не отстают и Пичугин, и Осорьев, и Чернышев.

Каждый вылет — это целая история. Но в журнале боевых действий ему уделено две-три строки.

Раскрываем страницы журнала наугад.

...Звено, руководимое орденосцем старшим лейтенантом Алатырцевым, вышло на разведку. Ночь была светлой. По заданию следовало держаться высоты 200 метров. Хотя прошли по заданному маршруту полностью, — противника не обнаружили. Спустились на высоту 200 метров. Попржнему никого. Решили — чтобы с грузом бомб назад не возвращаться, пошарить в близлежащих районах.

На одном из шоссе в округе увидели колонну танков и грузовиков, заматавшихся при появлении самолетов.

Зашли раз, еще раз. Колонна была длинная — больше ста машин. Когда бомбодержатели опустели, на дороге дымилась только обломки...

Стрельба зениток не нанесла никакого вреда — разведчики летали низко и непрерывно меняли курс: зенитки не успевали нацелить цель.

Докладывал об этом Алатырцев так же сдержанно, как это записано в журнале: вылетели туда-то, разбомбили то-то. О переживаниях будем вспоминать после войны!

Ищу отметки в журнале о дальнейших полетах Алатырцева. Есть. Ближайшая помечена следующим днем, точнее — следующей ночью. «В самолете обнаружено свыше 250 пробоин». (Почему не сказано точно — сколько, объясняется просто: моторист насчитал 250, а конца не предвиделось. Вот он и перестал заниматься пустым делом.)

Рядом в журнале — заключение технической комиссии: «Самолет годен только на слом». Тем не менее, патриоты с авиазавода осмотрели машину и дали слово, что самолет может летать еще!

А Алатырцев, как только отоспался после этого боя, снова как ни в чем не бывало поднялся в воздух. Единственное, почему ему в новом полете было легче, — он шел не ведущим, а ведомым. Ведущим на этот раз был Браиловский...

Гитлеровские шакалы, мерящие и наших летчиков на свой воровской аршин, обычно весь огонь устремляют на ведущего. Они считают, что если начальник будет подбит, то масса сама по себе ничего не делает.

Как они до сих пор не поймут, что ведомые у нас — такие, как Алатырцев, Осорьев, Чернышев! Такие, как Пичугин, который, возвратившись из полета задыхающимся от гриппа, с температурой около 40, все-таки настаивал, чтобы ему разрешили вылететь снова.

Браиловский сардито оборвал его:

— В новый полет? А что это вообще за порядок — скрывать от командования температуру и грипп?

Пичугин смутился.

— Я, товарищ капитан, сам не знал.

Верите: даже не чувствовал! Не до того теперь!

...Комиссар эскадрильи Безносков на несколько минут задерживает собравшихся уходить летчиков.

— Обождите, товарищи. Сейчас пришло письмо от матери Бориса Тихонова. Я прочту его всем.

Люди замирают, как стоят — руки по швам, словно ветром сдувало улыбки... Так стоят в почетном карауле.

Комиссар вынимает письмо. Оно написано крупным, разборчивым почерком и только два-три слова расплылись в пятнах на бумаге. От слез?

Летчик этой же эскадрильи Борис Тихонов погиб в боях за Ленинград вступив на разведчике в бой с «юнкерсом». Ценою жизни он заплатил за то что не пропустил фашистского варвара к родным кровлям.

Комиссар снимает шлем и начинает читать:

«Дорогие товарищи!

Бесконечно благодарна за ваше теплое, хорошее письмо.

Я верю вам, что вы будете жестоко мстить и отомстите этим извергам за всех погибших сыновей. За всех. И за Бориса, в котором была вся цель и смысл моей жизни. Ни на секунду я не могу забыть его. Вы, может быть, не знаете, какой это был сын и как мы любили друг друга!

Слезами горю не поможешь. Сейчас я живу только верой в нашу победу, верой в то, что не сегодня-завтра будут уничтожены эти звери. Как больно, что Борису уже не придется быть свидетелем нашей победы!

Я состою в отряде по защите нашего любимого города Ленина. Сил у меня немного, — я — инвалидка, — но велика моя ненависть к врагу, велика любовь к моей родине.

Боритесь, дорогие, успешно. Боритесь, родные, жестоко!

От всей материнской души желаю вам здоровья.

Всегда с вами.

Тихонова Анна Борисовна.»

Молчание. Комиссар складывает письмо и медленно прячет его в плащ.

— Всё, товарищи...

И вдруг раздаётся высокий, яростный голос:

— Не все, комиссар! Не все. Ты ответь ей: «No pasaran!» Так и ответь: «Не пройдут к Ленинграду, Анна Борисовна!»

Комиссар долго смотрит на сказавшего это. Потом переводит взгляд на

соседа, на следующего. Людей в землянке много, они стоят плотной, нерушимой стеной.

— Есть, товарищи. Так и ответчу: «Не пройдут!»

Чуть вздрагивает пламя в десятилитровой лампе — люди выходят наружу. И в дверь врывается сырой, пронизывающий ветер Балтики.

★

ПОЛИТРУК БЕЛОВ

Шоссе шло в лесах, снежных и безмолвных, но само оно было шумное, наезженное множеством колес и гусениц, и снег на нем стал каштановым от шагов и конского навоза.

Мы оставили черту города и приближались к передовым позициям. Корпусная артиллерия была через наши головы — на низких нотах «б-бу!»... и хлопанье снаряда в полете.

На полянке у изгиба дороги стояла на возвышении группа бойцов. Виднелись только спины — люди стояли плотным кругом и кого-то слушали.

Я подошел поближе. Возвышение оказалось землей, выброшенной из свежерытой ямы. В землю был воткнут грубо выстроганный шест с приколоченной на конце широкой звездой. Кто-то заштриховал пятиугольную фанеру красным карандашом и приколот листок почтовой бумаги, на котором было написано:

«Ленинградский доброволец

Политрук Белов

1915 года рождения

Погиб в боях за Родину и свой город.»

Говорил командир, стоя у края могилы. Могила была глубокая и просторная, хотя мерзлая земля поддавалась лопате трудно. Видно было и сейчас, как блестит она на срезях льдом. Какой-то боец принес из землянки солому, на которой спал, и постелил ее на последнее ложе политрука.

Политрук лежал на соломе, прикрытый с головы до ног шинелью. Из-под шинели выдавались только сапоги с подметками, насквозь прожженными у костра.

Командир говорил слова, которые мне не передать — на бумаге это выглядит иначе и может совсем не тронуть, но бойцы слушали его хриплым голосом, скрывавшим слезы, и плакали.

Он сказал коротко, потому что не мог говорить больше.

Бойцы сняли шапки, и комья мерзлой глины застучали о выступы могилы, звонкие, будто камень о камень.

Командир, раздвигая круг бойцов плечами, подошел к старшине роты и сказал:

— Занесите это место на карту. Мы будем получать с них за все сразу!

Народный мститель

Б. ЕВГЕНЬЕВ

★

«В мрачную пустыню вступили мы на танках. Кругом ни одного человека, но всюду и везде, в лесах, болотах, носятся тени мстителей. Это партизаны... Проклятье! Никогда и нигде на войне мне не приходилось переживать ничего подобного. С призраками лесов я не могу воевать... Наступает ночь, и я чувствую, как из темноты неслышно ползут, подкрадываются тени, и меня охватывает леденящий ужас...»

Из дневника немецкого офицера Фридриха Бешеле

Наконец-то ефрейтор Арнольд Штарке собрался написать письмо домой.

До сих пор ему не удавалось выполнить это похвальное намерение. В дни жестоких боев, в дни лихорадочного наступления было не до писем... Теперь же, казалось, ничто не мешало ему. С восьми до полуночи он был свободен. К тому же, он был один в избе, чудом уцелевшей, как и еще несколько строений, в этом, стоявшем столько крови, проклятом белорусском селе с трудно произносимым названием. Кнурре храпел на сеновале. Батеман был в наряде, Бруннер и Штатимме обшаривали пустые дворы и огороды в тщетных поисках чего-нибудь съедобного...

Штарке сел на лавку у окна за большой чистый стол, достал из ранца плотную почтовую бумагу и вечное перо (военный трофей, вывезенный им из Франции). И сразу, словно под диктовку, написал:

«Дорогая, нежно любимая Лиз!

Самые смелые предвидения твоего муженька каждый день оправдываются на деле. Русские варвары бешено со-

противляются, но мы, несмотря ни на что, двигаемся вперед!

Все твои смешные женские страхи оказались совершенно необоснованными. Да, дорогая жена, — я еще раз убедился в том, — как велика разница между слабой душой, наивной женщиной и мужчиной — воином непобедимой германской армии...»

Арнольд Штарке положил перо и задумался, подперев кулаком твердый, чисто выбритый подбородок. Воспоминания нахлынули на него. Он ясно представил себе бледное, взволнованное лицо Лиз в толпе провожающих. Разноголосый тревожный шум вокзала. Тоскливые свистки паровозов. Толчею у вагонов. Отрывистые выкрики команды. Ритмичный грохот военного оркестра. Запах дешевых сигар, цветов, угля и пыли, прибитой теплым дождем, вяжущий вкус вина во рту и соленый привкус слез, который он ощутил на своих губах, торопливо и небрежно целуя заплаканное лицо белокурой Лизы. И потом — какую-то дурманящую, дякую удаль, когда все они, — уезжавшие на восточный фронт, — высовываясь из

оков двинувшихся вагонов, нестройно и оглушительно драли хмельными голосами военные песни...

Арнольд Штарке вздохнул и, сдвигнув брови, посмотрел в окно.

★

Солнце скрылось за дальним лесом. Только верхушки высоких берез на пригорке все еще горели ярким червонным золотом. Свет зари разливался в небе.

Наступал тот мирный час ранних сумерек, когда затихает шум дневной работы и с лугов бредет в золотистом облаке пыли стадо, наполняя недвижный воздух теплым запахом парного молока и луговых трав, когда по улице разносятся приглушенные прохладной тишиной наступающего вечера веселые голоса людей, окончивших свой трудовой день.

Теперь же на улице было пустынно, тихо.

Только очень далеко, за темным лесом, била артиллерия. Там была война... Но и здесь, в глубоком тылу, где зализывал свои раны после длительных боев пехотный полк, в котором служил ефрейтор Арнольд Штарке, — и здесь не было мира.

Из окна Арнольду Штарке была видна почти вся улица. И белый домик школы с выбитыми окнами, с обвалившейся стеной, с развороченной снарядами крышей. И могучая старая липа, — вся в цвету, — со сбитой снарядами верхушкой, — словно разъяренный великан сломал ее в порыве дикого гнева и швырнул на молодой яблоневый сад. И черные квадраты пожарниц с одиноко торчавшими печными трубами. Оттуда вечерний ветер доносил острый и горький запах гари.

У большой, почти не пострадавшей от обстрела и пожара избы сельского совета, на крыльце которой замер часовой, стояла запыленная штабная машина. А несколько поодаль виднелся пятнистый, как леопард, французский танк «Р-35»... Разве все это было похоже на мирную обстановку?

★

Тощая одичавшая кошка мягко спрыгнула с печи на пол. Арнольд Штарке вздрогнул. Он резко повернулся от окна и вскочил, больно ударившись коленом о ножку стола. Сердце Арнольда заколотилось в груди гулками, короткими ударами. Он с проклятием швырнул в кошку подвернувшийся под руку глиняный горшок и снова опустился на скамью, потирая колено.

— Проклятая тварь!..

Каждый вечер Арнольд Штарке испытывал гнетущее чувство неясного беспокойства. По мере того, как сгущались сумерки, переходя в ночь, это чувство росло и становилось все более неодолимым. Не хотелось выходить за крепкие стены избы. Хотелось быть на людях. Хотелось видеть людей, слышать их голоса... Рука непроизвольно ощупывала автомат. Глаза тщетно старались разглядеть в темноте притаившегося врага. Обостренный слух улавливал каждый шорох. И в трепете сонной листвы, колеблемой ветром, Штарке чудились крадущиеся, легкие шаги...

Никогда и никому Арнольд Штарке не признавался в этих своих переживаниях. Но он видел, как бледнели лица солдат, идущих ночью на пост часового или в разведку, видел в их глазах тоску, смятение и... хорошо понимал их!

Легкомысленный угар, в чаду которого он покидал Германию, очень быстро выветрился на суровом сквозняке войны. Арнольд Штарке скоро увидел, что война на Востоке не похожа на ту войну, которая радует и веселит воинственный дух германского воина. То ли дело двигаться без помехи вперед, озаренным славою непобедимым завоевателем по широким дорогам Франции, среди веселых солнечных полей и виноградников!

Но здесь, в России, — здесь было другое!..

Некоторое время враг отходил. Он отходил расчетливо, умно нанося такие удары, что порой вспоминалась обидная

берлинская поговорка времен 16 года: «напобеждались до смерти»...

Ничего привлекательного не было в упорном движении вперед по голодной пустыне, которую противник оставлял за собою.

Но если бы еще только это!

...Началось со смерти Пауля Брейтгама. Его подстрелили, как куропатку, когда он мчался на мотоцикле с секретным донесением в штаб полка. Его убили в глубоком тылу, в одном километре от деревни, среди бела дня и, когда его труп обыскали, секретного донесения не нашли. Арнольд Штарке навсегда запомнил, как он стоял над трупом Пауля, чувствуя противную дрожь в коленях. Он стоял и думал: «Ведь это могло быть и со мной...»

И с этого времени не проходило дня, чтобы какое-нибудь новое и страшное событие не потрясло нервы Арнольда Штарке и его однополчан.

Пули внезапно залетали в окна. Часовые падали мертвыми без крика и стона. Загорались амбары с зерном. Взлетали в воздух автоцистерны с горючим.

Начинало казаться, что за каждым шагом каждого немецкого солдата следят настороженные, зоркие глаза неуловимого, таинственного врага.

«Партизаны» из отвлеченного и чуть ли не фантастического понятия стали страшной действительностью.

Больше того, — появился страшный своей беспощадностью человек. Бумажков — так звали его. Одна мысль о партизане Бумажкове приводила в трепет германского воина.

★

Нет, видно, письмо домой не придется закончить в этот вечер! Арнольд Штарке встал и закрыл окно.

Он беспокойно всматривался в темные сады, вслушивался в стрекотание кузнечиков и даже не пытался бороться с тревожной тоской. Проклятая война!

Завыла собака. Этот дьявольский пес вот уже третью ночь никому не давал покоя!

Резкий выстрел разорвал тишину. З одиночным выстрелом грянул залп. Бышено застучал пулемет. Багровый разрыв гранаты осветил на мгновение солдат в касках, бестолково метавшихся штабной машины. Где-то рядом вспыхнуло яркое пламя пожара. Слышались крики, топот ног.

Арнольд Штарке замер у окна и ужасом смотрел, как дымный столб рыжего огня высоко взметнулся небу, как вихрем полетели золотые искры.

Хлопнула дверь. В избу вбежал, тяжело топая сапогами, толстый Кнурр еще минуту назад наслаждавшийся мирным сном на сеновале.

— Партизаны! — прохрипел он, шатываясь. — Бумажков!.. Он схватил свой автомат и, громадный, неуклюжий как слон, кинулся к выходу.

— Бумажков! Бумажков! — кричал он, выбегая на крыльцо. И в ту же минуту совсем близко раздался выстрел. Кнурре взмахнул руками, выронил автомат. Каска слетела с его головы, покатилась, застучав, как пустое ведро, по ступеням. Он тяжело упал, сломав своим грузным телом тонкие перила крыльца.

Больше Арнольд Штарке не ждал ни одной минуты. Трясушимися руками он распахнул окно и прыгнул. Лева нога подвернулась. Он почувствовал острую боль в лодыжке. Руки и лицо обожгла крапива. Но все это казалось пустяками по сравнению с темным, слепым ужасом, который гнал его. Бежать. Укрыться в зарослях ольхи, черной стеной стоявшей за огородом и фруктовым садом. Лечь на землю, прижаться лицом к этой чужой, страшной земле, спрятаться в густой траве.

Штарке неуклюже бежал, размахивая руками, спотыкаясь на грядках, припадая на больную ногу. Над головой его свистнула пуля. За ней другая... Напрягая все силы, Штарке старался бежать быстрее. Опять упал. Третья пуля просвистела над самым его ухом. Он закричал. Он бежал и кричал, — кричал противным тонким голосом, сам не слыша своего крика. Четвертая пуля настигла его. Крик оборвался.

★

...Из-за плетня поднялись двое.

— Готов! — послышался молодой, взволнованный голос.

— Никогда не следует горячиться. Три пули ты выпустил и все впустую. Куда ж это годится, Петрусь?

Спокойный, мужественный голос звучал холодно, строго.

В ответ смущенное молчание.

— Найди Федора Илларионовича, приведи ко мне.

— Есть, привести Федора Ларионича!

Послышался легкий шорох травы и снова восхищенный шопот:

— А ловко вы его взяли, Тихон Павлович!.. Немца-то... Как зайца!..

★

«...Наш отряд один из многих тысяч белорусских партизанских отрядов.»

Т. П. Бума ж к о в.

На восьмой неделе отечественной войны — 7 августа — граждане Советского Союза и их многочисленные друзья во всем мире, с напряженным вниманием следившие за героической борьбой красных партизан, узнали некоторые имена наиболее славных героев.

В газетах были опубликованы указы Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза командирам партизанского отряда Тихону Павловичу Бумажкову и Федору Илларионовичу Павловскому и о награждении орденами и медалями 43 партизан, отличившихся в партизанской борьбе в тылу против германского фашизма.

Бумажковцы!

Это они в самом начале наступления бронированных орд фашистов в течение 10 дней сдерживали на берегах реки превосходящие их численностью и вооружением силы врагов. Это они уничтожили в бою с немецкой мотомеханизированной частью 18 танков и бронемашин, положив на месте свыше 100 немецких солдат и офицеров. Это их храбрые разведчики подготовили разгром штаба фашистской дивизии. Это после их налета гитлеровские молодчики оставили, удирая без оглядки из одного села, 55 автомашин, немало мотоциклов, важные оперативные документы и сотни трупов.

Славное имя бумажковцев стало синонимом беззаветной любви к родине и гордого презрения к смерти.

Труден и страшен путь беспощадных мстителей за кровь и слезы, за муки и страдания, — за все зло, что несут с собою фашистские насильники. Многие пали в кровавой борьбе за честь своей родины. Но родина и народ никогда не забывают своих верных и смелых сынов. Их имена, их дела бессмертны.

★

— Наш партизанский отряд был создан в первые дни войны. Сначала он насчитывал всего 80 человек. Среди них были представители партийного, комсомольского, советского и колхозного актива, они и составили ядро отряда, — так рассказывает о возникновении своего отряда Герой Советского Союза Тихон Павлович Бумажков.

Тихон Павлович правильно оценил все трудности, всю ответственность борьбы с врагом, вооруженным до зубов, оснащенным передовой военной техникой. Он хорошо понимал, что одной храбростью врага не возьмешь: здесь требовались военные знания, высокое мастерство хорошо обученного бойца.

Бумажковцы прежде всего взялись за военную учебу.

Времени оставалось мало. С каждым днем озверевшие полчища врагов, проливая реки своей черной крови, устилающая чужую землю трупами своих солдат, подползали все ближе и ближе к району, где был организован отряд Бумажкова. Приходилось дорожить

каждым часом, каждой минутой, — чтобы враг не захватил врасплох.

Тихон Павлович разбил отряд на взводы, отделения, и партизаны приступили к военным занятиям под руководством командира запаса.

Белорусский хлебороб и счетный работник из районного центра, агроном и кузнец МТС с одинаковым рвением разбирали и собирали затворы винтовок, стараясь уложиться в уставное время.

С одинаковым рвением шагали на строевых занятиях — грудью вперед — сельский учитель и колхозный пастух...

Нелегко было городскому человеку, боявшемуся в мирной жизни сквозняков и сырости, по-пластунски ползти по мокрой от росы траве, ругая на чем свет стоит комаров, облепивших шею и руки, или окапываться, неловко орудуя короткой лопатой, натирая кровавые волдыри на ладонях.

Нелегко было спать в один крепкий боевой коллектив совершенно разных людей.

Но у Бумажкова было драгоценное качество советского руководителя — объединять людей, зажигать в них горячий огонь соревнования, подбадривать их своим личным примером. Он работал и учился вместе с ними. Он ловко орудовал лопатой. Он стрелял, как заправский охотник. Всегда его видели бодрым, веселым, подтянутым. Он охотно откликался на веселую шутку, но, когда нужно, он был строгим и взыскательным начальником. Если же кто-нибудь из партизан нуждался в утешении, вспоминая свою потерянную семью, свой разоренный дом, то у Тихона Павловича всегда находилось теплое слово, которым он сумел смягчать душевную боль и тоску людей.

Он не переносил самохвальства, зазнайства и с первых же шагов начал так воспитывать свой отряд, чтобы каждому партизану было ясно, что их путь — путь тяжелой кровавой борьбы, борьбы не на жизнь, а на смерть, без отдыха и срока.

— Если не чувствуешь себя годным, — лучше уходи. Стыда тут нет никакого, — спокойно и вадушевно го-

ворил Бумажков, смотря в глаза себе седнику. — Партизанить не каждому по плечу!..

...Надо было спешить, — враг приближался. Наглый и самоуверенный избалованный легкими победами в Европе, растоптанной его бронированным сапогом, он меньше всего думал о том, что мирные советские люди — люди мирных профессий, лихорадочно и самозабвенно день и ночь готовятся к боевой встрече с ним.

В ответ на призыв товарища Сталина превратить каждое село, каждый дом неприступную для врага крепость, бумажковцы рыли окопы и ямы, строили укрепления, минировали мосты, заготавливали сотни бутылок с горючим для поражения танков.

Казалось, все так же мирно текло среди низких берегов, поросших камышом, синие сонные реки. Казалось, все так же певуче журчали ручьи по днищах глубоких оврагов в зеленом сумраке густых зарослей орешника и ольхи, все так же ласково шумели на ветру белоствольные березовые рощи и все так же благоухали медом луга, затканые пестрым ковром цветов...

Но все это было только внешней видимостью: каждый рубеж — река, овраг, роща, луговина — стал крепостью преградой на пути врага.

В глухих местах, недоступных врагу, были укрыты запасы оружия, боеприпасы, продовольствие.

А враг подходил все ближе...

По вечерам, когда короткие летние сумерки опускались на поля и сады, по деревням и селам ходили люди, избегая улиц, пробираясь огородами к избам.

Много тайственных разговоров — шепотом, с глазу на глаз, было проведено этими людьми с жителями окрестных сел и деревень.

— Так помни, Якуб: придет человек, попросит ключевой воды испить, — значит, свой... Схорони его...

— Запомню...

— А услышишь ночью — выпь три раза прокричит, — выходи к старой раките у мельницы... Если что самому нужно будет передать, — иди до лесу, — знаешь овражек, за Грачевой рощей?

Смело иди туда, — найдешь девушку, ягоды собирает...

— Понял... Не беспокойся. Передай Тихону Павловичу, — все исполню, как надо... Бейте вы их, проклятых!

★

И вот, когда в один из июльских дней в районе, в котором действовал отряд Бумажкова, появились передовые танковые части противника, стремясь форсировать реку и овладеть районным центром, их ждала неожиданная встреча.

Это была грозная сила, собранная в один кулак, организованная умной и твердой волей верного сына своей родины, мужественного патриота, воспитанного партией и комсомолом, — бывшего секретаря энского райкома партии — Тихона Павловича Бумажкова.

★

Лагерь бумажковцев скрыт в глухом, дремучем лесу. Даже старожилы, пробираясь к лагерю, рискуют заблудиться в густой чаще, запутаться в затейливом сплетении чуть приметных звериных троп.

Зеленой стеной стоят непроходимые белорусские леса. От Западной Двины до Припяти тянется их широкошумное царство, — таинственный мир лесных чащ. Столетние деревья-великаны, подняв вершины к облакам, глядят в темные зеркала тихих, студеных лесных озер...

Стоит войти в лес, как с первых же шагов зоркие глаза невидимого партизана-разведчика будут неотступно следить за каждым вашим движением. И если вы — друг, можете быть спокойны: никакие опасности не грозят вам и вы сумеете найти партизанский лагерь.

Если же в лес посмеет сунуться враг, то очень скоро он найдет свой бесславный конец в толях болота, или легкая пуля стрелка, спрятавшегося в ветвях дерева, оборвет его подлую жизнь.

В редких случаях в лагере бумаж-

ковцев можно найти скопление партизан.

У Тихона Павловича твердое правило: партизанский отряд не должен находиться в одном месте. Разбитый на звенья, отряд занят выполнением различных боевых, диверсионных и разведывательных заданий в тылу у врага. Партизаны поочередно приходят в лагерь на отдых.

В лагере постоянно остаются только часовые, охраняющие боеприпасы, оружие и продовольствие. В палатках и землянках можно увидеть несколько человек больных и раненых. Они клянут свою судьбу за вынужденное бездействие и мечтают — как бы поскорее выздороветь и вернуться на свой боевой пост.

В лагере можно застать и кого-нибудь из женщин отряда.

Феклуша, энергичная, с насмешливыми живыми глазами девушка, занята сегодня стиркой партизанского белья. Она строго командует неповоротливым, бородатым партизаном, приставленным к ней в помощь. Напрасно тот доказывал Тихону Павловичу, что пустяшная рана на ноге уже зажила и что он вполне может отправиться с отрядом: Тихон Павлович был неумолим, и вот теперь бородатый партизан — гроза фашистов — покорно выполняет указания требовательной прачки, вчера только вернувшейся с немецким автоматом за плечами из боевой разведки. Прихрамывая, таскает он воду и дрова, следит, чтобы не пригорело белье в котле. А Феклуша знай покрикивает на него, пряча озорную улыбку.

Надя Ж. третью ночь не отходит от раненого партизана. Трех суток боролась она всеми доступными ей средствами за его жизнь. Минувшую ночь он спал спокойно. К утру жар снизился. И сейчас он спит... Можно было бы и Наде прилечь, но она не отходит от изголовья раненого. Она осунулась, поbledнела. Синие тени легли у нее под глазами. Она сидит, отгоняя зеленой веткой мух от спящего. Когда она смотрит на его измученное лицо, глаза у нее сияют нежностью. Она спасла от смер-

ти этого чужого, ставшего навсегда родным, человека...

А Катя С. ушла с партизанами в разведку, — ушла на рассвете, чуть слышно напевая веселую песенку из кино-фильма.

Казалось бы, что люди, таящиеся в глухой чаще лесов, в тылу беспощадного врага, должны быть оторваны от политической и общественной жизни своей страны.

Но партия большевиков тем и сильна и могуча, что нет такого места, куда не могло бы проникнуть ее дыхание, наполняя сердца людей мужеством и бодростью, твердой верой в победу и чувством братской близости со всеми сынами социалистической отчизны.

Так и в лесных дебрях Белоруссии партия ведет партизан в бой за правое дело.

Секретари партийной и комсомольской организаций отряда Бумажкова, не выпуская боевого оружия из рук, проводят в отряде большую партийную и политическую работу.

Многие из доблестных коммунистов отряда награждены боевыми орденами Союза.

Комсомольцы-бумажковцы сумели в боях доказать свою преданность родине, прославляя ее ратными подвигами на поле брани.

★

Однажды утром партизан-разведчик привел к Тихону Павловичу незнакомую девушку. Партизан встретил ее в глухой чаще леса. Раздвигая исцарапанными руками заросли, она решительно и смело шла вперед.

— Куда? — окликнул ее партизан и, выйдя из-за дерева, поднял винтовку.

Она остановилась и посмотрела сначала на дуло, направленное ей в грудь, потом взглянула прямо в глаза партизану.

Он привел ее прямо к Бумажкову.

Девушка коротко сказала Тихону Павловичу, что она — учительница из города Н., рассказала, что дом ее сожжен, а мать и младший брат убиты фашистами.

Больше Тихон Павлович ни о чем не расспрашивал ее. Девушка осталась в отряде. Никто не беспокоил ее расспросами, не докучал сочувствием. Казалось, она была предоставлена самой себе, но в то же время изо дня в день за ней следили заботливые и дружелюбные глаза партизан. Тихон Павлович также наблюдал за девушкой. Он знал, что настанет время, когда она включится в жизнь боевого коллектива, найдет в нем свое место.

И это случилось ранним утром, когда первые солнечные лучи, с трудом пробившись сквозь густую листву, ложились золотыми пятнами на седую от росы траву.

Девушка стояла, прислонившись спиной к стволу березы. Запрокинув голову, она смотрела сквозь листву в синее небо. Ее босые ноги покраснели от холодной росы. В руке она держала влажную ветку цветущей липы. На ее бледных губах застыла робкая улыбка. Едва ли больше двадцати весен видаела она на своем веку. Но, несмотря на молодость, что-то усталое и печальное было во всем ее облике. Седая прядь отчетливо выделялась в ее светлых, гладко причесанных волосах. Резкие морщины легли на высоком белом лбу и в углах нежного рта, придавая лицу скорбное, суровое выражение. А в ее больших, широко раскрытых на солнечный мир глазах, несмотря на улыбку, можно было подметить совсем не девичью печаль и упорную, гневную решимость.

Она и не подозревала, что всего в нескольких шагах от нее стоял, таясь в чаще орешника, человек с потухшей трубкой в зубах. Это был Тихон Павлович Бумажков. Сдвинув брови, он смотрел на девушку.

Крошечная желтогрудая синица села на тонкую ветку березы над самой головой девушки и с озабоченным видом почистила клювом синие перышки крыльев.

Ее тоненький голосок прозвучал в утренней тишине, как звон маленького колокольчика. Вспорхнув, синица качнула ветку, и обильная роса обрызгала лицо девушки. Девушка засмеялась

тихим, коротким смехом и вытерла щеки и лоб рукавом белой вышитой кофты.

Лицо Тихона Павловича просияло. Его суровые глаза стали веселыми. Он радостно улыбнулся, сунул трубку в карман и бесшумно скрылся в чаще леса. Вскоре за ним последовала и девушка.

Раздвигая колючие ветки молодого ельника, она вышла на поляну, окруженную темными елями и красными соснами, всю залитую теплыми лучами вставшего над лесом солнца. На поляне неподвижно и молча стояло человек сто партизан. Здесь были молодые и старые, — кто в городских пиджаках и брюках навыпуск, кто в гимнастерках военного образца и в сапогах, кто в домотканной вышитой рубахе и лаптях. Рядом с загорелым лицом молодого белоголового крестьянского парня можно было увидеть строгое старческое лицо в очках — может быть, бухгалтера, может быть, агронома или учителя. В толпе мелькали белые платочки женщин.

Перед ними стоял Тихон Павлович Бумажков — простой и спокойный, загнув левую руку за пояс, слегка запрокинув голову. Его зоркие молодые глаза любовно и пристально всматривались и в толпу партизан, и в их винтовки, составленные поблизости в козлы, и в лес, окружавший поляну со всех сторон, и в белые облака, повисшие в небе.

Он видел, как из чащи ельника появилась тоненькая фигурка девушки, и как она остановилась в нерешительности на опушке леса. Он ободряюще кивнул головой, и девушка смешалась с толпой партизан.

Она едва успела встать рядом с бородатым крестьянином, строго покосившимся на нее с высоты своего могучего роста, как Тихон Павлович поднял руку.

Все замерли.

«— Я, гражданин Великого Советского Союза, — послышался его громкий, отчетливый голос, — верный сын героического русского народа, клянусь, что не выпущу из рук оружия, пока

последний фашистский гад на нашей земле не будет уничтожен...»

Как грозное эхо, повторили эти гордые и гневные слова партизаны.

«— За сожженные города и села...» — раздавались слова на поляне, и девушка, стоя в рядах партизан, видела жадное злое пламя, плясавшее над кровлей ее родного дома, видела багровое зарево над городом.

«— За смерть женщин и детей наших...» — и девушка видела седую женщину в стареньком домашнем платье, расprostертую на полу. Струйка крови вытекала из ее полуоткрытого рта, невидящие глаза смотрели в потолок, по которому плясали отсветы пожара. А на ступенях лестницы, ведущей в сад, лежал мальчик с красным галстуком на шее, — такой же светловолосый и сероглазый, как девушка. Его мягкие волосы слиплись от крови. Это было все, что осталось от ее тепло-го; милого счастья, от светлых радостей и покоя.

«— За пытки, насилия и издевательства над моим народом...»

И, содрогаясь от гнева, стыда и отвращения, девушка вспомнила грубое прикосновение горячих потных рук, красное свирепое лицо врага, оскаленный рот, дышавший ей в лицо винным перегаром и изрыгавший проклятия, перешедшие в глухой, протяжный стон, когда она сильным ударом вонзила кухонный нож в грудь, туго обтянутую серо-зеленым мундиром, а сама выпрыгнула в окно...

«— Я клянусь мстить врагу жестоко, беспощадно и неустанно.»

И, когда она произносила эти слова, ее голос звенел, полный великим гневом и жаждой мщения, которые превращали ее — скромную и тихую учительницу — в бойца грозного отряда народных мстителей.

«— Кровь за кровь и смерть за смерть!..»

...Под вечер она сидела, поджав ноги, на траве, в тени своей любимой березы.

Перед нею, на чистом платке, лежали, тускло поблескивая, части затвора немецкого автомата. Сдвинув брови,

она заботливо и тщательно протирала их мягкой тряпицей.

Погруженная в свою работу, она не заметила, как из кустов вышел Тихон Павлович и, мягко ступая по траве, подошел к ней.

— Ну, как, — освоила? — негромко спросил он.

Девушка вздрогнула и подняла голову. Лицо ее покрылось нежным румянцем, когда она узнала подошедшего. Она встала и так же негромко ответила:

— Все поняла, Тихон Павлович... Грязи только много. Видно, плохо чистил фашист свое оружие.

— Некогда ему было, — серьезно сказал Тихон Павлович. — Береги оружие, девушка. Оно досталось в жестоком бою и тебе будет в бою служить.

— Да, Тихон Павлович! — отвечала девушка, глядя ему в глаза. — Возьмите меня, товарищ Бумажков, в разведку!

— Хорошо, — сказал Бумажков, — завтра пойдешь со мной...

Из окрестных — близких и далеких сел и деревень — шли в отряд к Бумажкову разные люди. И все они приносили с собой одно страшное и грозное оружие: жажду мести. Большое человеческое горе, лютую ненависть к гнусным насильникам, святую любовь к советской земле приносили они с собой.

И всех этих людей вела в правый бой твердая воля, ясный разум такой же, как и они, простого советского человека — их смелого командира.

Они верили Тихону Павловичу, и он никогда не обманывал их.

★

«...Мать всегда бережет детей, а родная земля — сын-вей... Будем бить фашистов из леса, с хаты, в поле — пулей, огнем, динамитом, штыком, чтобы враг вытянул ноги, как собака.»

Из письма партизана О. Мартынюка.

Вечером дозорные привели к Бумажкову немолодого, сумрачного на вид крестьянина.

Лицо крестьянина показалось знакомым Бумажкову: Тихон Павлович старался вспомнить, где и когда он видел этого бородатого, насупленного дядю, неповоротливого, широкого в плечах.

Крестьянин сам пришел ему на помощь.

— Не признаешь, Тихон Павлович? — спросил он. — Я — из «Маяка революции». Фомин моя фамилия. Помнишь, премию на первое мая ты мне вручал?..

И, улыбнувшись открытой, детской улыбкой, осветившей его угрюмое лицо, он повторил:

— Премию — велосипед. Помнишь?

Тихон Павлович вспомнил. Как он мог забыть знаменитого на весь район животновода Фомина из колхоза «Маяк революции»? Фомин был премирован райкомом партии за отличную ра-

боту, и он, Бумажков, вручил «лауреату» на торжественном заседании премию — велосипед. Тихон Павлович вспомнил, какой детской радостью загорелись глаза этого немолодого, сурового человека, когда, под оглушительные аплодисменты присутствовавших, он бережно вел сверкавший никелем велосипед по проходу между стульев в клубном зале, положив на руль свои большие, рабочие руки. Потом, не обращая внимания на веселые шутки друзей, Фомин спокойно взгромоздился на хрупкую машину и, к удивлению всех, ловко и быстро покатил вдоль по улице, позванивая звоночком...

Всего каких-нибудь два месяца прошло с тех пор.

Тихон Павлович взволнованно поднялся.

Стараясь скрыть охватившее его волнение, он сказал:

— Вот и опять довелось встретиться, товарищ Фомин!..

— Довелось, Тихон Павлович, — отвечал Фомин, также взволнованный этой встречей.

Обстоятельно, не торопясь, он рассказал, что утром видел, как по шоссе двигалась большая танковая колонна немцев. Он старательно пересчитал машины и напрямик, по болотам и лесным тропинкам, хорошо знакомым с детства, поспешил к партизанскому отряду Бумажкова.

— Они сюда доберутся не раньше завтрашнего утра, — сказал Фомин, — встретить бы их, Тихон Павлович... как полагается! — и, жвав огромный волосатый кулак, он потряс им.

Бумажков поблагодарил Фомина за ценные сведения, хотя уже и без него знал по донесениям своей вездесущей разведки о продвижении вражеских танков. Все это не было неожиданным для Бумажкова. Он знал, что немцы хотят прорваться в район и захватить переправу через реку. План действий был им намечен еще вчера.

Уже совсем стемнело, когда Тихон Павлович кончил совещаться со своими помощниками, и все разошлись, чтобы немного отдохнуть, поспать.

★

...Выступили на рассвете. Звезды только-что начали гаснуть. С реки тянуло сырой свежестью.

Как всегда перед выступлением, Тихон Павлович заботливо осмотрел свой отряд.

— Наша задача, — сказал он, как обычно, негромко и отчетливо, так, что все слышали его слова в настороженной тишине сонного леса, — наша задача: ни в коем случае не дать врагу захватить мосты.

Он замолчал и еще раз внимательно посмотрел на партизан. Вглядываясь в их сосредоточенные лица, он понял, что эти люди сделают все, чтобы выполнить любую задачу.

— За мной!

Отряд бесшумно двинулся по лесной тропе. Бумажков шел впереди. Он с наслаждением вдыхал утреннюю све-

жесть, раздувая ноздри. Он чувствовал себя превосходно. Он переживал прилив особой бодрости, подъема, которые охватывают человека перед решительным испытанием всех его сил, его способностей, его мужества.

Еще издали он увидел тусклую, серую реку, которая вилась между низкими зелеными берегами, заросшими осокой и камышом.

Широкий мост из новых, белых бревен четко вырисовывался в предутреннем сумраке. Отряд остановился. По команде Бумажкова он разбился на две группы и залег у моста. Партизаны укрылись за кочками, поросшими болотной травой, за невысокими кустами ольхи.

Двое из них — Степан и Антон, лучшие «подрывники» в отряде, взяли аммонал и отправились к мосту. Вскоре они сообщили Тихону Павловичу, что задание выполнено: мост минирован.

— Хорошо, — сказал Бумажков, — взрывать будете по моему сигналу. Займите свои места.

Они вернулись к реке и засели в камышах, по пояс в воде. Потянулись минуты напряженного ожидания. Нечислимые тучи комаров вились над камышами.

Тихон Павлович использовал это время на то, чтобы осмотреть боевую линию своего отряда. Он беседовал с отдельными партизанами, давал указания, как лучше укрыться, подбадривал людей. Бодрое настроение не покидало его. Ему хотелось, чтобы и другим было так же хорошо, как ему. И он радовался, видя смелые, оживленные лица товарищей.

Небо светлело. Легкий белый туман поднялся над гладью реки. С печальной писком пролетел куличок над песчаной отмелью. Над полями разгорелась бледная полоса утренней зари.

И вот в расветной тишине чуткий слух Бумажкова уловил неясный звук.

В отдалении что-то постукивало, чуть слышно лягало. Звук этот то как будто замирал, то вдруг становился слышнее, отчетливее.

— Внимание, танки! — сказал Тихон Павлович.

— Танки, внимание, танки! — передавали партизаны один другому.

Бумажков, прячась в прибрежных зарослях ивняка, опутанного ежевикой, пробрался за камышам, укрывшим Антона и Степана. Партизаны так ловко замаскировались, что Тихон Павлович нашел их только тогда, когда они откликнулись на его тихий свист.

— Слышите? — спросил он.

— Слышим!

— Ждите мою команду. Знак подам выстрелом. Тогда взрывайте.

Тихон Павлович вернулся на берег и укрылся за высокой кочкой, невдалеке от того места, где в камышах затаились продрогшие партизаны.

Сжимая в руках винтовку, Бумажков не спускал глаз с холма, по которому дорога сбегала вниз, прямо к мосту.

От радостного, почти восторженного возбуждения, которое Тихон Павлович переживал совсем недавно, не осталось и следа. Теперь с винтовкой в руках лежал спокойный, расчетливый командир, который должен был с величайшим хладнокровием оценивать боевую обстановку, знать, что делает каждый его боец и быть готовым к любым неожиданностям.

И вот, на гребне холма показался головной танк. Несколько мгновений он четко вырисовывался на фоне светлого неба, а потом стал быстро спускаться с холма. За ним шли другие танки, броневики, мотоциклы.

У моста головной танк остановился. Из люка выглянул офицер и, подняв бинокль, начал осматривать местность.

Ничего не стоило одним выстрелом снять этого лошеного молодчика!.. Но стрелять было нельзя. Бумажков облизнул сухие губы и прошептал:

— Ладно! Доберусь я до тебя!..

Офицер прокаркал короткую команду. Один из мотоциклистов въехал на мост и медленно двинулся вперед, очевидно, ожидая, что мост каждую минуту может провалиться под ним или взлететь с ним вместе в воздух... Добравшись до берега, мотоциклист повернулся в седле и поднял правую ру-

ку. Головной танк въехал на мост. За ним последовал другой танк.

Тихон Павлович спокойно, тщательно прицелился и выстрелил. Мотоциклист повалился на руль и вместе со своей машиной грохнулся на пыльную дорогу.

В ту же минуту раздался оглушительный взрыв. Блеснуло короткое желтое пламя. Тяжелые обломки бревен и досок в облаке дыма взлетели вверх. Головной танк накренился и с тяжелым плеском свалился во вскипящую под ним воду. Второй танк резко затормозил. Он судорожно ринулся назад, со всего размаха наскочил на следовавший за ним третий танк и тоже свалился с разрушенного моста в реку... Пьянящая, острая радость охватила Тихона Павловича, когда он увидел гибель вражеских танков. Ему хотелось вскочить, закричать, броситься врукопашную. Лицо его пылало. Но он сдержал себя. Хладнокровно и методически он расстреливал немецких мотоциклистов, бестолково метавшихся по берегу.

Первый меткий выстрел Бумажкова послужил сигналом для начала боевых действий. Тихий и, как казалось немцам, пустынный берег реки ожил. Одновременно с взрывом моста грянул дружный залп. Меткий огонь партизан косил врагов. Многие немецкие самокатчики полегли у своих разбитых машин.

Но этого было явно не достаточно, чтобы одолеть вражеские танки.

Тихон Павлович громким голосом подал команду, и сам первый вскочил на ноги. Под огнем противника он и десятка полтора партизан-гранатометчиков, продвинувшись вперед, бросили через узкую реку связки гранат под гусеницы танков. Вслед за гранатами в танки полетели бутылки с горючей жидкостью. Эта неожиданная для врагов вылазка стоила жизни нескольким партизанам, но зато Тихон Павлович видел, что врагу нанесен серьезный урон.

Уже не одну фашистскую машину окутали облака густого черного дыма, оквозь который прорывались желтые языки огня.

Залпы и одиночные выстрелы, упорная трескотня пулеметов, оглушительные взрывы гранат, грохот и лязг металла — все слилось в грозный и страшный шум битвы.

Немцы ожесточенно сопротивлялись. Они были сильным и коварным врагом, которого не так-то легко было заставить отказаться от задуманного намерения. Свинцовый огненный ливень хлестал над головами партизан, не причиняя, впрочем, особенного вреда: партизаны умело использовали для укрытия все неровности окружающей местности.

Не легко было партизанам сражаться с врагом, закованным в стальную броню, но еще труднее было озлобленным фашистам сломить мужество бумажковцев, твердо решивших помешать переправе врага.

Бумажковцы бились за родную землю, их дело было правым — и они победили! Ни на минуту не ослабляли они огня. Гранаты и бутылки летели во вражеские танки и бронемашины, бестолково кружившие на открытом берегу.

Фашисты отступили. Отплывавшая свинцом, немецкие танки и бронемашины повернули вспять, торопливо вползли на холм и скрылись за гребнем.

Пятнадцать вражеских танков и столько же бронемашин, разбитые, обгорелые, остались на берегу.

Бой был окончен.

Обнажив головы, стояли партизаны над телами павших товарищей, отдавших жизнь свою за победу над врагом.

— Смерть в правом бою — святая смерть. Не страшна эта смерть, — думал Тихон Павлович, опершись на винтовку и вглядываясь в лица погибших товарищей...

Каждая новая встреча с врагом вpleдала новые лавры в венок доблести и славы партизан-бумажковцев.

— Не раз пытался враг форсировать реку, — рассказывал Тихон Павлович, —езде его отбили партизаны. Наши обонительные сооружения сыграли важную роль: партизаны поражали фашистов из окопов, из укрытий, из ям. Враг

нес огромные потери... Несколько дней мы сдерживали натиск гитлеровцев. Люди совершали геройские подвиги, не думая об опасности...

Отряд Бумажкова не только оборонялся, — отряд наступал. Руководимый своим командиром, осмотрительно и осторожно продвигался он вперед, на запад, — и вскоре оказался в глубоком тылу неприятеля, таясь в непроходимых лесах, нанося все более и более чувствительные удары врагу.

Разведчики отряда добывали ценные сведения о действиях фашистских полчищ, которые тут же сообщались частям Красной Армии.

Отряд разрушал железнодорожные пути, захватывал обозы с боеприпасами и продовольствием. Тихон Павлович точно выполнял сталинский наказ: создавать невыносимые условия для врага.

Короткой летней ночью, в глубоком немецком тылу, неожиданно громыхнули четыре мощных взрыва. Четыре железнодорожных моста взлетели на воздух грудой горящих обломков. На долгое время было нарушено движение на востоке вражеских эшелонов с войсками и боеприпасами.

Немцы с ног сбились, разыскивая виновников этой смелой диверсии, но, разумеется, так ничего и не нашли. Да и где им было найти небольшой отряд бумажковцев, под командой Федора Илларионовича Павловского совершивший это героическое дело?

Возвращаясь в свой лагерь, отряд Павловского пробирался по дну глубокого оврага, заросшего орешником и высокой сочной травой.

Внезапно партизаны остановились. Они услышали где-то над своими головами негромкий детский голосок, старательно выводивший грустную мелодию белорусской народной песни.

Партизаны поднялись по склону оврага. Под старой березой, склонившей над оврагом свои ветви, сидел маленький — лет девяти — белобрысый мальчуган.

Он старательно вырезывал из ивового прута свистульку и так же старательно пел протяжную песню. Он был один-

одинешенек в лесном безлюдьи, если не считать лохматой рыженькой собачонки, сидевшей у его ног, подняв острые лисьи уши.

Павловский спросил, что он здесь делает и разве не боится он забираться в лесную гущу? Мальчик отвечал, что он вот свистульку вырезывает, — разве не видите? — а бояться он вообще ничего не боится.

Лукавая улыбка промелькнула у него на лице, когда он, помолчав немного, спросил:

— А который из вас Федор Ларионыч?

Павловский назвал себя. Мальчик с таинственным видом отвел его в сторону и сказал, что в их деревне, в трех километрах отсюда, — итти надо все лесом, лесом до болота, а потом — тропочкой налево, — расположился штаб немецкой пехотной части.

— Есть у них один танк, да и тот побитый, а фашисты все пьяные — смотреть тошно.

Больше мальчик ничего не сказал, да ничего больше и не нужно было говорить. Все было ясно.

Ночью отряд Павловского ударил по штабу. В дикой панике непроспавшиеся разбойники ответили на внезапный удар партизан беспорядочной пальбой. Фашисты все до единого были уничтожены. Смельчаки-партизаны захватили важные документы, которые впоследствии передали Красной Армии.

Покидая деревню, ставшую могилой для непрошенных гостей, Павловский захотел узнать, откуда и кому было известно, что его отряд пройдет именно тем оврагом, где их поджидал мальчуган.

— Никто этого и не знал, — отвечали ему крестьяне, — просто, во всех местах, где вы могли пройти, сидели наши ребяташки, поджидали вас...

Кровная связь с народом, — основа могучей силы партизан.

— Как мать заботится о своих детях, — так заботится о нас все население, — рассказывает Тихон Павлович Бумажков.

★

Каждый партизан — родной брат бойца-красноармейца. Одинаковые чувства беспредельной любви к родине и ненависти к врагу ведут и того и другого по пути доблести и славы в дни героических боев с фашистскими захватчиками.

Бумажковцы плечом к плечу с красноармейцами бьют врага.

Когда одной из частей Красной Армии нужно было совершить рейд в тыл фашистов, выполняя ответственное задание командования, Тихон Павлович дал приказ — тщательно разведать путь по которому должна была пройти часть.

Партизаны обнаружили, что фашисты сосредоточили на этом участке большие силы и что таким образом красноармейская часть может попасть в ловушку. Бумажков сообщил об этом командованию и указал другой, безопасный путь.

Братская взаимопомощь, — этот прекрасный закон чести Красной Армии, является законом и для бумажковцев.

Однажды красноармейская часть при наступлении встретила упорное сопротивление фашистов. Отряд Бумажкова смелым и неожиданным нападением отвлек внимание врага и тем самым облегчил красноармейской части продвижение вперед.

Славный счет побед и трофеев, открытый бумажковцами в первый же день их встречи с врагом, продолжал расти. Не один десяток искалеченных танков и бронемашин, десятки подбитых мотоциклов, большое количество вооружения и боеприпасов, захваченных у фашистов, сотни вражеских трупов отмечают боевой путь бумажковцев.

Партизаны не ждут пощады от врага и сами не дают ему пощады. Трудный путь партизан, но слава их в веках бессмертна.

Народ уже слагает песни о них.

В долгие зимние вечера, когда вьюет за окном, расписанным морозными узорами, вспомните, подумайте о ваших братьях, мстящих и за вас врагу, проводящих ночи в лесу, скованном стужей, в скудного партизанского костра.

И думая об этих героях, спросите себя со всей честностью патриота: чем я помог родине в грозные дни отечественной войны? Готов ли я исполнить свой долг так, как его исполняет Тихон Павлович Бумажков?

Имею ли я право в день грядущей победы подойти к нему и его соратникам, — как равный к равным, с братской любовью смело и открыто посмотреть им в глаза и пожать их крепкие, мужественные руки?..

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
о присвоении звания Героя Советского Союза
т. Бумажкову Т. П. и Павловскому Ф. И., особо отличившимся в партизанской борьбе в тылу против германского фашизма.

За отвагу и героизм, проявленные в партизанской борьбе в тылу против германского фашизма, присвоить звание **Героя Советского Союза** с вручением ордена **Ленина** и медали „**Золотая Звезда**“:

1. Бумажкову Тихону Павловичу.
2. Павловскому Федору Илларионовичу.

**Председатель Президиума Верховного
Совета СССР М. КАЛИНИН.**

**Секретарь Президиума Верховного
Совета СССР А. ГОРКИН.**

Москва, Кремль. 6 августа 1941 г.

К истории одной измены

ЖАН РИШАР БЛОК

★

ПЕТЭН

Не так давно Петэн, обратившись к французскому народу по радио с речью, полной угроз и горечи, определил этапы своей военной карьеры: «Я тот, — сказал он, — кто положил конец военным мятежам 1917 года, и тот, кто положил конец войне 1940 года».

Вот те два поступка, которым Петэн придает особое значение: роль палача в предыдущей войне и капитулянта, предателя и убийцы — в нынешней.

Перебирая свое прошлое, Петэн не говорил о Вердене, хотя легенда создала ему славу спасителя этой знаменитой французской крепости.

Почему он не сказал об этом ни слова?

Потому что опубликование мемуаров Клемансо, Пуанкаре, маршала Жоффра, генерала Мордака и других участников прошлой мировой войны делает эту претензию необоснованной.

Из этих источников мы знаем теперь, что если бы в то время послушались Петэна, то никогда не пытались бы защищать Верден: он считал эту позицию незащитимой. Если бы послушались Петэна, то Верден был бы не раз оставлен за время кровопролитной шестимесячной битвы (февраль-август 1916 года), когда все попытки немцев разбивались о стойкость французской пехоты и артиллерии. В этой битве немцы потеряли цвет своей армии (свыше 350.000 убитых).

Еще в июле 1916 года, когда яростное наступление привело германские полчи-

ща к воротам этого старинного французского города, нужны были настойчивые и повелительные указания Жоффра, чтобы помешать Петэну отдать приказ об общем отступлении, что привело бы к уничтожению французской армии, к проигрышу войны и неизбежной капитуляции.

С 1915 года Петэн считал войну проигранной.

В 1917 году Петэн еще считал, что войну нельзя выиграть.

Из уст этого реакционера, врага демократии, прозвучала в 1916 году самая непростительная фраза, которая когда-либо была произнесена о французской армии. Эта армия, после неудачи у Шарлеруа (август 1914 года) и трудного отступления, последовавшего за ним, вступила в ожесточенное сражение с германской армией на Марне (5—10 сентября) и прогнала ее прочь от стен Парижа: эта армия затем начала знаменитый «поход к морю» (октябрь-декабрь 1914 года) и выиграла его; она провела победоносное наступление в сентябре 1915 года в Шампани: она высадилась в Салониках и восстановила положение на Балканах, которое после разгрома Сербии было почти безнадежным. Эта армия в октябре 1915 года под Манженом (в секторе Вердена) отбила у немцев за один месяц те укрепленные позиции, которые они завоевали в течение 6 месяцев. Эта армия в 1918 году, после четырех лет войны и германской оккупации самых богатых районов

французской земли, была способна вести против войск Людендорфа ожесточенные, упорные и в конце концов победоносные бои в марте, в мае и, наконец, с июля по ноябрь.

Что же сказал Петэн об этой армии, которая помимо его воли превратила его в победителя?

Он осмелился сказать о французской армии: «Это потухший вулкан».

Подлые слова, которые никогда нельзя забыть!

Что хотел сказать этим Петэн? Он воспринял теорию наиболее реакционных элементов французского генерального штаба, которые верили лишь в профессиональную армию и не верили в резервы, вышедшие из масс.

В глазах этих реакционеров резервы представляли опасные элементы, потому что они состояли из активных граждан, большей частью республиканцев, демократов, часто социалистов и коммунистов. Реакционеры свысока заявляли, что такие резервисты гораздо худшие солдаты, чем молодые люди, не замешанные еще в политической жизни страны. Они заявляли даже, что резервисты отказывались сражаться. Эти сплетни были с треском опровергнуты событиями.

Они питали классовую и кастовую ненависть к офицерам резерва, избираемым большей частью среди людей интеллектуального труда и преподавателей, крестьянских сыновей, республиканские убеждения которых были известны. Загадочная мечта клерикально-капиталистической касты заключалась в том, чтобы опрокинуть Республику и уничтожить демократические права народа. Они хотели победы, которая прославилась бы ко-нибудь из их клики, или в крайнем случае поражения, которое дискредитировало бы Республику.

В том и в другом случае они считали, что им необходимо сперва избежать оппозиции сильной республиканской армии, связанной с народом. Они не переставали интриговать, чтобы вывести Жоффра и его преемника Нивелля из верховного командования. Они возвели на шит двух реакционных генералов: Кастельно, капуцина в шпорах, знаменитого ужаса-

ющими поражениями в 1914 году, и Петэна.

Однако оппозиция Клемансо, старого антиклерикала, помешала Петэну стать во главе верховного командования союзными армиями. Заговор, таким образом, потерпел неудачу. На место Петэна был назначен Фош; он выиграл войну.

Петэн, отодвинутый на второй план, увидел, что от него ускользнули престиж победы или выгода поражения. Казалось, что заговорщики потеряли безвозвратно случай государственного переворота. События принесли им 22 года спустя случай неожиданного реванша.

В течение ряда лет, последовавших за Версальским договором, все маршалы Франции времен первой мировой войны один за другим умерли, за исключением Петэна. И вот Петэн остался единственным видным представителем поколения «реванша». Он объединил малопомалу в своих руках основные рычаги военной организации.

Ему поручили закончить в 1925 году трудную войну в Марокко, и он завершил ее совместно с армией Альфонса XIII под командованием своего старого ученика из парижской военной школы — генерала Франко. С этого момента политическая и частная дружба соединила этих двух людей, предназначенных стать палачами своих стран.

Мы видим затем Петэна в роли военного министра. Он был в течение нескольких лет председателем верховного военного совета, который определял общие задачи национальной обороны, разрабатывал стратегические планы военных операций и ведал вооружением и техническим оснащением армии.

Петэн имел возможность положить под сукно план, представленный в то время полковником де Голлем, о сформировании мощных танковых соединений, а также план министра авиации Пьера Кот о создании мощной воздушной армии. Его тактика так же, как и тактика Гамелена была основана на пассивной обороне, под прикрытием линии Мажино. Можно спросить: почему же он допустил, чтобы линия Мажино осталась незаконченной и стала таким образом ловушкой для французской армии?

Еще много других щекотливых вопросов вызывает деятельность Петэна в продолжение этих 20 лет.

На первом месте стоит его все более тесная связь с монархической и одновременно расистской и террористической партией «Аксион Франсез». В течение многих лет глава этой партии Шарль Моррас заканчивал все свои ежедневные статьи фразой: «А теперь Петэна к власти!» Нельзя было более ясно выразить политическое сообщничество этих двух людей.

В 1937 году, еще до того, как Испанская республика была задушена фашистской военщиной, Боннэ, министр иностранных дел в кабинете Даладье, поспешил послать Петэна в Бургос в качестве посла Франции.

О подозрительной деятельности, которую развернул Петэн в Испании, мы знаем уже довольно много. Новые разоблачения сделаны недавно в Лондоне Дежаном, министром иностранных дел Свободной Франции. Дежан, радикал-социалист, был тогда начальником секретариата премьер-министра Даладье. Разоблачения Дежана привлекли внимание мирового общественного мнения. Мы узнаем, что в Испании Петэн сблизился с гитлеровским послом: отношения между двумя послами не замедлили превратиться в весьма тесную связь. Эти отношения продолжались открыто в Мадриде с сентября 1939 года до весны 1940 года, то-есть уже после начала войны.

Дежан рассказывает, что очень точные отчеты ставили Даладье в известность об антифранцузской деятельности Петэна и его связи с врагами Франции. Но Даладье не отзывал своего посла, говоря, что он предпочитает иметь Петэна в Мадриде, чем в Париже.

Когда, после провала норвежской экспедиции, пришел к власти Поль Рейно, он сделал непоправимую ошибку, призвав Петэна в правительство.

Политические плоды, которые шайка врагов Республики и демократии не смогла извлечь из военной победы в 1918 году, были извлечены из военной катастрофы в 1940 году.

Им необычайно помогли в этом ми-

нистры, которые сменяли друг друга под руководством Даладье, Шотана, Блюма Поля Рейно... Они имели за собой под держку, которой не было в 1918 году Гитлер и Муссолини окружили Францию своими людьми; Лаваль предствлял Муссолини; Петэн—Гитлера; Моррас отдавал себя на службу любому диктатору—врагу демократии.

Пятая колонна, не встречавшая отпора слабым правительствам, которые я перечислил, процветала вокруг германского, итальянского, испанского и других посольств, вокруг «Коричневого дома» в Париже, вокруг «Франко-германского комитета», благодаря активности Боннэ Дорио, Дез, де-Бриньона, полковника деля Рока, «Комите де Форж» (объединение тяжелой промышленности Франции) Государственного банка, группы троцкистов, анархистов, «пацифистов» и т. д.

Клерикально-монархическая конспирация 1914—1918 годов, превратившаяся в клерикально-фашистскую в 1939—1940 году, нашла в поражении случай, который она не могла найти в победе 22 года назад. Но человек, на которого она возлагала свои надежды, остался тот же.

Случай превратил Петэна, этот пережиток собственной «славы», в инструмент государственного переворота.

Не надо никогда забывать мнения Клемансо о Петэне после первой мировой войны: «Петэн не умен, и он родился пораженцем». Гитлер не смог найти лучшего агента для выполнения своих смертельных замыслов против Франции и французского народа.

★

ПАДЕНИЕ ЛАВАЛЯ

13 декабря исполняется первая годовщина внезапной немилости Лавалья, удивившей весь мир год назад. Подробности этого падения еще неизвестны широкой публике. Мы можем рассказать о них и поручиться за точность всех деталей, которые вызовут в памяти наших читателей дворцовые трагедии русского средневековья или романы Дюма-отца.

Вспомним драматические обстоятельства, которые позволили Петэну осущес-

свить удушение французской республики, о чем рассказывалось в нашей прошлой статье.

Напомним, что главным участником событий был Лаваль, агент Муссолини в течение многих лет, перешедший затем на службу к Гитлеру. Лаваль еще не чувствовал себя в состоянии своими силами держать власть. Он знал, что французы его презирают и ненавидят. Ему была нужна ширма. Отсюда его временная связь со своим соперником Петэном. Он собирался использовать на некоторое время престиж, в конечном результате узурпированный, которым маршал еще пользовался у армии и в некоторых слоях общества.

Благодаря Лавалю Петэн получил более широкую власть, чем сам Людовик XVI накануне Французской революции. Но Петэн должен был оплатить эту услугу, и он издал по указке Гитлера «Конституционный акт». Старый маршал назначает Лавалья своим преемником и законным наследником в случае, если он должен будет оставить свой пост.

Гитлер и Лаваль рассчитывают, что 84-летний Петэн не заставит их слишком долго ждать этого наследства. Они боятся монархических чувств Петэна. Гитлер хочет иметь во главе побежденной страны человека, готового для него сделать все и обязанного ему всем. Такого лакея он выбрал в лице Лавалья.

Между июлем и декабрем 1940 года Лаваль руководит политикой Франции, а Петэн остается ее номинальным главой. Лаваль разъезжает между Виши и Парижем, где он работает в тесном сотрудничестве со шпионом Абецом и прочими немцами.

В конце осени некий литератор с темным прошлым — Бенуа Мешэн, бывший в продолжение нескольких лет активным агентом «пятой колонны», приходит к Петэну и Лавалю с ошеломляющей идеей. Речь идет о том, чтобы привезти во Францию гроб с останками сына Наполеона, знаменитого «Орленка», умершего в плену в Вене свыше 100 лет назад под именем герцога Рейхштадтского и похороненного в Шенбрюнне.

Абец, со свойственной некоторым немцам тяжеловатой наивностью и отсутствием психологического понимания, принимает всерьез эту идею. Мрачное воображение Гитлера также загорается от этой идеи.

Берхтесгаденский маньяк представляет себе поразительную сцену! Он видит уже плоды, которые сумеет выжать из этого жеста. Он возвращает Франции прах «Орленка»... Останки торжественно привезут в Париж, и сам Гитлер будет режиссером пышной церемонии... Прах «Орленка» будет похоронен возле могилы великого императора... Сын соединится с отцом... Победитель сделает этот «благородный» жест примирения и великодушия. Как сможет еще сомневаться французский народ в «рыцарской симпатии» «фюрера» к французской нации?.. Как сможет он после этого упорствовать в своем сопротивлении сотрудничеству с немцами, что причиняет столько забот оккупантам?

Гитлер, Петэн, Лаваль и их французские единомышленники льстили себя надеждой, что в результате этого жеста парижане будут охвачены волной воодушевления и благодарности. Немцы же рассчитывали, что это не будет слишком дорогой ценой за ликвидацию возрастающих трудностей, которые ставят перед ними французские патриоты. В обмен за несколько сухих костей Франция отдаст свое живое сердце, отдаст свой хлеб, свое золото, свой труд, свой флот, свою империю, свою покорность... Петэн согласен, он соглашается на все.

Трудно поверить этому бреду. Ничто не может лучше показать расстояние, которое отделяет французский народ от небольшого клана предателей. Как могли они серьезно думать, что французский народ примет этот торг, более смешной, чем позорный, и что он попадет в такую грубую ловушку? Как могли они вообразить, что французский народ, который борется за свою национальную жизнь и свое существование, согласится отдать что-нибудь за память этого принца, больше австрийца, чем француз?

Гитлер в лихорадочном нетерпении подталкивает приготовления. Он разра-

батывает программу празднеств, и Петэн на все соглашается. Дата «передачи останков» зафиксирована. Она состоится в воскресенье 15 декабря. Петэн будет председательствовать на этом фарсе. И рядом с ним сам Гитлер! Двое мужчин пройдут всю столицу пешком за гробом от Восточного вокзала до Дворца инвалидов. Петэн «представит», таким образом, Гитлера парижскому народу. Он «введет» его официально во Францию. Прикрываясь побежденным, победитель думает импонировать нации, которую он раздавил, разорил, которую он решил уничтожить.

Чтобы сделать задачу более легкой для Петэна, Гитлер готов пойти на любые уступки. Он знает, что будет вознагражден сторицей. Петэн перенесет свою резиденцию из Виши в Версаль. Из Версаля уберут немецкий гарнизон. Центральный район города уже окружен деревянными барьерами, раскрашенными в цвета немецких национальных флагов снаружи, и французских — изнутри. Вход в центральную часть запрещен немцам в форме, потому что Петэн торжественно заявил, что «он не потерпит вида немецкой формы». Однако он сам доставил такое «удовольствие» 30 миллионам французов, которые каждый день имеют возможность «любоваться» видом этой формы.

Трианонский дворец — самый роскошный из версальских отелей — оборудован для свиты маршала, частный отель крупнейшего голландского финансиста — для самого маршала. И Петэн, тронутый этой любезностью, на все соглашается.

Но под внешней помпой этих приготовлений разворачивается настоящий заговор между Гитлером и Лавалем. За видимым романтизмом отчетливо просачивается реальность секретных переговоров. За внешним декорумом кроются мерзкие закулисные интриги.

Ибо, несмотря на исключительную покорность Петэна, Гитлер все же находит его недостаточно гибким для выполнения своих желаний. Он обвиняет Петэна в том, что тот сохраняет италийских министров, скрытых англофилов. Английское сопротивление и итальянские

поражения усложняют задачу германской армии и усиливают требования победителя к побежденному.

Тем временем в Виши тоже волнуются. Среди предателей нет единства. Те, кто использовал поражение, торгуются сейчас за плоды катастрофы. Жалкая и убогая картина!

Лаваль имеет своих врагов, своих конкурентов, своих соперников. Во-первых, это молодчики из «Аксион Франсез» и их руководитель Моррас; они активно работали для подготовки катастрофы, для разложения кадров, но имели в виду восстановление монархии. Они боятся честолюбивого Лавала. Вторых, это Италия, которая уже жалуется, что ей недостаточно уплатили, и не желает «сближения» между французскими фашистами и Гитлером.

Муссолини оказался втянутым в две злополучных войны — в Ливии и Албании. Германский штаб не верит больше в силу итальянской армии, а дипломатия «фюрера» не доверяет более комбинационным способностям дуче. Муссолини чувствует себя обманутым и преданным своим старым агентом во Франции Лавалем и желает теперь его падения. И римская дипломатия находит в Виши уши, чтобы слушать, и кошелек, открытые для его «аргументов».

Министр внутренних дел Пейрутон, зять Мальви, бывшего лидера радикал-социалистской партии, и Бержери находятся в заговоре вместе со многими другими. Все кланы объединяют свои опасения и свою жадность. Они действуют на слабый и недоверчивый дух старого маршала...

... И в четверг 12 декабря, за три дня до «церемонии», телефонный звонок неожиданно вызывает Лаваль в Виши.

Лаваль в это время находится в Париже. Ему дают понять, что речь идет об уточнении некоторых деталей, касающихся перевода правительства в Версаль.

Лаваль пускается в путь и направляется прямо в павильон Севинье, резиденцию Петэна в Виши; министры сидят вокруг главы правительства и ждут прибытия законного наследника — того, кого страна гневно называет «дофин Франции». Второй «орленок», который,

по правде говоря, не больше, чем маленький ворон.

Лаваль входит и садится.

На столе перед Пейрутоном лежит толстое досье.

«Господин президент, — говорит он, — совет министров хотел бы точно знать, каковы будут пределы свободы, которыми сможет пользоваться маршал, когда он очутится в Версале посреди германской армии.»

И, начав атаку, он обвиняет Лавалья в том, что последний организовал эту инсценировку, пытаясь завлечь маршала в оккупированную зону, позволить немцам захватить его после церемонии, заставить его исчезнуть согласно излюбленным методам гестапо и провозгласить вместо него Лавалья главой французского государства.

Диалог между Пейрутоном и Лавалем быстро достигает высокого диапазона.

Лаваль яростно защищается, Пейрутон усиливает свои обвинения. Он добавляет разоблачения, относящиеся к сомнительным операциям «дофина», который спекулировал на «законе о евреях», покупая за бесценок коммерческие и индустриальные предприятия, на импорте продовольственных продуктов, необходимых голодающему населению и т. д.

Внезапно поднимается маршал и кладет конец сцене, говоря: «Господа, я прошу у вас вашей отставки».

И секретарь кладет перед каждым министром заранее подготовленное письмо. Им не остается сделать ничего другого, как поставить свою подпись. Так как все министры в заговоре, они подписывают без колебания, и Лаваль, обезоруженный, не осмеливается противиться приказу маршала. Получив все письма с просьбой об отставке, Петэн продолжает: «Господа, я вас благодарю за этот акт доверия. Что касается ваших отставок, то я отказываю всем, за исключением Лавалья».

Лаваль видит, как гибнут все его планы, все его тщеславные надежды. Он вскакивает. Он хочет говорить...

«Господин Лаваль, — говорит Петэн, — вы больше не пользуетесь моим доверием.»

При шуме, который последовал за этим заявлением, слышно, как Лаваль бормочет: «Господин маршал, осмелюсь ли я еще надеяться, что вы не откажете мне в вашей руке?»

«А как же», — отвечает старик. Он берет за руку Лавалья и твердым шагом тащит его за собой, доводит до двери и выталкивает наружу!

Не надо обманываться! В этой сцене не надо видеть главу правительства, возмущившегося изменой стране, ответственность за которую он несет. Это не что иное, как низкая ссора двух главрей банды, дико защищающих свою шкуру. Здесь нет столкновения двух принципов, двух идеологий — император Август и Цинна, Цезарь и Брут. Это Картуш и Мандрен.

За дверь Лавалья ожидает несколько людей из «черной гвардии маршала», которых Пейрутон завербовал среди фашистских офицеров-террористов «Аксион Франсез» и всяких авантюристов. Лавалевская пресса в Париже в течение некоторого времени с яростью разоблачала создание этой «преторианской гвардии», роялистские тенденции которой слишком очевидны. Черногвардейцы окружают Лавалья и ведут его к автомобилю. Во время этой сцены шофер Лавалья пытается освободить своего патрона. Его ранят, Лаваль довольно сильно помят и контужен. Его увозят в его собственный замок, где он остается под сильной охраной.

Он нашел время шепнуть два слова своему секретарю. Последний бежит к телефону. Телефона нет! Телеграф нет! Он бежит на вокзал в Виши — поездов нет! Железнодорожные связи прерваны так же, как и почтовое сообщение. Тогда секретарь направляется к демаркационной линии оккупированной зоны, где он сможет найти немцев и доверить им свое послание.

Гитлер в его специальном поезде, где-то во Франции, в глубине туннеля, ждет Петэна, своего завтрашнего гостя и послезавтрашнего пленника. Раненый Лаваль находится в заключении в своем замке в Оверни под охраной «черных убийц» Пейрутона, бывшего радикал-социалиста, пришедшего к террористи-

чекскому ролялизму; Петэн удручен и взбешен изменой своего друга Гитлера. Абец, не зная этих событий, продолжает готовить прием маршала в Версале и церемонию переноса праха «Орленка» во Дворец инвалидов, на которой должны присутствовать бок-о-бок немецкий «фюрер» и глава французского правительства.

Абец еще не знает о драме, разыгравшейся в Виши в пятницу 13 декабря 1940 года. Пейрутон прервал почтовое, телефонное, телеграфное и железнодорожное сообщение. Виши изолировано от внешнего мира. Никто не знает о падении Лавалья.

По программе «празднеств», одобренной «фюрером» и принятой Петэном, отъезд маршала из Виши был назначен на пятницу вечером. Вагоны с так называемым главой французского правительства, его свитой и министрами должны были прибыть в Версаль в субботу утром 14 декабря. В назначенный час Версальский вокзал был переполнен толпой официальных лиц. Почетный караул состоял из нескольких французских солдат, потому что исключительная чувствительность маршала, если она и не мешает ему переносить оккупацию Франции, без которой его диктатура не продолжалась бы и часу, все же не позволяет ему «переносить вида германской формы»!

Между тем здесь находится генеральный штаб оккупационных войск в полном составе и полной форме, во главе с генералами. Здесь также и германское посольство со своим шефом Абецом: представители Виши в Париже со своим начальником, французским генералом де ля Лоренси, вся клика лавалистов и гитлеровцев — де Бринен, Марсель Деа, Жан Фронтежей, Жан Люшэр, Дорно; префектура Сены и Уазы вместе со своим префектом в полном параде.

Холодно. Падает снег. Прибывает поезд. Останавливается. Все бросаются к нему, ищут... Никто не выходит... Ни один специальный вагон не прицеплен... Ни одного пассажира из Виши!.. Что это означает?

Немцы и французские фашисты оше-

ломлены. Абец, озабоченный и угнетенный, быстро возвращается в Париж, где прибывший, наконец, эмиссар Лавалья рассказывает ему о раскрытии заговора маршалом, о насилии под «дофином», об отказе Петэна прибыть и возглавить вместе с Гитлером церемонию 15 декабря.

В то же время Абецу сообщают, что генерал де ля Лоренси, едва вернувшись в Париж, арестовал Деа по приказу Виши и что парижская полиция получила несколько других мандатов на арест лавалевских приспешников.

Абец растерялся. Он должен сообщить теперь эти неприятные новости своему германскому хозяину. Как объявить ему о победе ролялистской партии Виши, полном дипломатическом реванше Муссолини и Чиано, о том, что не сбылась надежда Гитлера — заменить бедную, слабую и недоверчивую Италию, богатой, сильной и признательной Францией в качестве своего «блестящего помощника» в деле создания мировой нацистской империи?

Гнев хозяина превосходит все ожидания. По телефонному проводу немецкий «фюрер» раздражается одним из своих знаменитых истерических припадков. Он рычит и отдает яростные приказы.

Абец должен освободить Деа и взять под немецкое покровительство лавалистов, находящихся под угрозой. Он немедленно пошлет в Виши секретаря с поручением передать Петэну приказ «фюрера» — официальное запрещение сообщать малейшую информацию о событиях 13 декабря. Абец явится к маршалу и объявит ему волю Гитлера, как только окончание церемонии 15 декабря позволит покинуть Париж.

Германский посланник прибывает в Виши вечером 14 декабря. О прошедшей трагикомедии знают лишь окружающие Абеца и лавалисты в Париже, Франция и ее столица продолжают оставаться в полном неведении.

В это время я находился в Париже, где вел скромное существование, укрываясь от любопытства петэновской и гиммлеровской полиции. Вечером, 14 декабря, в час «информации из Виши по радио» диктор неожиданно произнес

фразу: «Вы сейчас услышите маршала Петэна, главу французского государства».

Полные удивления и любопытства, мы приготовились слушать. Раздался резкий и, пожалуй, грубоватый голос, исполненный волнения:

«Французы, я должен сообщить вам серьезную новость... Лаваль потерял мое доверие... Я решил расстаться с Лавалем... Я уничтожаю пункт в «Конституционном акте», который назначает Лавалья законным преемником главы французского государства. Французы, я рассчитываю на ваш патриотизм...» и т. д.

Возгласы удивления и взрывы неудержимого смеха в нашей маленькой группе! Битва крабов, которую мы увидели уже давно, наконец разыгралась! В этот же час, в ту же минуту, те же возгласы, тот же смех раздались в нескольких миллионах французских жилищ.

Первым чувством нации было огромное облегчение. Ошибочно ли, заслуженно ли, но на Лавалья обрушилась почти вся ненависть, гнев, возмущение и горечь Франции. Он заслужил эти чувства, но Петэн заслужил их в не меньшей степени. Конфликт между Петэном и Лавалем, неправильно понятый, мог принести «старика» очень опасную популярность.

Это в действительности и случилось. К счастью, сам «старик» быстро обрел крылья этой популярности.

Чем же объясняется это резкое и мелодраматическое появление Петэна у микрофона, этот призыв к народу?

Впоследствии стало известно, что Петэн получил яростное послание Гитлера. Узвальный «изменой» своего друга из Монтуара, «старик» повиновался лишь гневному чувству. И новый король Лир решил немедленно ответить на поступок «фюрера» публичной и торжественной декларацией — обычная форма куража слабых! Роялисты, итальянская партия и другие оппозиционеры торжествовали. Они не подозревали об ударе, который вскоре ожидал и их. Они в свою очередь в недалеком будущем почувствуют хитрость и вероломство маршала...

В воскресенье утром 15 декабря весь французский народ с нетерпением ждал газет, желая узнать подробности и закулисные обстоятельства этого дворцового переворота.

Но ожидания были тщетными. По приказу немецкой цензуры — ни одного слова о событиях в оккупированной зоне. Это молчание продолжалось много дней. Газеты в неоккупированной зоне должны были ограничиться помещением официальных текстов. В Виши начали волноваться тем оборотом, который приняли события.

Между тем трения между Петэном и Гитлером лишили церемонию передачи «останков Орленка» Франции всего сентиментального и политического значения, которое Гитлер приписывал этому жесту... Что теперь делать с сыном Наполеона, так некстати вынутым из своей Шенбрюннской могилы?

Теперь уже нет разговора о том, что Гитлер будет сопровождать катафалк через весь Париж. Ведь он будет иметь вид провинциального родственника, следующего за гробом дядюшки, оставившего наследство! Церемониал, тщательно разработанный берхтесгаденским «гениальным режиссером», отпадает. Завоевание души парижского населения «фюрером» откладывается до лучших времен.

Гитлер в бешенстве дает приказ об отъезде: его поезд покидает убежище в туннеле и возвращается обратно.

Гроб «Орленка», прибывший из Вены, простоял всю ночь в одном из залов Восточного вокзала, превращенного в капеллу. Гроб охраняют солдаты, неподвижные, как статуи. В назначенный час, вместо немецкого «фюрера» и главы французского правительства, вместо Германии и Франции, романтически сблизившихся (Расин вложил в уста Нерона фразу: «Я обнимаю моего соперника, чтобы лучше задушить его»), прибыло несколько чиновников, желающих как можно скорее покончить с церемонией, ставшей утомительной и лишней смыслом.

Аббэ возглавляет процессию перед французскими властями. Солдаты заменены французской «гвардией», попро-

сту говоря, полицейскими. Переход через Париж происходит по снегу, по пустынным улицам, с холодной и торжественной помпой, среди населения, афиширующего свое равнодушие и презрение.

Люди, уже утром простояли много часов в очереди за несколькими картофелинами, за бутылкой молока; они знают, что то, чего им нехватает, забрано оккупантами. Мальчишки кричат друг другу на улице: «Ты видел «Орленка»?» И в кафе, где пьют горький эрзац кофе, люди пожимают плечами, говоря об этой церемонии.

После церемонии Абец делает заявление прессе. Не давая времени, чтобы переварить события, он заявляет, что «Лаваль, и только он один, пользуется полным доверием «фюрера».

Наконец 16 декабря Абец отправляется в Виши. Он едет не один! Его охраняет вооруженный эскорт... Он останавливается, готовый приступить к действиям, на «демаркационной линии» оккупированной зоны. Несколько бронированных автомашин с пулеметами сопровождают немецкого посла до резиденции Петэна.

Петэн принимает Абеца во вторник, утром 17 числа. Что происходит между этими двумя людьми? Официальное коммюнике сообщает лишь о «сердечной беседе», за которой следует приглашение к завтраку.

В действительности, ультиматум Гитлера содержал требования: немедленно освободить Лавала, восстановить его полномочия, обязанности и достоинство, распустить «черную гвардию маршала», заменить генерала де ля Лоренец, которого сочли слишком независимым, де Бриноном, этим подобострастным гитлеровцем, в качестве представителя Петэна в Париже и, наконец, на будущее — гарантий покорности.

Нам неизвестны детали этой беседы: мы знаем лишь, что после дискуссий и торга Петэн послал за Лавалем и согласился принять его в присутствии Абеца, но отказался отменить отставку своего бывшего любимца. Он принимает все другие пункты ультиматума, за исключением этого.

На следующий день Абец вернулся в

Париж. Он увез вместе со своим багажом освобожденного, но угнетенного Лавала. Пулеметы так и не стреляли. Им достаточно было наставить свои дула на павильон Севинье.

Фланден заменил Лавала. Но он был лишь временным и проходящим явлением. За ним появился тот, кто получил подлинную выгоду от 13 декабря. Нос лисицы Дарлана уже выглядывает из-за двери. Хитрец, как показало будущее, перехитрил одновременно Лавала, Фландена, Пейрутона, Бержери, быть может Морраса, вероятно Муссолини, завоевал и сумел использовать недоверчивого и хитрого маршала.

Заканчивая эти строки, я еще раз подчеркиваю, что самое неправдоподобное может произойти в действительности. Как бы причудливо ни казалось то, что я рассказывал, уверяю, что я ничего не приукрасил. Я рассказал о событиях так, как они происходили, ничего в них не меняя.

★

НАСЛЕДСТВО ЛАВАЛЯ

(Фланден и Дарлан).

Лаваль пал — возникает проблема о его преемнике. Кто будет новым наследником петэновской короны? Кто будет назначен «дофином» маленького королевства Виши?

Коалиция, сбросившая Лавала, была вдохновлена «Аксион Франсез». Но эта организация не имеет видных лиц, если не считать двух стариков: Петэна и Шарля Морраса. Моррас — маленький глухой и сангвинический человек, способный лишь писать днем и ночью статьи, наполненные ложью и призывами к убийству. Его престиж не простирается дальше определенной среды парижских салонов и старинных замков. И хотя «Аксион Франсез» удалось при иностранной помощи задушить республику в мрачные июньские дни 1940 года, из-за отсутствия талантливых людей ею руководят случайные люди. Соучастники событий 13 декабря Пейрутон и Бержери тем более не являются очень авторитетными лицами. Один из них —

непопулярный чинбвник, второй — презираемый и вероломный дилетант, который никогда не мог укрепить своего влияния в парламенте. Они выполняют функции агентов, но не главарей.

Этого нельзя сказать о Фландене. Он в течение многих лет — представитель интересов крупного капитала, инспирирует всех антисоветских и антикоммунистических кампаний. Это он, архимиллионер, выступил на трибуне Палаты с циничной речью о «тупом материализме масс». Он приобрел печальную известность со времен мюнхенского кризиса двумя вопиющими актами: первый — объявление, пытавшееся саботировать скромную военную мобилизацию, которую хотел объявить Даладьё в сентябре 1938 года; второй — поздравительная телеграмма, которую он послал после позорного мюнхенского соглашения Чемберлену, Муссолини и особенно Гитлеру.

Со времени последних парламентских дебатов в июле 1940 года в Виши, только он и Лаваль играли первостепенную роль; и после видимости дискуссии это он «прекратил голосование» в парламенте, выступив с большой речью, в которой апробировал государственный переворот и капитуляцию Франции.

Все за то, чтобы на нем остановился выбор маршала, и Гитлер, конечно, согласится на эту кандидатуру. Петэн призывает Фландена заменить Лаваль во главе правительства. Однако это не так просто, как кажется. Гитлер отказывается утвердить Фландена.

Почему?

Во-первых, потому, что Гитлер уязвлен тем, что он был поставлен в смешное положение передачей останков «Орленка» 15 декабря. Он больше не хочет допускать, чтобы глава французского правительства сохранял свободу снимать и назначать министров без предварительного согласия хозяина.

Петэн чувствует опасность. Он посылает Гитлеру телеграмму, которая войдет в историю, как образец низости и унижения. Он уверяет «фюрера», что уход Лавалья ничего не меняет в его политике, что она остается подчиненной основам, установленным при встрече в

Монтуаре, и верна покорному «сотрудничеству» побежденного с победителем. Гитлер не удостоивает его даже ответом.

Есть еще одна причина враждебности Германии к Фландену. Хотя Фланден и объявил себя профашистом, в основном свою политическую карьеру он создал при английской поддержке. Он всегда защищал английские интересы во французском парламенте. Он объявил себя прогитлеровцем со времен мюнхенского кризиса, но не столько потому, что он тяготел к берлинской орбите, а потому, что поддерживал всеми силами политику Чемберлена.

Теперь Чемберлена заменил Черчилль. Великобритания с тех пор ведет энергичную борьбу против Гитлера и его банды. Берлин относится недоверчиво к старым английским связям Фландена. Он хочет видеть во Франции министра, «дофина», который будет полностью с ним. Он не хочет человека, который, может быть, будет пошатривать в сторону Лондона. И в итоге — Фланден должен уйти. Немцы отказываются от всяких переговоров с ним. Кто будет его преемником? Гитлер требует, чтобы Петэн опять взял Лавалья. Петэн отказывается от встречи с низвергнутым «дофином». Однако эта встреча состоялась в январе 1941 года в маленьком бургундском городке. Она продолжалась 80 минут, из которых, по словам одного из двух единственных свидетелей этой исторической сцены, 60 минут прошло в криках и яростных объяснениях. Два человека расстанутся, более раздраженные друг против друга, чем когда-либо.

Вот тогда-то на сцену выступает Дарлан.

Какой такой Дарлан? Он почти неизвестен французам. Он принадлежит к семье моряков; но — трижды парадокс — этот адмирал вышел из единственной ветви семьи, которая оставила море ради политики; этот яростный сторонник антипарламентского режима имел отца депутата; этот противник демократии сын радикал-социалиста. Его морская карьера прошла без особого блеска. Она, главным образом, протекала в министерских приемных. Это то,

что наши моряки называют «мореплаватели с улицы Ройяль (улица, где помещается морское министерство в Париже), или «адмиралы сухого дока».

В противоположность Лавалю, грубый и вульгарный вид которого вызывает сразу недоверие, Дарлан обладает тонкими и правильными чертами лица. Став начальником генерального морского штаба в момент войны, он пожинал без труда плоды упорных и удачных усилий своих предшественников. Ибо теперь стало очевидным, что в период между двумя войнами французский флот находился в лучших руках с технической точки зрения, чем армии. Но — политически — его главный штаб и большая часть кадров были открытыми монархистами и профашистами.

Во время испанских событий французские корабли, которые должны были наблюдать в Средиземном море за соблюдением знаменитого «невмешательства», пропустили итальянские конвои, предназначенные для Франко; на Балеарских островах французские офицеры открыто братались с фашистами. Во время войны один из моих друзей, английский профессор, был мобилизован в качестве наблюдателя в чине майора во французское адмиралтейство. Это человек умеренных взглядов и очень скрупулезный свидетель. В день объявления июньской капитуляции, до государственного переворота, он видел адмиралов и офицеров, обнимавших друг друга в кулуарах главного штаба со словами: «Уже давненько мы ждали этого дня».

Этот «день», как они говорили, был днем самого большого поражения Франции, самого большого унижения отечества и самой большой потери ее национальной территории. Что все это значило для этих господ, если они могли удовлетворить свою социальную ненависть?

Таково туловище, головой которого является Дарлан.

И вот этого адмирала Петэн и Лаваль призывают на пост морского министра, когда они вырывают у Лебрена отставку Поля Рейно и создание министерства, подготовившего государствен-

ный переворот. В эти тревожные дни происходит странный инцидент. Лондонское радио в тот момент передавало подряд несколько раз странный приказ, адресованный Дарланом всему французскому флоту. Этот приказ гласил: «Не оказывайте никакого доверия приказам, которые смогут быть вам переданы за моей подписью. Я больше не свободен в своих поступках».

Дарлан опроверг посылку этого приказа. Но, кажется, опровержение запоздало. Когда-нибудь станет известно что надо думать об этом странном явлении: подлинно ли оно, или апокрифично.

Если даже оно и подлинно, то речь идет об очень короткой борьбе с совестью. Ибо скоро Дарлан начнет соразмерять свои поступки со своими хозяевами и даст волю англофобским страстям, которые ему приписывают.

Я не знаю, подвержен ли Дарлан страстям. Я считаю его скорее холодным калькулятором. В этом случае заметим, что его расчеты плохи; он всегда ставит на плохую лошадь. В 1940 году он поставил на поражение Англии; в 1941 году — на поражение СССР; и с упрямством он ставит на победу оси.

События упорно опровергают его прогнозы и готовят его неизбежное падение.

Когда Петэн в феврале 1941 года призывает его к власти и делает посредником нового конституционного акта своим преемником на шатком троне Виши, Дарлан еще не известен французам. Он не замедлит стать им известным и показать, что он представляет собой.

Я был во Франции в то время. Я никогда не видел, чтобы человек так быстро и глубоко упал в глазах общественного мнения, как Дарлан. Через пятнадцать дней после своего прибытия в министерство, Дарлан, о котором французский народ ничего не знал, стал одним из самых непопулярных и самых презираемых людей Франции.

Один из его первых шагов направляет к тому, чтобы добиться благоволения Гитлера. Он униженно просит ауден-

ции у «фюрера» и в конце концов получает ее. Он совершает паломничество в Берхтесгаден. Его принимает хозяин. Еще не известно точно, что Гитлер собирается сделать из Франции: полностью фашистскую страну в области внутренней политики или только покорного вассала Германии в области внешней политики; очевидно, уступки и обещания Дарлана были значительны, так как после свидания Гитлер официально заявляет, что он нашел в лице Дарлана человека, который не заставит его пожалеть о Лавале.

Получив это августейшее благословение, Дарлан возвращается управлять Францией. Он выгоняет нескольких министров, заподозренных в англофильстве, и окружает себя яркими фашистами; он ставит во главе министерства внутренних дел крупного промышленника.

За 10 месяцев своего «правления» Дарлан предоставляет французский Индо-Китай Японии, что дает ей возможность превратить эту богатую и обширную страну в склад оружия, центр снабжения, исходную базу для нападения на Бирму и Сингапур. Он намерен

предоставить Северную Африку Гитлеру и Муссолини, чтобы дать оси возможность снабжать и пополнять свои войска в Ливии через Тунис.

Он собирается отдать Западную Африку под полный контроль Германии, чтобы дать ей возможность держать гитлеровские подводные лодки и самолеты в Дакаре — важнейшем порту Старого света, наиболее приближенном к Новому.

Он хочет предоставить французский флот в распоряжение двух фашистских диктаторов, что противоречит формальным пунктам перемирия и честному слову, данному Петэном Великобритании.

Что Дарлану до того, что гитлеровские агенты используют свое свободное передвижение в Африке для «обработки» туземного населения против Франции и готовят там ужасающую бойню?

Но из территории Африки Дарлан нашел противника и соперника. Это Вейган. После 9 месяцев упорной борьбы ему удалось дискредитировать Вейгана в глазах его старого друга Петэна. И Дарлан добивается его смещения.

Английские силуэты

1. АНТОНИ ИДЕН

Проф. И. ЗВАВИЧ

★

На снимке — два ряда почтенных джентльменов в смокингах — этой признанной форме британских государственных людей. В центре восседает высокий худой человек с птичьим выражением лица — Невилль Чемберлен, премьер-министр Англии. Он опирается на зонтик, ставший символом неизменной осторожности премьера. Вокруг Чемберлена, по обе стороны в первом ряду, и за ним — во втором ряду сидят и стоят члены его кабинета. Как правило, это люди, которым уже за шестьдесят лет, а иным давно минуло семьдесят. Но вот среди снятых на фотографии выделяется статный и стройный человек с военной выправкой, которая дает себя знать, несмотря на штатский костюм; он стоит во втором ряду, справа от премьера. Внешний вид резко отличает его от Невилля Чемберлена. Премьер угрюм, его взор обращен в себя, дышит недоверием к окружающему, к жизни, к миру, и даже его доброжелатели подтвердят, что в лице премьера — «старость ходит осторожно». У человека с военной выправкой молодое, свежее лицо; на вид можно дать ему не более 32—33 лет, хотя на самом деле уже в то время ему исполнилось 40. Перед нами — достопочтенный Роберт Антони Иден, член Королевского тайного совета, статс-секретарь его британского величества по иностранным делам.

Снимок относится ко времени вступления Невилля Чемберлена в должность

премьер-министра в 1937 году, после того, как Стенли Болдуин покинул этот пост. Уходя в отставку, так как силы не позволяли ему больше справляться с обязанностями премьера, Стенли Болдуин на обеде, организованном в его честь обеими палатами парламента, заметил, обращаясь к своему преемнику: «Я оставляю вам мир в стране и мир в кабинете. Я надеюсь, что вы сможете поддерживать первый, не отказываясь от второго».

Стенли Болдуин знал, что Невилль Чемберлен недружелюбно относится к молодому и несколько порывистому Идену, которого сам Болдуин ставил очень высоко. Только по настоянию Болдуина Невилль Чемберлен сохранил Идена на посту министра иностранных дел, и то лишь на некоторое время. После англо-итальянского соглашения, которое было делом рук самого премьера, ездившего на свидание с Муссолини в Рим, Чемберлен все-таки заставил Идена выйти в отставку, и возвращение Идена в кабинет министров стало возможным уже только в процессе нынешней войны, когда политика Идена полностью себя оправдала.

Иден родился в 1897 году, в семье сэра Вильяма Идена, седьмого баронета. Идены — старинная аристократическая семья, которая путем браков породнилась не с одной видной фамилией, давшей стране в XX, XIX и даже XVIII веках государственных деятелей. В цар-

ствование Георга III один из Иденов был товарищем министра иностранных дел, и с тех пор фамилия Иден встречается неоднократно в анналах британской внешней политики. Жизненный путь Антони Идена (первое имя — Роберт обычно опускают в просторечии) сложился вначале довольно обычно для выходца из родовой и чиновной аристократии. Иден учился в Итоне — знаменитом учебном заведении для молодых людей, призванных впоследствии управлять Британской империей, и по окончании его перешел в Оксфордский университет. Здесь он был принят в университетский колледж Христовой церкви («Крейстчерч»), один из самых фешенебельных и трудно доступных. Но на этом карьере Антони Идена перестала совпадать с размеренным жизненным путем молодых людей из аристократических семей. Когда началась первая мировая война, Антони Иден с нетерпением стремился стать добровольцем в рядах войск. Семья была решительно против того, чтобы семнадцатилетний студент первого курса отправился на фронт, и к тому же закон воспрещал тогда в Англии вступление 17-летних в армию. Иден едва дождался законных 18 лет и настоял на своем, став в 1915 году волонтером.

Семейные связи позволили Антони Идену вступить в блестящий полк королевских стрелков, и молодой человек через несколько месяцев дослужился до первого офицерского чина. Иден проделал всю кампанию во Франции, оставаясь в армии до демобилизации в 1919 году и закончил свою военную карьеру капитаном в отставке.

Молодому капитану было в это время 22 года. Он мог почить на лаврах, удалиться к себе в поместье, взяв в жены одну из тех молодых лэди, которые вступили в свет, и зажить припеваючи, принадлежа от рождения к социальной верхушке Англии. Но капитан Иден имел другие намерения, и то хорошее честолюбие, которое заставляет человека работать при всех условиях, т.-е. и тогда, когда это необходимо для жизни, и тогда даже, когда в этом нет никакой необходимости, всегда отличало будуще-

го министра иностранных дел Англии.

Именно поэтому Иден вернулся в Оксфорд для продолжения курса. И, несмотря на то, что приобретенный на войне жизненный опыт сильно отличал капитана Идена от безусых юнцов, только-что окончивших школу, у которых на уме только и были занятия науками или спорт, Иден нашел в себе силу воли, чтобы блестяще окончить университет. В списке окончивших в 1922—1923 учебном году мы встречаем его фамилию — «окончил с отличием первой степени по специальности восточных языков». Специальность эта требовала от Идена максимальной усидчивости, упорного труда, сосредоточения памяти. Зато по окончании Оксфорда Антони Иден мог представиться избирателям, как кандидат в парламент от консервативной партии, будучи не только «наследником всех своих отцов», но и человеком дела (об этом говорили капитанские нашивки), а также человеком образованным. В 1923 году Иден был избран в парламент от Уоррикского округа и остался его представителем до наших дней. Политическая карьера привлекала Антони Идена с самого раннего возраста; впрочем, и семья готовила Антони к этой деятельности.

Среди консервативных членов парламента Иден был одним из самых молодых. В 1924—1929 годах, когда у власти стояло правительство Болдуина, Антони Иден стал заметным участником небольшой группы консервативных членов парламента, которых привыкли называть «молодыми консерваторами». Они действительно были моложе остальных, а Иден был моложе всех: в 1927 году, когда группа «младоконсерваторов» впервые выступила с общей декларацией, Идену было всего только 30 лет.

«Младоконсерваторы» придерживались того мнения, что консервативная партия должна иметь положительную программу, а не только ставить своей целью охрану существующего строя и недопущение каких бы то ни было перемен в этом строе. Антони Иден занимал место парламентского секретаря министра иностранных дел (тогда Остина Чемберлена). Парламентский секретарь

не считается членом кабинета и не получает содержания от казны; эту должность поручают обычно способному молодому члену парламента, которого хотят «ввести в государственные дела». Известно было, что молодой парламентский секретарь не во всем одобрял своего шефа, хотя и держался по отношению к нему лояльно. Среди «младоконсерваторов» Иден более других интересовался вопросами внешней политики. «Положительную программу», которой Иден намеревался следовать в области внешней политики, он видел в более активном участии Англии в Лиге Наций. Иден не был вполне удовлетворен характером Лиги Наций в двадцатых годах как организации, не охватывавшей ряда важнейших стран мира и, в частности, Соединенных Штатов и Советского Союза. «Мы должны, — говорил Иден, — оставаясь консерваторами, считаться с новыми силами нашего времени, с крупнейшими демократиями мира. Отсутствии СССР и США в Совете Лиги Наций неблагоприятно отражается на авторитете женевского учреждения».

Иден выступал против тех тенденций в английской внешней политике, которые он называл «тенденциями снобизма». «Пожилые джентльмены, никогда не видевшие войны и незнакомые с тем братством людей, которое создает пребывание на фронте», — говорил Антони Иден своим товарищам по парламентской фракции, — «все еще не отказались от снобизма, от умения смотреть сверху вниз на людей и на страны, которые сегодня являются важнейшими политическими факторами, хотя бы вчера они еще, по понятиям указанных джентльменов, вовсе не существовали». Иден в те времена подчеркивал, что пожилые джентльмены в консервативной партии были изрядно заражены германофильством, так как им очень импонировала Германия Вильгельма II, и еще более были отравлены ядом руссофобии, старинной болезни лорда Керзона, передавшейся очень многим представителям его политической школы.

Стенли Болдуин обратил внимание на молодого Идена отчасти потому, что у того были несомненные политические

способности, но, главным образом, потому, что выступления Идена создали ему большую популярность среди кругов, обычно далеких от консерватизма. Идена прекрасно встречала студенческая и вообще интеллигентская аудитория, в которой, вообще говоря, редко кто из консерваторов пользовался успехом. В 1931—1933 годах в так называемом «Национальном правительстве», формальным главой которого был Рамзей Макдональд, а фактическим руководителем Болдуин, Антони Иден занял по рекомендации Болдуина пост товарища министра иностранных дел. Вслед за этим, в 1934—1935 годах, в качестве лорда хранителя печати и министра без портфеля Иден представлял Англию в Совете Лиги Наций и был уже членом кабинета.

С именем Антони Идена была связана в это время определенная политическая линия, которая не нашла себе достаточной поддержки в правящей консервативной партии. Антони Иден усматривал в гитлеровской Германии и в Италии Муссолини угрозу английской безопасности. Он стремился преодолеть эту угрозу путем коллективных усилий всех миролюбивых стран. В 1935 году Антони Иден отправился в Москву, где совместно с руководителями Советского Правительства подписал известное коммюнике о том, что между СССР и Великобританией нигде нет столкновения интересов. Это коммюнике должно было, по мысли Идена, помешать попыткам Гитлера вбить клин между Англией и Францией, с одной стороны, и Советским Союзом — с другой. Для этой цели всякий ложный «снобизм», всякое неверное представление о роли отдельных стран Европы, оставшееся от прошлых лет, всякие нелепые предрассудки должны были быть отброшены. Иден встретил в Москве полное понимание своих взглядов на вредность политических предрассудков и остался весьма доволен результатом своих переговоров.

Однако, когда Иден вернулся в Лондон, оказалось, что для успеха начатой им политики необходима еще большая работа. Немногие в рядах консерваторов поддерживали Идена в 1935 го-

ду. Это был прежде всего стоявший вне кабинета Уинстон Черчилль, предвидевший неизбежность схватки с гитлеровской Германией, это был ушедший из правительства и сильно изменивший свои взгляды Остин Чемберлен, это был и готовившийся выйти в отставку старик-премьер Стенли Болдуин, видевший в Идене своего способного питомца. Но тогдашние руководители партийного аппарата консерваторов не соглашались с Иденом, пытались взять из его рук управление внешней политикой, порученное ему Болдуином, выступали против Идена на заседаниях кабинета, указывая на несозвучность внешней политики Идена с внутреннеполитическими установками «Национального правительства». В 1938 году они добились его отставки.

Надо сказать, что отставка Идена лишь способствовала укреплению его популярности в стране среди тех, кто никогда не сочувствовал так называемой «мюнхенской ориентации» британской внешней политики. Нет ничего удивительного в том, что Антони Иден вновь

стал министром иностранных дел, тогда, когда «мюнхенская ориентация» полностью обнаружила свою негодность как средство защиты британских интересов. В политическом активе министра отставка 1938 года занимает видное место; это сегодня большой козырь для Антони Идена, как государственного деятеля страны, участвующей в борьбе свободлюбивых народов против диких и зверских сил гитлеризма.

Антони Иден вторично посетил Москву в декабре 1941 года, в то время, когда советские войска начали свое победоносное контрнаступление против немцев. На этот раз он приехал в качестве члена правительства союзной державы, чтобы говорить о стратегии войны против гитлеровской Германии и о том порядке в Европе, к установлению которого следует стремиться после победы над гитлеризмом. Блестящий успех московских переговоров является новым крупнейшим достижением политики Антони Идена, — которой он неизменно следует в течение ряда лет, несмотря на трудности, встречавшиеся на его пути.

Над Берлином

С. ВАРШАВСКИЙ, Б. РЕСТ

★

1. КАРТЫ НА ЗАПАД

О Берлине не было сказано ни слова. Просто в штабе приказали флагштурману полка капитану Хохлову приготовить карты на Запад. Приказание было отдано обычным спокойным тоном, лишенным даже намека на необычность и значительность задания. Но сердце подсказало сразу: пойдём на Берлин. Разве не об этом мечтал каждый балтийский летчик, втайне лелея надежду, что именно ему выпадет высокая честь бомбовыми ударами по фашистской столице отомстить за разрушения мирных советских городов, за варварские налеты на Москву? О Берлине не было сказано ни слова, но когда капитан Хохлов в назначенный час принес в штаб подобранные и подклеенные им карты на Запад, на них красным карандашом рукой капитана Хохлова был проложен маршрут на Берлин.

В кабинете начальника морской авиации собрались командир и комиссар соединения балтийских бомбардировщиков, флагштурман морей и командир полка, испытанный друг Хохлова полковник Преображенский. Хохлов разложил на столе карты. Начальник морской авиации, увидев красную черту, соединяющую две отдаленные точки, с удивлением взглянул на Хохлова:

— Откуда вы знаете?

И, повернувшись к полковнику Преображенскому, добавил:

— А вы говорите, что никто у вас не знает... Вот вам и секрет!..

На самом деле, кроме Преображенского, никто в полку ничего не знал об ответственной задаче, поставленной перед балтийскими летчиками. Командир полка ни словом не обмолвился и Хохлову, своему флагштурману, и штурману своего экипажа. Но сейчас Преображенский смотрел на Хохлова смеющимися глазами: молодец, штурман, все сделал, как надо!

Начальник морской авиации еще раз просмотрел список экипажей, которые должны были участвовать в операции. Этот список составил полковник Преображенский. Первым среди достойных был назван экипаж полковника Преображенского.

— Вам, товарищ полковник, предстоит подготовить еще не один удар по Берлину... Может быть, было бы целесообразнее сейчас повести не вам, а вашему помощнику?

Преображенский, бывалый, боевой летчик, сохранявший хладнокровие в любых отчаянных переделках, поблбднел. Как может он, командир полка, не идти вместе со своими воинами на выполнение такого задания? Кому, как не ему, вести их на Берлин!

— Хорошо, — сказал начальник морской авиации. — Поведет полковник Преображенский.

2. ЗАДАНИЕ

Люди, которые были отобраны для участия в налете на Берлин, жили в лесу, недалеко от аэродрома. В лесной чаще стояла и небольшая палатка — в ней с трудом умещались железная койка и письменный стол. Здесь расположился Хохлов. Вечером в освещенную фонарем палатку залетали звенящие рои комаров, утром, когда вставало солнце, щебетали пташки. Вечер и утро просидели флагштурман морей и флагштурман полка на железной койке, склонившись над письменным столом. Перед ними лежали карты районов, по которым мог пролегать путь боевых машин, листки, испещренные сведениями об укреплениях северной береговой черты Германии, о городах и гаванях, о расположении аэродромов, зенитных точек, эростатов заграждения, папки с важными данными, добытыми нашей разведкой. В этой лесной палатке, отгороженной от мира колеблющимися брезентовыми стенами, разрабатывались возможные варианты грозного маршрута советских воздушных кораблей. Весь полет должен был проходить над чужой, враждебной территорией, над морем, на больших высотах, в ночное время. Надо было изыскать не только наиболее безопасные маршруты, но и обеспечить экипажам возможность опознавания характерных ориентиров на береговой черте для того, чтобы выйти на цель точно и безошибочно. Работа была сложной и кропотливой. Завершить ее нужно было в считанные часы. Полковник Преображенский то-и-дело заглядывал в палатку, и капитану Хохлову было понятно его нетерпение.

Хохлов заканчивал прокладку последнего маршрута. Остро очиненным грифелем карандаша он прямой красной линией уверенно дотянул последние сантиметры до Берлина. На этом подготовительная часть работы флагштурмана полка подошла к концу.

Летчиков и штурманов вызвали в просторную и светлую комнату школы. Они пришли, все еще ничего не зная о предстоящем задании. Здоровые, веселые, жизнерадостные люди, они ожив-

ленно беседовали, примостившись кто на подоконнике, кто за партами. Какие только темы ни возникали в этих непринужденных толках друзей, чтобы, так и не исчерпавшись, уступить место другим, таким же злободневным, таким же неисчерпаемым темам. Но за всеми этими беспорядочными разговорами, за калейдоскопической сменой деловых, бытовых и чаще всего шуточных тем чувствовалось какое-то приподнятое ожидание чего-то пока еще неизвестного, но важного и значительного. Не спроста же собрали их, наиболее опытных летчиков и штурманов полка, здесь, в этом лесу, не спроста же придут к ним сюда представители командования! Балтийцы говорили о чем угодно, и только об одном не решались сегодня сказать друг другу боевые друзья, — лишь одну заветную мысль, не раз уже обсужденную в тесном кругу, скрывали они сейчас друг от друга: может быть — пошлют на Берлин?

Да, на Берлин!! Мгновение торжественного молчания, наступившее сразу же после того, как начальник морской авиации сообщил о почетном задании балтийцам, взорвалось ликующими возгласами, и сквозь распахнутые окна балтийское «ура» разнеслось далеко по лесу.

Подняв руку и сразу же установив тишину, военком соединения оглядел серьезные, воодушевленные лица своих любимцев.

— Вот, — сказал военком, — мечта наша и осуществляется. Первые бомбы на Берлин сбросят балтийцы. Вы знаете, товарищи, что фашисты раструбили на весь мир о том, что наша советская авиация давно уже уничтожена. Что ж, пускай весь мир узнает, на что способна, как бы не существующая авиация непобедимой Страны Советов. Пусть взрывы и пожары в Берлине и других немецких городах будут предвестником неминуемой гибели фашизма и свидетельствуют о нашей несокрушимой силе. Балтийцы пройдут над Берлином, как посланцы великого, несгибаемого народа, чтобы сокрушительными ударами по фашистскому логовищу ответить на бомбы, сброшенные на родную Москву.

Готовьтесь, товарищи, к полетам на Берлин.

Хорошо говорил военком! Каждое слово доходило до сердца, потому что не произнеси его первым комиссар, оно могло бы быть произнесено любым из этих людей. В этом и была сила комиссара-большевика: он жил вместе со своими воинами одними мыслями, одними чувствами, одними чаяниями. И поэтому непререкаем был его авторитет, поэтому любили и уважали его балтийские летчики, поэтому умел он вдохновлять и поднимать свои полки и эскадрильи на самые героические дела.

А дело, которое предстояло осуществить теперь, требовало не только беспредельной отваги и умения работать в труднейших условиях, но и четкой и продуманной организации, как в крупном, так и в мелочах. Командир соединения и командир полка, — прославленные далеко за пределами Балтики летчики, — не теряя попусту ни одной секунды драгоценного времени, ясно очертили участникам будущих операций весь объем многообразных работ, которые надо было выполнить в кратчайший срок. Ничто не было упущено: материальная часть, моторы, кислородное оборудование, хитроумнейшие приборы летного и штурманского хозяйства, — все это требовало тщательной проверки, все это решало успех ответственного полета.

На черной классной доске, на которой еще проступали наведенные робкой ученической рукой контуры какой-то геометрической фигуры, повесили карты Берлина и района Берлина с обозначением на них военных объектов. Флагштурман морей объявил принятые маршруты, и каждому экипажу была дана подклеенная карта того маршрута, по которому ему надлежало идти на Берлин. На карте условными значками были отмечены все наиболее характерные ориентиры, и надо было еще здесь, в классе, досконально изучить, как они выглядят ночью, с большой высоты, и через какие промежутки они могут встретиться. Когда надвинулись вечерние сумерки, каждый летчик и каждый штурман уже отчетливо представлял себе,

где и что может его поджидать и как ему лучше выполнить поставленную задачу.

Самолеты перебазировались на новый аэродром. Вскоре это широкое летное поле навсегда вошло в историю балтийской авиации. Отсюда наши дальние бомбардировщики шли на Берлин.

3. СТАРТ НА БЕРЛИН

Забывать ли когда-нибудь этот вечер? Незнакомый аэродром, с которого предстоит взлетать впервые, кажется близким и родным, стоит лишь представить себе далекий маршрут, пролегающий от него до цели и от цели до него. Тихий вечер, покой которого то-и-дело нарушается гулом опробываемых моторов, наполнен трепетом напряженного ожидания, которое, как электрическая искра, передается от одного летчика к другому, на каком бы конце аэродрома ни заканчивал он со своим экипажем последнюю подготовку машины к полету. Все обычно, все напоминает повседневную предбоевую работу, и, вместе с тем, все, что делается, преисполнено какого-то особого смысла, какого-то особого содержания.

Преображенский и Хохлов стоят у своей машины. Они испытующе глядят на небо, затянутое сплошной облачностью. Плохая погода! Но командира и штурмана меньше всего интересует метеорологическая обстановка в районе аэродрома. Какая погода там, на трассе? Правда, знаменитый среди балтийских летчиков метеоролог Каспин утверждает, что там условия полета будут несколько лучше, а прогнозы Каспина всегда обоснованы. И все же — что скажет капитан Усачев, посланный командованием на дальнюю разведку погоды для проверки и уточнения данного Каспиным прогноза?

Капитан Усачев летал с другого аэродрома. Полковник Преображенский взглянул на часы: по его расчетам Усачев должен был уже возвратиться. И, действительно, из-за поворота лесной дороги в клубах пыли показалась легковая машина и промчалась к командному пункту.

— Пошли, штурман. Усачев приехал.

Усачев подробно доложил метеорологическую обстановку. Погода неважная, но лететь можно. Начальник морской авиации назначает час вылета:

— Есть! — отвечают командир и штурман.

Синяя малолитражка полковника стоит у командного пункта. Преображенский и Хохлов быстрым шагом подходят к ней, и вот она уже бежит по обочине аэродрома. Преображенский и Хохлов объезжают экипажи, которые вскоре пойдут на Берлин.

— Товарищ полковник, самолет готов к вылету! — рапортуют командиры экипажей, когда около их боевых машин останавливается маленький автомобиль, кажущийся детской игрушкой рядом с огромным бомбардировщиком.

Преображенский объявляет час вылета. Хохлов знакомит штурмана с погодой по маршруту, распределением ветра на высоте, где какая облачность может встретиться...

— Ну, давайте, смотрите...

— Все будет в порядке!

Последнее рукопожатие перед вылетом, и дальше, к следующему экипажу.

Хорошие летчики подобрались, хорошие штурманы! Все старые товарищи, с которыми не раз доводилось летать и в годы боевой подготовки, и суровой зимой во время войны с белофиннами. А молодое поколение — как показала отечественная война — подстать старикам...

До взлета остается один час. У машины полковника приготовлены тяжелые зимние комбинезоны, шлемы на меховой подкладке, промоздкие теплые перчатки, унты. Стрелки-радисты старший сержант Рудаков и сержант Кротенко уже облачены в эти зимние летные доспехи, и в этот теплый вечер пот крупными каплями катится по их опаленным солнцем лицам. Преображенский и Хохлов, с сочувствием посмотрев на стрелков, тоже начинают облачаться в гагачий пух, меха и вату. Пот катится по их загорелым лицам.

Хохлов, грузно передвигая отяжелевшие ноги, поднялся по ступенькам стремянки и с трудом пролез в узкий люк, закрыв его за собой.

— Ну, пошла! Теперь не откроется, пока не вернемся из Берлина...

Положив на заднее сидение парашют (он наденет его позже), Хохлов опустился на переднее сидение, примостил на коленях авиационную сумку, разложил на ней карты, перебрал на столике прокладочный инструмент — ветроточ, счетные и навигационные линейки, транспортир. Таблицы расчетных скоростей тоже на месте.

Преображенский, примерившись в своей кабине, стал опробовать моторы. Заставляя их работать на малых и больших оборотах, он привычным ухом прислушивался к ровному гулу: все в порядке. Щелкнула мембрана наушников, штурман, проверявший переговорную аппаратуру, спросил командира:

— Как вы меня слышите?

— Я слышу вас хорошо.

— Нормально, — сказал Хохлов и, выключив командира, вызвал стрелка-радиста.

— Стрелок, как слышите меня?

— Слышу хорошо, товарищ капитан.

Стрелка часов приближается к 21.00. Приподнявшись, Хохлов высовывается в астролук. В его руке ракетный пистолет. Красная ракета устремляется в вечернее небо. Это сигнал экипажам к запуску моторов.

Позади, за спиной Хохлова, неуклюже вращаются два винта. Самолет, тяжело дрожа, выходит на простор аэродрома. Высунувшемуся из астролюка Хохлову сверху отлично видно все, что творится вокруг. Бомбардировщики, отягощенные бомбовым грузом, вырывают вслед за машиной полковника на старт.

Кому, как не Хохлову, знать, насколько перегружены сегодня боевые машины! Каждому инженеру, каждому технику, каждому оружейнику хотелось, чтобы побольше тонн обрушилось ночью на столицу варваров и людоедов. И люди снимали с самолетов оборудование, которое могло и не пригодиться в полете, они дрались за каждый килограмм, чтобы заменить его фугасным. Сколько изощренной выдумки, сколько изобретательности проявил при этом полковник! И все же самолеты выходят на старт со

значительной перегрузкой против допущенного конструкторами и гарантированного заводом веса.

— Ничего, — сказал Преображенский, — дойдем!

Стартер выкидывает белый флажок, указывая направление взлета, и вот самолеты уже отрываются от земли.

Хохлов, закрыв астролок и опустившись на сиденье, делает в навигационном журнале первую запись:

«Взлет — 21.00».

4. КОРАБЛИ ИДУТ НАД МОРЕМ

Узкая полоска чернеющей внизу земли острым клином врзалась в серую воду. Это — исходный пункт маршрута. Теперь самолеты уже идут над морем. Полнеба закрыто облаками, облачная пелена нависает над водной ширью, не более шестисот метров отделяют нижнюю кромку облаков от морской поверхности. Далеко слева проступает береговая полоса Прибалтики, захваченной немецкими фашистами — водители кораблей, идущих на Берлин, знают, что сейчас на этих берегах установлены орудия, подстерегающие тех, кто попытается с воздуха ударить по фашистским тылам. Справа, над горизонтом, широкой пламенеющей чертой горит вечерняя заря, и на ее фоне, очевидно, отчетливо видны силуэты наших самолетов. Заметят ли с берега? Но постепенно все уже и уже становится закатная полоса, все дальше и дальше отступает берег. Нет, не заметили. Берег отходит влево, теряется в ночном мраке. Под плоскостями — куда ни глянешь — всюду черная, черная вода.

Преображенский, а за ним и остальные летчики набирают высоту. Самолеты пробивают облачность. Луна полным диском озаряет огромное небо, неожиданно приобретенная дальность и высоту. меховые одежды уже не кажутся такими тяжелыми. Сперва приятная прохлада обдаёт лицо, затем высотный холод начинает пощипывать щеки. Через час высотомер показывает 4.500 метров. Экипажи надевают кислородные маски. Таков приказ полковника Преображенского. Можно, конечно, с кислородом и

повременуть, но надо беречь силы, за чем преждевременно изматывать их?

В разрыве облаков, давно уже плывущих глубоко внизу, справа показались очертания островов, то исчезающие во мгле, то вновь освещаемые блеклым лунным лучом. Хохлов берет пеленг на эти характерные ориентиры и уточняет свое местонахождение в море.

Полет продолжается. Стрелка высотомера ползет к 6 000 метров. Температура — минус тридцать. Облачность редет, доходит до двух-трех баллов. С большой высоты уже плохо видна вода, и ощущение полета над морем возникает только при взгляде на лунную дорожку, трепещущую в бескрайней бездне.

Еще один остров — назовем его островом «Н». Это — последний опорный пункт по дальности в море. Здесь Преображенский поворачивает влево, и все самолеты следуют за ним. Машина поднимается еще выше. Перед летчиками возникает трудная задача подобрать наиболее выгодную скорость, чтобы и набор высоты шел нормально, и моторы не перегружались. Через пятнадцать минут должны показаться берега фашистской Германии. Так рассчитал Хохлов, так сообщил он в микрофон Преображенскому, и теперь флагштурман переживает тревожные минуты: правильно ли идут самолеты на исходный пункт для выхода на цель?

Попрежнему на коленях Хохлова лежит путевая карта с прочерченной на ней красным карандашом линией маршрута. Вторая, черная линия — линия фактического пути — еще не доведена до конца. Ее — от одной точки до другой — мелкими стежками прокладывает штурман. Эта черная линия то сливается с красной, то отклоняется от нее вправо или влево. Отклонения незначительны, всего на 15—20 километров, и для такого сложного полета ночью, над морем, на большой высоте лучшего и желать нельзя. Но все равно Хохлов убежден, что город, который должен служить исходным пунктом для выхода на цель, окажется где-нибудь в стороне, и что его придется искать по крайней мере в радиусе пятидесяти километров.

Хохлов напряженно всматривается в даль. Что там за огонек мерцает впереди? Еще один... второй... третий... Неужели он вывел самолеты так точно! Выходит, что так... Берег! Все в порядке!

— Слева ориентир! — радостно кричит он командиру, и Преображенский весело отвечает ему:

— Есть!

Хохлов высовывает голову в аэролюк — все самолеты следуют за ведущим. Но что это? Поисковые лучи мощных прожекторов зашарили по небу — должно быть, далекий гул наших, уже приглушенных, моторов вызвал беспокойство вражеских зенитчиков. Но большая высота и лунная ночь, поглощавшая свет прожекторов, помешали обнаружить советские бомбардировщики. Зенитного огня не последовало, и Преображенский с Хохловым поняли, что они пока не опознаны. Оно и ладно!

На окраине города-ориентира, на аэродроме, производились ночные полеты. Поднимались в воздух и приземлялись «юнкерсы», «хейнкели», «мессершмитты». То-и-дело загорался световой старт, мигали посадочные огни.

Кнопки бомбосбрасывателя под рукой. Нажать бы пальцем, дать бы им там жизни, «отремонтировать» бы и аэродром и машины!

Велик соблазн ударить по отличной цели, но, погоди, Хохлов, впереди — Берлин!

А на аэродроме уже заметили присутствие в воздухе каких-то машин, но никому и в голову не взбрело, что сюда, минуя все огневые преграды и кордоны, могли притти советские бомбардировщики. Несомненно, это заблудилась зеленая молодежь с «юнкерсов». Тотчас же зажглись посадочные огни. Яркий белый луч пересек летное поле. Через несколько минут прожектор погас — самолеты почему-то прошли мимо.

5. «БОЕВОЙ! ТАК ДЕРЖАТЬ!»

До Берлина — считанные минуты.

И вдруг, когда самолеты уже прошли дальше, вдруг погода резко ухудши-

лась. Мокрый туман окутывает машины, сырость оседает на козырьке, проникает во все щели, холодные капли бьют в лицо и стекают за шиворот. Видимость совершенно пропадает. До чего опытный летчик Преображенский, в каких только трудных условиях ни приходилось ему летать, но и он мрачнеет. В этой сплошной мути легче легкого потерять ориентировку. А на такой высоте перегруженный до отказа самолет отвлекает все внимание на себя, требует необычайной осторожности. Идешь ведь на пределе, на потолке. Снижаться нельзя, а стоит лишь нагнуться, чтобы проверить бензин или подкрутить кислород, как незаметно, неощутимо теряешь 100—120 метров. В таких случаях, по существу, продолжать полет нельзя, надо сбрасывать бомбы на запасные цели, надо возвращаться...

— Возвращаться? Нет, воспитание не позволяет...

Преображенский знает: летчики идут с ним плотно — раз уже зацепятся за ведущего, ни за что не оторвутся. И сквозь туман, сквозь непроницаемую мокрую муть полковник продолжает вести воздушную армаду к цели, к Берлину.

Внизу, под самолетом, белые пятна. Они то разбегаются в разные стороны, то стекаются к одному месту, почти сливаясь друг с другом, чтобы вслед за тем снова разойтись по небу. Они похожи на чайные блюдечки, быстро перемещаемые чьей-то невидимой рукой на безбрежной бархатной скатерти серых облаков. Это отблески вражеских прожекторов сопровождают самолеты упорно и долго. Прожекторы тщетно пытаются пробить густой туман, из-за которого доносится до земли едва различимый рокот моторов. Ловят, ловят и бросают. Да и к чему, собственно, продолжать эту бесплодную световую погоню? Идут-то, вероятно, свои: кто же еще забредет в эту проклятую ночь в глубь фашистского фатерлянда?

— Скоро ли цель? — коротко спрашивает Преображенский Хохлова.

И когда Хохлов отвечает, что еще двенадцать минут продлится этот непо-

мерно трудный путь, туман рассеивается так же внезапно, как и появился.

Ясное небо. Ни облачка. При высокой и полной луне слабо светят бледные звезды. Только Марс, звезда, названная именем бога войны, ярко горит своим красноватым светом в эту военную ночь.

Берлин!

Советские бомбардировщики, действительно, прошли незамеченными свой долгий путь над вражеским морем и вражеской землей. Хохлов понял это по тому, что фашистская столица не только не открывала зенитный огонь, о котором еще дома предупреждали летчиков, но и была освещена электрическим светом. Видимо, меньше всего ожидали здесь в эту ночь воздушного налета. Вот уже сколько недель не появлялась над городом английская авиация. Можно было отменить светомаскировку. Берлин был освещен, и это так поразило Хохлова, что он даже проверил свои расчеты — точно ли это Берлин? Да, сомнений быть не может — Берлин!

Штурман подносит ко рту микрофон и говорит командиру:

— До цели — две минуты! Видите свет?

— Вижу, — взволнованно отвечает Преображенский.

Полковник сигнальными огнями подает идущим за ним экипажам команду «Разойдись!» Пора уже рассредоточиться, чтобы ударить по цели с разных сторон. Это затруднит противнику обнаружение самолетов. Хохлов открывает бомболюки, снимает сбрасыватель с предохранителя, ставит на полторы секунды временной интервал серии бомб.

Корабли ложатся на боевой курс.

Для того, чтобы штурман точно сбросил бомбы на цель, летчику необходимо строго выдерживать все элементы полета — скорость, высоту, прямолинейность направления. Как взял — так и держи. Если раньше Преображенский следил только за курсом, а по кренам, по скорости позволял себе некоторые вольности, то на боевом курсе самолет, управляемый твердой и уверенной рукой, не знал никаких, пусть самых ничтожных, отклонений.

Берлин, вражеский Берлин лежит под огромными плоскостями советского бомбардировщика. Хохлов видит корпуса военных заводов. Здесь рождается чудовищная техника, которая призвана нести смерть в советские города и веси. Хохлов видит каменные ящики казарм. Здесь прусская выгучка, помноженная на фашистское мракобесие, превращает немецких солдат в стреляющих, режущих и насилующих роботов, автоматы, лишенные живого человеческого облика. Хохлов видит гигантское здание электростанции. Отсюда по разветвленным проводам несется к заводам, фабрикам, вокзалам, приводящий в движение станки и машины, освещающий цеха и пути всеильный электрический ток. Хохлов включает навигационные огни, наводя ими летчика на избранную цель.

Перед Преображенским вспыхивают попеременно то красная, то зеленая лампочка. Это значит, что надо взять влево, надо взять вправо. Потом загорается белый свет, и в то же мгновение в наушниках раздается отрывистая команда штурмана:

— Боевой! Так держать!

По штурманским классам авиационных школ кочует старая шутка — при бомбометании, мол, вся большая навигационная наука загнана в маленький пузырек прицела. Эта шутка — то ли кстати, то ли не кстати — вспомнилась сейчас Хохлову, пристально, до боли в глазах, всматривающемуся в прицел. И как только цель попадает в освещенный пузырек (вот она, вся великая навигационная наука!), он нажимает кнопку сбрасывателя. Самолет вздрагивает, чуть приподнимается, освобождаясь от бомбового груза. Всем телом, всем своим существом, слитым в единое целое с боевой машиной, ощущают сейчас два человека — летчик и штурман — что бомбы сброшены. Теперь только каких-нибудь сорок секунд, остающихся до взрыва, решают успех многочасового, непомерного по трудностям полета.

Производя бомбометание днем, штурман может открыть шторку нижнего люка и следить за отрывом и падением бомб. Но ночью надо запастись терпе-

нием на сорок долгих секунд и ждать, ждать, ждать...

Над ночным Берлином, высунувшись в астролук, Хохлов ждет, ждет, ждет...

Пламя, как из жерла вулкана, багрово-хаотической массой вырывается из недр бетонной громадины. Бомба упала удачно! Удар пришелся по мощной электростанции. Хохлов сообщает командиру экипажа:

— Хорошо! Пожар!

Он нажимает одновременно на все кнопки сигнальных лампочек. Это — сообщение об окончании бомбометания.

— Вольно!

Наконец Преображенский тоже может посмотреть, как горит Берлин. До сих пор он вынужден был сдерживать себя, подавлять свое законное нетерпение, сосредотачивая волю на одном только управлении самолетом, лежавшим на боевом курсе. Но теперь — вольно!

Преображенский кладет машину в крутой разворот, и круто наклоненный город простирается перед ним. Сполох пожара радует его сердце.

Как только разорвались сброшенные Хохловым бомбы, Берлин, заносчивая столица Гитлера, город, превращенный фашистами в гигантский военный лагерь, загрохотал залпами зенитных орудий. Лучи прожекторов заметались из стороны в сторону, как ищейки гестапо. Где же, спесивый Берлин, твои огни, которыми ты только-что чванился, где твои освещенные улицы? Кто-то там, внизу, лихорадочно выключает рубильники, и город меркнет квадрат за квадратом, квартал за кварталом. Новые очаги пожаров возникают вблизи огненного ориентира, созданного в центре Берлина бомбами Хохлова. Это бомбят сошедшиеся «на огонек» остальные экипажи!

— Хорошо бомбят!

Советские бомбардировщики гудят над Берлином. Взрыв за взрывом сотрясает воздух. Прожектористы совсем обезумели, голубые электрические щупальцы рыщут в высоту. Не видя цели, беспорядочно бьют зенитки. Сатанинский фейерверк зажигается над черным городом. Зенитные разрывы ложатся

далеко в стороне. Советские бомбардировщики гудят над Берлином.

Бомбометание окончено. Задание выполнено. Домой!

Самолет ложится на обратный курс, стена заградительного зенитного огня встает ему на пути. Снаряды рвутся впереди машины на одной с ней высоте. Преображенский хочет обойти заградительный огонь слева, но через одну-две минуты зенитчики успевают переставить прицелы. Преображенский отворачивает вправо, и опять преграждают ему путь зенитные разрывы.

— Везде стреляют. Ну их к черту! Пошли прямо!

На всем пути от Берлина до моря Преображенский ведет самолет под ожесточенным зенитным обстрелом. Куда ни глянь — всюду с холодным блеском рвутся снаряды, рвутся совсем рядом, но облегченный самолет, освободившийся над Берлином от груза бомб, на предельных скоростях идет все вперед и вперед.

На перехват советским бомбардировщикам выходят ночные истребители противника. Включением фар они облегчают себе поиски. Где-то в стороне проносится пучок быстрого и яркого света, кинжалом прорезающий темь.

— «Мессер» проскочил слева! — кричит в телефон стрелок-радист Рудаков.

Проскочил? Ну и отлично! Самолет мчится дальше. Все ближе и ближе береговая черта. Сейчас покажется море.

— Аэростат! — кричит опять Рудаков.

Режим движением распахнув астролук, Хохлов высовывает голову над кабиной. Встречный воздушный поток хлещет в лицо. Кажется, что сливающаяся с ночью черная глыба на всех скоростях надвигается на машину. Верный глаз у штурмана: хотя аэростат и поднят на громадную высоту, хотя самолет и идет, как будто, курсом прямо на него, Хохлов определяет, что немецкая колбаса непременно должна остаться в 50—80 метрах под плоскостями. Так и есть! Точно!

Снова море. Залпы зениток остаются позади. Преображенский, чтобы облегчить полет, ведет машину на снижение.

— 3 500 метров...

Можно снять кислородные маски.

И опять, как несколько часов тому назад, по линии горизонта стелется пламенеющая полоса зари. Такая же точно заря угасала на западе, когда балтийцы начинали свой воздушный поход. Все тоньше и тоньше становилась тогда тлевшая справа алая прослойка между сумраком моря и сумраком неба. Теперь опять справа, но уже со стороны родного, советского Востока встречает победителей молодая радостная заря пробуждающегося утра. Привет тебе, первый солнечный отблеск, знаменующий день! Привет тебе, Родина!

Аэродром еще тонет в мареве рассвета, когда Преображенский легко и плавно приземляет машину. Постепенно возвращаются и другие экипажи, бомбившие в эту ночь Берлин, возвращаются все, все до единого.

Моторы выключены. Преображенский, Хохлов, стрелки спустились на землю. Ноют спины, руки окончели, воспалены глаза. В ушах гудит — непрерывный шум моторов оглушил барабанные перепонки. Поддаваясь непреодолимой потребности немедленно, сейчас же поделиться впечатлениями, люди, в течение долгих часов связанные одной судьбой, но разобщенные протяженностью самолета, сойдясь на твердой земле и не слыша собственного голоса, кричат друг другу о том, что отныне навсегда врезалось в их память. Всем им — летчику, штурману, стрелкам — начинает уже казаться, что не часы, не минуты, а бесконечные сроки отделяют эти шумные объятия, сбивчивые расспросы, восторженные возгласы сбежавшихся друзей от только-что законченного полета. Что из того, что балтийские бомбардировщики минувшей ночью первыми из советских летчиков победоносно прошли в глубокий тыл врага, безмерно отдаленный от своих баз? Что из того, что ночной полет балтийских бомбардировщиков проходил в сложной метеорологической обстановке, что шедшие большую часть пути над морем и над территорией противника машины были перегружены до предела, что на пределе работали моторы и все поведение самолета

было пределом его возможностей? Что из того, что балтийские бомбардировщики сумели прорваться сквозь зенитные огневые препоны, сумели избежать хищного удара «мессершмиттов», сумели обойти и миновать коварные тросы аэростатов заграждения? Сейчас все это уже начинает казаться и далеким, и обычным, и нормальным.

— Ну, вот и слетали, — весело говорит Преображенский, скидывая шлем и пытаюсь затвердевшими пальцами отстегнуть застежку капки*. Застежка не поддается. Пока он возится с ней, подъезжает автомобиль, начальник морской авиации подходит к летчику, и полковник — без шлема, с расстегнутым резиновым поясом поверх комбинезона, — выйдя навстречу начальнику и остановившись в трех шагах от него, рапортует:

— Товарищ начальник авиации! Задание выполнено. Бомбовый удар по Берлину произведен.

— Знаю, дорогой. Радиogramму вашу получил.

— Радиogramму? Мою?

Стрелок-радист старший сержант Рудаков смущенно переминается с ноги на ногу. Еще до вылета было решено не давать в эфир никаких радиogramм, чтобы не обнаруживать себя. Но там, над горячей фашистской столицей, радист не выдержал, и радиоволны принесли командованию весть о торжестве балтийского бомбардировщика:

«— Мое место — Берлин. Задача выполнена. Возвращаюсь на базу.»

Преображенский разводит руками:

— Победителей не судят...

6. ВТОРОЙ УДАР

Утром, в то время, как советские летчики, бомбившие Берлин, еще отдыхали, германские радиостанции передали экстренное сообщение Геббельса о том, что сегодня ночью английская авиация совершила налет на столицу Германии и что шесть сбитых английских самолетов упало вблизи города. В то же утро,

* Капка — надувной спасательный пояс, надеваемый морскими летчиками в полете.

чуть позже, английское командование официально объявило по радио, что минувшей ночью ни один британский самолет над Берлином не появлялся и что сообщение германского информационного бюро о бомбардировке английской авиацией Берлина, а тем более о шести сбитых английских самолетах вызывает в Лондоне крайнее недоумение.

Вот смеху-то было в кают-компани!

Ну, ладно, спутал Геббельс советскую авиацию с английской, но зачем же так безбожно врать о сбитых машинах, когда все наши вернулись, как ни в чем не бывало, в целости и невредимости!

— На весь мир оконфузился карлик кривоногий: если бы сбили, то уж как-нибудь разобрались бы, чей самолет — советский или английский...

— Что ж, придется еще раз показать Геббельсу мощь «английской авиации»!

Так шутили в кают-компани...

А в это время технический состав заканчивал подготовку машин ко второму полету на Берлин. На этот раз полковник Преображенский должен был вести еще более грозную воздушную эскадру, в три раза большую, чем в прошлый раз. И вот снова капитан Хохлов подает сигнальную ракету, и вырлившие на старт корабли взмывают в небо, сегодня совсем закрытое облаками. Экипажи предупреждены, что погода на маршруте будет нынче куда хуже, но все спокойны, все уверены в успехе, потому что уже есть опыт, потому что одна победа влечет за собой другую.

В едва заметный разрыв между облаками входит флагманский корабль, и за ним пробиваются вверх остальные самолеты. Не видно ни моря, ни вражеских берегов.

Небольшую часть пути успели пройти бомбардировщики, как Преображенский заметил, что перегревается левый мотор его машины. Причина ясна: чересчур велика нагрузка, захватил сегодня фугасов еще больше. Хотел, чтобы получилась покрепче, а выходит вот что...

С мотором шутки плохи. Пожалуй, не дотянешь. Пока не поздно, надо поворачивать назад — двух мнений на этот

счет быть не может. Как ни досадно, поведет кто-нибудь другой... Принять такое решение командиру не легко, но принять его он обязан. Да, обязан... Надо подать сигнал: «Вести дальше заместителю. Выхожу из строя».

Но Преображенский сигнала не подает. Он вспоминает вдруг, что перед вылетом упустил из виду установить такой сигнал: ведь сроду не приходилось ему возвращаться с полдороги, и договариваться о подобных сигналах не было у него в привычках. Что ж? Выходить из строя без предупреждения? Но погода так мерзка, настолько сегодня сложна метеорологическая обстановка, так затруднена ориентировка, что если полковник внезапно повернет домой, то не решат ли ведомые, что Преображенский прекращает полет, считая невозможным его продолжать, и вернуться на базу вслед за командиром?

Будь что будет! Если один мотор сдохнет, придется сбрасывать бомбы куда-нибудь на запасную цель и дотягивать обратно на втором моторе. Тогда уже ведомые наверняка поймут, что неспроста преждевременно сброшены бомбы, что у командира какие-то неполадки с материальной частью, и кто-нибудь из командиров эскадрилий поведет самолеты дальше.

Преображенский продолжает идти впереди своих кораблей.

Густой облачный покров под самолетом постепенно начинает редеть, но облачность становится двуслойной — второй слой, сам по себе слоистый, оказывается на уровне нескольких тысяч метров. Самолеты идут именно на этой высоте. Видимости никакой. Все сливается воедино, в сплошную темную массу... Приходится вести машину по одним только приборам, вслепую. Опознаешь ли береговую черту, найдешь ли исходный пункт для выхода на цель? А тут еще злополучный мотор...

Температура падает. Минус тридцать. Будь ты не ладна! Что с гироскопическими приборами? Сперва отказывает авиагоризонт, затем в магнитном компасе появляется большой воздушный пузырь. Преображенский все еще не сказал Хохлову о неполадках с мотором,

но об отказавшем компасе умолчать нельзя. Без компаса — труба!

— У меня компас в порядке, — спокойно говорит Хохлов. — Пойдем по моему.

Как поводырь ведет за руку слепого, так штурман навигационными огнями направляет то влево, то вправо, то прямо самолет, за штурвалом которого сидит лишенный компаса летчик. Только один компас остался на флагманской машине. Сколько заботы, сколько нежности проявляет к нему хозяин! Он снимает с рук теплые меховые рукавицы, он снимает меховые чулки, он окутывает зябкий прибор мехом, хранящим еще тепло человека. Холодно ногам, мерзнут руки, но ничего — лишь бы быть спокойным за то, что север останется севером, а юг останется югом.

Самолеты идут точно по курсу.

Не везет, так не везет. Преображенский беспокойно задвигался на сиденьи. Почему так холодно ему вдруг стало и почему одновременно все тело его покрылось потом? Все предметы, все приборы перед его глазами окаймляются красной обводкой. Что-то неладное творится с кислородом. Кислородное питание явно не достаточно. Хорошо бы снизиться, но снижаться нельзя, потому что скоро город, за которым можно ожидать густую сеть заградительных аэростатов. Преображенский поворачивает аварийный кран, увеличивая вдвое порцию кислорода. Теперь дышать легче, тело быстро согревается, назойливая красная кайма исчезает.

Самолеты идут по курсу.

Враг насторожился. Ни одного огня в гавани, ни одного огня в городе. И только, когда механические уши звукоулавливателей слышат далекие голоса чужих моторов, вспыхивают прожекторы и тявкающие пасти зениток выплевывают в высь рвущийся на сотни и тысячи осколков раскаленный металл. Город выдает себя. Не будь этого зенитного огня, опознавание исходного пункта для выхода на цель было бы значительно затруднено.

Самолеты идут по курсу. Лишь один самолет, потеряв в слепом полете ориентировку, отклонился от заданного

маршрута. Он долго блуждал бы в облаках, не разгляди штурман зенитных разрывов над городом. Обившийся от товарищей бомбардировщик поворачивает на разрывы и присоединяется к ведомым Преображенским кораблям.

Теперь зенитки прокладывают световую трассу самолетам на всем протяжении до Берлина.

Стоило пройти еще немного, как машины обволакивает прозрачный, глазу почти не приметный туман. Стекло и козырьки покрываются водой, вода тоненькими ручейками стекает на приборы, на карты. Слякоть! А левый мотор у Преображенского все греется, да греется.

— Скоро ли до цели? — каждые три-четыре минуты спрашивает у Хохлова полковник. — Скорее бы дойти, сбросить бомбы...

Как и вчера, в прошлый раз, у самого Берлина, будто по заказу, расходится туман. Отличная погода для бомбометания! Под высокой луной блестят берлинские ориентиры — озера, канал, река. Но если в те часы, когда советские бомбардировщики производили первые бомбовые удары по Берлину, столица фашистской Германии опомнилась только после падения сброшенных Хохловым бомб, то сейчас город приготовился к бою.

Берлин затемнен. Вся техника противовоздушной обороны приведена в действие. Тщетно! Советские бомбардировщики опять гудят над Берлином.

На этот раз все самолеты захватили с собой фугасы еще большего веса. Для создания дополнительных очагов пожара были взяты и зажигательные бомбы.

Хохлов выводит машину на цель, на военные объекты северо-западной части города, и нажимает на кнопку сбрасывателя. Почти одновременно наблюдает он разрывы собственных бомб и пожары, возникающие в других районах. Это бомбят друзья, это бомбят балтийцы, властвующие сегодня над Берлином. И когда Преображенский снова, как двадцать четыре часа тому назад, прежде, чем лечь на обратный курс, кладет машину в крутой разворот, во-

семь огромных пожаров обозначают места падения первых восьми бомб...

Возвращение не представляло бы особых трудностей, хотя зенитный огонь еще довольно долго не ослабевал. Но мотор, левый мотор! Правда, после того, как были сброшены бомбы, Преображенский убрал на нем газ и пошел обратно на одном, работавшем в полную силу, правом моторе. Но и за левым приходилось попрежнему напряженно следить, непрерывно маневрировать газом, заботиться о том, чтобы температура не превышала пределов нормы.

До сих пор Преображенский не посвящал Хохлова в неприятную историю с мотором. Зачем беспокоить штурма-

на? Но, когда газ был убран, Хохлов сам не замедлил спросить:

— Что у тебя с мотором?

— Греется...

— До дому дотянем?

— Дотянем, пожалуй...

И дотянули!

Прошли море над низко нависшими облаками. У самого аэродрома прорвали облачность и увидели, наконец, огни посадочного прожектора. Сделав широкий круг над летным полем, Преображенский осторожно посадил машину. Левый мотор вышел из строя.

На аэродроме вспыхивал и гас посадочный прожектор. Балтийцы возвращались из Берлина.

По военным дорогам

ГР. НИЛОВ

(Из полевой тетради.)

★

НА МОЖАЙСКОМ ШОССЕ

Забуду ли я когда-нибудь эти светлые зимние вечера в Подмоскowie в последних числах ноября? Снежная пыль кружится над Можайским шоссе. Голубоватый снежок ложится на обгоревшие, искалеченные, сбитые в кучу немецкие танки.

В снежной лоштинке, у обочины шоссе, лежит, широко раскинув руки и ноги, ефрейтор Гейнц Вихнер. Он уже отошел в тот мир, где его не будут больше беспокоить никакие приказы из главной штаб-квартиры фашистской армии.

Шинель ефрейтора перепоясана толстой веревкой. Почерневшая от грязи пилотка низко напялена на уши и скотла у подбородка большой ржавой булавкой. Под шинелью — серый, нитяной свитер. Свитер этот совсем не греет, но и такие фуфайки еще не приняты на снаряжение германской армии в зимнюю кампанию тысяча девятьсот сорок первого года. В последнем своем приказе фельдмаршал фон-Бок, командующий немецко-фашистскими войсками в Подмоскowie (он сменил Гитлером вместе с Браухичем) опять и опять утешал немецких солдат тем, что «зимнее обмундирование пока не прибыло из Норвегии и Западной Германии».

Зато успели разослать по всем частям брошюру «Солдатская добродетель», обращенную к молодому фашистскому солдату. Автор этого труда — генеральный викарий вооруженных сил Германии Франциск Юстус.

Брошюра эта никак не может заменить свитер и не имеет ничего общего с христианской моралью, человеколюбием и евангельскими заповедями. Генеральный викарий просто-напросто переписал свои наставления из «Моей борьбы» Гитлера, несколько видоизменив лишь их.

«Будь жестоким, — поучает молодых гитлеровцев Франциск Юстус, — в этом твоя единственная добродетель...»

«Оглянись в прошлое. Ты знаешь, что для древнего индейца не было ничего выше, как беззвучно страдать у столба пыток...»

«У боксеров нет ничего более важного, чем овладение известной твердостью приема. Всегда действуй так же, как боксер...»

Но как это бывает иногда, в конце своей брошюры Франциск Юстус, сам того не желая, сказал правду.

«Народ, который потерял свою нравственную чистоту, — написал он, — гибнет, как гнилушка, и уже никакая страстная воля не в силах вернуть его к жизни.»

Пусть запомнит эти слова гитлеровская армия, положившая в основу своей добродетели дикарскую жестокость и мораль боксерского кулака. Она будет истреблена до единого человека и сгорит, как гнилушка, без остатка на снежных полях России.

...Опять идут беженцы. Их немного, родные деревни еще не заняты немца-

ми, но они уходят, чтобы фашистам досталась одна снежная безлюдная пустыня. Вещи на санях, за спиной мешок, ведут коров, коз, гонят овец.

— Откуда?

— Из-под Можая.

Голос без дрожи, в глазах — ни слезинки, все уже пересохло, перегорело внутри, — осталась одна ненависть, лютая, неистребимая ненависть к врагу.

Старуха в теплом сером платке стоит у края дороги, обхватив за шею свою корову.

— Ай пустите германа в Москву? — заглядывает она в глаза танкистам. — Резать мне корову, ай подождать?..

— Куда резать?! — шутливо кричит командир танка. — Корми ее получше, скоро обратно поведешь...

Превосходно действовали в эти последние дни немецкого наступления недавно организованные подразделения наших автоматчиков. Тепло, легко и ладно одетые, во всем стеганом, в коротких полушубках, в валенках, в ушанках — спать можно на снегу в такой теплой броне — они бесстрашно дожимали противника на стыках и в тылу.

Неприятель выбросил роту пехоты между двумя населенными пунктами близ Можайского шоссе. Немцы быстро окопались. Тогда 15 автоматчиков осторожно подползли к окопам и с дистанции в 40 метров, почти в упор, ударили по фашистам. Вражеская пехота заметалась, и автоматчики пошли в атаку, выжигая немцев огнем из складок советской земли.

...Пришел из деревни, еще занятой немцами, колхозник Василий Куркин. Его и еще десять человек заперли в морозную ночь в старом пустом овине. В полночь два фашистских солдата внесли на рогоже, залитой кровью, председателя колхоза Василия Федорова. Он еще дышал, — у него были отрезаны уши, нос, выколоты оба глаза.

Вместе с солдатами в овин вошел немецкий майор.

— Ну как вам, холодно? — спросил он.

— Холодно! — ответили колхозники.

— А ну, подогреть их! — распорядился майор.

Немцы обложили овин старой трухлявой соломой и подожгли. Куркин и колхозный механик Георгий Антонов выбрались через крышу, остальные сгорели. Антонова убили, а Куркин бежал перелесками и оврагами, подставляя студеному ветру поседевшую за одну ночь голову. Вот он стоит, рассказывает, а в посиневшей от холода руке зажат вывороченный из мерзлой земли булыжник. Эх, дать бы ему сейчас поговорить один на один с этим самым немецким майором...

В первых числах декабря враг вел ожесточенные атаки, пытаясь прорваться к Звенигороду. Этот задумчивый гористый старый город воплотил в себе все очарование подмосковной русской природы. Здесь писал свои полотна Левитан. Молодой врач Антон Чехов служил в местной больнице, — он считал дни, проведенные в Звенигороде, одним из счастливейших периодов своей жизни.

Москвичи приезжали сюда погостить в пригородный Дом отдыха и их везли на расписных санях с русскими колокольцами. Москвичи гуляли здесь в золотых рощах русской Швейцарии, и большой колокол протяжно, гостеприимно звал их к обеду. Как можно забыть все это?!

Враг был отогнан от Звенигорода, но с перекрестков живописных улиц прежнему смотрели серые бастионы баррикад и длинные полосы противотанковых рвов.

И так всюду на Можайском шоссе — от дальних подступов к Москве до новых площадей, возникших на окраинах столицы. Лесные завалы, снежные рвы, ледяные скаты, дороги, закупоренные минами, эскарпы, надолбы, многорядная колючая проволока, мешки с тяжелым песком, уложенные в три человеческих роста.

В те светлые, первые зимние вечера немцы, осуществляя свой план генерального наступления на Москву, еще многократно и с разных направлений

пытались прощупать, смять, отбросить наши части. Но железным поясом обороны легла вокруг родного города настороженная, непримиримая, ожесточив-

шаяся, смертоносная московская земля, одинаково мужественная в дни побед и в часы тяжелых испытаний.

Ноябрь—декабрь.

★

НОЧЬ ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

Глухой цокот копыт по снежному насту Ленинградского шоссе. Высокие, сильные кони с гривами, заиндеветшими от мороза. Молчаливые всадники в широких, черных крылатых бурках, прикрытых белыми капюшонами. У седла приторочены автоматы и стальные шлемы.

У околицы села горят две избы, две русских подмосковных избы с резными наличниками, с высоким крыльцом и тесовыми воротами. Их зажгли немецкие «юнкерсы» в свой последний вечерний заход, перед тем как темная декабрьская ночь легла на окрестные поля.

Жаркое пламя пожара, багровые отсветы на снегу. И в этих отсветах, растянувшись, рассредоточившись на несколько километров,—эскадрон за эскадронам, сотня за сотней, тачанка за тачанкой... Гвардейская конница идет на сближение с врагом.

Слева, по обочинам, движутся кавалеристы, справа — по шоссе — танки, белые, длинные танки, едва различимые в этой снежной ночи.

В двадцатых числах ноября фашистские части ринулись от Клина на юг и захватили Солнечногорск на Ленинградском шоссе. Все было подготовлено для дальнейшего стремительного марша — броска по широкой первоклассной магистрали — танки, танковые десанты, мотопехота, отдельная бригада автоматчиков. В два-три перехода они должны были проскочить до Химкинского речного вокзала, до северо-восточных окраин Москвы.

По старому испытанному рецепту немецкие автоматчики просачивались в тыл и на фланги и без передышки сыпали огнем, стреляя трассирующими пулями, чтобы усилить, удвоить, утроить моральный эффект. Они достигли ни-

чтожных успехов. Никто не пугался, когда вдруг неожиданно, слева или справа, возникала нервная, яростная стрельба автоматчиков. К ним подбирались на дистанцию их действительного огня — почти на двести метров — и затем били на выбор, спокойно, методично, не торопясь — в голову, в сердце, в живот. Без промаха, без пощады, до конца.

И вот он лежит, зарывшись лицом в снег, зажав автомат в обмороженных ладонях, обутый и одетый в вонючую рвань, неизвестный солдат армии Гитлера. Рядом с ним горсточка лепла — он успел сжечь свои документы.

И еще один автоматчик — худой, — одни мощи, в лице ни кровинки, рыжеватые волосы примерзли к земле. В кармане документы: Рихард Гертель, старый член «Гитлерюгенд», один из организаторов фашистского спортивного общества «В здоровье — радость». Вот тебе и радость, вот тебе и здоровье, Рихард Гертель... Но одет он гораздо теплее других автоматчиков. Под серо-зеленой шинелью, подбитой ветром, у него все русское: стеганая телогрейка, ватные брюки, серые валенки с фабричным клеймом «Казань». Откуда все это?

...В сумерки на околицу села Есипова вышел партизан-лесник. Медленно, по-стариковски, перебирая большими тяжелыми руками гранаты у пояса, он рассказал, что в деревне Пешки немцы раздели до-гола двадцать девять пленных красноармейцев и передали их одежду своим автоматчикам. Одеревяневшие тела замерзших красноармейцев были свалены одно на другое. Они стали бруствером, за ними прятались немцы во время стрельбы по нашим частям.

Под станцией Крюково одиннадцать Ю-88» пикировали один за другим на олхозников, покидавших окрестные деревни. Они шли гуськом по узкой нежной тропинке, ведущей через поле станции, старики, женщины, дети и ащили на санках свой немудреный рествянский скарб: подушки, одеяла, амовары, швейные машины, овчины, злы с кухонной утварью. Я видел, как ять, откинувшись затылком на сани, рижимала к себе трехлетнюю дочь и евочка испуганно и удивленно смотрела высокое, ревушее гулом моторов и розящее смертью небо.

Мы ехали по Ленинградскому шоссе оздним вечером, когда группа немецих автоматчиков просочилась в наши. Но ни тени беспокойства не было аметно в этот поздний час на шоссе. В есу шел бой, а по тракту, педантично ридерживаясь правой стороны, двигаись сотни машин. Регулировщики, проуская машины вперед, ревностно расекали отдельных тнерадивых шоферов. икто и не упоминал об автоматчиках, ак будто само собой подразумевалось, то они будут истреблены все до еди-

ного. И опять шла кавалерия, шли танки, шагала пехота в новых серых валенках, везли на санях новенькие минометы.

Это была бессонная фронтовая ночь перед началом нашего контрнаступления на Крюково, на Солнечногорск, на Клин. Ночью же офицеры связи развезли приказ, в котором говорилось: «Ликвидировать солнечногорскую группировку противника. Время атаки — особым указанием». И как только ленивый зимний рассвет чуть тронул небо красным золотом восхода, из-за леса неожиданно вынеслись сильные, быстрые, длинные, бронированные машины. Они шли над самыми кронами сосен и на бреющем полете яростно атаковали боевые порядки немцев. И было видно, что там, где пролетал советский штурмовик, над фашистскими позициями вспыхивала широкая полоса белого пламени и черного дыма.

Так — в дыму и пламени — начался первый день великого наступления армий Западного фронта.

Декабрь.

★

НА ОДНОМ ИЗ УЧАСТКОВ ФРОНТА

Северный ветер гонит низкие тучи и иногда меж ними сверкнет крупными звездами синее глубокое студеное небо. Белые и красные костры пожаров. слубоватый слепящий луч прожектора. сыпающиеся разноцветные светлячки игнальных ракет.

Снежная лента Дмитровского шоссе несколько в стороне от нее большое село Белый Раст. Путаные лабиринты, крытия, гнезда, блиндажи, амбразуры — боевая броня фашистского укрепленного пункта. Окопы и ходы сообщения из льда и снега, облитого водой. Такие окопы не берет ни пила, ни рваный осколок снаряда.

Еще вчера здесь стоял немецкий часовой и нервно покрикивал в наступорженную ночь:

— Хальт! Вер да?

Сейчас на этом месте несет вахту рослый бравый боец с новеньким вороненым автоматом наизготовку. Под воротником серой армейской шинели чернеет сукно краснофлотского бушлата.

— Стой, кто идет? — говорит часовой, вглядываясь в смутные очертания вечерней деревенской улицы.

— Свои, свои, сынок, — отвечает громкий старушечий голос.

Женщина в оранжевом овчинном тулупе ведет за руку пятилетнего мальчика. У бабушки и внучка за плечами вещевые мешки.

— В родные края возвращаешься, бабушка, — говорит часовой. — Давай, давай скорее, от немца и следа не осталось.

...Село Белый Раст занято отрядом моряков полковника Чистякова. Вместе с армией генерала Власова, в тесном

боевом взаимодействии с частями Красной Армии, морская пехота прошла тяжелый и славный путь от Дмитровского шоссе до Волоколамска. Едва выгрузившись из вагонов, отряд был брошен в бой против сильной группы немецких парашютистов, высаженной в тылу дорог, ведущих к каналу Москва — Волга и к крупнейшей столичной магистрали — Северной железной дороге.

Точным шквальным огнем моряки буквально придавили парашютистов к земле, не давая им рассредоточиться и занять оборонительные рубежи. Затем последовала атака, короткая, вихревая атака, чем истари прославлена русская морская пехота. Только горсточка парашютистов успела рассеяться по окрестным лесам.

Но самые тяжелые бои были еще впереди. Гитлеровские части прочно держали в своих руках Белый Раст. Село занимало ключевую позицию на вершине крутого холма, прикрытого старым хвойным лесом. У подножья холма начинается широкое снежное поле, которое легко простреливалось из минометов.

Часть Чистякова начала свои боевые операции против Белого Раства с организации смелых, неожиданных, изнуряющих врага разведывательных рейдов. Двадцать три краснофлотца, под командованием младшего политрука Дуклера, ворвались на окраину села и, забросав гранатами немецких часовых, кинулись к расположению вражеских танков. Германское командование бросило против горстки храбрецов превосходящие силы. Разведчики укрепились в одной из крестьянских изб на окраине села. Неравный яростный бой кипел от темна до темна, не затихая ни на одно мгновение. Под прикрытием непроглядной зимней ночи трижды раненный Дуклер вывел свой отряд из села, потеряв всего трех человек.

Но и утро не причесло спокойствия врагу. В центр села стремительно ворвался наш танковый десант и разметал немецкую боевую технику, сосредоточенную на площади у старой церквушки. Десант помог точно установить количе-

ство гитлеровских войск, оборонявших Белый Раст.

Обескровив и измотав врага в частых и тяжелых стычках, моряки начали подготовку к штурму села. На самых подходах к селу, в снежном лесу, в глубоко промерзшем грунте вырыли землянки. Здесь разместились штурмовые части. Было точно разработано взаимодействие пехоты, артиллерии, танков, минометов. Фашисты ожидали фронтальной атаки, а их позиции были глубоко охвачены с обоих флангов. И они бросили свою технику в исправном состоянии.

Вот черная штабная машина с еще неостывшим мотором. Рядом с нею — два бронированных тягача, вооруженных пушками. Они должны были вывести подбитые немецкие машины, но и сами завязли в селе, охваченном сплошным полукольцом наших частей. У входа в село скосбочился германский средний танк, насквозь прошитый рядом противотанковой пушки. Деревенские ребятишки выбрасывают из танка мотки пушистой цветной шерсти, рождественские игрушки, белые ризы и черные бархатные подрысники, похищенные из местной церкви. Это — последняя «военная добыча» танкистов третьей танковой группы генерала фон-Готта.

Перед приходом в село немцев женщины снесли в храм, под защиту церковного престола, зерно, кое-какую одежду, швейные машины, посуду.

Вместе с группой возвратившихся в Белый Раст крестьян мы заходим в церковь. Алтарь разбит фашистской бомбой. Возле престола свалены в хаотическом беспорядке трески, евангелия, метрические выписи. На одной из церковных книг отпечаток кованых гвоздей тяжелого сапога. В правом притворе полуоткрытая плащаница. На полу — разбитые иконы, изорванные ризы. Все имущество, снесенное сюда, растащено. Осталась только швейная машина, да два-три ведра зерна. Это все, что не успели расхитить солдаты фон-Готта.

... На пороге еще недавно срубленной избы лежит с пробитой головой Анна Феоктистова. Ее убили топором только

за то, что обер-фельдфебель предположил: это жена красноармейца.

В горнице своего разбитого дома сидит у стола, охватив голову руками, председатель сельсовета Ц. Его пятнадцатилетнюю дочь Марусю, раздетую, водили по морозу из дома в дом и в каждом доме над ней глумилась похотливая солдатня. Отец и дочь молчат. Дочери больно говорить о том, что с ней сделали, отцу неловко ее об этом расспрашивать. Еще двух дочерей председателя сельсовета немцы увезли с собой.

Фашистский автоматчик убил на улице двенадцатилетнего Володю Ткачева, выпустив в него двадцать одну пулю. Убил без всякой причины, ради дикого звериного озорства. У колхозницы Ольги Александровой сожгли дом и на пепелище застрелили ее сына-подростка.

Всего семь дней пробыли немцы в Белом Расте, а горя-горюшка оставили на долгие годы. Сожженные хаты, закопченные печные трубы, пустые двory, окровавленный снег, распоротые перины, скрюченные трупы на задворках.

На западных подступах к селу несколько десятков краснофлотцев сооружают снежные брустверы и ложементы, щедро поливая их водой. Часть товарища Чистякова поставила перед собой за правило: окапываться до последней минуты перед боем и в первую же минуту после боя.

Это не значит, что часть ожидала немецкой контратаки. Нет, наступление продолжалось, не останавливаясь ни на один час. Вслед за Белым Растом они взяли коротким ударом деревню Никольское. Один только первый батальон захватил в этой деревне три средних и два тяжелых танка, четыре бронемашины, две противотанковых пушки, два мотоцикла.

Поступают донесения о доблести, о подвигах, о славе.

Лейтенант Ефремов, окруженный сильным отрядом немецких автоматчиков, отстреливался в течение полутора часов, несмотря на тяжелое ранение. Он дрался до последнего патрона и последний приберег для себя.

Шофер-краснофлотец Косулин вывел

на своем тягаче из зоны ожесточенного обстрела английскую противотанковую пушку. Его машина была буквально изрешечена пулями и осколками мин. Но пушка осталась цела и через десять минут уже стреляла с новой позиции.

Командир третьего батальона майор Фесенко был дважды ранен в горячей схватке с фашистскими парашютистами, но поле боя покинул только после повторного категорического приказа.

Короткий ночной привал. Землянка, вырубленная в неуютной стылой земле. Жарко дышит раскаленная печь, дымится и потрескивает сухой валежник, крепкий горячий чай, тихий смех, обрывки разговора и — дружба, неумирающая фронтовая дружба людей, видавших многие моря, но особо сроднившихся на этой снежной подмосковной земле. В отряде полковника Чистякова собраны и моряки, и армейцы, но все они, как одна боевая семья, ибо нет дружбы более сильной и нет братства более кровного, чем братство, рожденное в совместных походах. Тихие песни отдыхающих людей: в одном углу землянки — «Раскинулось море широко», в другом — старая песенка английских томми:

Далеко до Типерэри, далеко,
Далеко до милой Мэри, далеко...

На узких, щербатых нарах помощник командира отряда полковник Кузьмин развернул карту:

— Гнать и гнать! — говорит полковник. — Так и передайте командирам батальонов — ни секунды передышки немцам. Не оставлять их на ночь ни в селе, ни в лесу, ни даже в овраге. Пусть они ночуют только в открытом поле.

Наступление!.. По тыловым трактам и проселочным дорогам, по глубокой снежной колее тянутся грузовики, санные обозы, вьючные лошади. Вторые эшелоны подтягиваются к месту боя. Едут квартирьеры, фуражиры, повозочные, стелется теплый сизый дымок над полевыми кухнями, едут храбрые советские маркитантки — девушки-продащицы из армейских и дивизионных веноторгов.

На пути отхода немцев от Солнечногорска краснофлотцы нашли приказ ге-

нерала фон-Готта, где он пишет: «...да поможет нам бог в эти часы тяжелых испытаний для германской армии». Бог по-немецки — готт. И командир первого батальона старший лейтенант Токарев, улыбаясь, говорит своим товарищам:

— Ну что ж, это не так плохо, если Готт вынужден уже обращаться за помощью к готту.

Наступление... Уже пройден Волоколамск, но над городом господствует село Ивановское, где каждый овин и каждая изба превращены немцами в дзоты и в засады для пулеметчиков и автоматчиков.

— Тащить пушки на руках! — приказывает старший лейтенант Арсеньев. С трудом протапывая колею в глубоком снегу, моряки подтаскивают на окраину села три орудия, и они бьют прямой наводкой по сараям и домам. К вечеру моряк-артиллеристы стреляют уже из семи пушек — они присоединили к своим трем четыре немецких противотанковых орудия. После пяти часов этого сокрушительного обстрела в Ивановском не осталось ни одного немца.

В этом бою пал крабрейший из артиллеристов отряда Чистякова сержант Лобченко. Его орудие было атаковано однажды двумя танками и автоматчиками. Он спокойно выжидал, пока танки подошли на 150 метров и тогда точным прицельным огнем с первых же выстрелов поджег оба танка и уложил в землю навсегда всех автоматчиков.

В Ивановском Лобченко подавил огнем своей пушки фашистскую батарею. Немцы бросили против одного орудия четыре танка. Лобченко принимает этот неравный поединск. Огонь — и один танк грузно оседает на дороге. Огонь — и вторая машина, резко лязгая гусеницами, катится под откос. Огонь — и третья бронированная крепость поворачивает вспять. Вражеский снаряд вывел орудие Лобченко из строя, и сержант умер, опершись грудью на лафет. Стоящая народная молва немедленно разнесла весть о его подвиге по всей армии, и у армейских костров еще долго вспоминали бесстрашного артиллериста.

Наступление! Налетает снежная вьюга, забирается в самую душу ледяной ветер, идет атака за атакой, беснуются ударные части прикрытия отходящей германской армии. Война перешла с широких шоссеиных магистралей на узкие проселочные дороги, и по этим дорогам моряки, ревностно перенимая боевой опыт гвардейских частей Красной Армии, прокладывают трассу освобождения к границам Белоруссии.

И в каждой боевой ячейке отряда моряков властвует спокойная воля людей, согретых великой уверенностью в победе, великой любовью к родине, к своему Главнокомандующему Сталину. Из всего этого наутро в короткой сводке Информбюро рождаются ставшие уже привычными слова:

«— На ряде участков Западного фронта наши войска продолжали продвигаться вперед.»

Декабрь—январь.

★

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Тихая, лунная, ослепительная предновогодняя ночь. Безмолвный, необъятный русский лес.

Блиндажи и землянки, вырубленные в далекой, едва заметной ложине. Черный телефонный провод змеится в глубоком снегу. В земляной нише — радиоприемник и пачка свежих листовок. Белый халат часового, прижавшегося к старой, в два обхвата, сосне.

— Все ушли в Волоколамск, — говорит часовый. — Там сегодня — актив Горсовета.

Через два часа мы в Волоколамске. Еще струились языки пламени над обгорелыми балками, еще дымилась остывшая изб, еще плакали на пепелищах осиротевшие матери, еще метался горький ветер над поруганным, обугленным городом.

В маленьком домике на крутом пригорке, где собрался актив, полным-полно партизан. И нам вспомнился Гоголь, Тарас Бульба, чудные строки, описывающие въезд старого Тараса в Сечь:

«И витязи, собравшиеся со всего драброго мира Восточной России, целовались взаимно, и тут понеслись вопросы: «А что Касьян? Что Бородавка? Что Колопер? Что Пидсыток?»

...И председатель волоколамского горсовета Зотов, поднимаясь из-за широкого стола, целовал каждого вновь пришедшего и тревожно спрашивал: «А что Кузин? Что Андрианов? Что Периков? Что Гребзе?» И только слышал он в ответ, что жив и бодрствует подрывник Андрианов, что несравненный подрывник и следопыт Гребзе вернулся к своей старой профессии электромеханика, что в добром здравии находится бесстрашный разведчик Кузин, и что боец партизанского отряда Периков снова стал шофером и привел первую машину с мукой и бараньими тушами в освобожденный Волоколамск.

В Волоколамском партизанском отряде насчитывалось девяносто два человека, и немцам не удалось выбить из отряда ни одного бойца. Партизаны устроили свою базу в такой лесной глухомани, что даже лучший проводник отряда, бывший директор мехлесопункта Василий Булганин подолгу бродил по безвестным тропам, пока не находил, наконец, свою землянку. Отряд имел свою радию, свою типографию, свою баню, свою хлебопекарню и был связан телефонным проводом с передовыми своими постами.

В сводках Информбюро несколько раз упоминалось о боевой славе волоколамских «лесных братьев». Теперь уже можно приоткрыть завесу над теми, кто в течение двух месяцев скрывался за инициалами К., П., А. и др.

Прежде всего взлетел на воздух большой склад немецких боеприпасов. Душой этого смелого ночного дела был штурман Московского речного пароходства Кузин, маленький, сутулый, необычайно подвижной человек, всегда носивший за плечами мешок, в котором, как он говорил, хранится «шильце, мыль-

це да пара гранат на всякий ненастный случай». Белый костер вспыхнувшего пожара пылал так ярко, что в эту ночь во всей округе было светло, как днем.

Вскоре после занятия Волоколамска, немцы расчистили неподалеку от шоссе вторую широкую дорогу, которую они многозначительно называли магистралью Берлин—Москва. Нескончаемым потоком шли военные машины по этой магистрали, замедляя свой бег у моста близ деревни Теряево.

И опять вышел на боевое дело штурман Кузин, а с ним молодой подольский слесарь Андрианов и еще группа партизан-подрывников. Четыре часа лежали они в кустах в глубокой снежной лощинке у моста, поджидая удобного момента и держа замерзшие пальцы на спусковых крючках автоматов. Наконец, дождавшись наибольшего скопления машин, Кузин с силой рванул проволоку, протянутую к гранатным запалам под мостом. Короткий сухой хлопок, и к небу взлетели пылающие обломки деревянных ферм. Обезумевшие саперы, танкисты, шоферы, пехотинцы прыгали в овраг, а на них валились грузовые машины, штабные автобусы, танкетки, бронеавтомобили. В сторону кустов, где залегли партизаны, замигали огни карманных фонариков, но подрывники успели уже уйти в глубь волоколамских лесов. Через час у зияющих пролетов моста стояло уже больше пятисот машин, а затем над магистралью неожиданно появились новые советские штурмовики, которых немцы называют «бешеной смертью».

Еще через несколько дней шофер Периков взорвал три немецких автоцистерны.

Это было в середине декабря, когда в Волоколамске еще жили в полном неведении относительно истинного положения вещей. В многочисленных листовках немцы изо дня в день повторяли, что взят Саратов, что московские радиостанции вещают из Саранска и что штаб Западного фронта перебазировался уже из Куйбышева в Чкалов. И вот поздним вечером радист партизанского отряда, «Лесной Кренкель», как его называли товарищи, начальник отдела связи

Синьков принял и записал сводку Информбюро о поражении немецких войск на подступах Москвы. Эта сводка в сопровождении краткого, написанного сильными словами обращения была мгновенно отпечатана в партизанской типографии, и лучшие лыжники отряда немедленно разнесли ее по окрестным лесам. И уже на другой день в селе Токсина, в ближайшем тылу у немцев, партизаны провели колхозное собрание, советское собрание в советском селе.

Так началось восстановление советской власти в Волоколамском районе. Еще бои шли за Истрой, а партизаны, соединившись с действовавшей по фашистским тылам частью полковника Ч., освобождали одну деревню за другой. Курчавый дымок вился над трубами обезлюдевших было хат, снова завертелись крылатые мельницы, двигались санные обозы с продовольствием для обездоленных и обобранных до последней нитки деревень, и уже партизаны прикидывали по-хозяйски — где взять семенные фонды для будущей весны.

Движение по магистрали Берлин—Москва шло теперь только в сторону Берлина, и немецкие цуг-машины, предназначенные для стремительных бросков по нашим тылам, назывались теперь драп-машинами.

Гитлеровцы не успели превратить Волоколамск в зону пустыни, но все же город лежал в дыму и руинах, когда партизаны вернулись на родные улицы. Развалины на месте Дома пионеров, груда обожженных камней на месте здания Горсовета, пепелище на месте трех новых школ, обгоревшие трупы у дома № 316 по Пролетарскому проезду, где фашисты сожгли несколько сот пленных и раненых красноармейцев. На каждом шагу встречались кровотокающие следы, оставленные новой батыевой ордой, пришедшей к нам из-за Одера и Рейна.

С какого конца начинать возрождение города? Но партизаны были не только воинами, но и созидателями. И как-то сразу жизнь вошла в старую, родную, давно обжитую колею. Командир отряда беспартийный учитель Тогунов взял на себя восстановление школ. Ко-

миссар отряда Мыларщиков вернулся к своим обязанностям секретаря райкома партии. «Лесной Кренкель» монтировал телефонную станцию на сто номеров. Штурман и подрывник Кузин стал прорабом и строителем, и архитектором, и планировщиком. Под его руководством разведчики, автоматчики, подрывники восстанавливали водопровод, баню, почту, выпекали хлеб, чинили развороченные минами мостовые. Еще в тот час, когда на окраине Волоколамска кипел жаркий уличный бой, маленький штурман встретил краснофлотцев из отряда полковника Чистякова. Встретил, разыскал дружков-земляков, крепко-накрепко расцеловал их, перекинулся несколькими словами с военкомом. И как только немцы были выброшены из Волоколамска, нашли моряки в своей среде и плотников, и столяров, и моторов-мотористов, и каменщиков, и печников, чтобы помочь на первых порах партизанам, призванным вернуть к жизни старый русский подмосковный город Волоколамск.

Механик местной электростанции Гребзе как-то взялся вывезти два немецких танка кратчайшим путем на шоссе. Он долго кружил по проселочным дорогам, завел танки в лесистую болотную чащобу и скрылся, исчез, растаял под самым носом у немецких водителей. Теперь Гребзе разыскал свои «подшефные танки», снял с них моторы и дал свет освобожденному городу.

Вставай, подымайся, строй, хозяйствуй, залечивай свои раны, Волоколамск!.. В город постепенно возвращались тепло, спокойствие, довольство.

Но встречу Нового года партизаны провели в своем снежном лагере, в старом величественном лесу. В углу, у земляной ниши, сидел на своем привычном месте радист Синьков и, чуть повертывая рычажки приемника, слушал Москву. И точно в двенадцать, по знаку командира отряда, волоколамские партизаны встали и, вытянувшись по-военному, подняли вверх свои походные кружки. Это был тост за Сталина, а значит и за победу, за Истру, за Клин, за Калинин, за Елец, за Наро-Фоминск, за свой родной Волоколамск, за все рус-

ские города и села, еще лежащие после немецкого нашествия в развалинах и пепелищах, но уже возрождаемые к жизни,

к труду, к творчеству, к борьбе, к славе и счастью.

Январь

★

В СНЕГАХ

Снега, снега... Снег по колено, по грудь, снег в человеческий рост. Метет поземка, кружит пурга, грозно свистит лютый январский ветер, из низких серо-черных туч падают крупные, пушистые хлопья. От Таруссы к Алексину, от Калуги к Мосальску, от Мещовска к Сухиничам легли по всем трактам — без конца, без края — высокие сыпучие сугробы. И в этой снежной целине плотными длинными колоннами, порой без всяких дистанций и интервалов, наглухо завязли немецкие машины. Темно-серые штабные фиаты. Длинные щеголеватые мерседесы. Маленькие лакированные шевролле. Огромные тупорылые бьюсинги с крытыми прицепами, величиной в товарный вагон. Мрачные, черные автофургоны, похожие на погребальные колесницы.

Далеко за Калугой, на крутом спуске у реки Брынь опрокинулся семитонный грузовик, принадлежащий «роте пропаганды» 216 германской пехотной дивизии. В кабине шофера — два аккордеона и серебряная ваза для фруктов. Украл где-нибудь в ресторане в Калуге...

Ветер треплет по снегу фашистские газеты и журналы: «Рейх», «Фелькшпер беобахтер», солдатский листок «Форвертс», «Гамбургер иллюстрирте дейтунг». Во всю первую страницу этого журнала — цветной портрет фельдмаршала фон-Браухича. Узкое, острое лицо, тонкие, повелительно сжатые губы. На левом лацкане парадного сероголубого мундира — орден Железного креста. Под портретом подпись красным готическим шрифтом: «История и провидение навсегда соединили для блага германской империи военный талант Вальтера Браухича и организаторский гений Адольфа Гитлера.»

Как видите, провидение не всегда бы-

вает прозорливым. Практичные солдаты 216 дивизии использовали этот портрет в массовом количестве для обертывания своих обмороженных конечностей.

Дивизия эта была переброшена в конце декабря под Мосальск из Франции и на пути — в Бресте — получила теплое обмундирование. Ох, уж это немецкое зимнее обмундирование... Те же побитые ветром шинели, но только на сантиметр длиннее летних. Те же пилютки, но только подшитые бумазеей. И, наконец, валенки, — точнее: короткие войлочные опорки на деревянной подошве, обшитые тоненькими ластиками кожи. Эти опорки надеваются прямо на сапоги. Они не греют и в них немисливо передвигаться по глубокому снегу. В одной только деревне Солодовка мы насчитали по обочинам дороги добрых три дюжины эрзац-валенки, брошенных бежавшими солдатами 216 дивизии.

Германская бронированная армада тщетно пыталась оторваться от наших войск, пересев на крестьянские розвальни. Командующий 13 армейским корпусом генерал фон-Штумпф издал три приказа о реквизиции у населения всех видов санного транспорта. Из Тироля и Штирии было срочно переброшено под Калугу некоторое количество австрийских лыжников-егерей. Но окрестные колхозники припрятали, закопали, изломали, сожгли свои дровни и розвальни, а австрийские егеря были быстро перебиты нашими автоматчиками.

В этой снежной войне большую службу сослужили наши конники и лыжники. Лошади утопают по брюхо в сугробах, но кавалерия неутомимо движется вперед, врубаясь в тылы отходящего противника. Минометы на санях, орудия на волокушах, пулеметы на лыжных установках. А рядом с конницей

и впереди нее рыщет «снежная кавалерия», — подразделения лыжников-автоматчиков. Так идут они, дополняя и подкрепляя друг друга, отходя, обгоняя, окружая противника, наступая ему на пятки, смело вклиниваясь меж его боевыми порядками, просачиваясь в любую брешь, обтекая фланги и сея смутнение и панику в далеких вражеских тылах.

...Мосальск, Киров, река Брынь и где-то совсем близко былинные брынские леса. Родные, знакомые мне еще с детства, смоленские, брянские, орловские края. Как далеко шагнули наши части от Серпухова, от Каширы, от Тулы...

На Калужском тракте нашу эмку, застрывшую в снежной целине, взял на буксир молодой водитель трехосного грузовика зиса, подвозчик боеприпасов Иван Сочевко. У него русский чуб, ясные серые глаза, голос густой, как октава. Родом он с Украины, из-под самых Сум. В сентябре был ранен, получил отпуск, поехал было навестить родных, да немцы опередили его.

— Поихав, та и не добрався, — с горечью говорит он.

Родину свою он любит до самозабвения. Послушаешь его и страстно потянет тебя на Сумщину, где васильковое небо, где тихие озера, где на старых, столетних дубах сидят важные и медлительные аисты. Сочевко с гордостью говорит о том, что он уже проехал на своей машине от Каширы 550 км по территории, освобожденной от немцев. Он побывал и в Туле, и в Калуге, и в Людинове, и в Кирове и всюду неизменно спрашивал:

— А как же Сумы?.. Хиба ж Сумы у германа останутся?

Но спрашивает он это так, для порядка, в голосе у него звучит радостная уверенность, и сам он отлично знает, что скоро Сумы станут в черед освобожденных от оккупантов городов.

Сочевко вез на буксире нас, а мы, в свою очередь, взяли на буксир лыжника с винтовкой за плечами. Это был инструктор Алексинского райкома партии Зотов.

— Иду восстанавливать советскую власть, — объяснил нам.

В селе Сашкино девушка в пуховом берете, с австрийским карабином наперевес, покрикивая: «А ну, держись середины!..», вела по дороге мужчину лет за пятьдесят в белом треухе, в длинной зеленой бекеше, в немецких тяжелых кованых сапогах. Эти сапоги были жалованы ему — бывшему дорожному мастеру Комарову — фашистским комендантом за холуйскую искириотскую работу в качестве старосты села.

Девушка с карабином оказалась председателем Сашкинского сельсовета Александрой Мосеевой. Позже, у себя в избе, она попросила нас присесть, полезла под печь, долго возилась там и, наконец, вылезла, тяжело дыша, вся в саже и в картофельных очистках.

— Вот, сберегла, — сказала она, ставя на стол небольшой узелок.

В теплой цветной шали и в чистой беленой холстине были завернуты портрет Ленина, печать колхоза им. Ленина, серебряная медаль, полученная колхозом на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, переходящее знамя Алексинского района и горсточка горьких и душистых семян клевера, которым славилось село Сашкино на всю Тульскую область.

И еще славилось Сашкино своими искусными потомственными пимокатчиками. В начале ноября немецкий комендант сдал сельской пимокатной артели заказ на 600 пар валенок. Но ни одной пары не получили немцы до своего бегства из Сашкино.

А как ревностно берегли крестьяне доверенное им на хранение колхозное имущество! Евдокия Лагутина спрятала у себя в сарае колхозную племенную корову, обвязала ее марлей и теплыми тряпками и отвечала всем фашистским солдатам, заходившим на ее двор: «Пан, больна корова, зеер больна, отравитесь, ежели будете есть ее мясо..»

— С чего же, Александра Ивановна, начинаешь восстановление колхоза? — спросил инструктор райкома.

— Со школы и с кузни, — ответила Мосеева. — Со школы потому, что ребята от рук отбились, а кузнице пора уже готовить инвентарь к весне.

Председатель сельсовета повела нас к колхозной кузнице. У ворот ее стояли

ве молотилки, изрешеченные разрывными пулями. При немцах в Сашкино молотило зерно в каменных ступах.

— А что, дядя Василий, — сказала председатель старику кузнецу Василию Цуркану, — в Клишине через недельки ве собираются обе молотилки отремонтировать. А у нас три скирды необмолоченного хлеба стоят.

— В Клишине? — переспросил Цуркан. — А у нас еще короче будет. Через неделю будут твои обе-две молотилки. Когда это клишинские сашкинских обгоняли?.. И на выставку в Москву мы раньше поехали, и на областную доску почета нас раньше записали, и кузнецы у них не те, брат, не те...

— Ох и расхвастался, старый, — замаялась Александра Мосеева. — А жеза где достанешь?..

— Эка невидаль, — небрежно сказал кузнец. — Эвон немцы добра-то этого оставили.

Цуркан выхватил из огня ослепительно белую полосу железа, и подвернувшийся тут же Сочевко схватился за молот.

— Гех! — повторял кузнец.

— Гех! — вкусно приговаривал Сочевко.

— Догоняй! — гремел кузнец.

— Смотри, дед, на пятки наступлю, — смеялся Сочевко.

Синее пламя взлетало над наковальней, и тесно столпившиеся у ворот колхозники, танкисты, конники, лыжники тепло улыбались, глядя на эту жаркую, ладную, вдохновенную работу.

Январь.

★

ПРОВОДНИК

Вот что произошло в селе Ново-Михайловском, под Боровском. Батальон тов. Иванова уже подходил снежным дождем к сельской околице, когда начальник разведки услышал необычайно вонкий детский голос:

— Э-о-эй...

От околицы, перемахнув через плетень, вырва в сугробах, бежала в стороне от дороги маленькая фигурка в черном ватнике. Иногда она совсем исчезала в снегу и только желтая заячья шапка маячила над белым пологом. При ближайшем рассмотрении фигурка оказалась мальчуганом лет 12—14. Добравшись до красноармейцев, он закричал прерывистым от усталости и волнения голосом:

— Сюда нельзя... Никак нельзя, дяденька... Тут мин видимо-невидимо понаптыркано. И пулеметчики засели... Вон за тем стогом... И за тем старым гумном... И за нашей школой...

Осторожно шаря по обочинам, минискатели прошли вперед пять шагов и сразу же извлекли из-под снега серый цилиндрок фашистской мины. Видимо, мальчуган был прав...

А он, сияя от оказанного ему доверия, рассказал, что зовут его Коля Андрианов, что он живет вместе с матерью в земляной норе возле своей избы, что немцы минировали почти все подступы к Ново-Михайловскому, что все эти дни он ходил по пятам германских саперов и что он беретя одному ему ведомыми тропами вывести батальон на другую околицу села.

Он спустился с бойцами назад в лес и повел их прямо по целине, по грудь в снегу, к мелкорослому хвойному леску. Порои он увязал по самые уши, и тогда начальник разведки вытаскивал его за воротник отцовского ватника. Справа и слева лежали минные поля, но это ничуть не беспокоило мальчика. У него были какие-то свои таинственные зарубки и засечки на молодых сосенках, какие-то собственные вешки, чуть-чуть черневшие из-под снега. Все выведал, выследил, вызнал этот дотошный паренек. Правда, один боец слишком далеко и круто взял влево, и тогда над лесом неожиданно вспыхнуло рыжее пламя взрыва. Боец не пострадал, но мальчик сокрушенно сказал:

— Эх, кабы знато-ведомо, я бы и

тут вешку воткнул. Это без меня здесь немцы мину поставили.

Он долго петлил по задворьям и загуменьям, но зато вывел батальон как раз в тыл фашистским пулеметным гнездам, прямо к избе, у которой стояли два немецких штабных вездехода. И когда из избы в панике посыпались оберлейтенанты и обер-фельдфебели, когда пулеметчики, бросившиеся к противоположной околице, взрывались на своих собственных минах, мальчиком овладел азарт боя. Вместе с разведчиками, как в охоте на дикого зверя, он яростно кричал:

— Ату их, гони, перехватывай!..

Всего полчаса потребовалось для того, чтобы в Ново-Михайловском перестал существовать опорный узел нового фашистского оборонительного рубежа. И только тогда Коля побежал к своей избе. Она была подожжена немцами, огонь бежал по стропилам, быстро подбираясь к соломенной крыше, горько пахло горячей глиной, и у пожара, охая и причитая, суетилась женщина в

старых, сбитых разномастных валенках.

— Мамка! — упавшим голосом сказал мальчуган, — мамка, что ж ты не доглядела тут без меня...

— Эту избу тушить в первую очередь! — приказал командир батальона.

Огонь быстро сбили, и к вечеру батальон ушел дальше на запад. Ис этого же вечера в подмосковном селе Ново-Михайловском вновь прочно утвердился советский уклад жизни. Я проезжал через это село, мы познакомились с Колей Андриановым, и я сообщил ему, что Военсовет Западного фронта наградил его орденом Красной Звезды.

Школу еще не восстановили, и Коля вернулся к своим несложным детским радостям. Он смастерил себе железный крюк и бегал на самодельных коньках.

И никто не говорил больше о том, что у этого мальчика — душа героя и патриота, так это было обычно для русской подмосковной деревни в героическую зиму 1942 года.

Январь.

★

РАЗВЕДЧИКИ

Глубокая тишина зимнего леса. Свирепый, лютый, совсем крещенский мороз. Огромная снежная воронка на дне лесистого оврага. На краю воронки, тесно прижавшись к снегу, четыре белых силуэта, четыре человека в белых смерзшихся капюшонах, в белых коленкорových халатах. В двух шагах пройдешь — ничего не заметишь!..

Вот одна белая тень медленно отделяется от товарищей. К дороге подходит рослый, атлетического сложения человек с наганом за пазухой короткого полусубка. Это лейтенант Лев Форнель, командир роты разведчиков танковой части товарища Антонова.

— А ну, давай «языка», — говорит лейтенант, — путь свободен.

Откуда-то со дна воронки извлекают вконец измерзшего, высокого тощего обер-фельдфебеля в коротеньких рыжих сапожках, обмотанных побуревшей от снега соломой: его взяли четыре часа

назад в немецкой штабной машине, в десяти километрах от линии фронта.

Обер-фельдфебель Курт Вюрмер даже и не помышляет о бегстве. Он только что видел русских разведчиков в бою и знает, что ему не уйти от них. Так они движутся по узкой лесной дороге — по середине семенит пленный, по краям идут легким широким пластушским шагом — молодец к молодцу — четыре советских автоматчика: Лев Форнель, его помощник лейтенант Пахомов, замполитрука Петров и боец Рукавичко.

В первые месяцы войны Форнель был водителем разведывательной бронемашины. Немцы зажгли его автомобиль термитными снарядами. Командир машины лейтенант Зотов и башенный стрелок Денисов были убиты. Форнель потерял было сознание, но, придя в себя, сейчас же схватился за руль и в горящем комбинезоне повел свою пылающую машину в часть. Он мчался, как

ветер, сбил пламя, вынес из машины готовые взорваться снаряды, вытащил тела погибших товарищей, кинулся в мокрую траву и, еще не погасив огонь на комбинезоне, поднялся и доложил командиру части о результатах разведки. Он выздоровел, отлежался, отдохнул и решил, что его боевая жизнь отныне неразрывно связана с разведкой.

Автоматчики роты Форнеля ходят и ездят в разведку, когда угодно и на чем угодно. На танке. На бронемашине. Верхом на лошади. На крестьянских развалнях. На лыжах. Пешком. Ползком.

Форнель — самый старший по возрасту в своей роте, хотя ему никак не больше двадцати пяти лет. Самым младшим — Жене Иванову и Коле Андрееву — по четырнадцать лет. Оба они оказали нашим частям неоценимые услуги еще до того, как их зачислили в разведроту.

Родная деревня Коли Андреева — Марково — была занята крупным фашистским отрядом, неоднократно менявшим свой состав. Почти каждый день мальчуган по своей инициативе доносил Форнелю о всех передвижениях гитлеровских солдат в Маркове.

Наконец, частые переходы Колей линии фронта обратили на себя внимание немцев. Его задержали, привели в штаб и там подвергли жестокому двухдневному допросу. Избитый до полусмерти мальчик сказал, что он может указать расположение советских разведчиков. Его повели к лесу. Он шел в трех шагах впереди своих конвоиров и как только встал на край глубокой, заросшей ольховником, балки, прыгнул, завертелся волчком, и лишь облако снежной пыли отмечало путь его стремительного падения. Немцы били по нему даже из миномета, но через час он, целый и невредимый, уже сидел в землянке у Форнеля и, плача и смеясь, рассказывал о своих злоключениях.

Когда изучаешь действие разведчиков Форнеля, то кажется, что именно для них писал Суворов свою «Науку побеждать»:

«Неприятель поет, гуляет, ждет тебя с чистого поля, а ты из-за гор крутых,

из-за лесов дремучих налети на него, как снег на голову, рази, тесни, опрокидывай, бей, гони, не давай опомниться.»

В ранний предрассветный час Лев Форнель и еще пятеро разведчиков, переправились через реку по темному, топкому льду и, проложив лыжни в глубоком сыпучем снегу, неожиданно появившись на шоссе, по которому фашистские войска отходили от Истры и Рузы к Можайску. Разведчики пролежали полчаса в снежной засаде и вдруг сыпанули из автоматов по длинному немецкому обозу, состоявшему из высоких скрипучих зеленых фургонов. Часть обозчиков легла костями тут же, у шоссе, а часть повернула вскачь обратно. Растерявшиеся немецкие минометчики ударили по своим же подводам, приняв их издали за советские тачанки, и снова поставили повозочных под смертоносный огонь советских автоматчиков.

Лейтенант Пахомов, вместе с веселым, смешливым украинцем Рукавичко, прошел тридцать километров по немецким тылам и выбрался к вражеской артиллерийской позиции. Мела пурга, и в этот злой мороз, когда немцы думали только о тепле, два советских разведчика вывели из строя и уничтожили двадцать фашистских артиллеристов.

Иван Рукавичко при нас вернулся из далекой разведки.

— Золотой хлопец, — говорит о нем Форнель. — Он у нас на лыжах ползком ходит в разведку.

И это действительно так. Рукавичко отправился на разведку в сосновый лес, где расположился штаб немецкой дивизии. Приблизившись вплотную к лесной дороге, он лег на лыжи и, слегка опираясь на палки, стал продвигаться вперед. Он прошел под самым носом у штабных часовых, облюбовал себе крупную высокую сосну, аккуратно разложил на ее ветвях автомат, обоймы, мешок с продовольствием, бинокль, флягу с водой, зеленую маскировочную накидку, привязал к стволу лыжи. Здесь он просидел двое суток и отправил к праотцам двадцать одного человека, в том числе четырех немецких офицеров связи.

Рукавичко ушел спать после двух бессонных ночей, а мы пошли проводить

Форнеля в ночной далекий огневой налет. Поздней ночью мы долго шли с ним по дороге трофеев. Эта дорога пролегла от Рузы к Можайску, поднимаясь из снежных лощин на крутые накатанные горы.

В глухой лесной чаще четыре красноремейца-связиста с трудом раскатывали огромный моток красного телефонного провода. Это — немецкий телефонный провод.

По узкому сельскому проселку мчалась серая машина с маленьким крестом, впаянным в радиатор. Это — немецкая машина.

Маленькие тупорылые минометы точно и методично били по шоссе Руза — Можайск, по которому откатывалась фашистская артиллерия. Это — немецкие минометы.

Все это называлось — трофеи в действии. Их взяли на полном ходу и тотчас же обратили против отступающей германской армии.

Здесь были растрепаны части германской армии, предназначавшейся для наступления на нижнее русло Волги. Форнель показал мне захваченные им в селе Воронцове в немецкой штабной машине детальнейшие карты районов Саратова, Камышина, Вольска, Энгельса, Сталинграда. Тут же были собраны справки об экономике и географии Заволжья, о промерах глубины дна в нижнем тече-

нии Волги, о сроках навигации, о лодовье и ледоставах, о переправах через великую русскую реку. Гитлеровцы хотели зимовать за Волгой, а их отбросили в глубокие снега за Рузу, за Можайск, за Бородино, за Уваровку.

Мы простились с командиром роты разведчиков уже под утро, когда крупные звезды блекли на светлом небосклоне.

— Вот, — сказал лейтенант, показывая нам карту, — почти каждый день приходится удлинять свою двухверстку на запад. Моя карта кончается у границы Московской области, а мы уже бывали здесь, и здесь, и здесь...

И он назвал ряд пунктов, он произнес названия смоленских деревушек на берегах застывшей в снегах речушки Гжать, которая еще не упоминалась в сводках Информбюро, но где уже смело рыскали по немецким тылам советские разведчики.

Затем лейтенант начертил тоненькую красную стрелку, указывавшую маршрут его нового рейда, спрятал карту в полевую сумку и подал команду. И они двинулись к лесу — десять снежных пластунов, с автоматами, перекинутыми через шею. И они шли такой легкой, неслышной походкой, что даже снег не хрустел под их широкими короткими лыжами.

Январь.

★

ГВАРДИЯ НЕ СДАЕТСЯ

Уже навечно, на все времена вошел в историю, в былины, в легенды, в народную песню сказочный подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев, уничтоживших в неравном, неслыханном бою 18 фашистских танков и павших на поле брани, не пропустив врага к Москве.

— Разве можно победить такой народ! — говорил тов. Щербаков, вспоминая о 28 богатырях в своем докладе 21 января на торжественно-траурном заседании, посвященном XVIII годовщине со дня смерти В. И. Ленина.

Подвиг рождает подвиги, и слава ум-

ножает славу... Вот случай, еще не получивший широкий известности, но который как бы является прямым продолжением благородного подвига двадцати восьми.

Дело происходило в той же 8-й Гвардейской Краснознаменной дивизии имени генерала Панфилова. И здесь горсточка гвардейцев преградила путь лавине немецких танков. И в этом случае, как и тогда, группу бесстрашных воинов возглавлял политрук. Там командовал политрук Василий Диев-Клочков, здесь политрук Андрей Георгиев.

На этот раз гитлеровцы отступали. Танки, тягачи, тракторы, огромные саперные грузовики, пехота, артиллерия— вся эта нестройная громада отходящей армии катилась на запад. Но здесь у безыменной высоты немцы решили зацепиться и еще раз попытаться счастья. Высоту защищали 16 гвардейцев-панфиловцев и с ними политрук Андрей Николаевич Георгиев. В течение ночи они отбили три атаки превосходящих сил противника. Один против пяти, один против десяти, один против пятидесяти! — такой боевой счет вели гвардейцы в эту бессонную лихорадочную ночь. Боец Яковенко заряжал для Георгиева автомат, и тот точно и непрерывно бил по цепям фашистских автоматчиков.

Под утро бойцы отдыхали, прикорнув прямо на снегу. Политрук беседовал с ними об уроках ночного боя.

— Вот видите, надо бить врага умением, а не числом, — сказал он, даже не подозревая о том, что за много лет до него эти же слова произнес Суворов.

Беседа не была окончена, так как в темносинее небо взлетели осветительные ракеты.

— Атака, — сказал Георгиев, поглядывая на воспаленный горизонт.

Двенадцать немецких танков двигались на высоту. За ними широким полукругом, несколькими волнами шли автоматчики.

— Подсчитать гранаты! — приказал политрук.

— Сорок штук, — ответил Яковенко.

— Без команды не бросать. Гранат должно хватить не только для танков, но и для автоматчиков.

Танки медленно смыкали бронированное кольцо вокруг высоты. Высота безмолвствовала, пока вражеские машины не подошли на 15—20 метров.

— Огонь! — скомандовал политрук. — Помните — драться до конца и побеждать, как наши 28 братьев-панфиловцев.

Первые два танка сразу же забуксовали перебитыми гусеницами, поднимая вокруг себя снежные вихри. В течение двух с половиной часов 17 героев, из-

бравших себе боевым девизом бессмертные слова «Гвардия умирает, но не сдается», отражали непрерывные атаки фашистов.

Четырнадцать гвардейцев пали смертью храбрых. Политрук Георгиев умер одним из последних, но еще оставались трое, и они приняли высоту, они продолжали сражаться, чтобы отомстить тем, кто навсегда остановил драгоценную жизнь их четырнадцати товарищей.

Когда комиссар части тов. Логвиненко прибыл на высоту со свежим резервом, двое из уцелевших гвардейцев стояли, тяжело опершись на бруствер, а третий в изнеможении лежал на снегу. Преодолевая нечеловеческую усталость, он поднялся, чтобы доложить комиссару. Но все было понятно и так. На поле боя стояли четыре подбитых немецких танка и лежало свыше двухсот убитых автоматчиков.

Четырнадцать гвардейцев похоронены на той же высоте, почти у самого края освобожденной Московской области, там, где три проселочных тракта вливаются в одну большую шоссеиную дорогу, ведущую на запад. Отсюда уже видна Смоленщина, темные срубы ее деревень, молодые березовые перелески, желтые скворешни над избами и садами.

Гвардейцы лежат головами на запад, в изголовьи у них свежая, остро пахнущая молодая хвоя, в ногах гусеницы с подбитых немецких танков. День и ночь движутся по шоссе нескончаемые колонны наступающей Красной Армии. Проходя мимо безыменной высоты, они невольно убыстряют шаг — крылатое слово — возмездие — как ветер, несет их на запад.

Спешите, не останавливайтесь, товарищи, тебя давно ждут на западе. Не думай об усталости, о 40-градусном морозе, не задерживайся подолгу у армейских костров. Мести за чистую кровь 14 героев, думай об их львиных сердцах, вспоминай о неукротимом их бесстрашии, о нетленной их славе. Ты встретишь еще немецких танкистов и автоматчиков, ты зажмешь их в огненное кольцо, ты загонишь их в смертельный тупик — забудь в эту минуту, что существует слово

«жалость». Иди, иди, товарищ, не оставивайся, пусть жажда мести влечет тебя, как путеводная звезда. 14 гвардейцев лежат в вечном безмолвии, но ты знаешь, ты слышишь, ты чувствуешь всем существом своим их посмертный боевой наказ.

Танкист, прибавь газу; шире шаг, пехотинец; кавалерия, рысью-а-арш! — пусть добрые кони без усталости мчатся сквозь снежную пелену на запад, на запад, вздымая за собой колкую серебристую пыль.

Февраль.

Народ-герой

С. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ

★

Мы видим и знаем, как отстаивает от врага родину наш народ. Героически борются наши красноармейские части, наши летчики, экипажи судов нашего Военно-Морского Флота. Честь им и слава! Родина не забудет их подвигов, так же как не забывает она подвигов их предков.

В книгу героической жизни нашего народа на наших глазах вписываются одна за другой блестящие страницы. А книга эта пишется свыше тысячи лет, и записи первых наших историков — летописцев — очень коротки.

Расселившись по обширной и плодородной равнине между Белым и Черным морями, между Уральскими и Карпатскими горами, славянские племена долгое время не сливались в единое государство: была Киевская Русь, Червоная, или Югорская, Русь (с главным городом Галичем), Новгородская Русь, Суздальская Русь с городами Суздаlem и Владимиром и другие.

С юга русские земли подвергались опасности от воинственных кочевников, выходцев из Азии, которых привлекали прикаспийские и причерноморские степи. Это были тюркские племена — хозары, печенеги, половцы и несколько позже татары. На северо-западе упорным и сильным врагом был так называемый «ливонский орден», или «орден крестоносцев» — прибалтийские немцы.

Положив много труда, чтобы освоить громаднейшую равнину, освободить для пашни широкие пространства, покрытые

дремучим лесом, русский народ издавна умел защищать свою землю.

Летописцы Киевской Руси оставили нам память о великом русском воине Святославе, жившем тысячу лет назад.

Собираясь в поход против врагов, он неизменно предупреждал их об этом: «Иду на вас, — приготовьтесь!» В нем не было и тени вероломства. Войско его было на конях, поэтому, по словам летописца, он ходил легко, как барс, не возил с собой никаких обозов, все труды и лишения походной жизни переносил, не требуя себе никаких преимуществ. «Таковы же и воины его были», — добавляет летописец.

Святослав всю свою жизнь провел в походах против хозар, печенегов и византийцев. Окруженный большим войском врагов, он обратился к своим воинам со словами: «Не посрамят земли Русской! Ляжем костями! На мертвых не будет стыда!..» Воины его дрались в этом бою, как герои, и вышли из окружения.

Воинственным вождем киевлян был и сын Святослава — Владимир, ходивший походом в Крым, покоривший Херсонес (на месте Херсонеса ныне стоит Севастополь). Ко временам Владимира приурочены народные былины о богатырях, защитниках русской земли: Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче и многих других. При Владимире же русский народ, бывший до того народом языческим, принял христианство от греков и тем самым

приобщился к передовой для того времени византийской, греческой культуре. Монахи Кирилл и Мефодий составили для русских азбуку и начали переводить на славянский язык греческие книги.

Лет сто спустя, во главе обороны русской земли от половцев твердо стоял другой Владимир, по прозвищу Мономах, сделавший за свою жизнь несколько десятков больших походов в половецкие степи. Как при нем, так и после него южнорусские города очень часто объединяли свои силы для борьбы с кочевниками, беспокойными и многочисленными. Долгая борьба в южнорусских степях кончилась тем, что половцы были вытеснены на запад. Они осели потом в долинах нынешней Венгрии.

Очень долго тянулась и борьба древнейших русских городов Новгорода и Покова с немцами «ливонского ордена». Если теперь Гитлер объявил свое нашествие на нашу страну «крестовым походом», то это сделано им как бы в память о походах немцев против новгородцев. Эти походы тоже назывались тогда крестовыми. И если теперь кресты чернеют на немецких самолетах, то и тогда на щитах ливонских рыцарей изображались кресты (отсюда и рыцари назывались крестоносцами).

В железной броне, в железных шлемах, на конях, тоже покрытых броней из мелких железных колец, рыцари эти считались в те времена непобедимыми. Они шли плотным строем — как бы крепость на множестве конских ног. Тактический прием нападения, называемый клином, применялся ими и тогда, как применяется он теперь: «русские звали немецкий клин «свиньей». Этой «свиньей» немцы разрывали строй войск противника, выходили ему в тыл.

И нужно быть гениальным полководцем, каким был призванный новгородским вечем на княжество Александр, разбивший немцев на берегах Невы, за что получил прозвище Невский, и нужно быть воинами чрезвычайной стойкости, какими были воины-новгородцы, чтобы в 1240 году, несмотря на большие силы немцев, наголову разбить их на льду Чудского озера.

Уничтожая разбитое войско врага, Александр гнал немецких псов-рыцарей по льду семь верст. Уцелевшие от русских мечей немецкие рыцари были загнаны в полыньи у берега, где они и потонули.

Блестящая победа эта надолго обеспечила русскую землю с запада, но как раз в это время и Киевская Русь, и Суздальская, и Владимирская, и Рязанская области подверглись нашествию кочевников гораздо более сильных, чем печенег и половцы, — татар, также пришедших из степей Азии.

Внук величайшего азиатского завоевателя Чингисхана, по имени Батый, или Батыхан, привел на Русь огромное войско — триста тысяч конников. Это войско снабжено было машинами для метания камней (артиллерия того времени) и таранами — бревнами на железных цепях — для разбивания городских стен.

Разделенная тогда на сравнительно мелкие «удельные» княжества, к тому же часто враждовавшие между собой, Русь не могла противостоять огромному войску татар. Русские города сжигались врагом, жители истреблялись, и Русь на очень долгие годы осталась под татарским игом, задавившим молодую нашу культуру. Ханские баскаки (чиновники) разъезжали по всей русской земле и собирали с населения непосильную дань.

Как победа татар была облегчена тем, что они громили русские удельные княжества поодиночке, так и власть татар над русскими длилась долго потому, что между князьями не было единения. Даже больше того, князья ездили в ханскую ставку на Волге жаловаться один на другого в надежде оттянуть кусок чужой земли, а то и целое княжество.

В это тяжелое для русского народа время и выдвинулась Москва, бывшая вначале небольшим городком Суздальского княжества. И городок был маленький, и река, на которой он стоял, тоже не из больших, но там, в тиши, под защитой лесов, постепенно накапливались силы для борьбы с татарами.

В небольшом городе зрела великая идея освобождения от «нового порядка»,

заведенного ханами, и когда московский князь Дмитрий, прозванный потом Донским, накопил достаточно по его мнению обученных ратному делу людей и заручился согласием соседних князей о помощи, он смело выступил против татарского полководца Мамай.

Встреча с татарами произошла на верховьях Дона, на так называемом Куликовом поле. С обеих сторон тут билось несколько сот тысяч людей. Бой был рукопашный, очень кровопролитный и жестокий. Сам Дмитрий бился в рядах простых воинов. Татары пользовались тогда славою непобедимых, однако, были побеждены русскими и бежали. Русские конные полки гнались за врагом, уничтожая его, несколько десятков километров.

Куликовское побоище так расшатало власть татар, что она вскоре рухнула. Благодаря этой славной победе русский народ вновь поверил в свои силы. Мужественное русское воинство развеяло легенду, что татар с их огромнейшими ордами нельзя победить.

Приняв на себя удар завоевателей-татар, русская земля спасла, защитила собою Западную Европу, позволила ей развивать общечеловеческую культуру, сохранила для нее свободу этого развития. Сбросив же с себя татарское иго, народ-герой навсегда избавил западноевропейские страны от самой возможности нашествия кочевников.

С тех пор над другими русскими городами поднялась Москва — собиратель земли русской. Москва положила конец очень пагубной раздробленности русского народа на мелкие удельные княжества, Москва объединила многие из них и стала столицей Московского государства.

При замечательном московском царе Иване Грозном пределы государства очень расширились. Покорив последние татарские ханства на Волге — Казанское и Астраханское, — Иван Грозный присоединил к московским землям псковские и новгородские и бился за естественную государственную границу — Балтийское море. Кроме того, при нем уральские казаки под начальством Ермака Тимофеевича проникли в Западную Сибирь

и «поклонились» ему этим новым обширнейшим лесным краем.

Но вскоре после смерти Ивана началось так называемое Смутное время, расшатавшее государственную жизнь до того, что пришедшие с запада иноземцы с помощью русских изменников-бояр заняли Москву и угрожали народу нашему новым игом.

Спасителями родины тогда оказались житель Нижнего-Новгорода Козьма Минин и ратный воевода Дмитрий Пожарский. Минин выступал перед нижегородцами с призывом постоять за русскую землю, освободить Москву, изгнать иноземцев. Все свое имущество он отдал на это дело, и воодушевленные им нижегородцы несли ему деньги и ценные вещи, а также и оружие, у кого какое было, а годные для военного дела люди собирались к нему со всей русской земли.

Начальство над полками принял Пожарский. И когда войско стало и многочисленным, и обученным, Пожарский и Минин повели его выручать Москву.

И произошло нечто новое в русской истории: столицу свою отбивало у врагов и у своих же изменников войско, пришедшее из далекой провинции. И так силен был призыв патриотов, что, уступая и в числе, и в вооружении, и в знании ратного дела, русские все-таки разбили противника под Москвою, вторично разбили его в самой Москве и, наконец, заставили его бежать из своего священного города — собирателя Руси.

Памятник Минину и Пожарскому на Красной площади в Москве — это памятник не только им, но и всем героям-нижегородцам, настоящим гражданам своей страны.

После смутного времени народ наш укреплял свои границы на западе, отбивался от крымских татар, нападавших с юга, и вскоре объединился в одно государственное целое с украинским народом, так что Киев снова стал русским городом и весь Днепр, старинный славянский водный путь от Балтийского к Черному морю, вошел в русские пределы. Главным деятелем этого объедине-

ния явился гетман Украины Богдан Хмельницкий.

Русская равнина, имевшая за несколько сот лет до того много государственных центров, по числу удельных княжеств, получила теперь единый центр — Москву.

Москва стала подлинным сердцем обширнейшей страны. В Москву начали приезжать посольства государств Западной Европы, из Москвы посылались, в свою очередь, послы на Запад. Она уже входила в европейскую жизнь, но настоящее «окно в Европу» суждено было прорубить в начале следующего, XVIII века, царю-герою Петру I, о котором сказал Пушкин:

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

До Петра народ русский был сухопутен, так как моря — Черное, Азовское, Балтийское — принадлежали другим. Но среди иностранцев-ремесленников, селившихся в Москве, были и голландцы — природные моряки. Голландцы-плотники построили русскому царю бот, ходивший на парусах. С этого бота и началось строительство военно-морского флота.

Потом пошло: азовские походы, балтийские походы, основание Петербурга на устье Невы и перенесение туда столицы, двадцатилетняя война со шведами за Балтийское побережье, громкая победа младенчески юного русского флота над старым шведским при Гангуте (ныне Ханко), еще более громкая победа над шведами под Полтавой.

Петр едет за границу, чего не делал ни один из русских царей; Петр — на Кавказе, в Дербенте; Петр — в Архангельске; Петр строит Петрозаводск; Петр строит каналы на севере; Петр — на реке Пруте... везде Петр!.. При Петре Московское государство стало называться Россией.

При таком, не знавшем усталости реформаторе, говорившем «промедление невозвратимой смерти подобно», преобразился и русский воин — и внутренне и внешне.

Появились офицеры и генералы, фельдмаршалы, как в иностранных армиях, — прежде не было таких названий. Чтобы стать офицерами, дворянские дети должны были учиться арифметике, навигации и прочим, мало распространенным до того на Руси наукам.

Учились и в России, в основанных Петром школах, посылались учиться за границу, — все учились, всему учились, и новый русский воин, по крайней мере командный состав, стал уже не хуже врагов разбираться в военной науке.

На Западе русский народ вошел в славу, особенно при дочери Петра Елизавете, когда Россия вступила в союз западных государств — Франции и Австрии — для войны против короля Пруссии Фридриха II, считавшегося непобедимым полководцем.

Русские войска появились тогда в прусских пределах и в сражениях при Цорндорфе и Кунерсдорфе так разгромили немцев, победителей французов и австрийцев, что вся армия Фридриха рассыпалась, кто куда, и он остался полководцем без солдат, и рисковал остаться королем без королевства, так как и столица его — Берлин — была взята русскими войсками.

Фельдмаршал Салтыков, русский главнокомандующий, так доносил тогда Елизавете: «Что до российских гвардейцев касается, могу сказать, что противу их устоять никто не может, а сами они, подобно львам, презирают свои раны».

Фридрих же пустил крылатую фразу: «Русского солдата мало убить, его надо еще и повалить на землю». Такова была аттестация русскому воину, выданная его врагом; необычайной стойкостью его, мужеством, героизмом объяснял прусский король свое неслыханное поражение. И никогда до того, даже при Петре, не пользовалась русская армия такой славой в Европе, как после этой войны.

Фридрих II до самой смерти своей не переставал удивляться отваге русских воинов и неослабно следил за их действиями в войнах при Екатерине II за овладение берегами Черного моря. Особенно поразила Фридриха победа екате-

рининского генерала Румянцева, имевшего под своим начальством всего семнадцать тысяч солдат над огромной, полторастатысячной армией турок при Кагуле. Спустя несколько лет молодой русский полковник Михаил Илларионович Кутузов приехал в Берлин долечиваться от своей тяжелой раны в голову, семилинейной круглой турецкой пулей навывлет. Фридрих пригласил его к себе во дворец, как участника сражения при Кагуле, где один русский воин сражался против девяти турок и победил.

Прусский король не мог понять, как русский полковник сумел обмануть смерть: у Кутузова была сквозная рана в голову — пуля вошла около левого уха и вышла в правый глаз. Вскоре Кутузов вторично обманул смерть: через два года он был ранен под Очаковым и тоже в голову навывлет, и врачи, увидев его рану, только безнадежно пожалы плечами, а он не только выжил, но еще и прослужил после того в армии лет сорок, брал при Суворове Измаил, сражался с Наполеоном как фельдмаршал и выгнал его из России.

Кутузов был любимым ученик Суворова Александра Васильевича, первого русского генералиссимуса, что считалось выше фельдмаршала.

Когда поэт времени Екатерины II Бержавин задумался над тем, какую бы пифагию в стихах писать на могилу Суворова, у него вышло только три слова: «Здесь лежит Суворов». Стихи — и признал излишними: Суворова все знали и без похвальных стихов.

О Суворове можно сказать, как о Еятыславе: «Легко ходил, как барс... таковы же и воины его были». «Суворовские переходы», «суворовские форсированные марши» вошли в обиходный язык.

У Суворова был свой язык, очень бразный и вполне понятный русским воинам, которых он называл «чудо-богатырями». Он сражался с ними против немцев при Елизавете, против турок при Екатерине, против французов в Италии при Павле и не проиграл ни одного сражения.

Он любил говорить о себе: «Я — солдат», и был действительно всю жизнь

солдатом, очень простым в своих привычках. Он добивался и добился того, чтобы обмундировка его чудо-богатырей была наиболее простой и удобной. Он говорил: «Костюм солдата должен быть таков: встал — и готов!»

До сих пор показывают туристам в Альпах «Дорогу Суворова», по которой не могли бы пройти никакие войска, кроме русских, — таково мнение всех военных специалистов. «Терпи холод, голод и все солдатские нужды», «Если тебе плохо, знай — неприятелю еще хуже», «Сам погибай, а товарища выручай» — это все заветы Суворова. При нем каждый русский воин «знал свой маневр», то-есть действовал по-суворовски: «глазомер, быстрота, натиск!» Суворовской школы были не только генералы, как-то: Кутузов, Багратион, Милорадович, Раевский, Ермолов и другие, но и множество солдат во множестве полков, и они проявили себя, когда русскому народу пришлось отражать нашествие наполеоновских армий в 1812 году.

Наполеонова армия в 610 тысяч человек была для того времени невиданной. Казалось, что она вполне была способна в кратчайший срок раздавить силы России. Однако в кратчайший срок была раздавлена и уничтожена она сама.

Тогда героями были не только русские солдаты и ополченцы, но и весь народ, начавший партизанскую войну с врагом. Армия Наполеона погибла почти вся в пределах России (едва ли тридцать тысяч из нее добрались до Франции), причем погибла она не от морозов, а под непрерывными ударами русских войск и партизан. Наполеон, перейдя реку Березину вместе с армией, насчитывающей еще сто тысяч, бросил потом остатки ее и поспешно бежал во Францию 5 декабря, — значит, все нашествие кончилось еще до наступления настоящей зимы.

Бородинский бой под Москвою, в котором французы потеряли треть всех своих сил, дошедших до Москвы, остался на целый XIX век непревзойденным по своей ожесточенности. Наполеон впоследствии говорил о нем: «Из всех

данных мною сражений самое ужасное то, какое я вел под Москвою».

Великое упорство русского воина в этом бою заставило его добавить: «Здесь русские приобрели право считаться непобедимыми».

Это «право непобедимости» русский солдат и русский матрос показали миру через сорок с лишним лет после Бородинского боя, защищая от натиска четырех держав Европы насупленные бастионы Севастополя в течение почти целого года.

Крымская кампания 1854—1856 годов была начата интервентами с большим размахом, но ограничилась только несколькими городами на побережье Крыма и Приазовья, благодаря упорной защите Севастополя моряками Черноморского флота и пехотинцами. По словам поэта того времени,

...Одиннадцать месяцев длилась резня,
И одиннадцать месяцев целых
Чудотворная крепость, Россию храня,
Хоронила сынов ее смелых.
Но росла и росла богатырская рать,
Шли бойцы из железа и стали, —
И как знали они, что идут умирать,
И как свято они умирали!

Двадцать лет спустя, в войне 1877—1878 года за освобождение балканских славян, русские воины стойко выносили «холод, голод и все солдатские нужды», то-есть то самое, от чего будто бы погибла армия Наполеона I в России.

Если предводимые Суворовым русские войска совершили беспрецедентный переход зимою через Альпы, то в войну 1877—1878 года, также зимою, русские перевалили с боями через Балканский хребет.

С особенной силой и яркостью стойкость русского воина проявилась во время гражданской войны, когда героическая Красная Армия, не имевшая еще достаточно оружия и обмундирования, разгромила прекрасно одетые, обутое и снабженные вдоволь техникой, продовольствием и боеприпасами армии белогвардейцев и интервентов четырнадцати держав!

В одной из официальных немецких

газет последнего времени говорилось по поводу наших красноармейцев, что они могут вести войну в таких условиях, которые считали бы для себя невозможными солдаты всех других европейских армий. Это сказано было, разумеется, в объяснение того, что «молниеносная» война провалилась, но вместе с тем это — невольная дань признания, выванная героизмом советских бойцов у наших заклятых врагов-гитлеровцев.

Внуки суворовских чудо-богатырей оказались достойны дедов.

Откуда же все-таки эти черты героизма, присущие русскому народу?

Если какой-либо народ живет издавна на берегах моря, причем берега эти изрезаны удобными бухтами, то вполне естественно, что народ этот даст опытных и отважных моряков, привыкающих владеть изменчивой водной стихией. Степи рождают лихих конников; горы вырабатывают энергический тип людей, так и называемых горцами; леса — охотников, метких стрелков, следопытов.

Но обширнейшая родина наша, простирающаяся на север до полюса, на юг — до Ирана и Китая, на восток — до Тихого океана, имеет в изобилии все, перечисленное выше, и длиннейшую линию морских и океанских берегов, и степи всех видов, и леса (до миллиарда гектаров у нас лесов!), и горные хребты, местами растянувшиеся на тысячи километров, с вершинами, покрытыми вечным снегом.

Настойчивый, выносливый, упорный в достижении своих целей, всюду проник великий землепроходец — русский человек! Поморы крайнего севера, эти кряжистые люди, уходящие на своих елах и карбасах бить морского зверя на островах Ледовитого океана, — им ли занимать у кого мужества и героизма!.. Они дали некогда родине великого русского ученого Ломоносова, а герой в науке то же, что и герой на войне. Они открыли и освоили, как охотники, то, что до них было только белым пятном на картах мира.

Сибирские казаки пробивались по своим многоводным рекам через тайгу и тундру в тот же Ледовитый океан и часто оставались там на зимовье. За

исключением таких, как братья Лаптевы, Семен Дежнев и нескольких других, они не оставили нам даже и своих имен, а между тем они — отважнейшие путешественники, исследователи планеты Земля.

Преодолевая бесконечные девственные леса, дикие горы, бесплодные песчаные пустыни, русские люди не то чтобы «отправлялись в экспедиции», они просто жили в тех условиях, в какие попадали, и эта «простая жизнь» из года в год, из поколения в поколение, из века в век создала того типичного русского человека, которому не страшны никакие труды и лишения войны, который привык смотреть в лицо опасности, не мигая.

В этой страшной борьбе не за жизнь, а насмерть, какую ведем мы сейчас с германскими полчищами, героями ведут себя и женщины, боевые подруги бойцов и партизан, и даже дети, чего

гитлеровцы не видали нигде на Западе.

Как ни молоды наши Красная Армия и Военно-Морской Флот, но они сверху донизу, от маршалов до рядовых бойцов, проникнуты идеей защиты родины от подлых захватчиков, а эта идея — мастита и величава. Она рождает героев.

Когда-то Петр I писал по поводу своей победы при Полтаве: «Непобедимые господа шведы хребет свой показали!»

Мы видим, как показали уже хребет свой и «непобедимые господа немцы». «Доброе начало — половина дела», — говорит пословица. От мала до велика мы все уверены в том, что вторая половина нашего общего дела не за горами.

Народ-герой побежденным быть не мог и побежден не будет, а кровожадный, подлый враг не будет владеть нашей землей.

Великая Ледовая Одиссея

1741 — 1941

Е. ЮНГА

★

1.

Под бременем тяжких испытаний, когда кровью пишутся главы истории и в смертельных схватках сызнава решаются судьбы нашей родины, память каждого патриота неизменно обращается к героическим примерам прошлого, черпая в нем, как в живительном роднике, мужество и стойкость, бесстрашие и волю к победе.

...Воззрим на древни времена,
Российска повесть тем полна.
В своих увидишь предках явны
Дела велики и преславны, —

так знаменитый современник плеяды «птенцов гнезда петрова» Михаил Васильевич Ломоносов воспевал в своих одах деяния участников Великой Северной экспедиции, чей двухсотлетний юбилей совпал с грозной годиной Освободительной войны советского народа против немецких захватчиков.

Значение Великой Северной экспедиции не только в торжестве человека над природой. В делах ее участников отражены чудесные качества, вообще свойственные людям нашей страны с тех далеких времен, о которых Нестором сказано в летописи: «Нача ея прозывать Русская земля: отселе почнем». Ибо русский народ всегда являл миру образцы героизма и самопожертвования: и на полях сражений с чужеземными поработителями, и в битвах за освоение новых пространств.

Одной из таких битв была экспедиция русских моряков, известная людям XVIII века под названием Большой Северной или Второй Беринговой, или Второй Камчатской, или Первой Академической экспедиции, которую последующие поколения справедливо наименовали Великой. Лишь два географических предприятия прошлого могут сравниться с ней грандиозностью замысла и практическими результатами: плаванья Колумба и Магеллана. Подобно им, она была решительным наступлением на космографические догмы в ту пору, когда побережья Ледовитого океана от Югорского Шара до Берингова пролива, крайний северо-восток Азии и вся северная часть Тихого, Великого или Восточного океана были неисследованы, а материк Нового Света был известен только до мыса Мендосино у Калифорнии, когда на картах, составленных в Париже, изображались созданные фантазией космографов и мореплавателей золотые и серебряные земли Гамы, Штатов и Компании. Практические результаты экспедиции неисчислимы. Ее участники окончательно установили существование пролива между Азией и Америкой, исправили карты северной части Тихого океана, доказав, что земли Гамы, Компании и Штатов — плод досужего вымысла неудачников, открыли северо-западные берега Америки и Алеутский архипелаг, южные Курильские острова и северный путь в Японию,

исследовали Камчатку и Сибирь, наши в Якутском архиве неоспоримые документы о том, что Берингов пролив впервые пройден в 1648 году устюжским опытовщиком Семеном Ивановичем Дежневым, основали Петропавловский порт, построили первые корабли тихоокеанского флота, а главное, дали черновой набросок Северного Морского пути и контуров побережий Ледовитого океана — титаническая работа, выполненная в течение десяти лет ценою ужасных лишений и самоотверженной борьбы исследователя XVIII века с природой. Отряды экспедиции одновременно действовали на протяжении 130 градусов долготы, на пространных длиной в тринадцать тысяч километров в самых суровых по климатическим условиям местах, между 64 и 78 градусами северной широты, иными словами, охватили исследованиями и картографическими съемками свыше трети земного шара: масштабы поистине достойные и для нашей эпохи с ее совершенными техническими средствами и знанием того, что являлось неизвестным для человека в годы Великой Северной экспедиции.

2.

Великая Северная экспедиция стала возможной благодаря созданию отечественного морского флота. Этим наша страна обязана дальновидному уму Петра I, решительно пресекавшего вековую политику сухопутья.

До тех пор история русского мореплавания была перечнем взлетов и падений, т.е. внимания и пренебрежения к флоту. На географических картах 1500 года нанесены открытые поморскими рыбаками Новая Земля, Вайгач, Колгуев, Кильдин, Шпицберген. Однако, по указу Михаила Романова, поморам было запрещено заниматься мореходством. Царь и бояре опасались, что дальние плавания рыбаков привлекут к нашим берегам излишнее любопытство иноземцев. По воле ограниченных правителей допетровской Руси страна на долгие годы, словно улита, замкнулась в тесную раковину сухопутья.

Попытки выбраться из нее, предпринятые в середине XVII века, закончились неудачей, хотя неутомимые морские патриоты — северодвинцы и поморы — не оставляли мысли о плаваниях в неведомые земли. Им, уроженцам Холмогор, Мезени, Великого Устюга, — Реброву, Пояркову, Дежневу, — принадлежит честь пионерских походов по крайнему северо-востоку азиатского материка, открытия морских путей из устья Амура на Охотское побережье, из Лены в Индигирку, Яну и Колыму, из Колымы через пролив между Азией и Америкой к Анадырю и Камчатке. Неизведанные простирались от штилевых широт экватора до арктических льдов тихоокеанские берега величайших материков. К ним не рисковали плыть на двухсоттонных каравеллах снабженные буссолями и астролбиями мореходы Западной Европы, а русские люди доплыли на плоскодонных, прошпаклеванных глиной кочах, под ровдужными парусами, с креплениями из оленьих жил, без карт и компасов. Но походы опытовщиков, предпринятые на свой страх и риск, были случайным успехом горстки смельчаков. Политика привычного сухопутья оставалась на Руси неизменной до петровской эпохи, когда была найдена единственно точная формула исторической необходимости для нашей страны: «Всякий потентат, который одно войско имеет — одну руку имеет, а который и флот имеет — обе руки имеет».

Этой крылатой фразой Петра I начался XVIII век — эпоха закономерного возвращения к старинным морским границам. Искожные русские земли были освобождены от захватчиков. На Балтике появился настоящий хозяин — мощный по тому времени военный флот, созданный для охраны западных рубежей России. Он наголову разбил шведов в памятной битве у мыса Гангут. Корабли сильнейшей тогда морской державы, преследуемые русским флотом, позорно спустив вымпела, бежали во-свояси.

Покончив с врагами на Балтике и Азовье, выращенные Петром кадры моряков со свойственной русским людям

любовью к морю и отвагой явили миру новых Колумбов. Плавание морехода Мошкова из Охотска на Камчатку, открытие казаком Татариновым Шантарских островов близ устья Амура, плавание геодезистов Лужина и Евреинова вдоль Курильской гряды, капитан-командора Беринга и капитана Чирикова, а за ними подштурмана Федорова и геодезиста Гвоздева к Берингову проливу, открытие Берингом и Чириковым северо-западных берегов Америки, походы капитана Шпанберга и подштурмана Петрова через Охотское море в Японию, открытие Алеутского архипелага и Командорских островов, ледовые рейсы лейтенантов Малыгина, Прончищева, братьев Лаптевых по Северному Морскому пути — вот далеко не исчерпанная летопись новаторских исканий петровской эпохи, завершенных грандиозной ледовой одиссеей русских мореплавателей XVIII века — Великой Северной экспедицией.

3.

Мысль о Великой Северной экспедиции зародилась в то время, когда наш флот располагал кадрами моряков, в достаточной степени подготовленными к столь необычному вояжу. Это были прежде всего свободные от предрассудков космографии воспитанники петровской Морской академии, всегда готовые «умножать славу отечества»; это были и уроженцы Западной Европы, опытные моряки дальнего плавания, многолетней службой на русских кораблях доказавшие свою верность новой родине.

Впервые мысль о пути сквозь льды на восток подал Петру I его советник по флотским делам капитан-лейтенант Ф. И. Соимонов, просвещенный моряк, немало сделавший для развития отечественного мореплавания, в частности, на Тихом океане. Летом 1722 года, в дни персидского похода, на привале в Казани, где завязался разговор о богатствах Камчатки, Шантарских и Курильских островов, открытых казаками, Соимонов посоветовал Петру:

«...А как вашему величеству извест-

но, сибирския восточныя места и особливо Камчатка от всех тех мест и филиппинских и японских островов до самой Америки по западному берегу не в дальнем расстоянии найтись можно. И потому много б способнее и безубыточнее российским мореплавателям до тех мест доходить возможно было против того, сколько ныне европейцы почти целья полкрута обходить принуждены. Посему снарядить экспедицию из Архангельска чрез Нордное море кругом Сибири, и ежели Азия и Америка разделены проливом, то проплыв им до Камчатки и Охотска, взять новые земли под владение Российской державы до рубежей с Китаем.»

Мысль была правильна и вполне отвечала интересам страны, однако, прежде чем предпринимать подобную экспедицию, следовало убедиться в существовании выхода из Ледовитого океана в Тихий, о чем, кстати, ходатайствовали Парижская академия и Лейбниц. Ни Петр, ни его западноевропейские корреспонденты, ни Соимонов и другие из современников не подозревали, что загадочный Анианский пролив между Азией и Америкой давным-давно пройден русскими опытовщиками: челобитная Семена Дежнева с извещением о плавании через пролив лежала под спудом казачьих отписок в Якутском архиве.

И вот спустя семьдесят пять лет после дежневского вояжа все началось сызнова. Петр сам занялся подбором людей, которым предстояли поиски пролива, предусмотрел до мелочей снаряжение экспедиции и за три недели до своей смерти успел написать инструкцию, точно определявшую цель похода:

«Надлежит на Камчатке или в другом том месте сделать один или два бота с палубами. На оных ботах плыть возле земли, которая идет на Норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки. И для того искать, где она сошлась с Америкою...»

Экспедиция продолжалась пять лет и, по стечению неблагоприятных обстоятельств, не сумела доказать раздельности материков, хотя и достигла проли-

ва. Туманы помешали морякам увидеть противоположный берег. Краткую, без достоверных доказательств, реляцию командующего экспедицией Беринга приняли в Адмиралтейств-Коллегии скептически. Именно из-за отсутствия достоверных доказательств существования пролива Адмиралтейств-Коллегия в апреле 1730 года сочла неприемлемым проект нового похода, представленный Витусом Берингом.

Проект был озаглавлен:

«О мерах к устройству Охотского края и Камчатки, о проведывании пути к Америке и Японии для учреждения с оными странами торговли, и о проведывании северного берега Российской империи между Обью и Леной.»

По сути это было повторение плана Соймонова. Беринг лишь развил мысль советника, подкрепив ее выводами из своих наблюдений Сибири и Дальнего Востока.

Важнейшие пункты проекта гласили:

«Понеже выведывая изобрел я, что далее Оста то море (ныне Берингово) волнами ниже подымается, також и на берег острова, именуемого Карагинской, великой сосновой лес, которого в Камчатской земле не растет, выбросило; и для того признаваю я, что Америка или иные, между оной лежащие земли, не очень далеко от Камчатки, например, 150 или 200 миль быть имеет; и буде подлинно так, что можно будет установить торги с тамошними обретающимися землями, к прибыли Российской империи; а того де прямо можно будет доискиваться, ежели построить судно, величиной, например, от 40 до 50 ластов.

Не без пользы было, чтоб Охотский или Камчатский водяной проход до устья реки Амура и далее до японских берегов выведывать; понеже надежду имею, что тамо нарочитыя места можно находить, и с теми некоторыя торги установить; також, ежели возможность допустит, и с Японами торг завести, чего б не малой прибыли Российской империи впредь могло оказаться...

Ежели за благо разсуждено будет, северныя земли или берег от Сибири, а именно от реки Оби до Енисея, а

оттуда до реки Лены, к устьям оных рек можно свободно и на ботах или сухим путем выведывать, понеже оныя земли под высокою державою Российской империи суть.»

Через два с половиной года, благодаря поддержке обер-секретаря Сената, автора первого атласа нашей страны И. К. Кириллова, президента Адмиралтейств-Коллегии Н. Ф. Головина и Академии наук, проект был одобрен.

Сенат высказался за экспедицию, утвердив ее на срок до шести лет, значительно расширил программу ее работ, для успешного выполнения их разрешив постройку не одного-двух судов, как скромно предлагал Беринг, а десяти-двенадцати кораблей, предписал Академии наук включить в состав экспедиции своих представителей и, отклонив предложение Адмиралтейств-Коллегии о посылке морем вокруг света отрядов, коим было поручено плыть на поиски северо-западных берегов Америки и северного пути в Японию, объявил экспедицию секретной. Официальная инструкция скрывала подлинную цель похода. Морякам, на случай встречи с иностранцами, было приказано:

«...И содержать им (командирам) их (инструкции) в секрете, и особливо во время вояжа во охранении. А для публичного показания Берингу и Чирикову, которые поедут к Америке, Шпанбергу до Японии и на ту шлюбку, коя из Лены к востоку и к Камчатке следовать будет, из той же коллегии дать особые инструкции, в которых объявить, что по требованиям и желанию, как Санктпетербургской, так Парижской и иных Академий, блаженныя и вечнодостойныя памяти император Петр Великий, для курьозите, посылал осведомиться от своих берегов, сходятся ль берега американские с берегами Азии, но тогда оное в действие не произошло...»

28 декабря 1732 года, по специальному указу, который подтвердил, что «действительно к славе Российской империи отправлена быть может», Великая Северная экспедиция начала свое существование.

4.

Руководство экспедицией было поручено капитан-командору Витусу Ионасу (Ивану Ивановичу, как звали его моряки) Берингу, уроженцу датского города Виборга, прошедшему юность в океанских плаваниях на кораблях Ост-Индской Компании. Принятый на службу в русский флот по рекомендации съезего прежнего начальника, вице-адмирала Корнелия Крюйса, в прошлом амстердамского экипажмейстера, Беринг начал ее в 1704 году в чине унтерлейтенанта и с полным правом мог причислять себя к плеяде «птенцов гнезда петрова». Он участвовал в азовском походе, в победных баталиях на Балтике, был на хорошем счету за отличное знание морского дела, исполнительность и честность, вместе с Петром, генерал-адмиралом Апраксиным и Меншиковым входил в состав кригсгерихта (особого военно-морского суда) над своим патроном Крюйсом, не раз в течение долголетней Северной войны выполнял специальные поручения Петра, например, провел из Копенгагена в Кронштадт корабль «Перл», из Белого моря в Ревель (вокруг Скандинавии построенный на архангельской верфи корабль «Селафаил», был назначен Петром в число капитанов, которым предстояло вести первые корабли под русским флагом вокруг Европы из портов Азовского моря на Балтику, командовал крупнейшим в петровском флоте боевым судном — девяностопушечным кораблем «Лесное», наконец, в исполнение предсмертной воли Петра, возглавлял Первую Камчатскую экспедицию, отправленную на поиски Анианского пролива, и к моменту утверждения Великой Северной экспедиции имел за плечами почти тридцатилетний стаж службы в нашем флоте. Проект, представленный Берингом Адмиралтейств-Коллегии, делал честь любому исследователю, ибо не ограничивал экспедицию рамками морского вояжа. Беринг рассуждал, как патриот страны, под чьим флагом плавал, сражался и жил всю свою сознательную жизнь человека, проводывателя, воина. Он

мыслил масштабами Петра I и мог с неотъемлемым правом назвать себя достойным учеником преобразователя, которому соотечественники заслуженно присвоили титул Великого. Выводы Беринга из наблюдений в годы первого вояжа на восток, обобщенные в докладных записках Адмиралтейств-Коллегии и Сенату, показывают капитан-командора государственным деятелем с большим кругозором, верным петровской традиции: «Ограждая отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству чрез искусства и науки», а двухлетняя в полном одиночестве борьба за осуществление проекта Великой Северной экспедиции достаточно свидетельствует о драгоценных качествах исследователя — воле и упорстве в достижении поставленной перед собой цели.

Товарищем Беринга, т.е. правомочным заместителем по руководству экспедицией и командиром одного из двух кораблей, предназначенных для плавания к Америке, Адмиралтейств-Коллегия избрала капитана Алексея Ильича Чирикова.

«...понеже в бывшую сибирскую экспедицию под команду капитан-командора Беринга посылаем был он, Чириков, о котором, как чрез рекомендацию упомянутого Беринга, также и коллегия сама известна, что он в службе показывал себя тщательным и исправным, как надлежит искусному морскому офицеру. Ныне при назначенной вновь Камчатской экспедиции коллегия Сенату мнение приносила, дабы его Чирикова паки во оную экспедицию отправить, утверждаясь на нем по искусству его не без надежды в той экспедиции доброго плода, чего ради он в общий совет во всех отправлениях с капитаном-командором Берингом сообщен.»

Биография Чирикова рассказана им самим в рапорте на имя Елизаветы, датированном октябрем 1742 года:

«Служу я во флоте с 716 года, и в прошлом 725 году в генваре месяце по указу родителя вашего, блаженныя и вечно достойныя памяти Петра Великого, послан был с капитаном-командором, тогда с бывшим флотским капита-

ном Берингом в Камчацкую экспедицию морским лейтенантом и был в той экспедиции пять лет, а именно возвратился в Питербух марта первого числа 730 года. А по указу послан вторично с ним же капитаном-командором в Камчацкую экспедицию флотским капитаном и по ныне обретаюсь в той экспедиции. И слагая оба время бытности моей в экспедиции, обретаюсь в ней пятнадцатый год; а минувшаго лета 741 года, по данным инструкциям капитану-командору Берингу, ходил на порученном мне пакет-боте «Святого апостола Павла» для искания американских берегов, которые з божиею помощью и найдены...»

Воспитанник Морской академии, лучший ученик ее первого выпуска, по распоряжению Петра произведенный сразу в унтер-лейтенанты (второй чин петровского флота), Чириков после практического плавания на Балтике был затребован обратно в Академию и оставлен при ней преподавателем. О его успехах на педагогическом поприще свидетельствует следующее решение о производстве, утвержденное Петром:

«По выписке от конторы генерал-кригс-комиссара, унтер-лейтенанта Алексея Чирикова, хотя еще до него очереди не пришло, записать ныне в лейтенанты для того, что по новоучиненному адмиралтейскому регламенту первой главы 110 артикула напечатано: ежели кто из адмиралтейских служителей явится знающим в морском ходу или на верфи в работе, и тщателен в произвождении своего дела паче других, о том должны командиры их доносить Коллегии; Коллегия должна то рассмотреть и оных за их тщание повысить чином или прибавкою жалованья. А о вышеописанном Чирикове шаутбенахт (контр-адмирал) Сандерс объявил, что по обучению гардемарин и морских офицеров искуснее всех явился оный Чириков. А гвардии капитан Козинский показал, что гардемарин 142 человека разная науки обучали чрез онаго Чирикова.»

Алексей Ильич Чириков был достойным соратником капитан-командора в обеих экспедициях. Поправки, внесен-

ные им в проект Беринга и принятые Адмиралтейств - Коллегией, успешное плавание пакетбота, коим он командовал, вся практическая деятельность этого человека в продолжении пятнадцати лет проведывания крайнего северо-востока, дают основания считать безошибочным выбор, сделанный Адмиралтейств-Коллегией в ответ на указание Сената «определить в товарищи ему (Берингу) добраго моряка из русских».

Таковы были и остальные моряки, назначенные начальниками отрядов и штурманами, краса и гордость любого флота. Многие из них, подобно Чирикову, получили воспитание в Морской академии и до зачисления в экспедицию плавали на кораблях Балтийского флота, иные в свое время учились в Московской Навигацкой школе, некоторые перешли в наш флот из Ост-Индской Компании. Лейтенант Степан Малыгин, академический товарищ Чирикова, одновременно с ним на выпускном экзамене произведенный в унтер-лейтенанты, известный не только участием в экспедиции, но и теоретическими работами в области морского искусства, лейтенанты Дмитрий Овцын, Петр Ласинус, братья Лаптевы Дмитрий и Харитон, флагманский штурман Андрей Эзельберг, друг Беринга, около пятидесяти лет проплававший на кораблях Ост-Индской Компании, штурманы Василий Прончищев, Свен Ваксель и Софрон Хитров, подштурманы Иван Елагин, Матвей Петров, Иван Федоров, Дмитрий Стерлегов и Семен Челюскин, участник Первой Камчатской экспедиции Мартин Шпанберг, геодезист Михаил Гвоздев — все это были люди, выпестованные Петром, «птенцы гнезда петрова», чьи имена и деяния навечно занесены в историю нашей страны и отечественного флота.

5.

Великая Северная экспедиция — содружество моряков и ученых. Один из ее отрядов так и назывался Академическим. Он состоял из действительных членов Академии наук — профессора химии и натуральной истории И. Гмелина, профессора истории и географии

Г. Миллера, адъюнкта Академии натуралиста Г. Стеллера, студентов Московской славяно-латинской школы С. Крашенинникова, А. Красильникова, Ф. Попова, Л. Иванова, А. Третьякова, А. Горланова, пробирных дел мастера С. Гардеболя, рудознатцев Д. Одинцова, Э. Медведева и др. Необходимость вынуждает упомянуть так называемого «профессора астрономии» Делиль де ла Кроера из-за бед, которыми он усложнил и без того нелегкое плавание кораблей Беринга и Чирикова. Невежда, разгаданный моряками слишком поздно, когда пакетботы отплыли из Петропавловской гавани к Америке, авантюрист, прикннувший к экспедиции ради личной выгоды, Делиль ничего не понимал в астрономии, хотя и числился профессором. Он попал в экспедицию по протекции своих братьев—петербургского и парижского географов, всячески запутывал моряков, соблазняя их сказаниями о богатствах земли Гамы, и отнял у Беринга немало благоприятного времени на поиски мифического острова сокровищ.

Делиль, к счастью, оказался исключением.

Деятельность других сотрудников Академического отряда принесла огромную пользу. Астрономические наблюдения, произведенные на Камчатке и в плавании к Аляске студентом, впоследствии действительным членом Академии, Андреем Красильниковым, классический двухтомный труд «Описание земли Камчатки», принесший его автору, студенту Степану Петровичу Крашенинникову, славу талантливого ученого и почетное звание академика, записки адъюкта Отеллера о его всесторонних исследованиях северной части Тихого океана, Алеутских островов и северо-западной Америки, десятилетние изыскания историографа Миллера в сибирских архивах, приведшие к неожиданному открытию челобитной Дежнева и опубликованию массы ценнейших документов в монументальной работе «Описание царства Сибирского»— вот вкратце перечень важнейших результатов участия Академии наук в делах Великой Северной экспедиции.

6.

Тихоокеанский отряд экспедиции, которым командовали Беринг и Чириков, четыре года добирался до Охотска. Еще четыре года ушло на строительство пакетботов. На плечи моряков легло все, что называлось подготовкой к вояжу: мучительные переходы по якутской тайге с провиантом и материалами, отковка корабельных частей, выварка смолы и соли, сплав бревен для постройки барაკов и пакетботов и, что более всего осложнило подготовку вояжа, непрестанные недоразумения с якутскими и охотскими властями за каждый аршин холста для парусов, за каждый кусок хлеба для участников экспедиции. В результате злобного противодействия походу со стороны начальника Охотского порта Скорнякова-Писарева, моряки ушли в плавание с негодным провиантом, питались попорченной солониной и прогорклыми сухарями.

Переход на Камчатку был совершен в штормах, но благополучно.

4 мая 1741 года, после зимовки в гавани, названной моряками в честь обоих кораблей Петропавловской, на борту флагманского пакетбота «Святой апостол Петр» состоялось совещание офицеров, роковая конзилья, определившая трагическую судьбу Беринга. Предстояло избрать генеральный курс. Инструкция Адмиралтейств-Коллегии предписывала плыть на восток. Так полагали и участники экспедиции, таква было точка зрения и самого Беринга. Однако голоса разделились, едва высказался присутствовавший на совещании Делиль. Ссылаясь на карту своего брата, парижского географа, Делиль уверял, что неподалеку от Камчатки, на сорок шестой параллели, т.-е. к югу от Петропавловской гавани, расположена богатейшая земля, якобы открытая в XVII веке испанским корабельщиком Жуаном де Гамой. По словам Делиля, «Земля Гамы» была островом драгоценных кладов и сокровищ. Рассказ парижского авантюриста подействовал на моряков, ибо дело происходило в ту пору, когда реальное переплеталось с

космографическими вымыслами, а пространство Тихого океана в значительной своей части являлось загадкой для человечества. Воспитанный, подобно всем западноевропейским мореплавателям той эпохи, на традициях космографии, имея к тому же авторитетную поддержку «профессора астрономии», Беринг допускал существование «Земли Гамы».

Чириков и все офицеры пакетбота «Святой апостол Павел» скептически отнеслись к рассказу Делия. Капитан высказался против похода на юг, резонно считая, что время для благоприятного плавания ограничено, а главная и первая задача экспедиции — поиски северо-западных берегов Америки.

Беринг не внял увещаниям. Формально связанный указом Сената, обязавшего моряков, «чтоб в вояж сперва шли по предложению и мнению профессора Делила», капитан-командор согласился с последним и решил плыть на юг.

Конзилия постановила:

«...иметь от здешней гавани курш сперва зюйд-остен-остен по правому компасу и иттить оным румбом, ежели земли не найдем, до сорок шестого градуса северной ширины, а от той ширины иметь курш остен-норден непременно, докамест получим землю.»

Курс на юг, избранный Берингом, оказался тягчайшей ошибкой. Экспедиция потеряла свыше трех недель на поиски «Земли Гамы» и, конечно, не нашла ее, так как остров сокровищ существовал только в воображении фантазеров.

Плавание к сорок шестому градусу явилось началом многих бед, постигших экспедицию в походе к Америке и обратно на Камчатку. Пути Беринга и Чирикова навсегда разошлись в туманную июньскую ночь на сорок девятой параллели после бесплодных поисков мифического острова. Пал туман, и корабль потерял друг друга.

Прождав сутки в дрейфе, Чириков направил свой пакетбот на восток и, спустя месяц борьбы с туманами и штормовыми ветрами, увидел на горизонте высокие горы, покрытые вечным

снегом. Астрономические определения показали, что корабль достиг Америки. Это был мыс Аддингтона на материке Нового Света.

Пятью сутками позже на рейд острова Каяк близ Аляски прибыл флагманский корабль под командованием Беринга.

Цель, поставленная перед Тихоокеанским отрядом Великой Северной экспедиции, была достигнута. Честь открытия северо-западных берегов американского материка досталась русским морякам.

Американский капитан Бертольд, говоря о Тихоокеанском отряде экспедиции, заключает свой обзор следующими словами:

«Плавания Беринга и Чирикова есть события громадного значения. Эти мореплаватели пересекли Тихий океан и открыли северо-западный берег Америки ценою ужасных потерь и перед лицом неописуемых трудностей. Моряк следит за перипетиями их борьбы с все возрастающим уважением, преклоняясь перед людьми, которые совершили такое великое дело с столь неподходящими для его исполнения средствами.»

7.

Оценка ледовых экспедиций отрядов, которым довелось исследовать северные границы нашей страны, полностью совпадает с вышеприведенным отзывом о плавании Беринга и Чирикова.

Кресты над могилами моряков-исследователей были первыми вехами Северного Морского пути.

На утлых дубельшлюпках, построенных руками самих участников вояжей, пешком и на собачьих упряжках, под незаходящим солнцем арктического лета, когда нестерпимый блеск льдов вызывает мучительную снежную слепоту, и в шестимесячную полярную ночь, озаренную лишь слабыми сполохами северного сияния, в пургу и зимнюю стужу, через болотистую тундру и тучи гнуса, через таежный бурелом и торосистые поля прокладывали себе путь отряды экспедиции между Архангельском и Юшаром, между Обской губой

и устьем Енисея, между Туруханском и Таймыром, от ленской дельты до колымского бара, от гранитных террас Чукотского полуострова до Анадыря. Жесточайшие лишения сопровождали моряков. «И от тамошнего воздуха почитай все, хотя несколько времени, пребывали головными, грудными и цынготными болезнями, паче горячками болыны», — докладывал Адмиралтейств-Коллегии первый начальник Беломорского отряда лейтенант Муравьев. Помощи ждать было неоткуда. Тысячи миль бездорожья разделяли Адмиралтейств-Коллегию и отряды. «Служители и к кузнечным поделкам уголья жгут, и нарты делают сами, и провиант ими на себе ж возят», — рапортовал Беринг. Многие моряки пали жертвой цынги, однако ничто не сломило волю и дух «птенцов гнезда петрова». Каждый из них исполнил свой долг до конца. Матрос Лошкин и геодезист Киндяков из Ленско-Колымского отряда лейтенанта Дмитрия Лаптева несколько месяцев питались травой и песцами, составляя опись побережья от Индигирки до Колымы, но не повернули вспять до тех пор, пока не закончили порученное дело. Геодезист Чекин и его спутники — два матроса из Ленско-Енисейского отряда лейтенанта Харитона Лаптева, посланные для описи берега между устьями рек Хатанги и Таймыра, проникли по морскому льду за 75 градус северной широты и только после того, когда были поражены снежной слепотой, почти ничего не видя, ошупью возвратились в бухту, где стоял зажатый льдами корабль. Тридцать семь человек из Ленско-Колымского отряда, в том числе первый начальник отряда лейтенант Петр Ласиниус, погибли во льдах от цынги. Лишь девять моряков вернулись в Якутск. Вернулись, чтобы после краткого отдыха вновь уйти под командованием Дмитрия Лаптева в наступление на неведомые просторы колымского заполярья. Первый начальник Ленско-Енисейского отряда лейтенант Василий Прончищев, распухший от цынги, до последней минуты руководил походом дубельшлюпки «Якутск». Цын-

га сразила Прончищева и его жену, первую женщину-участницу арктического плавания, в тот момент, когда корабль находился вдали от обитаемых мест. Отряд остался без командира, четверо моряков умерли вслед за Прончищевым и его женой, участь других была, казалось, предрешена. Тогда командование отрядом принял подштурман Семен Челюскин, о котором истощивающе сказал известный географ Миддендорф:

«Челюскин, бесспорно, венец наших моряков, действовавших в том крае. При большой настойчивости Челюскин из всех участников экспедиции всех точнее и отчетливее в своих показаниях.»

Руководя исследовательскими работами до приезда нового начальника отряда Харитона Лаптева, подштурман вместе с ним неутомимо продолжал их и первым достиг самой северной точки азиатского материка, носящей ныне название мыса Челюскина.

Героические примеры прошлого воодушевляли «птенцов гнезда петрова». Ободря моряков и вновь посылая их после краткого отдыха на борьбу с неведомым, Адмиралтейств-Коллегия напоминала:

«...когда из давних лет не знающими навигации людьми и почитай гибельными судами, — ибо по известию на иных парусы из оленьих кож, а снасти из ремней, и шиты доски ремнями, а якоря деревянные с навязанными камнями были, а походы морем бывали, то уже искусным в навигации и в практике служителям на морских судах, которые пред оными к мореплаванию безопасны суть и удовольствованы такелажем, парусами и протчими припасами надежными, надлежит вящую ревность к службе оказать... оную экспедицию действием паки производить и поход морем начинать, как бы только от льдов крайнее препятствие миновало, не упуская ни мало летнего времени. Буде же конечное препятствие постигнет в такое уже время, как по тамошнему климату зима становится и вода мерзнет, пред тем временем возвращаться не в прежние дальние ме-

ста, но искать способу, где б ближе зимовать можно было, и приводить ту экспедицию во окончание в другое или в третье лето таким же образом, без малейшего потеряния времени; а буде какая невозможность и в третье лето во окончание привести не допустит, то и в четвертое, по крайней ревности и прилежности стараться, чтоб всемерно та экспедиция во окончание приведена была.»

Десять лет длилась ледовая одиссея. Ее итогом была опись побережий Ледовитого океана, астрономические определения важнейших пунктов крайнего севера Азии, метеорологические наблюдения, ценные сведения по географии и геологии Сибири и, что завершало десятилетний героический труд — черновой набросок будущей трассы сквозных походов по Северному Морскому пути.

8.

Об этом так и не узнал автор проекта Великой Северной экспедиции и ее доблестный глава. На обратном пути из Аляски в Камчатку флагманский корабль Тихоокеанского отряда попал в полосу осенних штормов. Два месяца его носило по океану по воле ветров. Жизнь в туманной слякоти на палубе, не просыхавшей от волн и дождей, недостаток пресной воды, однообразная пища из солонины и прокисшей рыбы сделали свое дело: на корабле началась цынга. Двенадцать человек скончались в тяжких мучениях и были выброшены за борт; тридцать четыре моряка потеряли надежду выздороветь. Были на исходе запасы тухлой известковой воды и прогорклых сухарей. Помощник Беринга по кораблю лейтенант Ваксель лаконично отмечал в шканечном журнале:

«...Людей, кои могут ходить, токмо восемь человек, а наверх три человека; а прочие все больны; а воды осталось шесть бочек; а провианта, кроме несколько муки да масла, ничего нет.»

На третий месяц непрерывных бедствий флагманский пакетбот был выброшен на безлюдный остров, названный спутниками капитан-командора Бе-

ринговым. Там, после долгих и мучительных страданий, распухший от цынги, заеденный вшами и заживо засыпанный песком, 8(21) декабря 1741 года, в день, когда работы всех отрядов близились к завершению, Витус Ионас Беринг закончил свой жизненный путь.

Участник экспедиции историограф Миллер почтил память капитан-командора такой характеристикой:

«Беринг служил при Кронштадте во флоте с самого его начала и, найдя при всех в тогдашнюю со Швециею войну морских предприятиях, приобзавшись к надлежащей по своему чину способности и долговременное искусство, которое наипаче учинило его достойным к чрезвычайным делам, каковыя то были двукратныя на него положенныя проводы. Только о том сожалеть должно, что он жизнь свою скончал таким несчастным образом. Можно сказать, что он еще при жизни уже погребен был; ибо в яме, в которой он больной лежал, песок со сторон всегда осыпался, заваливал у него ноги, коего он напоследок больше огреть не велел, сказывая, что ему от того тепло, а впрочем де он согреться не может. И так песку на него навалилось по пояс; а как он скончался, то надлежало его из песку вырывать, чтоб тело пристойным образом предать земле.»

Честь рапортовать о выполнении задач, возложенных на экспедицию, выпала преемнику Беринга, тому, от кого Адмиралтейств-Коллегия ждала «добраго плода в экспедиции». Пакетбот под командованием Алексея Ильича Чирикова пробился сквозь штормы в гавань Петропавловска на Камчатке. Оттуда Чириков послал рапорт в Адмиралтейств-Коллегию:

«...июля 15 числа, перешед от устья Авачинской губы к востоку, расстоянием на румб остен-норден 2178 минут или миль италийских, а русских верст, которыхы заключается в градусе по сту по четыре версты с половиною,—3793, в северной ширине в 55 гр. 36 мин. получили землю, которую признаваем без сомнения, что оная часть Америки... А как оная земля простирается, явст-

вуют по журналу пеленги и плавание наше в параллель оной, а наивышественнее приобщенная при сем карта...»

Доклад Чирикова и все результаты Великой Северной экспедиции были надолго упрятаны в секретные архивы.

Царизм оказался неспособным использовать на благо человечества исполинский труд русских моряков и ученых.

★

Это сделал советский строй.

Мечта гениальных умов прошлых поколений Петра I, Ломоносова, Менделеева — стала явью сталинской эпохи.

Северный Морской путь, во имя освоения которого шли на лишения и смерть участники Великой Северной экспедиции, усилиями советского народа превращен в нормально действующую водную магистраль — трассу нерушимого взаимодействия советских флотов Дальнего Востока и Запада, призванную историей сыграть немалую роль в отечественной войне за целостность нашей родины, за дальнейший прогресс человечества.

Таков итог, подведенный нашей страной к двухсотлетию юбилею Великой Ледовой Одиссеи русских мореплавателей XVIII века.

Литературный дневник*

В. ГУСЕВ, В. ЕРМИЛОВ

★

ВСЕНАРОДНЫЙ ПОДЪЕМ

Война тысяча восемьсот двенадцатого года, — писал Герцен, — сильно развила чувство народного сознания и любви к родине... Патриотизм был выражением того инстинкта силы, который чувствуют все великие народы, когда чужие их задевают.»

И в самом деле, Отечественная война с полчищами Наполеона, посягнувшими на независимость нашей родины, породила необычайный по величию и глубине общенациональный подъем, взлет русской культуры, русской мысли, русской поэзии. Так громы Отечественной войны вызвали к жизни национальный гений Пушкина, сосредоточивший в себе духовное богатство русского народа. Пушкин писал о годах своего отрочества:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...

Общенациональный подъем вызвал к жизни и храбрецов-декабристов, героических русских патриотов, людей пушкинского размаха, пушкинской веры в народ. И долго еще — ряд десятилетий! — звучала могучая мелодия национального подъема, пробуждая русский гений, отзываясь в творениях поэтов пушкинской школы, в патетической ли-

* «Литературный дневник» был написан для передачи по радио и является своеобразным опытом совместной художественной работы публициста и поэта.

рике Гоголя и в его горькой ненависти ко всему тому, что сковывало русскую беспредельную талантливость. И разве не та же широкая и свободная мелодия общенародного подъема звучала в страстных писаниях Белинского, в соданиях Глинки и «могучей кучки» русских композиторов и, наконец, в гениальнейшем поэтическом творении — в «Войне и мире».

«У всякого человека есть своя история, — говорил Белинский, — а в истории — свои критические моменты: и о человеке можно безошибочно судить, только смотря по тому, как он действовал и каким он являлся в эти моменты, когда на весах судьбы лежали его и жизнь, и честь, и счастье. И чем выше человек, тем история его грандиознее, критические моменты ужаснее, а выход из них торжественнее и поразительнее. Так и у всякого народа — своя история, а в истории — свои критические моменты, по которым можно судить о силе и величии его духа, а, разумеется, чем выше народ, тем грандиознее достоинство его истории, тем поразительнее трагическое величие его критических моментов и выхода из них с честью и славою победы.»

Нет сомнения в том, что священная отечественная война против зверских полчищ фашизма, посмеявших осквернить нашу землю, породила такой всенародный подъем, последствия которого будут иметь исключительное значение в исторической жизни народов Советского Союза. Каждый из нас, совре-

менников грандиозных событий тысяча девятьсот сорок первого — сорок второго годов, чувствует, как поднимают его волны всенародного подъема. Мы все увидели с небывалой еще ясностью, что в нашей стране воспитан народ герояв. Наше морально-политическое единство, которое мы ощущали четыре года назад, во время выборов в Советы депутатов трудящихся, сейчас углубилось, представ по-новому, как единство, основанное на массовом героизме. От бойца, взрывающего себя для того, чтобы уничтожить вражеский танк, от рабочего, в глубоком тылу, в лютые морозы и в суровых лишениях военного времени, монтирующего цехи родного завода на новом месте, от колхозного председателя, попавшего в плен к фашистам и сохраняющего молчание под страшными пытками, от профессора, не прекращающего изысканий под разрывами вражеских бомб, до скромной домашней хозяйки, с горделивым достоинством выдержавшей все испытания родного осажденного города, — протянута единая золотая нить дружбы, любви, уважения друг к другу свободных людей, радостно осознавших, что они имеют счастье принадлежать к народу, призванному к свершению исторических подвигов, народу-другу всего человечества... Сталин сказал нам: «Братья и сестры!» Как и всегда, сталинское слово было самым точным, самым верным. Разве не ясно, что мы все уже по-иному смотрим друг на друга? В дни войны для нас необычайно повысилась ценность каждого советского человека. Мы хорошо знаем, что любой из советских людей, встречаемый на улицах, в трамвае, работающий рядом с нами, — уже был, или будет, или способен быть героем, — мы так хорошо поняли это за полгода войны! И разве не растет в каждом из нас стремление быть достойным своего народа? Так гоним мы от себя все мелкое, ничтожное, чуждое и вмещаем в себя историю, жизнь всего человечества, любовь к подвигам, презрение к смерти, — так поднимается каждый из нас, рядовых советских людей, на волнах всенародного подъема. И вот

громы нашей священной отечественной войны уже породили великолепное художественное творение — Седьмую симфонию Шостаковича — одно из первых предвестий нового творческого подъема, ожидающего нас.

Наш народ кровью своей доказал, что из труднейших моментов нашей истории он выходил с честью и славою победы. И мы с гордостью вспоминаем о том, что в истории нашего народа не было открытых городов, сдающихся на милость победителя, что русские люди обороняли всегда каждый клочок нашей земли и сбрасывали с плеч предателей, захребетников, трусов, продажных тварей...

Новые черты, новая твердая складка достоинства, твердой мужественной собранности легла на лица наших людей. Еще невозможно измерить, как все выросло за месяцы войны, но уже ясно, что народ поднялся на новую ступень своего политического, идейного, морального роста.

Народ воюет против самого низменного, самого грязного, коварного, бесчеловечного врага из всех тех врагов, с которыми мы встречались в нашей истории. Этот враг отрицает, оплевывает все человеческое, глумится над честью, над разумом, над творчеством, над трудом, над святостью человеческих отношений любви, дружбы, материнства, отцовства, над радостью и чистотой девичества, детства, над всем тем, что отличает человека от животного. И чем более отвратительно, бесстыдно, низменно это глумление над человеческим, тем острее и глубже осознаем священность всего человеческого, красоту и величие всего того, что мы защищаем от врага.

Углубилось наше понимание всей прошлой истории нашего народа, наша любовь к созданной нами культуре. Мы по-новому смотрим сейчас на нашу литературу, нам еще дороже стала ее вера в свой народ, в его будущее, нас поражает пророческий дар русской литературы.

Вера в великое будущее русского народа была присуща всем русским писателям. «Русские художники, — говорил

Александр Блок, — никогда не сомневались в том, что Россия — большой корабль, которому суждено большое плавание».

Наш народ за свой исторический путь выработал ненависть к угнетению, любовь к свободе и труду, воспитал в себе, говоря словами Некрасова,

Необузданную, дикую
К угнетателям вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.
С этой ненавистью правую,
С этой верою святой
Над неправдою лукавою
Грянешь божьею грозой.

Языков писал:

В стране мы дышим знаменитой,
Мы ей гордимся...
...Кровавы, долги наши брани;
Но в них является везде
Народ и смелый и могучий,
Неукротимый во вражде,
В любви и твердый и кипучий.

«России, — говорил Пушкин, — определено... высокое предназначение...»

Источником этих дум о великом назначении Руси является творческая сила, одаренность русского народа, его, по словам Горького, «фантастическая алантливость», его историческая активность, готовность отдать все за победу правого дела

«У русского человека, — говорил Белинский, — глубок инстинкт правды». Об этом же со страстью и верой писал поэт-декабрист Рылеев, характеризую природу русского человека, русского поэта:

К неправде он кипит враждой,
Ярмо граждан его тревожит;
Как вольный славянин, душой
Он раболепствовать не может.
Повсюду тверд, где б ни был он,
Наперекор судьбе и року,
Повсюду честь ему закон,
Везде он явный враг пороку,

Греметь грозою против зла
Он чтит святым себе законом:
С покойной важностью чела
На эшафоте и пред троном;
Ему неведом низкий страх,
На смерть с презреньем он взирает...

Мы знаем, что каждое слово в этих стихах оплачено кровью поэта, отдавшего жизнь борьбе за свободу, против темных сил мракобесия. Да и вся наша могучая русская литература привыкла к единству слова и дела, каждая гениальная строчка оплачена кровью сердца, соком нервов ее творцов.

Разве можем мы все — советские люди — не испытывать чувство счастья от сознания того, что оправдали предвидения наших гениальных художников, их веру в высокое призвание, в великую миссию нашего народа?

Седьмого ноября тысяча девятьсот сорок первого года на Красной площади — в сердце осажденной в те дни Москвы, в сердце России — прозвучали на весь мир слова любимого Сталина:

«Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят поработанные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии!»

Поистине высоко предназначение нашего народа — друга всего человечества! Сознание великой освободительной миссии, стремление быть достойными ее и порождает небывалый всенародный подъем, твердую веру в еще более величественное, еще более блестящее будущее.

БРАТСТВО ГЕРОЕВ

Жил-был в городе парень
 самой обычной жизнью.
 Ничем он не выделялся, —
 ни речами и не лицом.
 В жаркий июльский полдень
 его позвала отчина.
 В жестоком пламени боя
 стал паренек бойцом.
 Шел паренек в разведку,
 бродил по вражьему следу,
 Тяжко ему приходилось,
 но он говорил: — Иди!
 Сквозь черное облако боя
 он видел нашу победу
 И счастье свое человеческое
 видел он впереди.
 Жил-был старик-профессор.
 Соседи шептали: — Тише!
 Сергей Сергееч работает,
 весь в формулах, в чертежах
 Но в грозные дни бомбежек
 профессор полез на крышу
 И сбрасывал зажигалки
 с девятого этажа.
 Звучали слова отбоя
 и прерванную беседу,
 Беседу с книгами, с формулами,
 снова старик начинал.
 Вдали грохотали зенитки.
 Он верил в нашу победу,
 Для молодых победителей
 он книгу свою сочинял.
 Жил молодой композитор
 в городе осажденном.
 Дежурил в часы тревоги.
 Тьма. Часовых шаги.
 Над городом знаменитым,
 над зданием многоколонным
 В сером тумане метались
 яростные враги.
 Навстречу огню и смерти
 шли спокойные люди.
 Рвалась канонада в окна
 и стены взрыв сотрясал.
 Сердцем своим композитор
 в громе и реве орудий
 Слышал нашу победу
 и о победе писал.

Техник, властитель природы,
 встал над великой рекою.
 Взглянул он — заря окрасила
 бескрайний простор небес.
 Сжал он свое сердце
 и с поднятой головою
 Взорвал он свое детище, —
 построенный им Днепротэс.
 Пошел он по узенькой тропке
 и скорбь шла за ним по следу,
 И тучи над ним проносились,
 и ветер над ним кричал.
 Но где-то, за грохотом взрыва
 он слышал нашу победу,
 И новые гидростанции
 он в смутной дали различал.
 Иные наши товарищи
 домой никогда не вернуться.
 Снега зашумят над могилами,
 тихо зашепчет трава
 О том, что глаза их закрыты,
 о том, что сердца их не бьются.
 Шапки долой, товарищи!
 Воля героев жива.
 Они от Москвы отбрасывали
 орды людоедов,
 И падая наземь, в сраженьи,
 в черном лесу, в темноте,
 Они перед смертью видели
 светлое утро победы,
 Огни городов освещенных
 и счастье своих детей.
 С каким могучим потоком,
 с какою высокой горою
 Смогу я сравнить благородство
 и мужество наших бойцов?
 Бессмертная дружба народов,
 великое братство героев,
 Не склонившееся перед танками,
 окрепшее под свинцом.
 Бои отгремят и стихнут.
 Чуму уничтожат народы.
 Ворвется в раскрытые окна
 радостный мирный день.
 И станет для человечества
 на многие, многие годы
 Источником вдохновенья
 мужество наших людей.

ВЫСОКОЕ ПРИЗВАНИЕ

Исконному русскому патриотизму никогда не была свойственна примесь высокомерия, национальной исключительности и чванства. Наоборот, русский передовой человек всегда отличался отзывчивостью, чуткостью, способностью тонкого постижения сокровеннейших глубин культуры и самой души любого другого народа. Скромность, готовность и умение усвоить все лучшее в историческом опыте других народов, уважение к ценностям общечеловеческой культуры — всегда отличали русского передового человека. И вместе с тем, патриотизму нашему была присуща удивительная по своей стойкости и последовательности, негибкая вера в высокое призвание русского народа, в блистательное будущее России. Сейчас, когда народ русский, в дружбе с братскими народами, кровью своей решает вместе со своей судьбой судьбу всего человечества, — мы с особенным чувством вспоминаем об этой вере лучших русских людей в великое призвание нашего народа.

Вспомним Радищева. Знаменитая книга его «Путешествие из Петербурга в Москву» рассказывает о страданиях народа под ярмом самодержавия, о гневе, принижающем людей и их достоинство. Но это не мешает Радищеву воскликнуть:

«Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении суть качества, отличающие народ российский. О, народ, к величию и славе рожденный.»

Ломоносов бросал врагам нашего отечества слова, полные спокойного достоинства:

Обширность наших стран измерьте,
Прочтите книги славных дел,
И чувствам собственным поверьте:
Не вам подвергнуть наш предел.
Исчислите тьму сильных боев,
Исчислите у нас героев...

Разумеется, эта вера в силу и в высокое призвание русского народа основана была не только на предчувствии славного будущего, но и на знании

славного прошлого России. Пушкин писал:

«России определено было высокое предназначение. Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились на степи своего востока». Пушкин был горд победой над Наполеоном, — тем, что это мы, русские —

... в бездну повалили
... тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир.

Русские писатели сознавали мировое значение тех битв, которые пришлось выдерживать нашему народу. И еще «старик Державин» воспевал доблесть русского воина:

Твоя геройска грудь — твой щит,
Честь — мзда твоя, вселенна — зритель.
Потомство плéсками гремит.

Белинский так говорил об историческом значении жизни нашего народа:

«Только сто тридцать шесть лет прошло с того вечно памятного дня, как Россия громами полтавской битвы возвестила миру о своем приобщении к европейской жизни, о своем вступлении на поприще всемирно-исторического существования, и какой блестящий путь преуспевания и славы совершила она в этот короткий срок времени! Это что-то баснословно великое, беспримерное, нигде и никогда не бывалое! Россия решила судьбу современного мира, «повалив в бездну тяготевший над царствами кумир», и теперь, заняв по праву принадлежавшее ей место между первоклассными державами Европы, она вместе с ними держит судьбы мира на весах своего могущества... Наше политическое величие есть несомненный залог нашего будущего великого значения и в других отношениях...»

Именно сознание беспредельной творческой мощи русского народа, его духовного богатства, его мирового значения придавало русской литературе силу

ее обличения. Чем глубже любовь, тем глубже ненависть. Чем глубже чувствовали наши художники величие русского народа, тем сильнее ненавидели они все то, что стояло на пути народа, стесняло его развитие, сковывало его талантливость и мешало ему осуществить во всей полноте свое высокое призвание. Горестный юмор гоголевского творчества, знаменитый «смех сквозь слезы», имел источник в том противоречии, какое существовало между богатством живой души русского народа и нищетой «мертвых душ», хватавших живого и задерживавших его свободный рост. Великолепно чувствовал Гоголь русский размах, великое предназначение русского народа!

«И какой же русский не любит быстрой езды?.. Ее ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чуждое? Кажись, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам летишь, и все летит: летят версты, летят навстречу купцы на облучках своих кибиток, летит с обеих сторон лес с темными строями елей и сосен, с топорным стуком и вороньим криком, летит вся дорога нивесть куда в пропадающую даль и что-то страшное заключено в сем быстром мелькании, и где не успевает означиться пропадающий предмет, только небо над головою, да легкие тучи, да продирающийся месяц одни кажутся недвижны. Эх, тройка! птица-тройка, кто тебя выдумал? Знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарябит тебе в очи... Не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы и сидит чорт знает на чем, а привстал да замахнулся, да затянул песню — кони вихрем, спицы в колесах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход! и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдаль, как что-то пылит и сверлит воздух.

Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымитесь под тобою дорога, гремят мосты,

все отстает и остается позади. Остановился пораженный божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? Что значит это наводящее ужас движение и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах! Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знаковую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится вся вдохновенная богом!.. Русь, куда ж несешься ты, дай ответ? Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и косясь посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства.»

В каждом слове дышит тут сила прозрения, предчувствие грандиозной славы русского народа, сознание его великанской мощи, удали и размаха. Вместе с удалью и размахом, — у русского народа, — говорил Белинский, — слишком много здравого смысла, ясности и положительности в уме, и вот в этом-то, может быть, огромность исторических судеб его в будущем».

Не было ни одного большого русского писателя, которому было бы чуждо предчувствие будущей славы родного народа. Вспомним Тютчева:

... высокое сознание
Вело наш доблестный народ...
Он чует над своей главою
Звезду в незримой высоте
И неуклонно за звездою
Спешит к таинственной мете...
... Велико, знать, о Русь, твое значение.
Мужайся, стой, крепись и одолей.

Русские писатели всегда были устремлены мыслями к будущему — «там, за далью непогоды», виделась им «блаженная страна», — или, говоря словами современника нашей эпохи, Маяковского — «там, за горами горя, — солнечный край непечатый», — край, в котором во всей полноте развернется русская сила, величие русского духа. И русские писатели твердо знали, что как бы сурова ни была «непогода», как бы велики и гроз-

ны ни были «горы горя», — а наш народ пробьет себе дорогу к свободе и счастью, потому что нет таких препятствий, которых не мог бы одолеть русский народ, с его «мощью неодолимой». Это знал Некрасов:

Да не робей за отчизну любезную,
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную,
Вынесет все, что господь ни пошлет.
Вынесет все. И широкую, ясную,
Грудью дорогу проложит себе.

Об этом же думал Николай Огарев, обращаясь к Руси:

... все твои страданья
И весь твой труд готов делить с тобой,
И верю, что пробьюсь, — как наш народ
родной,
В терпении и с твердостью многой,
На новый свет неведомой дорогой...

Есть у Николая Платоновича Огарева, — о котором Чернышевский писал, что потомки «с любовью будут произносить и часто будут произносить имя Огарева, и позабыто оно будет разве тогда, когда забудется наш язык», — есть у Огарева замечательное стихотворение «Сторона моя родимая».

Сторона моя родимая,
Велики твои страдания,
Но есть мощь неодолимая,
И полны мы упования:
Не сгубят указы царские
Руси силы молодецкие, —
Ни помещики татарские,
Ни чиновники немецкие —
Не пойдет волной обратною
Волга-матушка раздольная,
И стезею благодатною
Русь вперед помчится вольная.

Эта уверенность в том, что наш народ, вопреки всему, пробьет себе дорогу, основывалась на глубоком понимании русского национального характера. Добролюбов говорил о русском сильном характере, что он «сосредоточенно-реши-

телен, неуклонно верен чутью естественной правды и самоотвержен в том смысле, что ему лучше гибель, нежели жизнь при тех началах, которые ему противны». Это и есть, по убеждению Добролюбова, «натура», «существо» характера.

Правильность всех этих оценок наш народ многократно доказывал на протяжении своей исторической жизни. Но с особенной, небывалой еще, грозной и прекрасной ясностью доказал он это в наши дни священной отечественной войны против немецко-фашистских поработителей, захотевших повернуть вспять историю, ввергнуть в рабство могучий народ. Не пойдет волной обратной Волга-матушка раздольная, не сгубят немецкие чиновники, гаулейтары и палачи гестапо Руси силы молодецкие, не остановить им русской птицы-тройки, не удастся им истребить, поставить на колени и онемечить «народ, к величию и славе рожденный»!

Рядовой боец-комсомолец товарищ Соловьев, молодой русский силач и герой, истребивший в единоборстве с девятью фашистами всех девятих гитлеровских псов, сказал в беседе с одним из наших писателей:

«— Теперь, товарищ, такая война — особенная, что все должны стать героями! Потому что... вдруг, — на вот тебе — возьми и надень себе ярмо! И стань немцам вроде лошади или вола! Разве это можно, а? Такой народ, слава такая, и вдруг стать рабами, а?! Ну, нет! Такой народ не согнешь!»

В самом деле, как же можно согнуть народ, который всегда был уверен в высоком своем призвании и который понимает, что именно сейчас он осуществляет это свое призвание, великую свою историческую миссию?

Я РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК

Люблю на Кремль глядеть я в час вечерний.
Он в пять лучей над нами засверкал.
Люблю я Волги вольное течение.
Люблю сибирских рек медлительное пенье,
Люблю, красавец мой, люблю тебя, Урал.

Я русский человек и русская природа
Любезна мне, и я ее пою.
Я русский человек, сын своего народа,
Я с гордостью гляжу на родину свою.

В годину бурь она всегда бывала
Единой, негибаемой, стальной.
Навстречу битвам Русь моя вставала
Одной дружиной, грозною стеной.

И по призыву Дмитрия Донского,
По зову Минина она шагала в бой
Навстречу битвам, грозно и сурово,
Вздымая знамя славы над собой.

Так и теперь, страна моя родная,
В годину бурь, в тяжелый час войны,
Так и теперь, — от края и до края,
На смертный бой идут твои сыны.

И дело чести, права и свободы
Они в жестоком отстоят бою.
Я русский человек,
сын своего народа,
Я с гордостью гляжу на родину свою.

Гремят в ночи ветра и бурн фронта.
Но мы идем. Горит огонь в груди.
И, как восход, за гранью горизонта
Зарю победы видим впереди.

И что ни миг, — то крепче наши силы.
И что ни час — сильнее наш удар.
И что ни день — светлее над страной
Горит красноармейская звезда.

Библиография

ГЕРОИЧЕСКИЙ НАРОД*

Подвиги бессмертной славы совершают ежедневно советские патриоты в смертельных схватках с озверелыми полчищами Гитлера.

Множатся имена героев. День ото дня богаче и разнообразнее становится энциклопедия их боевых дел. Она не сведена в тома, далеко еще не подытожена, но тысячи простых и, казалось бы, суховатых корреспонденций с фронта, дневниковых записей, очерков и зарисовок уже вырастают в летопись славы советского народа.

За последнее время выпущены десятки небольших книг советских писателей об отечественной войне. В них собраны драгоценные фактические свидетельства очевидцев. Но было бы неправильным полагать, что они ценны только как документальная хроника. Нет! Советский читатель, напряженно переживающий очередную сводку, испытывает особенные чувства, читая очерк или рассказ о тех же, упомянутых в сводках героях.

Источник этих чувств убедительно раскрывает присущая лучшим фронтовым книжкам общая черта. В них описание боевых подвигов позволяют по-новому увидеть те положительные особенности простых советских людей, которые неоднократно изображались в литературе.

Маленький сборник «Смелчаки» примечателен в этом смысле. Здесь нет зарисовок выдающихся событий, имен всенародных героев войны. В рассказах и очерках А. Толстого, В. Каверина, Н. Вирты, А. Исбаха и других изображены рядовые командиры, комиссары и бойцы Красной Армии, партизаны, каких сотни тысяч, советские люди, каких можно встретить в любом маленьком поселке. Ничем не примечательны биографии героев этих рассказов. Буднично и застенчиво, как бы нехотя, повествуют они о своих боевых делах, зачастую стараясь остаться в тени, охотно уступая славу товарищам.

В рассказе Алексея Толстого «Смелчаки» лейтенант Жабин, проведший блестящую раз-

ведку, на вопрос писателя: «Как же вам все-таки удалось столько дней пробыть с 25-ю красноармейцами в фашистском тылу и уйти невредимым», отвечает: «У меня шофер очень сообразительный». В реплике лейтенанта нет и тени иронии. Он ощущает каждую боевую удачу, как общий подвиг отряда, и, радуясь, отмечает сообразительность шофера Шмелькова, смелость связиста Петрова, мужество и выдержку остальных двадцати трех. Но читатель вдвойне горд подвигом отряда лейтенанта Жабина, ибо понимает, что это вовсе не показательная группа сообразительных смельчаков, а лишь одно из многочисленных звеньев нашей армии. В делах отряда оказались настоящей группой сообразительных патриотизм в действии, как готовность к любому подвигу во имя родины, как беспрельная храбрость в уничтожении врага.

Рассказы и очерки сборника показывают, как ненависть к фашистским бандитам умножает силы и отвагу наших бойцов, делая, казалось бы, невозможное осуществленным. В рассказе В. Каверина «Трое» перед нами экипаж одного советского бомбардировщика принимает неравный бой с двумя фашистскими истребителями. При этом летчики, чтобы сразить врага, обрекают свой самолет на заведомую гибель над морской пучиной. Бомбардировщик тонет, и отважная тройка, оказавшись на волнах, тут же вступает в новый бой... со стихией. Без пищи, воды, на утлой резиновой шляпке, лишенные весел и парусов, трое суток гребут храбрецы изъеденными солью руками и пробиваются к своим.

Необычайную волю, упорную жажду к жизни породило в них все то же патристическое, сыновнее чувство к своей стране. Трое, описанные Каверинным, принадлежат к той многочисленной железной когорте сталинской гвардии, у которой только смерть может вырвать оружие из рук. Именно поэтому в подвиге раскрываются лучшие стороны их натуры — олицетворение ума, стойкости, находчивости, выдержки и таланта нашего народа.

* «Смелчаки» (фронтовые рассказы и очерки). «Советский Писатель», М. 1941.

Коллективную смелость героев пестуют замечательные традиции советского строя нашей армии. Зачастую в критические минуты моральное величие личного примера возбуждает доблесть. Об этом скупно и просто рассказывает Борис Горбатов в малюсеньком эпизоде «Поцелуй».

«Даже в самом горячем бою может случиться заминка, даже у самого храброго человека может при этом дрогнуть сердце. Кому-то показалось, что заскрипела, разладилась машина боя, нарушился темп и ритм; кому-то помешало: окружают! И кто-то, бедный душой, уже нервно закричал:

— Где же наши командиры, где комиссары?

Тогда-то и раздался спокойный, веселый голос:

— Комиссар здесь.

Негромкий был голос, а услышали все.

В самой гуще боя, среди наступающих бойцов, как всегда спокойный, как всегда улыбающийся, шел худощавый, невысокого роста человек в каске, всем в полку родной и знакомый, — батальонный комиссар Панков.

И храбрым стало стыдно за минутную дрожь сердца, и нервным стало покойно, и всем — весело и легко. И какой-то огромный черный боец, не сдержавшись, подбежал к комиссару и крикнул, радостных слез не вытирая с лица:

— Эх, комиссар! Не чувствительный я человек, а все-таки... Дай я тебя от всего сердца поцелую!»

Клич — «Комиссар с нами!» — стал сигналом к стыковой атаке. В братском объятии осязательно и весомо выражена только воодушевляющая мощь примера, возможная только при кровной спаянности командиров и бойцов, при едином ощущении ими смысла, целей и задач борьбы.

Советская действительность необычайно подняла ощущение ценности личности, каждой отдельной жизни. Сейчас на войне это обернулось массовым героизмом, стремлением заставить врага возможно дороже заплатить за смерть каждого советского человека, за каждую слезу, за причиненное нашим людям горе. Повествование Бориса Горбатова о гибели лейтенанта Кончева — трагическая симфония расплаты с врагом.

«Из всей батареи уцелели один младший лейтенант Кончев, одно оружие. Но пока жив Кончев, жива и батарея». Герой выпустил по врагу все снаряды. Когда они иссякли, он использовал одну за другой все гранаты, затем разрядил по врагам всю обойму пистолета и, наконец, вступил в рукопашный бой, оружия

рукояткой этого пистолета. «Гора трупов — цена одной жизни младшего лейтенанта Кончева», — так заканчивает автор этот очерк. И читатель с огромным удовлетворением воспринимает боевой счет погибшего храбреца. Игосхватки лейтенанта Кончева глубоко символически. Враг расплачивается монбланами трупов за каждый клочок нашей родной земли, за каждую умолкшую огневую точку. Он будет платить горами трупов за каждого сына нашей отчизны, погибшего от фашистской руки.

Всенародный патриотический подъем охватил все слои, все поколения советских людей. В славной шеренге смельчаков плечом к плечу сомкнулись в едином порыве разгромить фашистские орды — участники Гражданской войны и юноши, возвращенные Октябрем, старики-колхозники и школьники-подростки.

Об одном из этих подростков Жене Козыреве рассказывает А. Исабах в очерке «Сын».

Четырнадцатилетний Жения — сын лейтенанта, убитого в войне с белофиннами, становится смелым, стойким и проворным разведчиком. Патриотический порыв Жени, горячая преданность и пылкая любовь к родине сделали его любимым сыном Красной Армии, встретившим в полку отеческую ласку и заботу. Жения несколько не похож на тех гимназистиков — маменькиных сынков, которые в жажде приключений и славы, т.е. возможности похвастать перед сверстниками, убежали на фронт в 1914—1916 годах. Его стремления естественны и закономерны, они подсказаны воспитанием советского ребенка. Образ Жени внушает симпатии и запоминается как олицетворение непобедимой боевой преемственности нашего свободолюбивого народа, который не сломить горем и потерями.

Наше оружие овеяно славой замечательных предков. Сейчас оно в руках мужественных их преемников — советских героев, смелых воянов Красной Армии — сталинских орлов. Уже подросли и подрастают орлята, которые с честью, не дрогнув, будут разить этим оружием врага, когда бы он ни посмел посягнуть на честь и свободу нашей земли.

У смельчаков, описанных в этой книге, миллионы собратьев на полях отечественной войны с коварным, оголтелым фашизмом. Тем доходчивее и правдивее их образы.

Сборник «Смельчаки» — одна из тех мужественных книг, которые зовут каждого стать вровень со смельчаками, внести свой подвиг, свой труд, свою доблесть в дело полного разгрома и уничтожения оккупантов.

О. Резник

★

ГОРДОСТЬ РУССКОГО ИСКУССТВА*

В дни, когда русский народ самоотверженно борется за свою свободу, честь и культуру, особенно дороги такие имена, как имя Ильи Ефимовича Репина. Поэтому выход

популярной брошюры М. Сокольниковой является в высшей степени своевременным.

Великий русский художник Илья Ефимович Репин, равно как и Суриков, является одним из любимейших нашим народом живописцев. В редкой советской семье мы не найдем открыток, фотографий, репродукций, журналов

* М. Сокольников. «И. Е. Репин — великий русский художник», Госкиноиздат, 1941.

с воспроизведением его картин. Не одно поколение русских людей, начиная с конца прошлого века, воспитывалось на репинских произведениях, черпая в них силу для борьбы за благо народа. Многие его картины по своему политическому значению приравнивались царской властью к запретным революционным песням и нелегальной литературе. Кто не знает репинских «Бурлаков», «Ивана Грозного», «Запорожцев», кто иначе, чем по широко известным репинским портретам, представляет себе образы крупнейших деятелей русской литературы, музыки, театра и общественной жизни?

Репин принадлежит к числу тех великих представителей русской культуры, которыми гордится наша страна. Велика и почетна его роль в истории нашего национального самосознания, а жизнь его и творчество служат отличным примером самоотверженного, огромного труда, направленного на счастье народа и связанного с интересами трудящихся масс. Общественно-политическое значение творчества Репина было всегда значительным. В советскую эпоху его произведения сыграли немалую роль в процессе развития социалистической культуры.

Репин поражает широтой творческого размаха, необычайной разнообразностью своего дарования, демократизмом, близостью к жизни, к запросам своего времени. Замечательный художник-реалист, чудесный мастер живописи, он переносил на свои полотна многогранное содержание русской жизни. Редкий художник может сравниться с Репиным по разносторонности таланта: он был великолепным портретистом, превосходным автором бытовых и исторических картин, правдивым изобразителем человеческой психологии, мастером не только масляной живописи, но и рисунка, и акварели.

Репин учился в Академии в 60-е и 70-е годы, т.-е. в тот период русской жизни, когда в обществе начался широкий общественный подъем, вызванный стремлением к борьбе за новые формы общественного устройства после падения крепостного строя. То был период светлых надежд на возрождение страны и освобождение народа, страстной веры в жизнь и прогресс. Время это выдвинуло в ряды общественных борцов представителей демократических слоев населения. Молодежь находилась под влиянием великих имен революционных демократов, властителей дум юных поколений — Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Некрасова.

Новые общественные веяния не прошли и мимо Академии. В стены ее, где насаждалось чиновное, мертвое искусство, чуждое жизненным запросам и не шедшее дальше изображения религиозных и мифологических сюжетов, ворвался свежий воздух. Демократическое мировоззрение захватило и горячего, порывистого Репина, который словно ждал, чтобы его талант получил должное реалистическое направление.

Картина «Бурлаки» была восторженно встречена публикой и передовыми художниками.

В ней почувствовали большого мастера живописи и увидели протест против существовавшей эксплуатации и рабского труда.

«Картину «Бурлаки», — писал Стасов, — я нахожу одной из самых замечательных картин русской школы, а как картина на национальный сюжет — она решительно первая из всех у нас. Ни одна другая не может сравниться с нею по глубине содержания, по историчности взгляда, по силе и правдивости типов, по интересу пейзажа и внешней обстановке в связи с действующими лицами, наконец, по своеобразию художественного исполнения.»

Репин не ограничился только живописью на бытовые темы, — его привлекала и историческая тема. Как и Суриков, он горячо интересовался историей русского государства и личностями отдельных его правителей. Но если Суриков в основном посвятил свое творчество исторической трагедии, то Репин сосредоточивает внимание по преимуществу на передаче драматической стороны истории. В этом отношении показательны исторические репинские картины: «Царевна Софья» (1879) и «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» (1885). Оба эти произведения украшают залы Государственной Третьяковской галереи.

Иное выражение Репиным исторической темы, нежели в «Царевне Софье» и «Иване Грозном», мы видим в популярнейшей картине «Запорожцы» (1880—1891). Имеются два варианта этой картины: один из них находится в Государственной Третьяковской галерее, другой — в Государственном Русском музее в Ленинграде.

Здесь Репина интересует уже не отдельная историческая личность, а народная масса. В этом своем произведении по пониманию великой силы народной художник близок к историческим картинам Сурикова.

Репина увлекала идея запорожской вольницы. Упорно работая над композицией картины, он писал Стасову о свободолюбивых запорожцах: «Ну и народ же, недаром про них Гоголь писал, все это правда. Черговский народ... Во всю жизнь Запорожье осталось свободным, ничему не подчинялось...» Художник внимательно изучает литературные и музейные материалы, относящиеся к прошлому Запорожья, и совершает поездку в Сечь, в ее исторические места, чтобы правдивее передать типы казаков.

Картина Репина показывает запорожцев с их атаманом Иваном Серко за коллективным составлением письма турецкому султану Магомету IV. Султан предложил запорожцам перейти в турецкое подданство. Какой насмешкой встречено было это предложение вольными казаками!.. Писец записывает их ответ султану, и тут каждый старается вставить свои хлесткие словечки, высказать свои обоснования отказа. Звонким, широким, оглушительным смехом встречает запорожская народная масса предложение султана, которому никогда не видеть Сечи. В этом смехе народ выражает свое презрение к угрозе насилем.

Любопытно отметить, что народное чувство,

которое передано с такой силой в репинских «Запорожцах», нашло себе сходное выражение в письме наших моряков — защитников Ханко — в нынешней войне с немецкими захватчиками. Как известно, финский генерал Маннергейм прислал героям Ханко предостережение сдатьсь. И каким же раскатистым смехом ответили стойкие защитники Ханко на баронский призыв, как зло они высмеяли в своем ответном письме затею незадачливого барона, посмеявшего посягнуть на честь советских людей!

Как и в картинах, Репин и в портретном искусстве придерживается принципов реализма и стоит на демократических идейных позициях. Известный основатель Третьяковской галереи П. М. Третьяков высоко ценил талант Репина, покупал лучшие его вещи и давал художнику частые заказы на портреты видных русских деятелей. Репин всегда охотно выполнял заказы почитаемого им собирателя национальной живописи. Но когда нужно было написать для галереи портрет махрового реакционера и мракобеса Каткова, художник нашел в себе мужество выразить Третьякову свой отрицательный взгляд на увековечение подобного человека.

Не умел фальшивить Репин и в тех случаях, когда, казалось бы, обстоятельства совсем не позволяли проявлять независимость. Он сам рассказывал про такой случай.

Однажды его и художника Галкина пригласили во дворец — писать портрет царицы Александры Федоровны.

«И вот вышла к нам немка, беременная, выражение лица змеиное, сидит и кусает надменные тонкие губы. Я так и написал ее — злой и беременной. Подходит министр двора: «Что вы делаете? Посмотрите сюда», — и показал мне на тот портрет, который рядом со мной писал Галкин. У Галкина получилась голубокая фея. «Простите, я так не умею», — сказал я смиренно и попросил, чтобы меня отпустили домой.»

С 1917 года Репин безвыездно прожил на своей даче «Пенаты», находившейся в Финляндии, в местечке Куоккала. Из советской России к нему приезжали наши художники и его друзья — писатели и ученые. Репин вел большую переписку с ними и живо интересовался вопросами культуры и быта в родной стране. Среди его последних работ, сделанных в «Пенатах», выделяется прекрасно написанный портрет академика И. П. Павлова — нашего знаменитого физиолога.

Репин умер 29 сентября 1930 года, 86 лет. Когда «Пенаты» были освобождены Красной Армией, наши красноармейцы сочли почетным долгом взять на себя охрану репинского уголка и творческого наследия художника. Была приведена в порядок могила художника, нахо-

дившаяся в саду дачи. В репинском доме советское государство устроило музей. «Пенаты» стали любимым местом паломничества самых широких слоев страны со всех ее концов.

Растет любовь советского зрителя к великому национальному художнику. Искусство Репина стало подлинно народным, сделалось достоянием миллионных масс всех народов Советского Союза. Особенно ярко отношение к творчеству Репина проявилось на выставках его картин, прошедших с огромным успехом в Москве, Ленинграде и Киеве в 1936 и последующих годах.

Репин сознал свою близость с народом и своей страной. В архиве его было найдено письмо К. Е. Ворошилова следующего содержания:

«Решаясь переехать на родину, которую, не сомневаюсь, Вы любите так же глубоко и сильно, как и все мы, Вы не только не делаете личной ошибки, но совершаете истинно большое, исторически общественное дело. Ваша духовная жизнь, жизнь великого художника, снова сольется с жизнью титан-народа, который выдвинул Вас в первые ряды культурных сил, вдохновлял Вас на великое творчество. Наша страна ныне сама, в миллионной своей массе, стала величайшим художником и творцом нового человеческого будущего и настоящего. Разве это не заслуживает того, чтобы лучшие люди страны приняли участие в великом строительстве.»

С радостным чувством откликнулся Репин на это письмо.

«Вчера я получил письмо от тов. Ворошилова. Дивное письмо. Я считаю себя счастливым, получив автограф высокой ценности и признание моих заслуг представителем величайшей страны, имеющей такие заслуги перед человечеством. Другие страны никогда не поднимались на такую высоту.»

Искусство Репина вошло неотъемлемой частью в культуру народа-титана. Ныне эту культуру и честь нации, давшей миру Репина, героически отстаивает в боях с немецкими захватчиками наша доблестная Красная Армия. И она победит — во имя счастья народа, его свободы, независимости, во имя его великого искусства!

Немецкий фашизм хотел подавить нашу национальную культуру. Глумление гитлеровцев над крупнейшими памятниками мировой культуры, как например, Ясной Поляной или музеем Чайковского в Клину еще более оттеняет полнейшее ничтожество пигмеев-фашистов, пытавшихся осквернить память гигантов. Такими деятелями русского искусства, как Репин, по праву гордится русский народ. И народ наш сумеет отстоять честь и славу своей родины.

И. Шмелев

МАСТЕР ИСТОРИЧЕСКОЙ ЖИВОПИСИ*

Немецкие варвары-фашисты объявили поход против человечества и его культуры. Они имели наглость посягнуть на величайшие художественные ценности, созданные русским народом. Товарищ Сталин в своем докладе, посвященном XXIV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, сказал: «И эти люди, лишенные совести и чести люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!..»

Имена Репина и Сурикова представляют лучшее в русской живописи и особенно дороги нашему народу. Книжка М. Сокольниковой представляет краткий популярный очерк жизни и деятельности Сурикова, автора замечательных исторических полотен:

«Утро стрелецкой казни», «Меньшиков в Березове», «Боярыня Морозова», «Взятие снежного городка», «Покорение Сибири Ермаком», «Переход Суворова через Альпы», «Степан Разин» украшают стены лучших наших музеев — Государственной Третьяковской галереи в Москве и Государственного Русского музея в Ленинграде.

В произведениях Сурикова нашего советского зрителя привлекают яркие, горячие краски, которыми художник создает свои образы и как бы подчеркивает прелесть и своеобразие народных лиц, одежды, обстановки, жилищ. Суриковские краски, его колорит близки к русским самоцветам, напоминают они также и богатые цветные народные узоры.

Но не только живописная красота покоряет в Сурикове. Поражает широкий охват Суриковым исторических тем, глубина его проникновения в сущность исторических событий, верное изображение самых различных слоев народной массы. На его полотнах не эпизоды, не какое-нибудь единичное событие, а целое историческое явление в наиболее показательных для его понимания образах, выраженное с суровой правдивостью и во всей сложности его обстановки и развития. Вот почему суриковские картины являются великолепным художественно-познавательным материалом, отлично иллюстрируя отдельные эпохи в развитии русского государства.

В восьмидесятых годах появляются картины Сурикова: «Утро стрелецкой казни» (1881) и «Боярыня Морозова» (1887), которые сразу же сделали имя художника известным и завоевали ему славу лучшего нашего исторического живописца.

Русская живопись этого времени ставила широкие общественные задачи и была по преимуществу прогрессивной. Передвижники звали творческую мысль художника к созданию картин, волнующих своими темами общество и

привлекающих внимание к нуждам народа. То была полоса перелома в нашей государственной жизни, о котором так замечательно писал Ленин в своих статьях о Толстом.

Художники, каждый по-своему, отвечали на запросы общества. Суриков ответил историческими трагедиями, в содержании которых — несмотря на показ далекого прошлого — зрители находили живую связь с его эпохой. Эта связь выразилась в привлечении общественного внимания к теме народного мужества, величия и страдания. Не надо забывать, что в последние десятилетия прошлого века наше крестьянство сильно страдало от жестоко эксплуатировавшего его капиталистического строя, от гнета кулаков, помещиков и земских начальников. В картинах Сурикова зрители чувствовали гнев и отчаяние измученного народа, его протест против самодержавия и произвола.

Сюжеты исторических трагедий зародились у Сурикова еще в Сибири, но толчок к их конкретному воплощению дала ему Москва, в которой он поселился после окончания Академии и где жил до самой своей смерти в 1916 году.

«Я, как в Москву приехал, — рассказывает о себе художник, — прямо спасен был... Памятники, площади — они мне дали ту обстановку, в которой я мог вместить свои сибирские впечатления. Я на памятники, как на живые люди, смотрел, расспрашивал их: «Вы видели, вы слышали, вы свидетели...» Стены я допрашивал, а не книги».

И до Сурикова у нас были крупные художники, писавшие на исторические темы: Шварц, Перов, Ге и другие. Но никто из них не вложил в историческую живопись столько понимания и трепетно-бережного отношения к думам и чаяниям, горестям, страданиям и радостям русского народа. Суриковские картины поистине выстраданы художником, созданы кровью его горячего и большого сердца.

«Жизненная правда» — вот к чему стремился Суриков. Воплотить в своих полотнах широкое содержание народной жизни, по-настоящему, со всей силой творческой страсти отразить в искусстве великую историю государства российского и участие в ней народных масс — вот, что волновало и приковывало его внимание. Умение реалистически передавать сущность изображения человека Суриков с увлечением воспринимал у лучшего и любимого профессора Академии Павла Петровича Чистякова, воспитавшего целую плеяду таких великих наших художников, как Репин, Серов, Васнецов, Врубель и другие.

Например, в картине «Утро стрелецкой казни» Суриков не погнался за дешевыми и ненужными для передачи темы эффектами казни стрельцов. Изображая стрелецкую массу на Красной площади перед казнью, художник ставил задачей показать историческую трагедию народа, выразить психологическое состояние двух лагерей — стрельцов, сторонников са-

* М. Сокольников. «Великий русский художник Суриков». Госкиноиздат, 1941.

рых начал, и сподвижников Петра, олицетворяющих новые пути развития России.

Сурикову, по собственному его признанию, хотелось показать в картине «торжественность последних минут», а «совсем не казнь».

Подвиг Ермака давал возможность художнику развернуть грандиозное полотно, показать храбрость русского народа, беззаветной его героизм и несгибаемую волю. Вот почему эта тема и звучала у художника не как тема о Ермаке только, но как волнующая народная эпопея. Но если в первых произведениях Сурикова «Утро стрелецкой казни» и «Боярыня Морозова» внимание живописца обращено на выражение трагической стороны исторических событий, то теперь он ставит задачей показать героизм русского народа в момент его победы над внешним врагом. В «Покорение Сибири Ермаком» (1895) Суриков вложил большое свое национальное чувство.

В 1899 году Суриковым была написана большая картина из военной истории русского народа — знаменитый «Переход Суворова через Альпы в 1799 году». Ровно сто лет отделяло это произведение от изображаемого в нем события. Трудности работы для художника были колоссальны. Здесь нужно было передать уже другую эпоху, отличную от эпохи раскола и сибирского похода Ермака. Суворовская армия типами своих солдат, снаряжением, обмундированием, выправкой резко отличалась от бородатых стрелецких голок, одетых в кафтаны. Да и место действия было нерусское — швейцарский горный пейзаж с альпийскими льдами и снегами. Он требовал для своей передачи более широких наблюдений и особых живописных решений.

Создавая эту сложную военную картину, Суриков и на этот раз действовал своим излюбленным методом. Главной целью для него было передать состояние солдатской массы, героиню трудного похода. Сквозь мундиры суворовской армии он стремился раскрыть народную душу со всем разнообразием переживаний каждого из отдельных действующих лиц. Легендарный исторический поход Суворова продемонстрировал всему миру поразительную отвагу, выносливость, стойкость и мужество русского бойца. Суриков, по собственному признанию, и ставил целью, чтобы в картине была передана «храбрость беззаветная, — покорные слову полководца, идут».

Русская историческая живопись на военные темы и до Сурикова имела немало отличных произведений. Но в них очень часто боец-солдат растворялся на фоне «баталии» (битвы), в пороховом дыму, движении войсковых соединений, среди орудий, повозок, лошадей. Многие военно-исторические художники ограничивались показом главным образом «внешней» правды сражений. Суриков своим суворовским переходом сказал новое слово в истории русской батальной живописи: сохранив обстановку

швейцарского похода русских войск, он первым планом не побоялся показать солдатскую массу, выражая через ее переживания основной смысл события — героизм армии в необычайных походных условиях.

Но армия изображается Суриковым не изолированно, а в глубоком внутреннем единстве со своим любимым полководцем. Приказ, слово, даже взгляд Суворова — закон для солдат; будто током, пронизывает он своей волей и храбростью всю армию. Своим «Суворовым» художник подчеркивает дорогие ему качества величайшего русского полководца — близость к бойцам, внимание к их жизни, мелочам их быта, любовь к родине, исключительную храбрость и сметливость.

Последней большой картиной Сурикова был «Степан Разин», над которой он работал десять лет; картина была закончена в 1907 году и вновь перерабатывалась до 1910 года. Естественно, что тема о народном герое Степане Разине волновала великого живописца — изобразителя широких народных движений в русской истории.

Суриков в этой картине следует мотивам народных песен о Разине. Удаля разинского движения народные легенды рисуют почти всегда вместе с чувством раздумья о сложной судьбе атаманского дела, о мятежной борьбе.

Суриков соединил в своей картине эти мотивы народных песен о Разине и придал своему произведению как бы песенный характер, вложив в него много музыкальности и декоративности. Картина пленяет величавостью волжской шири, мощным соединением взмахов могучего движения весел бурлаков и глубокою думой Разина. Сосредоточенность и молчаливость окружающих Степана Разина призваны углубить суровую думу атамана, движения души которого народ так отлично распознавал.

Первоначально на эскизе у Сурикова присутствовала и персидская княжна, но затем художник убрал ее, считая, что эпизод с княжной снижает личность борца за народное дело.

Воссоздавая образы далеких эпох русской истории, этот величайший художник, как никто, умел связать это прошлое с настоящим, ненастынно изучая быт и характер народа. По его мощной кистью перед нами проходят огромные куски истории великого русского народа, порой трагически суровые, но всегда наполненные мужеством, стойкостью, отвагой и смелостью.

Знакомясь с суриковскими картинами и изучая их, бойцы Красной Армии, наша молодежь, широкий советский зритель находят живой родник искусства, в котором утверждается героическое начало русского народа и его исторических дел. Произведения Сурикова ярже подтверждают нашу уверенность в победном исходе борьбы за правое дело с немецкими захватчиками, ибо борьбу эту ведет народ-исполнитель, народ-созидатель.

С. К.

ДАВНИЕ ДНИ*

Книгу воспоминаний М. В. Нестерова открывает портрет автора работы его ученика П. Д. Корина. Корин изобразил знаменитого художника как бы в оживленном разговоре с невидимым собеседником. К нему, этому собеседнику, обращено лицо Нестерова, а него смотрят внимательные глаза художника, окруженные лучами старческих морщин, к нему обращен разговорный жест правой руки и повернута вся его угловатая фигура. Корину удалось — и это главная заслуга портрета — уловить особенную нестеровскую мимику, в которой выражение душевной ласковости быстро сменяется умной насмешкой, доходящей, порой, до сарказма. Это — Нестеров — патриарх нашей живописи, в свои восемьдесят лет сохранивший остроту ума и глаза, продолжающий непрестанно волноваться впечатлениями жизни. Это — Нестеров — лауреат Сталинской премии, создавший галерею портретов наших современников. Их выбор продиктован волей самого художника. Так же свободны и его воспоминания. Они только приведены в относительно хронологическую последовательность. Книга написана в манере беседы с читателем. Коринский портрет оживленно разговаривающего Нестерова в ней кажется особенно уместным. Нестеров устранил свой автопортрет из книги, так же как и самого себя почти выключил из воспоминаний. Он все время остается на заднем плане. Живут, говорят и действуют те, о ком он пишет. Его литературные портреты родственны его живописи. В них та же страсть характеристики, то же художественное пристрастие и композиционное разнообразие.

В книге двадцать три самостоятельных очерка. Одни — тщательно закончены, другие — только мастерские подмалевки (таков, например, портрет К. А. Коровина).

Одни написаны широким мазком (удивительно пластичен портрет баталиста В. В. Верещагина), другие отличаются качествами миниатюры. Таков портрет ректора Академии престарелого Ф. И. Иордана.

Большинство очерков извлечено из отдаленных запасов памяти, некоторые написаны под свежим впечатлением недавних встреч и событий. Таковы очерки, посвященные Л. Толстому, А. М. Горькому и И. П. Павлову. Остроумно скомпанована концовка первого очерка, в которой изображен детский праздник в Ясной Поляне, противопоставленный чорному ужину у других, петербургских Толстых. Центром воспоминаний о Горьком является его портрет, углубленный показом творческих исканий Горького. Воспоминания о И. П. Павлове комментируют нестеровский портрет великого ученого. Иногда портрет, даваемый Нестеровым, статичен. Таков любовно написанный дорогой автору облик П. М. Третьякова. Иногда первоначаль-

ный облик претерпевает в движении очерка глубокие изменения. Таков портрет В. М. Васнецова, вначале имеющий характер карикатуры. «... По анфиладе выставочных зал... быстрыми шагами удалялась высокая фигура, похожая, как мне тогда казалось, на «масляничную козу с мочальным цветом волос». А потом этот дикий образ вовсе исчезает, а на место его становится новый, облагороженный, связанный с автором на долгие годы дружбой и творчеством. Часто портрет дан в ярком жанровом окружении. Таков Н. Н. Ге: «... входит Н. Н. Ге, в армяке, засыпанный снегом, ни дать ни взять максимовский колдун на свадьбе...» С него благоговейно стряхивают снег... а Николай Николаевич, как архиерей во время богослужения, только протягивает руки, поводит голову и говорит, говорит, говорит...» Ценно авторитетное свидетельство М. В. Нестерова, удостоверяющего, что портрет Третьякова, писанный Репиным, похож. Заботливо изображает Нестеров тех лиц, с общепринятыми портретами которых он не согласен. Таков яркий и неожиданный образ Левитана, непохожий на распространенный серовский портрет, где Левитан изображен безысходным меланхоликом, портрет, существенно влиявший на восприятие левитановского творчества и казавшийся исчерпывающим. Вот зачем понадобилась Нестерову и «масляничная коза», которая без остатка уничтожила елейного и иконоподобного В. М. Васнецова и дала возможность Нестерову создать новый, живой и человеческий портрет своего друга, «несостоявшегося грешника», по его собственному признанию.

Совсем по-новому рисуются многие события художественной жизни, взаимные отношения групп и отдельных художников, жизнь Московского училища живописи, ваяния и зодчества.

Множество глубоких и тонких суждений о живописи Перова, Сурикова, В. М. Васнецова и самого автора щедро разбросаны в книге. Мы здесь впервые узнаем творческую историю «Пустынника», «Отрока Варфоломея» и других произведений Нестерова.

В книге изумительное обилие живописных образов, да это и не могло быть иначе в книге, написанной художником. Язык ее точен и скуп. Нестеров обладает редким искусством лаконической речи.

В дни Великой Отечественной войны наше родное искусство приобрело досель неизвестную ценность. Мы заново и по-новому перечитываем Пушкина, Лермонтова и Толстого, слушаем оперы и симфонии Глинки и Чайковского, наслаждаемся живописью Репина и Сурикова. Перед нами по-новому раскрылось великое богатство нашего искусства. Книга Нестерова дает живую галерею достоверных портретов строителей русской культуры, портретов, написанных рукою большого художника.

Н. Машковцев

* М. В. Нестеров. «Давние дни (встречи и воспоминания)». Изд. Гос. Третьяковской галереи. 141 стр. таблиц с репродукциями. Обложка титульный лист работы академика Е. Е. Ланере.

** М. В. Нестеров имеет в виду картину передвижника В. М. Максимова «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу», находящуюся в Третьяковской галерее.

ПОЭЗИЯ АНГЛИЙСКОГО НАРОДА*

Сборник английских песен и баллад в прекрасных переводах С. Маршака выпустило недавно издательство «Советский Писатель».

В сборник вошли переводы известных английских поэтов: Роберта Бернса, Вильяма Водсворта, Роберта Стивенсона, Редьярда Киплинга, народные баллады и детские песни.

Несмотря на разнообразие поэтов, объединенных этой, сравнительно небольшой книжкой, сборник не производит впечатления пестроты, и ни одно из помещенных в нем стихотворений не кажется лишним. Внутреннее единство придают им мотивы любви к свободе, к своей родине и та близость к самым широким слоям народа, которая чувствуется в каждом стихотворении.

Стихотворение Роберта Бернса «Честная бедность», открывающее сборник, как бы вводит нас в настроение всей книжки.

Тонкий юмор, легкий, повторяющийся после каждой строфы припев, не мешают стихотворению быть по-настоящему глубоким и серьезным.

Поэт умеет самое серьезное содержание облечь в чрезвычайно легкую и доступную форму, благодаря чему большинство стихотворений Бернса поются английским народом.

Герой в величии Англии, в лучшее будущее для ее народа звучат слова поэта:

Настанет день, и час пробьет,
Когда уму и чести
На всей земле придет черед
Стоять на первом месте.

Роберт Бернс — лирический поэт, и поэтому даже те его стихи, в которых нет элемента личных чувств поэта, как бы согреты его превосходным лирическим талантом.

Английский Беранже — Роберт Бернс — истинный певец свободы своего народа и сын своей родины.

О любви к отчизне говорят строки:

Прощай, моя родина, Север, прощай. —
Отечество славы и доблести край.
По белому свету судьбою гоним,
Навеки останусь я сыном твоим.

Привязанность к своему отечеству отразилась и в тех стихотворениях, темой которых является любовь и дружба.

В «Застольной песне» читаем:

Я пью за старую любовь,
За дружбу прежних дней!
За дружбу старую —
До дна!
За счастье прежних дней.
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней!

Той же любовью к родине движим Бернс, когда в стихотворении «Лучший парень» он так характеризует своего героя:

Он с изменой незнаком,
Славный горский парень.
Слышишь звонкий зов трубы,
Дочь полей,
Дитя долины,
Зов трубы и гром пальбы,
Девушка долины?
Слава в бой меня зовет,
Дочь полей,
Дитя долины,
За свободу и народ,
Девушка долины.

Герой Бернса не только любит жизнь, свободу и родину, герой Бернса презирает смерть.

Прости, мой край! Весь мир, прощай!
Меня поймали в сеть.
Но жалок тот, кто смерти ждет,
Не смея умереть, —

говорит «Макферсон перед казнью».

«Народные баллады», так называется второй раздел сборника, занимают чуть не половину всей книги. Шуточные народные песни перемежаются здесь со старинными легендами, — поэтическиими образами далекого прошлого.

В балладе «Мельник», известной нам по прекрасному пушкинскому переводу, поэтический язык значительно приближен к разговорному. Маршак усиливает и песенность баллады, подчеркивает ее шуточный характер.

Здесь же помещена «Король и пастух», баллада, в которой рассказывается о том, как свинопас, оказавшийся мудрее всех мудрецов Оксфорда и Кембриджа, «...аббата от гибели спас».

Чувствуется, что баллады слагались народом, для которого свобода дороже всех богатств мира.

Особенно ярко эта мысль нашла выражение в «Графине-цыганке», одном из лучших стихотворений во всем сборнике.

В игре бродячих цыган молодой графинс послышался зов свободы, и она уже не может забыть его. Стены замка становятся тесны ей...

— Шелка дорогие снимите с меня,
Дайте мне шаль простую.
Пускай от меня отречется родня, —
С цыганами в путь ухожу я!
Вчера мне служанки стелили кровать
У мужа в богатом доме,
А нынче в амбаре я лягу спать
С цыганами на соломе.

Велик соблазн свободы и твердо ее решение — она уже перешла «...поток босиком с тяжелым мешком за спиною». И потому на требование вернуться домой, отвечает она пустившимся за ней вдогонку мужу:

— О нет, дорогой. Не воротись домой
Меня ни мольбою, ни силой.
Кто варит свой мед, тот сам его пьет.
А я его крепко сварила!

* С. Маршак. «Английские баллады и песни». «Советский Писатель». М. 1941.

Подобное же нежелание подчиниться насильно видим мы в стихотворении Роберта Стивенсона «Вересковый мед».

Герой Стивенсона, точно так же, как и герой Роберта Бернса, презирает смерть. Старик-отец предпочитает стать убийцей своего сына, погибнуть самому, но не выдать врагам тайну.

А мне костер не страшен.
Пускай со мной умрет
Моя святая тайна —
Мой вересковый мед!

В этой строфе, точно так же, как и в больши́нстве стихотворений, помещенных в сборнике, отразился английский народ — свободный и сильный народ, умеющий бороться, по-

беждать, а если потребуется от его сынов, и умереть с честью.

Стихи, вошедшие в сборник, имеют право на существование не только как прекрасные переводы. Они, передавая всю, обычно неповторимую прелесть подлинника, одновременно ощущаются как оригинальные, подлинно поэтические произведения.

В то время, как наша страна вместе с народом Британской империи успешно борется с фашизмом, выпуск баллад и песен, в которых отразились мужество, бесстрашие и неуязвимость демократические принципы английского народа, — дело как нельзя более своевременное.

Л. Худак

★

УРОКИ ИСТОРИИ*

В Германии строжайше запрещено проводить какие-либо аналогии между современной войной и кампанией 1812 года. Фашистская печать, хвастливо уверявшая, будто Гитлер делает то, что не удалось совершить Наполеону, прикусила язык. С репертуара сняты пьесы, в которых выведен знаменитый французский полководец. Немцам приказано забыть о Наполеоне, будто его никогда и не было.

Зато нам, советским людям, отрадно вспомнить наше славное боевое прошлое, связанное с Отечественной войной 1812 года.

Умная и талантливая книга молодого военного историка М. Брагина знакомит читателя с биографией великого русского полководца Кутузова, разгромившего наполеоновские войска.

Биография Кутузова — это отражение в личной судьбе одного выдающегося человека нескольких десятилетий героической истории нашего отечества. Естественно, что М. Брагин, рисуя образ полководца, дает краткий очерк проведенных им войн и особенно обстоятельно освещает историю Отечественной войны 1812 года.

«... Я не могу быть спокоен за свои успехи в Европе, пока в России каждый год прибавляется полмиллиона детей», — заявил как-то Наполеон, на целое столетие предвосхитив кровавожадные высказывания современных фашистских людоедов.

Наполеон пошел на Россию, не добившись успеха в борьбе против Англии, потерпев поражение на море и поняв неосуществимость своего намерения высадить десант на Британские острова. Наполеон пошел на Россию, удерживая в повиновении большую часть Европы силою французских штыков и заставляя народы поработенных стран воевать за интересы поработителей. Наполеон пошел на Россию, поставив ва-банк свою последнюю карту.

24 июня 1812 года без объявления войны Наполеон начал вторжение в Россию.

Спустя сто двадцать девять лет, 22 июня 1941 года, также без объявления войны, напали на СССР разбойничьи орды Гитлера.

В 1812 году судьба России была вверена надежным рукам Кутузова, — опытного воина, лучшего и любимого ученика великого Суворова. Ему помогали прекрасные военачальники — «настойчивый, решительный и полный здравого смысла» (по выражению К. Маркса) Барклай де Толли, Багратион, Ермолов, Раевский и многие другие; это были командиры, испытанные в боях и ни в чем не уступавшие командному составу армии Наполеона.

Русские солдаты, возглавленные Кутузовым, готовы были отдать жизнь за родную землю.

Во многом пересматривая традиционные представления, М. Брагин очерчивает образ главного героя книги — Михаила Илларионовича Кутузова.

Крупнейший военный теоретик Клаузевиц замечал, что Кутузов лишен «способности энергично вмешаться в дело и оказывать самостоятельное воздействие» («1812 год», М. Военгиз. 1937, стр. 80). Л. Н. Толстой в «Войне и мире» представил мнимую «бездеятельность» Кутузова, как проявление величайшей мудрости: полководцу незачем было, по мнению Толстого, вмешиваться в ход событий, которые и так, сами собой должны были совершиться.

Кутузов, как правильно пишет М. Брагин, «в своих действиях... не слепо копировал Суворова, а, возрождая суворовские традиции в новых условиях, в крайне сложной обстановке искал новых стратегических решений. Из суворовской «Науки побеждать» Кутузов взял ее основу — разгром живой силы противника, но решил эту задачу по-своему, по-кутузовски».

Если противник значительно превосходил своей численностью русские войска, Кутузов предпочитал не принимать боя, несколько даже отступить, с тем, чтобы, накопив силы для решительного контрудара, нанести его без промаха, наверняка.

* М. Брагин. «Полководец Кутузов». «Молодая гвардия». М. 1941.

В первой части книги М. Брагина, охватывающей деятельность Кутузова до 1812 года, читатель найдет немало великолепных примеров кутузовского стратегического мастерства.

«Шел 1805 год». Семидесятитысячная армия австрийского генерала Макка разбита Наполеоном. «Против двухсоттысячной армии Наполеона осталась только русская армия — 50.000 солдат, изнуренных тысячевестным походом, обносившихся, даже босых». Принимать бой, навязываемый Наполеоном, бессмысленно. И Кутузов, вопреки желанию царя Александра I и австрийского императора Франца, совершает замечательный марш от Броунау и Кремсу и отходит за Дунай, отбивая удары преследующего по пятам противника. «План Наполеона рухнул. Армия Кутузова ушла от угрозы окружения, и это было стратегической победой».

30 августа 1812 года Кутузов принял отступающую русскую армию, а 7 сентября дал знаменитое Бородинское сражение. «Дальнейший отход привел бы к утере того, чем Кутузов более всего дорожил, — к утере «духа чрезвычайного», которым жила русская армия, рвавшаяся в бой. Наконец, у Бородино силы сторон почти сравнялись, отпала главная причина, вынуждавшая русских к отходу».

Бородинский бой хорошо описан Брагиним. Мы видим, как Наполеон стоит перед залитым солнцем полем битвы. Он вспоминает сражение под Прейсиш-Эйлау. «... Так же вот, как сегодня, в этот теплый осенний день, тогда бросил он свои корпуса в атаки на позицию русской армии, но все атаки разбивались о стойкость и храбрость русских солдат... Эти же русские солдаты были сегодня перед ним, они отразили атаки лучших частей и опять переходят в наступление». Маршалы просят императора бросить в бой старую гвардию. «Наполеон молча выслушал это требование. Лицо его вначале выражало досаду, он казался больным, нерешительным. Дарю настаивал. Вдруг знакомое всем выражение бешеного гнева и раздражения залило лицо Наполеона. Голосом тихим, но полным ярости и тревоги, он сказал: «Если завтра будет сражение, скажите, Дарю, кто будет драться?»

Мы видим и Кутузова, также наблюдающего за ходом боя. «Временами окружавшие его видели, как он, вытягивая шею, наклоняет голову к земле, точно вслушиваясь в грохот сражения, стремясь уловить особые, нужные ему звуки, стараясь определить, куда перемещаются эти звуки, где они нарастают». Напряжение боя нарастало. Люди гибли тысячами. Но «Кутузов не суетился, не дергал командующих армиями и всем своим видом как бы говорил своему штабу: «Вы видите, несмотря на все тяжелые события и ужасы, о которых вы мне докладываете, все идет, как я и предвидел».

Живость описания, точность художественной

характеристики Кутузова и Наполеона составляют важное, но еще не главное достоинство нарисованной М. Брагиним картины Бородинского боя. Самое ценное в этой центральной главе книги — четкий и ясный военный анализ сражения.

Кутузов правильно занял позицию и мудро распределил силы. «Располагая свои главные силы у широкой новой Смоленской дороги, готовясь к обороне, Кутузов сохранял за собой полную возможность перехода в контратаки. В то же время при попытке Наполеона обходить или при неудачном бое русская армия могла ответить контр-маневром и «стать позади Можайска, где все сии дороги сходятся», и опять закрыть путь к Москве. Наполеон не стал обходить слабый левый фланг русской армии. «Оба полководца разгадали друг друга». Битва приняла характер прямого фронтального столкновения. Любой, даже самый удачный маневр мог ускорить победу, но мог и обернуться катастрофой: слишком рискованно было отвлекать войска для этого маневра и тем самым ослабить себя. И оба полководца «руководили прямой фронтальной борьбой и не предпринимали новых действий только потому, что оба уже сделали невероятные усилия, оба верили, что эти усилия принесут успех, и ждали результатов, направляя действия своих войск, к которым перешло решение Бородинской битвы».

В развернувшемся на Бородинском поле грандиозном состязании воли, стойкости и мужества победителем оказался русский народ и его любимый полководец.

После Бородино Кутузов спокойно ждал, пока «армия французская рассосется в Москве, как губка в воде», потому что понимал природу войны и верил в силы своего народа. Преследуя уходящего из России Наполеона, Кутузов обратился к солдатам с призывом: «Настает зима, вьюги и морозы. Но вам ли бояться их, дети севера? Железная грудь наша не страшится ни суровости погод, ни злости врагов: она есть надежная стена отечества, о которую все сокрушается». Организуя партизанскую войну, Кутузов призывал «отобранным от неприятеля оружием вооружить мужиков».

Народный полководец победил. Преследуемый русской армией, гонимый вооруженными русскими мужиками, Наполеон «на территории Польши, в Сморгони бросил толпу одичавших людей» — все, что осталось от его полумиллионной армии.

Такая же судьба ждет и гитлеровские орды. Наполеон тоже кичился своей «непобедимостью», а был бит и позорно бежал из пределов России. И как ни сурова, как ни тяжела война, но наш народ уничтожит гитлеризм и наше правое дело восторжествует.

Ю. Севрук

ДВЕ КНИГИ О ПАРТИЗАНАХ*

Две небольшие книжки украинского писателя Алексея Десняка «Новгород-Северский полк» и «Партизаны на Десне» — живые страницы из истории партизанского движения на Украине, художественно раскрывающие героический облик советских партизан.

Сейчас, как и в 1918 году, вновь борются сыны украинского народа с немецкими оккупантами.

В мужественном благородном сердце нашего народа живет память о днях всенародной мести врагу за растоптанные, опустошенные поля и пастбища, за почерневшие, сожженные деревни, за тысячи замученных стариков, женщин и детей.

В книжке «Новгород-Северский полк» Десняк рассказывает, как по глухим, потаенным тропкам пробирались в лесные чащи к штабу партизанского отряда крестьяне, чтобы получить оружие и ринуться в яростный бой с ненавистным врагом.

Зрела народная ненависть к немцам — создавались на Украине в 1918 году партизанские отряды.

В «Новгород-Северском полку» есть примечательная по своей силе и правдивости сцена смерти партизана Павла Кучерявого. Пришедший тайком в родное село для разведки, Кучерявый попал в руки немцам, которые потребовали, чтобы он выдал местонахождение партизанского отряда. Ни чудовищные пытки и издевательства, ни обещания сохранить жизнь не сломили стойкости Павла. После нескольких недель бесплодных усилий, немцы решили добиться признания Павла, придував ему страшную и мучительную смерть.

«— Спрашиваю в последний раз. Не поведешь — умрешь смертью, какой никогда не видел, о какой не слышал.

— Сказал, не поведу!

Офицер взмахнул рукой. Немцы схватили Кучерявого, подогнули руки и ноги и втоптали в ларь. Павло отчаянно закричал. В тело впивались острые гвозди, вбитые палачами в стенки ларя. Тело обожгло огнем. Нехватало воздуха. Верх поспешно забивали досками.

— Поведешь?

— Не... дож-дешся... вы-ро-док...

— Помирай!

Подкатила подвода. Ларь взвалили на воз. Павло стонал. Выхали за село. На огороде желтел свежий холмик. Подвода остановилась около ямы. Немцы подняли ларь и бросили в яму. От удара Кучерявый глухо охнул.»

Стремление освободить от немецких захватчиков украинскую землю, бесстрашие и железная дисциплина — были той цементирующей силой, которая крепила стихийно возникающие партизанские отряды, обеспечивала им успех в борьбе.

В «Партизанах на Десне» А. Десняка приведен характернейший эпизод — встреча ле-

гендарного народного героя Щорса с партизанским отрядом, поступившим в его распоряжение. Внимательно оглядев новоприбывших, Щорс обратился к ним с речью, в которой четко и сурово определил те условия, которые он считал основными и первостепенными для участия в партизанском отряде и частях Красной Армии

«Теперь, товарищи, обращаюсь к вам. Знаете, куда мы идем? Будем гнать с нашей земли немцев и гайдамаков! Кто боится, иди назад, откуда пришел. Нам нужны смелые и храбрые люди! Второе: у нас железная дисциплина. Мародеров, рвачей выгоним сразу! Бойцы красных полков это, прежде всего, честные и преданные революции люди. Третье: всем надо проходить военное обучение. Врагов надо уметь бить умючи. Таковы наши условия. Кто их не примет, отойди в сторону.»

Несмотря на чрезвычайно трудные условия, партизанские отряды крепили и обогащались боевым опытом, используя все возможности для приобретения необходимых военных знаний, организаторы партизанских отрядов уже тогда прекрасно понимали, что одного желания уничтожить врага еще далеко не достаточно; чтобы обеспечить победу, нужно суметь организовать и подготовить ее.

В книге «Новгород-Северский полк» показано зарождение и формирование одного из прославленных на Украине партизанских отрядов, руководимого любимцем украинских партизан Тимофеем Черняком. Отряд этот впоследствии вошел в знаменитую украинскую дивизию Щорса. В образах Тимофея Черняка и Павла Кучерявого олицетворены лучшие черты героического характера нового советского человека.

Трудную, полную мытарств и лишений жизнь пришлось прожить Черняку. В солдатских окопах в империалистическую войну 1914 года впервые встретил он человека, простые и ясные слова которого глубоко залегли в душу молодого, пытливого крестьянина. «Целую ночь не спал, все думал. Слова товарища из головы не выходили. И тогда же родился удивительный по простоте вопрос. Для чего они в этих окопах? Ответа искал в звученных фразах армейского устава и, впервые, понял, что здесь что-то не так. Верно, его обманули? Кто же ему скажет правду?»

И Тимофей Черняк доискался этой правды — единственной, справедливой и близкой ему — большевистской правды о жизни, правды, которая осветила всю его дальнейшую честную жизнь, отданную революции.

Замечательные боевые традиции партизан гражданской войны живут в нашем народе. И сейчас, когда грозным пламенем снова полыхает на Украине партизанская борьба, когда могучий и гневный встал советский народ на защиту своей свободы и чести, с особым волнением читаешь эти книги о героической схватке народа со своим врагом.

Т. Смолянская

* Алексей Десняк. «Партизаны на Десне». Гослитиздат. М. 1941. «Новгород-Северский полк». Гослитиздат. М. 1941.

БОРЬБА ЗА МОСКВУ*

В статье «Родина» А. Н. Толстой прекрасно охарактеризовал значение Москвы для всех советских людей. «Москва — это больше, чем стратегическая точка, больше, чем столица государства. Москва — это идея, охватывающая всю нашу культуру во всем ее национальном движении. Через Москву — наш путь в будущее».

В грозные дни ожесточенных боев с фашизмом на подступах к Москве в октябре—ноябре прошлого года москвичи и все советские люди проявили свое глубокое понимание не только национального, но и международного значения Москвы. Наш народ не оставил ни перед какими жертвами для того, чтобы дать отпор зарвавшемуся врагу, истощить его наступательную силу и положить начало разгрому его полчищ. Необыкновенные примеры героизма, мужества и презрения к смерти были показаны москвичами в борьбе за свой родной город. Вот почему так живо волнуют и увлекают два небольших сборника издательства «Молодая гвардия», изданные под общим названием «Защитим родную Москву», в которых собраны и напечатаны некоторые из статей, очерков и стихов, опубликованных в «Правде» и других органах советской печати в те боевые и грозные дни.

Эти статьи, очерки и стихи, собранные вместе, пусть очень неполно, но воссоздают живую картину жизни новой, суровой и грозной Москвы, ее фронта и тыла.

Перед советскими писателями самой военной обстановкой поставлена большая и ответственная задача: укреплять в советских людях готовность идти на любые жертвы для разгрома подлого врага, воспитывать беззаветную любовь к родине и к великому городу — Москве; силою примера, рассказами о героических подвигах увлечь миллионы советских людей на проявление мужества и отваги, внушить им презрение к смерти. Нужно в самом ходе исторических боев, под свежим впечатлением создавать произведения о сегодняшних событиях.

В первом сборнике «Защитим родную Москву», подготовленном в период октябрьских боев на дальних подступах к Москве, напечатаны статьи Е.м. Ярославского, А. Толстого, секретаря МК и МГК ВЛКСМ А. Пегова, очерки Вл. Ставского, В. Величко, Вл. Лидина, стихи А. Суркова, Вас. Гостева, Як. Халемского.

Во всех этих произведениях писатели выступают, как беззаветно любящие великий город Москву советские патриоты, как люди, глубоко спаянные в своих чувствах и мыслях с широкими массами советского народа. Хотя очерки и статьи писались в дни, когда озверелый враг нашего народа бросил на Москву свои отборные бронетанковые части, артилле-

рию и пехоту, стремясь любой ценой прорваться к Москве, во всех высказываниях авторов сборника непоколебимо звучит уверенность в том, что враг будет отбит, отброшен, не войдет в Москву, что на подступах к столице он найдет себе могилу. Эту уверенность в победе ярко отразил Е.м. Ярославский в статье «Москва», говоря о «большом сердце» Москвы, которое билось напряженно в ожесточенных боях с гитлеровскими полчищами, о великом городе — сердце нашей страны, уицы которого обильно политы рабочей кровью в трех революциях. На примерах героической борьбы народа в революцию 1905 года, в феврале и в октябре 1917 года, автор убедительно показывает, что Москва не раз «проявляла героические черты своего народа в могучем отпоре врагу».

Эта же уверенность в победе запечатлена в статье А. Толстого «Москве угрожает враг». Статьи А. Толстого, посвященные отечественной войне, могут служить образцами современной художественной боевой публицистики. Они отличаются широтой кругозора, глубоким знанием истории русского народа, взволнованностью чувств советского патриота, образностью языка. В данной статье, призывая народ к беспощадному отпору врагу, А. Толстой доказывает, что «в этой войне мирного завершения не будет. Россия и гитлеровская Германия бьются насмерть», так как эта война предпринята гитлеровской Германией не только для захвата земель, но и «истребления всего живого на них».

Быть москвичом, гражданином столицы социалистического отечества почетно. В статье «Москвич — это мужество» Вл. Лидии, говоря об угрозе, нависшей над городом, напоминал о достоинстве и гордости, которые мы испытываем, называя себя москвичами. Автор статьи показывает глубокую связь москвича со строительством, с культурой, со всей жизнью, заботами, радостями и надеждами, которые воплощены в нашей столице — гордости советской страны. И, призывая москвичей к беспощадной борьбе с врагом, писатель выражал ту же непоколебимую уверенность в победе: «Москва была нашей и останется нашей».

В огне боев под Москвой рождались новые писатели, очеркисты, военные корреспонденты. В сборнике напечатан живой, запоминающийся очерк политрука В. Величко «Многодневные бои на дорогах к Москве», красочно рисующий картину грандиозных артиллерийских и рукопашных боев с фашистскими ордами. В очерке дана характеристика героев бойцов-командиров, летчиков, сестер, повара и других.

Пожалуй, ничто так непосредственно не вдохновляет и не побуждает читателя следовать героическим примерам, как живой рассказ о героях и их делах. Такой рассказ мы находим в очерке-корреспонденции с Западного фронта Вл. Ставского «Богатыри», посвященном борьбе на дальних подступах к Моск-

* «Защитим родную Москву!» Сборники издательства «Молодая гвардия». М., 1941. Выпуск первый, выпуск второй.

ве частей тт. Рохоссовского и Говорова с танками врага. Вл. Ставский пишет о мужестве, хладнокровии, выдержке и отваге, которые нужно было иметь, чтобы «отразить атаку панцирных чудовищ, не дрогнуть, устоять и отбросить врага». Автор описывает славные дела участников героических боев: связиста, младшего сержанта Солдатова, бойца Панчука, летчика-штурмовика капитана Романова и других.

В сборнике опубликован ряд статей и очерков, характеризующих московскую молодежь, ее героические подвиги, ее самоотверженную работу на фронте и в тылу. Помимо вводной статьи «Молодежь, на защиту Москвы», внушающей молодым москвичам любовь к своей отчизне и волю к победе, напечатана статья секретаря МК и МКГ ВЛКСМ А. Пегова «К оружию, молодежь столицы, молодые москвичи». Автор статьи рассказывает о доблестной работе десятков тысяч молодых рабочих, служащих и учащихся на строительстве оборонительных укреплений на подступах к Москве, о комсомольцах и беспартийной молодежи, день и ночь кующих оружие для фронта, об активности молодежи в защите Москвы и всей родины с оружием в руках, о тысячах юношей и девушек, ушедших добровольцами в коммунистические, рабочие батальоны, в отряды истребителей танков, в санитарные дружины.

Перед нами картина могучего движения московской молодежи, которая вместе со всеми трудящимися Москвы поднялась на защиту родного города, чтобы отстоять его, разгромить фашистские полчища, очистить родину от коричневой мрази.

В литературе и в печати еще очень мало освещена работа москвичей по строительству вокруг Москвы оборонных рубежей. В очерке Я. Титова «На оборонных рубежах Москвы» мы видим москвичей — слесарей, шоферов, ткачей, инженеров, адвокатов — взявших в руки лопаты, топоры, пилы, возводивших оборонительные рубежи вокруг столицы, противотанковые рвы, блиндажи, заграждения и окопы и сделавших Москву неприступной. Это одно из ярких проявлений сплоченности и необходимости духа советского народа, любви москвичей к своему городу.

В сборнике напечатаны стихи, посвященные защите Москвы, поэта-фронтовика А. Суркова, Вас. Гостева, Як. Халемского. Поэтический раздел сборника составителями его подобран несколько бедно и очень слабо отражает яркие и многочисленные высказывания советских поэтов на тему обороны Москвы. Кроме напечатанного в сборнике очень хорошего стихотворения А. Суркова «Москвичи идут в бой», следовало использовать превосходные стихи о Москве Джамбула, Самед Вургуня, С. Васильева, М. Рыльского, которые заслуживают самого широкого распространения.

Второй сборник «Защитим родную Москву», вышедший в декабре 1941 года, отражает чувства и мысли советских людей, борьбу

на фронте, работу и жизнь в Москве в ноябрьские дни, в период второго «генерального» наступления гитлеровских полчищ на Москву, в период наиболее ожесточенных боев на близких подступах к нашей столице.

Здесь мы находим замечательное письмо восьмидесяти тысяч молодых москвичей — «Молодым защитникам Москвы», «Рапорт 27 героев» Центральному Комитету ВЛКСМ — превосходный документ о боевых действиях партизанского отряда московских комсомольцев в тылу германских войск; статьи, очерки и стихи.

В очерке М. Кронгауза «С киркой и лопатой» описана работа москвичей в ноябре на строительстве оборонительных рубежей, протянувшихся в то время уже на многие сотни километров. Масштабы труда московских патриотов — рабочих, педагогов, студентов, служащих — поистине гигантские. Поля и леса Подмосковья за ноябрь месяц изменили свой мирный пейзаж, их усеяли редуты и бастионы, доты, противотанковые рвы, эскарпы и надолбы. Только гитлеровские дурачки могли не понимать, что народ, способный на такие героические усилия для отпора врагу, не может быть побежден.

Уверенность в отпоре зарвавшемуся врагу не покидала москвичей и в дни решающих ноябрьских боев на ближних подступах к Москве. Об этой уверенности писал Вл. Лидин в статье «Москва, ноябрь 1941 года», напечатанной в сборнике. Автор описывает новую фронтную Москву, перестроившуюся на военный лад и одновременно живущую интенсивной культурной жизнью в дни, когда на полях Подмосковья происходили знаменательные события нашей истории.

В очерках М. Макарова «Бронепоезд «Смерть фашизму», М. Сидорова «Сталинская вахта», в хронике «Этих дней не смолкнет слава» показана самоотверженная работа для фронта московских слесарей, железнодорожников, работниц швейных фабрик. В иллюстрациях изображена жизнь фронтной Москвы, суровой, строящей на улицах баррикады и противотанковые заграждения.

Во втором сборнике богаче и разнообразнее представлена советская поэзия, посвященная обороне Москвы. Здесь мы находим стихи И. Молчанова, А. Пришельца, М. Исаковского, С. Васильева, В. Сухаревица. В этих стихах выражена горячая любовь советских патриотов к Москве, к родине, к народу, к его вождю и полководцу великому Сталину. В них громко звучит призыв к отпору врагу и выражена непоколебимая уверенность в победе.

С большой лирической взволнованностью, просто и непосредственно изображены в стихотворении М. Исаковского «Наказ сыну» чувства матери, клеймящей зверства гитлеровских палачей и призывающей бойца-сына беспощадно уничтожить поганое зверье. Боевым призывом к рабочим Тулы проникнуто стихотворение поэта-фронтовика С. Васильева «От имени Москвы».

Стихи советских поэтов, посвященные оброне Москвы, сыграли большую роль в те боевые, решающие дни для мобилизации москвичей, воспитания в них жгучей ненависти к врагам, любви к родине, бесстрашия.

Сборники «Защитим родную Москву» были подготовлены и изданы в самые горячие дни октябрьских и ноябрьских боев за Москву. Имея целью в тот решающий момент мобилизовать москвичей и в первую очередь молодежь на защиту Москвы, сборники, разумеет-

ся, дают неполное представление о всем грандиозном размахе событий.

Перед советскими писателями уже сейчас стоит высокая и ответственная задача — приступить к созданию произведений и составлению сборников, дающих более полную и широкую картину героической борьбы за Москву и жизни столицы в октябре-ноябре 1941 года, периода, который войдет в нашу историю, как одна из наиболее волнующих и величественных ее страниц.

А. Оборин

★

НАРОДНЫЕ МСТИТЕЛИ*

В своем историческом выступлении по радио 3 июля 1941 года товарищ Сталин призвал борющихся советских людей к созданию партизанских отрядов в тылу немецко-фашистской армии.

«В занятых врагом районах, — говорил товарищ Сталин, — нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обзоров. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.»

О борьбе доблестных партизанских отрядов против немецких фашистов повествуют авторы книги И. Гохберг и Ю. Аксенов. Книга эта написана в форме обычного публицистического очерка. Жизнь принесла уже новые вести о партизанских подвигах. На днях было опубликовано постановление о присвоении высокого звания Героя Советского Союза юному партизану А. Чекалину. Многие деятели партизанского движения награждены орденами СССР. Однако книга «Советские партизаны Великой Отечественной войны» хотя не охватывает всех этих эпизодов, все же представляет значительный интерес, так как в ней запечатлены некоторые замечательные эпизоды борьбы наших партизан.

Действенность партизанской войны уже проверена на опыте истории нашей родины и истории других стран.

Русский народ, а с ним украинский, белорусский и другие народы нашей родины вели партизанскую войну против интервентов в 1612 году, против полчищ Наполеона во время Отечественной войны 1812 года.

Пламя партизанской борьбы подыхало против немецких оккупантов в 1918 году на Украине и в Белоруссии, оно также горело и на Дальнем Востоке, и в Сибири. Партизанская война занимала подсобное, но видное место в героической борьбе народа за свою

государственность, независимость, за свою честь и свободу. Вместе с вооруженными силами нашей страны в тылу врага действовали могучие боевые резервы народных масс, объединившиеся в партизанские отряды. Эти отряды нашего народа наносили сокрушительные удары по врагу и вместе с вооруженными силами страны громили его до полного уничтожения.

После призыва товарища Сталина создавать невыносимые для врага условия в тылу фашистов, как неугасимый факел, разгорелось партизанское движение.

В партизанских отрядах сражаются украинцы, русские, белоруссы, карелы, латыши, эстонцы, литовцы, евреи, поляки, молдаване и представители других национальностей и народностей Советского Союза.

Уже созданы тысячи партизанских отрядов: «Истребители фашистов», «Смерть фашизму», «За советскую родину», «Ворошиловец», «Красный сокол», «Молния», «Победа за нами», «Советская Украина», отряд имени Ленина, Тараса Бульбы и другие. Партизанские отряды продолжают расти, они неисчислимы.

— Мы — как звезды на небе: нас не сочтешь и не достанешь, — метко сказал партизан Сергей З.

Многие партизанские отряды, возникшие в первые дни отечественной войны из нескольких человек, сейчас выросли в мощные, большие отряды, насчитывающие сто, двести, триста и более человек. Некоторые отряды настолько разрослись, что отдельные группы превратились в самостоятельно действующие единицы, поддерживающие между собой тесную связь.

Командир отряда тов. К. рассказывает в своем дневнике: «25 июля... Нас пять человек, и всего две винтовки. 5 августа... За десять дней отряд вырос в три раза... Наше вооружение становится богаче. 10 августа... В отряде уже 39 человек. 2 сентября... Прошел месяц. Четыре человека, которые были со мной первыми партизанами, сейчас являются командирами групп. Оружия у нас столько, что можем снабдить еще пять таких же отрядов... 17 октября... В нашей местности уже оперируют пять отрядов...»

* И. Гохберг и Ю. Аксенов. «Советские партизаны Великой Отечественной войны». ОГИЗ. М. 1941.

Партизан Алеша, из другого отряда, говорит: «В отряде больше 80 человек. Дел мы натворили уже немало, немцам от нас нет покоя ни днем, ни ночью».

Партизанские отряды родились в огне первых залпов отечественной войны советского народа. Они росли, продолжают расти и будут расти до тех пор, пока ни одного немецкого оккупанта не останется на нашей родной земле.

Во главе многих партизанских отрядов стоят руководители партийных, профсоюзных и комсомольских организаций, председатели колхозов и Советов депутатов трудящихся.

Лучшие представители сельской интеллигенции, многие учителя села В. Уманьского района, юго-западного направления фронта, вступили в партизанский отряд «Советская Украина». В отряде, которым командует участковый милиционер тов. К., главный врач больницы тов. В. на привалах обучает партизан оказывать в бою первую медицинскую помощь. Две дочери его — Галина и Нина — стали прекрасными медицинскими сестрами-партизанками. Лесничий тов. Ш., отлично зная леса своего района, проводит партизанский отряд незаметными тропами и дорогами.

Основное значение партизанской войны состоит в том, что она в тылу врага продолжает и расширяет военные действия. Вместе с могучей Красной Армией в отечественной войне героически борются против немецко-фашистских поработителей многочисленные партизанские отряды.

Сущность партизанской войны прекрасно выразил в своих записках великий русский патриот, герой партизанской борьбы 1812 года Денис Давыдов: «Партизанская война... объемлет и пересекает все протяжение путей, от тыла противной армии до того пространства земли, которое определено на снабжение ее войсками, пропитанием и зарядами, чье что, заграждая течение источника ее сил и существования, она подвергает ее ударам своей армии обесиленную, голодную, обезоруженную и лишенную спасительных уз подчиненности. Вот партизанская война в полном смысле слова!»

Советское Информбюро почти ежедневно сообщает о действиях партизанских отрядов в тылу врага. Но это только малая часть героических дел советских партизан. Зачастую не представляется возможным подсчитать подвиги партизан в цифрах.

Недаром немецкие войки пишут домой, что за каждым деревом, кустом, сараем и домом им мерещатся партизаны.

Потери немецких войск в людских силах и в материальной части от сокрушительных ударов партизан растут с каждым днем. Партизанская война в тылу врага — новый и мощный фронт против фашистских поработителей.

Партизанский отряд железнодорожников под командованием путевого обходчика Брест-Литовской железной дороги тов. Петра Г. в селе Лехна напал на фашистов, убил много офицеров и солдат и захватил значительное коли-

чество оружия и снаряжения. Эти же партизаны, узнав, что фашисты оборудуют склад для горючего, подстергли, пока подвезут на базу больше цистерн с горючим, и подожгли склад.

Партизанский отряд «Истребители фашистов» под командованием директора МТС тов. Ш. в районе Р. уничтожил 12 обозов с продовольствием, 22 цистерны с горючим, 7 фашистских танков и бронемашин, взорвав по пути два моста и перехватив несколько мотоциклистов-связистов с военными донесениями.

Тесная связь и взаимодействие советских партизан с Красной Армией и населением являются одной из особенностей советского партизанского движения. В тылу врага партизаны продолжают военные действия Красной Армии, помогают Красной Армии в решении боевых задач.

Нередко при содействии частей Красной Армии партизаны объединяются в крупные отряды и выполняют сложные боевые операции. Под руководством политорганов армии партизаны ведут среди населения большую агитационную работу, распространяют советские листовки.

Партизанский отряд под командованием директора районного универмага тов. Ф. захватил немецкого связиста. По отобранным у него документам было установлено, что 103-й немецкий пехотный полк направляется к высоте Н., чтобы ударить во фланг частям Красной Армии. Партизаны и подоспевшие красноармейцы под командованием капитана Игнатова расстреляли вражескую колонну. В результате на поле боя осталось более 450 убитых и раненых немецких солдат и офицеров, 12 разбитых автомашин, 21 пулемет, сотни автоматов и винтовок.

Отряд под командованием председателя сельсовета тов. М. получил задание от командования Красной Армии корректировать бомбежку переднего края обороны противника. Партизаны подобрались ближе к линии фронта и в условное время зажгли костры около фашистских орудий и штаба немецкого полка.

Густой дым высоко поднимался к небу и хорошо был виден нашим летчикам. Бомбы с самолетов густо упали в цель.

Партизаны создают невыносимые условия для врага.

Письма, которые находят наши красноармейцы в сумках убитых и взятых в плен немецких солдат и офицеров, приказы немецкого командования, статьи в фашистской печати свидетельствуют о ланическом страхе, который внушает им грозное партизанское движение.

Вот письмо ефрейтора Эмиля Каски, убитого на подступах к Ленинграду. Он пишет товарищу: «Нужна осторожность. Деревья и кусты здесь — плохие друзья. За каждым кустом прячутся партизаны. В дома заходить невозможно. Ты не поверишь, сколько нервов стоит эта война. Редко, когда ночью удается уснуть. Ложусь спать, заснуть не могу, ловлю каждый шорох».

Но не только Эмилю Каски не спалось по ночам. И не ему одному партизаны своими разящими насмерть пулями помогли уснуть навеки.

«Эта война — настоящая война нервов, ибо здесь мы имеем дело с партизанами, — признается солдат Альберт Губер. — Нам предложено быть острожными, смотреть в оба, пистолет нельзя выпускать из рук.»

Пленный К. Егер в своих показаниях подчеркивает, что партизаны для немецких войск страшны. «На вашей земле, — говорит он, — стреляет каждый куст, каждая изба».

Ярким свидетельством животного страха фашистских войск перед советскими партизанами являются обращенные к партизанам и населению гнусные провокационные листовки, фабрикуемые в немецких штабах.

«Враг создает в тылу отряды, — говорится в одной из этих листовок. — Каждый, сообщивший важные сведения об этих отрядах, получит три тысячи рублей. Все помогающие этим отрядам или отдельным их членам, а также все знающие что-либо, но умалчивающие, будут караться смертной казнью.»

А вот другая, не менее глупая и смехотворная фашистская листовка:

«Украинцы, бой окончился. Мы победили. Зачем вы стреляете нам в спину, нападаете на наши обозы, убиваете наших солдат? Это не благородный (!) поступок. Выходите из лесов, прекратите стрельбу; неблагородно (!!!) стрелять из лесов, нападать ночью на наши части... Мы за это будем поголовно расстреливать.»

Фашисты пустились на новую провокацию. Они объявляют, что отдан приказ сверху, советской властью, о прекращении партизанской войны, но и это не помогает.

О неуловимости советских партизан хорошо написал поэт Иосиф Уткин:

Ни поспать, ни пообедать
Немцам стало, говорят,
Всюду «Дед» и внуки «Деда»,
Там, где немцы, — там отряд!
Лопнет на пути покрышка,
Немец вылез, и — капут.
Чуть отстанет немец — крышка:
Партизаны тут как тут.
И гадают людоеды,
Смотрят лютого лостей:

«Дед» ли это или «Деды»?

Сколько у него людей?

А в ответ несет паленым,

А в ответ слова звучат:

— «Дед» один... но миллионы

У него в стране звучат!!

Наполеон в свое время писал Кутузову, что партизанская война в тылу, направленная против наполеоновских войск, не сообразуется с военными правилами. Наполеон обращался к Кутузову с предложением прекратить народную партизанскую войну.

Кровавый шут Гитлер, несущий смерть и рабство русскому народу, народам Украины, Белоруссии и другим народам нашей счастливой советской страны, тоже завопил о неблагородстве партизанской войны. Видите ли, стрелять в тылу по фашистам, этим звероподобным чудовищам, детоубийцам, насильникам и грабителям, «неблагородно», «неэтично»!

Но наш народ еще устами великого русского полководца Кутузова достойно ответил всем этим захватчикам, мародерам и убийцам и на их угрозы, и на их уговоры. «Весьма трудно обуздать народ, оскорбленный всем тем, что перед ним происходит, — писал Кутузов Наполеону, — он не умеет различать принятые обычаи от тех, кои допускаются в обыкновенных войнах; народ считает всякое средство избавления от врагов не только не предосудительным, но похвальным и священным».

Французской армии «двунадесяти языков» всенародная партизанская война принесла гибель и полный разгром.

Герой-партизан Отечественной войны 1812 года Денис Давыдов после изгнания Наполеона из России писал:

«Еще Россия не подымалась во весь испанский рост свой, и горе ее неприятелям, если она когда-нибудь подымется.»

Теперь народы всего мира видят, а фашистские захватчики и насильники чувствуют на своей шкуре, что значит поднявшийся во весь свой гигантский рост великий советский народ — народ-богатырь, с каким мужеством, бесстрашием, презрением к смерти, с каким несокрушимым упорством и уверенностью в победе он умеет громить врага, как несокрушимы и гибельны для врага его исполинские удары.

С. Владимиров

★

ИРАН*

В великой борьбе Советского Союза против гитлеровской Германии все свободолюбивые страны и народы находятся на стороне нашей родины и ее союзников. Они понимают, что исход войны имеет для них такое же жизненно-важное значение, как и для государств, непосредственно подвергшихся вооруженному на-

падению германских империалистов, что только полный разгром гитлеризма может обеспечить всем странам мира их независимость. Одной из таких стран является Иран. Будучи расположен на важнейших рубежах Советского Союза с одной стороны, и Индии — с другой, Иран имеет большое стратегическое значение, которое пыталась использовать фашистская Германия против СССР и Великобритании. Иранский народ испытал на себе при-

* Л. Лазаревский. «Иран». Госполитиздат. М. 1941.

мую опасность германской агрессии, но благодаря помощи СССР и Великобритании удалось своевременно предотвратить серьезнейшую угрозу. С каждым днем крепнут и развиваются узы дружбы, связывающие Советский Союз, Великобританию и Иран в их борьбе против общего врага — германского фашизма.

Широкие круги советских читателей за последнее время испытывают живой интерес ко всему, что связано с нашим союзником, желая узнать как можно больше о дружественном нам иранском народе. Этот законный интерес и призвана удовлетворить недавно вышедшая в свет брошюра Л. Лазаревского «Иран». Брошюра рассчитана на массового читателя и последовательно знакомит его с географическим расположением Ирана, его историей, государственным устройством, сельским хозяйством и промышленностью.

История Ирана наполнена борьбой иранского народа за свою национальную независимость. Германия давно стремилась использовать Иран в своих целях, как подступ к Индии. Немцы еще в конце прошлого века открывают в ряде городов школы, торговые фирмы, получают преимущественное право на постройку железной дороги Тегеран — Багдад. Они стремятся использовать в своих империалистических целях массовое движение иранского народа против феодального и чужеземного гнета в стране. В период, предшествующий первой мировой войне, Германия пытается превратить Иран в плацдарм против Индии и России. Активность Германии в Иране особенно возрастает в период войны 1914—1918 гг. Немецкие дипломаты вели себя на иранской территории как хозяева, германская миссия в Тегеране представляла собой вооруженный лагерь.

В брошюре Лазаревского приводятся отрывки из документов, очень ярко характеризующие подрывную работу германских империалистов в Иране. Поражение Германии в войне 1914—1918 гг. нанесло удар и ее вождям на Среднем Востоке. Но с возрождением империалистических устремлений в Германии, с приходом к власти фашистов, возобновляется и подрывная деятельность немцев в Иране. Фашисты направляют ее против СССР и английских интересов, во вред интересам иранского народа, стремясь превратить Иран в свое послушное орудие. При этом они пользуются своими, ныне разоблаченными перед всем миром, провокаторскими методами: создают на территории Ирана шпионскую сеть, организуют диверсионные и террористические группы для переброски их в Советский Союз, используют финансовые затруднения страны для ее экономического закабаления, видя в богатстве недр страны объект для своего захвата. Гитлеровская Германия деятельно готовила для Ирана участь своей колонии, но ее гнусные планы потерпели крах в результате совместных действий СССР и Англии.

Советское Правительство с первых дней своего существования всемерно содействовало

процветанию иранского государства и неизменно осуществляло политику дружественных отношений между СССР и Ираном. Великая Октябрьская социалистическая революция освободила Иран от хищнической политики даризма, открыла ему путь к свободному, самостоятельному развитию. Советское Правительство вывело из Ирана русские войска и в ночь от 14 января 1918 г. объявило недействительными все соглашения, которые в какой-либо мере ограничивали и стесняли права иранского народа на свободное и независимое существование. Иранскому народу были переданы все суммы и ценности русского учетно-ссудного банка и экономические объекты, построенные царским правительством. С тех пор непрестанно укреплялись политические и экономические отношения двух стран, крепились дружеские связи советского и иранского народов. Советский Союз деятельно помогал иранскому государству в деле обеспечения его независимости. Начиная с договора от 26 февраля 1921 г., заключенного на основе полного равенства, в ряде дальнейших многочисленных договоров и соглашений между СССР и Ираном ясно вскрывается дружественная политика Советского Союза к своему соседу. В основе всех этих документов лежит незыблемый принцип уважения к независимости и территориальной неприкосновенности Ирана. Благодаря этим договорам и соглашениям, а также экономической помощи Иран имел возможность развивать свое народное хозяйство, превратиться из полуколонии в независимое государство.

Иранский народ чувствует огромную признательность и питает глубокую симпатию к советскому народу, высоко ценя его дружбу. Когда Советское Правительство совместно с Англией оказалось вынужденным положить конец преступным затеям германского фашизма и на основании ст. 6 Советско-Иранского договора 1921 г. ввело свои войска на территорию Ирана, население Ирана радостно приветствовало их приход, как залог подлинной независимости своей страны и ликвидации угрозы порабощения со стороны гитлеровской Германии. Симпатии иранского народа особенно ярко выразились в том глубоком возмущении и народных демонстрациях, которые были вызваны двойственной политикой Реза-шаха, запутавшегося в фашистских сетях. Отречение этого деспота, угнетавшего иранский народ, было с большим удовлетворением встречено населением.

Брошюра Лазаревского дает исчерпывающий материал о взаимоотношениях СССР с Ираном, включая и сентябрьские события 1941 года. Однако с тех пор взаимоотношения обеих стран вступили в новый этап, еще более тесно связывающий их друг с другом.

В докладе 6 ноября 1941 года товарищ Сталин говорил:

«У нас нет и не может быть таких целей войны, как захват чужих территорий, покорение чужих народов, все равно, идет ли речь о народах и территориях Европы, или о народах и территориях Азии, в том числе и Ирана.»

Прекрасно понимая это, иранский народ последовательно идет по пути упрочения дружбы с Советским Союзом. 29 января 1942 г. в Тегеране был подписан Договор о союзе между СССР, Великобританией и Ираном. При его заключении страны исходили из принципов Атлантической Хартии, провозглашенной президентом США и премьер-министром Великобритании 14 августа 1941 г. и одобренных Советским Правительством. Союзные государства по этому договору обязались «совместно и раздельно уважать территориальную целостность, суверенитет и политическую независимость Ирана» и также «защищать Иран всеми имеющимися в их распоряжении средствами против всякой агрессии со стороны Германии или любой другой державы». Со своей стороны Иран обязался: сотрудничать с Союзными государствами всеми доступными ему средствами и обеспечить за ними право использования, поддержания, охраны и контроля всех средств коммуникации по всему Ирану, включая все железнодорожные, шоссейные и грунтовые пути, реки, аэродромы, порты, нефтепроводы, телефонные, телеграфные и радиоустановки страны «в целях транспорта войск и снабжения от одного Союзного государства к другому».

Договор предусматривает, что Союзные государства могут содержать на территории Ирана военные силы в количестве, которое

они сочтут необходимым, но что наличие этих войск не представляет собой военной оккупации и они должны быть выведены с иранской территории не позднее шести месяцев после прекращения военных действий между Союзными государствами и Германией и ее соучастниками.

Союзные государства совместно обязались «приложить максимальные усилия для поддержания экономической жизни иранского народа против нужд и трудностей, возникающих в результате настоящей войны».

В приложенных к договору нотах советский посол заверил правительство Ирана, что на любой мирной конференции по окончании войны СССР будет считать себя обязанным не одобрять ничего, что наносило бы ущерб территориальной целостности, суверенитету или политической независимости Ирана и сделать все от него зависящее, чтобы Иран был представлен на основе равенства, при любых мирных переговорах, затрагивающих его интересы.

Договор о союзе между СССР, Великобританией и Ираном — документ первостепенной важности. Этот договор на многие годы укрепил дружбу между народами СССР и Ирана и сыграет немалую роль в предстоящем неизбежном разгроме гитлеризма.

А. Шаронин

★

СИЛА НАШЕЙ НЕНАВИСТИ*

1.

Когда-то Герцен с ужасом рассуждал о возможном появлении «Чингисхана с телеграфами», о грядущих варварах, оснащенных усовершенствованной техникой. Но никакая, даже самая мрачная фантазия передовых людей XIX века не могла себе представить то, что произошло в XX столетии, когда фашистские громилы стали претворять в действительность свои кровавые планы порабощения человечества и искоренения его культуры. Кажется чем-то обидным для Чингисхана, для Тамерлана, для Атиллы, для других варваров средневековья сопоставление их имен с именем кровавого маниака, возведшего изуверство и жестокость в систему, достигшую неслыханных рекордов в истории преступлений. Английский философ Карлейль требовал в одной из своих статей установления иерархии для мезавцев. Сомневаться не приходится, что непревзойденное место в этой довольно своеобразной иерархии занял бы вождь фашистско-немецких банд, напыщенно заявивший: «Я освобождаю человечество от унижающей химеры, которая называется совестью... Я совершенно не беспокоюсь о том, что мне создадут репутацию врага всякой морали, покровителя преступлений... Самый термин — преступление является пережитком прошлого».

Уже эти цинично-откровенные слова «фюрера» показывают, что он, развязывая низменные инстинкты своих бандитских орд, освящая их соответствующей, с позволения сказать, «теорией», руководствовался определенным холодным расчетом. Он и его приспешники рассчитывали разнуздать столь грандиозные и столь омерзительные преступления, в правдоподобность которых впоследствии, дескать, никто не поверит и против которых не найдется ни соразмерной узды, ни должного физического и морального отпора. Фашистские изуверы считывали своими зверствами, из которых одно чудовищнее другого, посеять ужас и трепет, покорность и смирение в сердцах своих современников. «Мы взрастим молодежь, перед которой содрогнется весь мир: молодежь резкую, требовательную и жестокую. Мы должны быть жестокими со спокойным сознанием. Время благородных чувств миновало», — восклицал Гитлер.

Тут-то и произошел очередной просчет кровавого шута...

Грядущие историки нашей освободительной войны отметят эти дни мужественной борьбы с гитлеризмом прежде всего как эпоху благородных чувств, среди которых пламенное чувство ненависти займет одно из первых мест. Гитлер рассчитывал посеять ужас и трепет в сердцах своих современников в других странах, а пожал непримиримую и суровую ярость

* «Мы не прощаем». Слово ненависти к гитлеровским убийцам. «Советский Писатель». М. 1941.

народов всего мира и в первую очередь народов великой Советской страны.

2.

Ты, серый от пепла сожженных селений,
Над жизнью навесивший тень своих крыл,
Ты, ждавший, что мы поползем на коленях,
Не ужас, но ярость ты в нас пробудил.
Мы будем вас бить все сильнее час от

часу
Штыком и снарядом, ножом и дубьем, —
Мы будем вас жечь и глушить вас
фугасом,

Мы рот вам землю советской забьем, —
говорит поэт А. Твардовский.

Сборник, из которого мы процитировали эти строки советского поэта, имеет лаконичное, но выразительное заглавие «Мы не простим» и подзаголовок: «Слово ненависти к гитлеровским убийцам».

Кому, как не советской художественной литературе, рассказать о благородном чувстве ненависти, о великом гневе, об испепеляющей ярости, с которыми миллионы советских граждан встретили нашествие наглого врага, вторгнувшегося в пределы нашей родины? Советские писатели уже создали ряд превосходных памфлетов, великолепно разящих сатир, направленных против фашистских зверей и их кровавых деяний. К сожалению, рецензируемый сборник далеко не полон. Он только частично отражает написанное нашими инженерами человеческих душ на эту волнующую, ответственную тему. Возможно, это объясняется тем, что сборник составлялся в конце сентября прошлого года — во всяком случае, большинство очерков, стихов и статей, включенных в него, датировано двумя первыми месяцами войны.

Но и при всей неполноте сборник производит сильное впечатление сочетанием целеустремленности и разносторонности представленного в нем материала. Алексей Толстой и французский писатель Жан Ришар Блок, Михаил Шолохов и польская писательница Ванда Василевская, Илья Эренбург и немецкий беллетрист-антифашист Вилли Бредель, Константин Федин и украинский лирик Максим Рыльский, Василий Гроссман и украинский драматург А. Корнейчук, поэты Алексей Сурков, Николай Тихонов, Александр Твардовский — все они нашли индивидуально неповторимые слова для того, чтобы передать те общие чувства ненависти к врагам родины и культуры, которые объединили миллионы людей в эти великие исторические дни.

Наиболее красноречиво звучат в этом сборнике не столько слова, сколько факты, которые приводятся писателями: факты неслыханных зверств и надругательств фашистских бандитов над мирным населением нашей страны. Советские художники слова прежде всего апеллируют к этим страшным фактам, к этим документам, дымящимся кровью, ибо они острее самых уничтожающих памфлетов разоблачают немецко-фашистских заправил.

«Заявляю на весь мир, всем-всем гражданам и воинам всех свободных стран, борющихся с

фашизмом, а также германскому народу я заявляю: немецкие солдаты и охранные отряды фашистов совершают столь непостижимые умыв зверства, что — чернила наливаются кровью, и будь у меня угрюмая фантазия самого дьявола, мне не придумать подобных пиришеств пыток, смертных воплей, мук, жадных истязаний и убийств, какие стали повседневным явлением в областях Украины, Белоруссии и Великокорсии, куда вторглись фашистско-германские орды.

Передо всей германской нацией поставлен грозный вопрос: может ли она, не протестуя, жить с такой славой?

Я привожу скучные и точные рассказы свидетелей, которые живы и находятся или в рядах Красной Армии, или в лазаретах и в любой час могут быть опрошены международной расследовательской комиссией, если таковая будет создана.»

Так пишет Алексей Толстой в своей статье «Лицо германской армии», насыщенной потрясающими показаниями жертв и свидетелей немецко-фашистских зверств и страшной правдой о неслыханных издевательствах гитлеровских солдат.

«Германский фашизм — это упрощенная система отбора людей на убийц и подлежащих убийству», — отчетливо формулирует Алексей Толстой сущность гитлеровского «нового порядка». Эта упрощенная система использует, однако, многообразную и сложную технику человекоубойной промышленности, хитрую и коварную систему одурманивания несчастных подданных третьей империи. Вот почему писателю, смертельно ненавидящему фашизм, необходимо разобрать все приводные ремни, все колеса и винтики этой «фабрики убийц», как справедливо и метко называет гитлеризм Илья Эренбург.

Художники советской страны во всеоружии разоблачают фашистскую систему. Ненависть советского человека — это не слепое чувство. Ненавидя врага, мы его видим. Видим трезво во всем его моральном безобразии, во всем ничтожестве его проявления, во всей коварности и бесчестности его уловок, во всей омерзительности его лицемерных высказываний и ханжеских маскировок. Именно поэтому с большим интересом перечитываешь в сборнике «Мы не простим» острые характеристики немецких пленных, сделанные Б. Лапиным, З. Хадревиным («Пленные»), Константином Фединым («Чувствительность и жестокость»), Николаем Тихоновым («Люди и автоматы»), Жан Ришар Блоком («Фашистская Гретхен»).

Французский писатель Жан Ришар Блок дал зарисовку маленькой нацистской гадины — семнадцатилетней девушки, воспитанной гитлеровцами для расправы с воздухом над беззащитным мирным населением.

«Немецкий бомбардировщик сбит. Это произошло на Украине. Среди пленных — молодая девушка, почти ребенок. Одна из тех «Гретхен» с белокурыми косами, кроткость, чуткость и домашние добродетели которых еще век назад воспевали германские поэты.

Ее доставили в штаб. Голубоглазую девочку

допрашивают. Ей говорят: «Вы женщина, которая когда-нибудь станет матерью. Как могли вы решиться сбрасывать ваши бомбы над мирными городами, уничтожать беззащитных женщин и детей?»

И фашистская Гретхен, хрупкая гитлеровская Доротея, черствым голосом произнесла в ответ незабываемые слова:

«Германия нуждается в территории. Ей не нужны люди на этих землях.»

Французский писатель справедливо замечает, что «глупая гитлеровская гусыня подтвердила нам сведения не меньшей важности, чем месторасположения боеприпасов», сведения о мерзостном замысле гитлеровцев стереть с лица земли миллионы людей.

3.

Выражая ненависть миллионов людей к фашизму, советские писатели подчеркивают сознательный, волевой, непримиримый характер нашей ненависти. Недостаточно сказать, что ярость советского народа против фашистских захватчиков сильна и могуча. Надо добавить — и это самое важное, что она — эта ярость, повседневно претворяется в грозную силу, в неотразимое могущество, олицетворяемое нашей славной, победоносной Красной Армией. Поэт Алексей Сурков в своей корреспонденции «Ненависть», зарисовывая зверства фашистской грабьармии, тут же дает образ нашего бойца, который, видя надругательства гитлеровцев, проникается удесятенной волей к разгрому фашизма.

«Патрульный красноармеец идет вдоль тротуара. Он смотрит на своих замученных товарищей. Его дальцы впииваются в ложе винтовки. Тихим голосом он говорит, обращаясь к тем, что на рассвете удрали по энскому шоссе: — Будьте вы прокляты!

Испепеляющий жар ненависти, которую только может вместить человеческое сердце, бьет из серых глаз этого красноармейца.»

Напрасны были расчеты Гитлера на то, что в ответ на его преступления не найдется в сердце нашего народа ярости соответствующей силы и размаха. Тщетны были его мечты, что не найдется в мире сила такой ненависти, которая сможет перекрыть его преступления. Сердце нашего народа, по вдохновенному восклицанию советского писателя Всеволода Иванова —

«... горит ненавистью, той ненавистью, которую не потушат никакие преграды и никакие затруднения. Ненависть эта возникла с первого же дня вероломного нападения немецко-фашистских орд на нашу землю, и от каждого дня она ширится, заполняя собой все тело страны,

прорастая через камни и металл, через дома и горы, через заводы и пути, чтобы взметнуться смертью над фашизмом.

Жестокому — жестока будет смерть!

Жестокому — жестоко возмездие!»

Наша ненависть к фашизму ширится и растет, закаляется и крепнет изо дня в день. Но это ширящееся, растущее из месяца в месяц чувство ненависти не отразил в полной мере рецензируемый сборник. Каждый из нас мог бы его мысленно пополнить рядом волнующих статей Ильи Эренбурга, Алексея Толстого, Вл. Ставского, стихов Суркова и Симонова, написанных в последнее время. К сожалению, в сборник включена только статья Ал. Суркова «Ненависть», между тем как в него так и просятся замечательные стихи Ал. Суркова на ту же тему из цикла «Пою ненависть». Впрочем, если даже принять во внимание, что сборник составлялся на основе литературного материала первых двух-трех месяцев войны, удивительным кажется, что составитель не использовал статей Владимира Ставского, Всеволода Вишневского, Геннадия Фиша, Валентина Катаева, написанных в тот же период, и не обратился к стихам Янки Кулала, Якуба Колоса, Радле Стийенского, Леона Пастернака, Перца Маркиша, Павла Антокольского и других.

Хороши, как всегда, памфлеты Ильи Эренбурга и Алексея Толстого, включенные в сборник. Все же и они не дают достаточно представления о темпераментности, остроте и пафосе недавних публицистических высказываний упомянутых писателей. По одной газете «Красная звезда» можно было бы выбрать замечательные образцы памфлетов Эренбурга. Книга «Мы не простим», повидимому составлялась наспех. Неполнота ее чувствуется сразу. Вот почему в ней видишь только прбный опыт художественного сборника, направленного против фашистских насильников. С этой точки зрения сборник «Мы не простим» — только бледный прообраз той фундаментальной «книги ненависти», которую следует собрать из ряда ярких публицистических и художественных антифашистских высказываний, имеющихся в советской и мировой литературе.

Мы не сомневаемся, что такая «книга ненависти» в ближайшее время будет опубликована. Советское искусство имеет в своем распоряжении достаточно ресурсов и талантов, чтобы рассказать во весь голос о силе антифашистской ярости наших народов, о той силе, равной которой является только наша любовь к родине и наша несокрушимая воля к победе.

А. Лейтес

★

СТАХАНОВЦЫ В ДНИ ВОЙНЫ*

Советское Информбюро, наряду с сообщениями о боевых подвигах Красной Армии, почти ежедневно публикует факты самоотверженной работы советских патри-

тов в тылу. В этих фактах выражено единство армии и народа, проявившееся в дни отечественной войны с особенной силой.

Армия стахановцев промышленности, полей и транспорта пополняется с каждым днем.

* И. Гершберг. «Стахановцы — помощники Красной Армии». ОГИЗ, М. 1941.

Множатся примеры их самоотверженного труда, кующего оружие для уничтожения фашистских захватчиков. Изобретательность, инициативность и талантливость нашего народа особенно ярко и продуктивно сказались перед лицом грозной опасности.

Об этом сжато, по-деловому, опираясь на примеры, рассказывает брошюра И. Гершберга. Она, конечно, не исчерпывает всего нового, что внесено стахановской мыслью и опытом в дело перестройки всего народного хозяйства, на обслуживание нужд войны. Но и то, о чем пишет автор, заслуживает внимания.

«*Не щадя сил, работать на оборону*», — этот призыв великого Сталина стал девизом нашей промышленности и транспорта. На пути его осуществления вставали немалые трудности. Брошюра, обобщая опыт передовых предприятий, показывает, каким образом удалось преодолеть серьезные препятствия в работе.

Задачу увеличения выпуска продукции при уменьшившемся количестве работников нашим заводам удалось осуществить благодаря широкому размаху движения «двухсотников» и «трехсотников». Выполнение двух и трех норм вошло в обычай стахановцев. Массовый характер принял и переход к одновременному обслуживанию, наряду со своими станками, станков товарищей, ушедших на фронт.

Тысячи вновь пришедших на заводы рабочих быстро осваивают стахановский опыт. Замена ушедших на фронт мужей на их работе, овладение новыми «не женскими» профессиями — одно из прекрасных проявлений трудового энтузиазма наших патриотов.

Автор приводит немало красноречивых свидетельств успешной работы нового пополнения рабочего класса. Брошюра рассказывает и о том свежем, что внесла стахановская инициатива в дело ускорения темпов, увеличения производительности труда, строжайшей экономии дефицитных материалов.

Движение скоростников, возникшее еще в период войны с белофиннами, все шире входит в обиход предприятий оборонной промышленности. Скоростные плавки стали, скоростной ремонт важнейших агрегатов, параллельность разработки конструктивных и технологического процессов при изготовлении новой продукции, — все это уже даало возможность значительно превысить довоенные нормы.

Множество продуманных и оригинальных новшеств позволило приспособить неспециальное, имеющееся на месте оборудование для производства военных материалов. Немало мелких кустарных мастерских и заводиков переключилось на изготовление деталей для различного боевого оружия.

Читатель с удовлетворением узнает из этой книжки о том, как некоторые предприятия по инициативе всего коллектива добивались и получили почетное право выпускать современное боевое оружие и блестяще справились с этим делом. Не менее отрадно для каждого советского патриота многочисленные примеры разумной экономии дефицитных металлов, горючего, энергии, используемых для дополнительного создания вооружений и боеприпасов.

Во всех этих славных делах, усиливающих могущество нашей армии, видна живая душа тех, для кого труд стал делом чести, доблести и геройства. Стахановцы, работающие в тылу, чувствуют себя у станков, как на боевом посту. Они понимают, что успешная работа завод-з усиливает удар по ненавистному врагу, что рост продукции для фронта — их весомый вклад в победу над фашизмом.

Специальный раздел брошюры посвящен передовикам транспорта — родного брата Красной Армии. В хронике трудового энтузиазма отечественной войны одно из почетных мест принадлежит советским железнодорожникам и пилотам гражданской авиации. Многие из приводимых автором выдающихся примеров выдержки, самоотверженности и находчивости работников транспорта известны читателям из газет. Но в обобщенном виде они дают представление о размахе стахановской инициативы, о воспитательной роли примера передовиков для общего подъема работы транспорта, играющего в дни войны особенно важную роль.

Брошюра товарища Гершберга дает представление о мобилизации всего народного хозяйства для победы над врагом. Она показывает, как на деле реализуются исторические указания вождя и полководца, данные им в речи 6 ноября 1941 года.

В дни, когда по призыву Сталина вся наша страна и все народы СССР организовались в единый боевой лагерь, ведущий вместе с нашей армией и флотом великую освободительную войну за честь и свободу нашей родины, — задачи стахановцев особенно важны и почетны.

Об этом еще раз напоминает брошюра. Она призывает всех равняться по передовикам-новаторам, чтобы дать армии и флоту больше орудий, танков, самолетов, снарядов — всего, что необходимо для полного разгрома фашистских орд.

Правдивые и доходчивые факты, составляющие основной материал книжки, безусловно окажутся полезными для агитатора и беседчика и интересны для любого читателя.

О. С.

★

ГВАРДИЯ, РОЖДЕННАЯ В БОЯХ*

Гвардейские части — это детище Красной Армии, рожденное в огне войны с немецко-фашистскими оккупантами. Гвардейские части — это цвет нашей армии. Это героические соединения, цементирующие Красную

Армию, составляющие ее передовую, ударную силу.

Образование гвардейских частей есть важный показатель роста Красной Армии, укрепления ее кадрового состава, повышения ее боевых качеств. Фашистские крикуны не раз

* Сборник, ОГИЗ, М. 1941.

хвастались тем, что они будто бы «уничтожили» Красную Армию, лишили ее боеспособности, что нет будто бы резервов в Красной Армии. Гвардейские части служат лучшим ответом на эту бессмысленную ложь. Немецко-фашистские захватчики испытали на себе силу ударов молодых гвардейских частей. Отборные дивизии фашистских головорезов бежали, бросая оружие, не выдерживая натиска гвардии советского народа.

Гвардеец — это высший тип воина. Он не только бесстрашен в бою, но и обладает мастерством своего дела. Он проявляет смелость, присущую народу. В нем живет воинственный дух его великих предков, защищавших русскую землю от чужеземцев-врагов. Гвардеец Красной Армии — воспитанник Ленина и Сталина. Он вырос в понятиях чести, доблести и славы своей страны.

Советской гвардии, ее героям посвящен сборник «Гвардия, рожденная в боях». В него вошли рассказы, очерки, статьи о наших гвардейцах, ранее опубликованные в периодической печати («Правде», «Красной звезде», «Известиях»): П. Невский «Полки, покрытые славой», П. Павленко «Гвардия», Вл. Ставский «Боевая Орденоносная», А. Багров «Гвардейская московская», Г. Иванов «8-я Гвардейская дивизия в боях», П. Коломейцев «Закон командира на поле боя», К. Чернышев «Гвардейцы», А. Игнатьев «Гвардия».

Кроме того, приложены приказы Народного Комиссара Обороны о переименовании ряда частей Красной Армии в Гвардейские.

Слово «гвардия» окружено ореолом славы. С образования гвардейских полков начала свое историческое существование регулярная армия русского народа. Петр Первый положил в ее основу знаменитые Преображенский и Семеновский полки, первые гвардейские части. Они отличались своей дисциплинированностью, выучкой, мужеством. Их знамена были покрыты заслуженной боевой славой. Их традиции жили в русской армии, воспитывая мужественных воинов и выдающихся русских полководцев. С образования Красной Гвардии начала свое существование Красная Армия. Рабочие называли своих воинов гвардейцами для обозначения мужества, стойкости, беззаветной преданности родине.

Гвардейские дивизии Красной Армии имеют за собой славное прошлое. У них не менее славное будущее. Гвардеец Красной Армии знает, что на него с надеждой смотрит страна, что им гордятся советские люди, что он приносит славу своим родным. Он — пример для всех бойцов. По гвардейцу строится Красная Армия и Красный Военно-Морской Флот.

В разных условиях действовали войсковые части, ставшие ныне гвардейскими. Они били врага под Ельней, у Орла, на подступах к Москве. Именно от них бегали хваленые фашистские войска, теряя вооружение, амуницию и знамена.

Гвардейским дивизиям вручаются особые знамена. Это высокая честь. Самым почет-

ным русским воинским знаком был знак, который получили два гвардейских полка, сдержавшие и отразившие натиск врага. Надпись на знаке была красноречиво кратка: «1700, ноября 19». Это день первой славы русской гвардии. Знамя гвардии покрыто бессмертной боевой славой, и каждый, кого оно осеняет, достоин всенародной любви.

«Гвардия умирает, но не сдается», — говорили в старину. Наша гвардия не сдается и не умирает. Она бессмертна своими победами над врагом. Как бы ни было сейчас тяжело нашей стране, какие бы испытания еще ни выпали на нашу долю, в боевых действиях нашей гвардии мы видим предвестники решающего успеха советского народа в священной отечественной войне против гитлеровской Германии.

Примером грозных для врага передовых частей Красной Армии может служить 4-я танковая бригада. В боях под Орлом, бригада отважными и умелыми боевыми действиями, несмотря на численное превосходство противника, нанесла ему тяжелый урон и выполнила поставленные перед бригадой задачи прикрытия сосредоточения наших войск. Немецкая механизированная группа, захватившая Орел, пыталась продвинуться дальше на север. Навстречу ей вышли танки бригады Катюкова. Две фашистских танковых дивизии и одна мотодивизия были остановлены и понесли огромные потери от славных бойцов и командиров 4-й танковой бригады. Немцы несколько раз пытались окружить наших танкистов, непрерывно подвергали их воздушным атакам, бросали на них по 150—200 танков одновременно, чтобы пробить брешь и вклиниться в нашу оборону. Но танковая бригада Катюкова стойко обороняла занимаемые рубежи, смело противостояла попыткам окружения, отражала таранные удары противника и отвечала на них умелыми контрманеврами, расстроив планы и парализовав действия фашистской танковой группы. В результате одиннадцатидневных ожесточенных боев бригады Катюкова с 3-й и 4-й танковыми дивизиями и мотодивизией противника фашисты потеряли 133 танка, 49 орудий, 8 самолетов, 15 тягачей с боеприпасами, до полка пехоты, 6 минометов и другие средства вооружения. Потери же 4-й советской танковой бригады исчислялись единицами.»

В очерке «Гвардия» П. Павленко рассказывает о главнейших событиях истории гвардейских войск.

Родилась гвардия всенародной отечественной войны. Она возникла не на парадах. Ее породили кровопролитные битвы. В них, в огне смертельных схваток с фашизмом закалялись и выросли победители будущего, сформировались воины, для которых нет невозможного. Пехотные дивизии и танковая бригада Катюкова открывают собою список храбрейших и опытных соединений армии Советского Союза.

Бойцы Руссиянова, Акименко, Москвитина, Лизюкова, Миронова, Петрова, Гряз-

нова, Панфилова, Каткуова основывают гвардию освободительной от фашизма войны, гвардию народа, поднявшегося на защиту себя и вместе с собою всех свободолюбивых народов мира. На знамена наших гвардейских дивизий с надеждой и гордостью смотрят все друзья мира, и — кто знает — в каких только отдаленных углах земного шара не повторяются отныне знаменитые имена наших командиров-гвардейцев.

О подвигах 8-й Гвардейской дивизии, ныне имени генерал-майора Панфилова (ранее 316 стрелковой), пишет в своем очерке «Боевая Орденосная» Вл. Ставский.

Яркие страницы в героическую историю Красной Армии, в бессмертную эпопею защиты родины вписали гвардейцы славной 8-й дивизии.

«Вторая декада октября. Немецко-фашистские орды рвутся вперед. У врага — явное численное превосходство, особенно в танках. Участок дивизии исключительно важен. Здесь — одна из магистралей, автострада. Здесь — железная дорога, узел большаков. Немцы все это учитывали. На это направление они бросили три пехотных дивизии, одну мотодивизию и одну танковую дивизию, много авиации.

Генерал-майор принял решение: вести активную оборону, закрыть фланги, на решающих направлениях создать сильные противотанковые узлы с глубиной. И — что он считал особо важным — создать и держать в руке сильный резерв, заградительный отряд с тем, чтобы в любой миг бросить его на угрожаемое направление, на опасный участок.

Генерал-майор Панфилов, не выпуская из рук управления, смело подчинял на время стрелковые части и подразделения артиллерийским командирам, и в данной конкретной обстановке это было единственно правильным решением.

Так же правильно и своевременно закрыл он свои фланги. А когда немцы угрозой нависли на левом фланге, он быстро и плотно закрылся резервом — заградотрядом. И тотчас же создал снова хотя и меньший, но стойкий резерв, оторвав буквально по роте всюду, где только была возможность. И когда танки врага просочились в обход к командному пункту дивизии, они напоролись на организованный отпор, ничего сделать не смогли и отошли, оставив горящими несколько машин.

Несмотря на все их численное и техническое превосходство, немцы были задержаны на несколько дней, которые были нужны командованию армии для соответствующих мероприятий.»

Чрезвычайно интересна статья генерал-майора А. Игнатьева «Гвардия». Он — прекрасный знаток старой русской армии — рисует, как живучи славные традиции русской гвардии в подвигах наших бойцов.

Совсем недавно под Москвой пятьдесят немецких танков вышли на рубеж, защищаемый двадцатью девятью гвардейцами славной дивизии имени Панфилова.

— Сдавайтесь! — крикнули немцы. Но на их призыв откликнулся только один малодушный: он поднял руки вверх и — тут же упал, сраженный пулей своих же товарищей, которые на месте уложили труса. Они не допустили бесчестия для своей дивизии, они не посрамили звания советских гвардейцев.

Вступив в неравный бой, двадцать восемь героев в течение четырех часов бились с бронированными чудовищами; ружьями, гранатами, бутылками с горючим они уничтожили восемнадцать вражеских танков, они не отступили ни на шаг и пали все до одного на поле чести.

«Перед подвигом наших молодых товарищей обнажаем головы вместе со всем нашим народом и мы, уцелевшие от прежних войн старые русские гвардейцы. Нам вдвойне отраднo, что лучшие примеры гвардейской доблести, известные в нашей истории, не только продолжены, но и превзойдены воинами Красной Армии. А доблесть эта была высока.

Читая теперь о наших героях Ханко, каждый старый преображенец вспомнит об отличии, которое получил в свое время его полк за победу при Гангуте. Не обладая линейным флотом, Петр посадил преображенцев на грёбные галеры и, мастерски используя район шхер в Финляндии, нанес сокрушительный удар могучему в те времена парусному шведскому флоту. В память былых морских подвигов 4-й батальон преображенцев крепко хранил традиции морской пехоты и гордился своим грёбным катером на Неве.

Высоко развитое чувство воинской чести и отличная боевая подготовка во многом объясняют те примеры героического поведения русской гвардии, которыми полна история прежних войн. Лев Толстой запечатлел подвиг кавалергардов под Аустерлицем, мужество семёновцев. Русскую гвардию помнят и зеленые бульвары Парижа, и снежные перевалы Балканских гор. Ярчайшими событиями мировой войны 1914 года были великая Галицийская битва, в которой русская гвардейская пехота разбила наголову лучшие австро-венгерские полки, и вторжение нашей конной гвардии в Восточную Пруссию — вторжение, которое спало Париж.

Вот какою выдят весь народ и старые гвардейцы нашу молодую советскую гвардию. И она уже оправдывает их надежды. Она воплощает в себе высшие доблести всей Красной Армии, она вписывает новые блестящие страницы в историю нашей родной страны.»

Хотя книга «Гвардия, рожденная в боях» не претендует на полноту охвата темы, но читается она с большим интересом: материал отобран удачно.

К. Иванов

★

НОВЫЕ КНИГИ

ЗА РОДИНУ! ЗА СТАЛИНА! Сборник стихов, Гослитиздат, 1941.—В небольшой книжке собраны оборонные стихи советских поэтов девяти национальностей. В сборник вошли стихи Джамбула Джабаева, Г. Леонидзе, М. Рыльского, Голена Шамшиева, С. Маршака, Я. Коласа, В. Лебедева-Кумача, Р. Баумволь, И. Фефера, А. Прокофьева, М. Светлова, П. Антокольского, С. Стальского, И. Сельвинского, Н. Тихонова, И. Мосашвили, М. Бажана, М. Исаковского, В. Пасманника, М. Алигер, А. Безыменского, А. Суркова, Сулеймана Рустама, В. Гусева, Е. Долматовского, З. Александровой, А. Штейнберга, Б. Туганова, П. Железнова, Л. Держинского, В. Винникова.

ДЖАМБУЛ. «ПУЛЯ ВРАГУ!» Гослитиздат, 1941.—Перед нами небольшая брошюра около полутора печатных листов. Это наполненный большим патриотическим чувством поэтический призыв к защите своей родины.

Большинство стихов Джамбула, вошедших в книгу «Пуля врагу!», написаны до Великой Отечественной войны, но они проникнуты идеями и чувствами, ведущими сейчас в бой. Вступительная статья Г. Корабельникова дает содержательную характеристику поэзии Джамбула.

«СТИХИ ДЛЯ ЭСТРАДЫ». Фрагменты из произведений ВЛ. МАЯКОВСКОГО. Издательство «Искусство», 1941.—Сборник стихов В. Маяковского, выпущенный издательством «Искусство», чрезвычайно актуален. В него вошли следующие произведения поэта: «25 октября» (из поэмы «Владимир Ильич Ленин»), «Десятилетняя песня», «Товарищи, враг бежит...», «Последняя страничка гражданской войны», «Ленинцы», «Ну, что ж!», «Лозунги-рифмы», «Марш-оборона», «№ 17», «Готовься! Стой! Стой!», «Долой шапки», «Отечество славою» (отрывок из поэмы «Хо-

рошо»), «Идут красноезвезды» (отрывок из поэмы «Хорошо»).

Боевые агитационные стихи Маяковского в годы гражданской войны воодушевляли героических бойцов Красной Армии на подвиги, воспитывали в них чувство советского патриотизма, мужество, храбрость, самоотверженность, волю к победе. Великий поэт страстно призвал к укреплению обороны Советского Союза.

Сегодня оборонные и антифашистские стихотворения Маяковского должны звучать с эстрады, мобилизуя сознание и волю советских патриотов на решительную и беспощадную борьбу с фашизмом.

В. ВИКТОРОВ. «БОЕВОЙ ДЕВИЗ НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО». «Молодая гвардия», 1941.—В наши дни мужественное слово Николая Островского звучит призывом к борьбе. Автор книги «Боевой девиз Николая Островского» В. Викторов задался целью нарисовать облик писателя, как нашего соратника в борьбе с фашизмом. Книги Островского воспитывают в молодежи те качества, которые особенно нужны для бойца.

«Мужество рождается в борьбе. Мужество воспитывается изо дня в день в упорном сопротивлении трудностям. И девиз нашей молодежи — это мужество, это упорство, это настойчивость, это преодоление всех препятствий. В нашем труде, в огромном стремлении к победе мы закаляем свой характер. И вот, когда придет время испытаний, молодежь Советской страны, покажет, что она достойна великого имени Ленина, нашего отца, нашего вождя и учителя». (Из речи Н. Островского на IX съезде ЛКСМУ.)

Сейчас, когда идет Великая Отечественная война, творчество Островского служит боевым оружием. Его книгу можно найти в походной сумке красноармейца. Его слова поднимают молодежь на славные подвиги. Образ его героя Павла Корчагина вдохновляет на бой сотни тысяч молодых советских патриотов. Комсо-

мольцы сегодняшних дней, встав на защиту своей родины от фашистских полчищ, осуществляют боевой жизненный девиз Николая Островского: мужество, настойчивость, упорство.

В их молодых сердцах запечатлены слова этого пламенного писателя-большевика, звучащие как грозный, боевой клич борцов за свою честь, за свободу, за великое правое дело, за любимого Сталина:

«Только вперед, только на линию огня, только через трудности к победе и только к победе — и никуда иначе!»

«ВПЕРЕД, ЗА НАШУ ПОБЕДУ». Сборник № 1, Издательство художественной литературы, 1941. — В литературно-художественном сборнике «Вперед, за нашу победу» публикуются, наряду с оригинальными произведениями, и такие, которые уже появлялись в периодической печати.

Задача сборников сводится прежде всего к тому, чтобы дать широкому читателю художественное обобщение многочисленных фактов героизма бойцов Красной Армии и Флота, партизан, советских людей, охраняющих мирные города, показывающих примеры самоотверженности на трудовом фронте. Они имеют целью оперативно, разносторонне откликнуться на текущие события войны, рассказывать о главных традициях русского оружия, о несокрушимом единстве советского народа, показывать яркие страницы прошлого.

Первым номером сборника «Вперед, за нашу победу» положено только начало реализации этих целей. И нужно, чтобы каждый новый номер сборника полнее и ярче решал поставленные перед ним цели.

В сборнике № 1 напечатаны стихи, рассказы и очерки: В. Саянов — «Клятва Наркомму»; И. Сельвинский — «Тылы воюют»; Илья Эренбург — «Презрение к смерти»; П. Русин — «У берегов Баренцова моря»; В. Маяковский — «Сердце республика с армией слила»; Николай Вирта — «Партизаны»; Всеволод Иванов — «Рассказ полковника Хетагурова»; «Рассказ политрука Ив. Веремея»; Алексей Толстой — «Как трое красноармейцев захватили германский батальон»; «Фашистский дух»; «Кто такой Гитлер и чего он добивается»; Н. Власова — «Один и двадцать»; Эрих Вайнерт — «1812—1919—1941»; Бела Йлlesh — «Йогин Менкен у фиорда»; Константин Федин — «Признание пленных немцев» и другие.

«КРАСНОФЛОТСКИЙ СМЕХ». «Молодая гвардия», 1941. — Почти во всех флотских и многотиражных газетах введен отдел сатиры и юмора. Этот отдел пользуется большой популярностью среди краснофлотцев. Авторами являются писатели, поэты и художники, работающие во флотских газетах, военкоры и художники-краснофлотцы.

Издательство ЦК ВЛКСМ. «Молодая гвардия» сделало большое и полезное дело, собрав наиболее интересные сатирические и юмористические материалы, помещенные во флотской печати, и издав их отдельным сборником.

Умелый подбор материалов — несомненная заслуга редакторов этой книжки.

В ней, наряду с произведениями известных писателей, поэтов, работников газет — Зошенко, Рыклина, Маршака, Раскина и Слободского, Гранова, Ленча, В. Соловьева, Г. Сорокина и др. — читатель найдет также и произведения своих товарищей краснофлотцев-военкоров.

Сборник имеет несколько разделов, в которых материал подобран тематически.

Первый раздел «От блицкрига к блицкраху» включает фельетоны, стихи, частушки и карикатуры, отражающие провал неумного гитлеровского плана «молниеносной войны». В этом разделе особенно запоминается короткий рассказ М. Зошенко «Скандал в благородном семействе», стихи «Чрезвычайное происшествие у гробницы Наполеона» и частушки Маршака, Раскина и Слободского о том, как

Рано утром вечерком
Поздно на рассвете
Треплет Геббельс языком
У себя в газете.

Во втором разделе «Жив курилка» читатель встретится со своими старыми знакомыми — знаменитым враем и хвастуном бароном Мюнхгаузеном и бессмертным бравым солдатом Швейком.

За разделом «Веселые частушки запевалы Вьюшки» следует наиболее значительный по количеству материала раздел сборника «Можете жаловаться!», состоящий в основном из коротких рассказов, в которых высмеиваются неудачные похождения гитлеровских войск.

В сборнике имеются также отделы басен, коротких анекдотов (куда вошли и международные антифашистские анекдоты), справочный, включающий «Толковый словарь» и отдел «Объявления и рекламы».

Г. РЫКЛИН. «ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ». «Советский Писатель», 1941. — «Убийцы не умеют смеяться. Убийцы боятся смеха.

В Берлине пользуется успехом следующий маленький рассказ. Идет человек по улице и, ни к кому не обращаясь, произносит вслух слово «бандит». Его арестовывают по обвинению в оскорблении фюрера.

— Знаем, знаем, кого вы имели в виду, — сказали ему в полиции.

На этом основании и смех объявлен крамолой. Раз кто-нибудь смеется, то «знаем, над кем смеется».

Смех в гитлеровской Германии загнан в подполье. Речь, конечно, идет о смехе искреннем, а не по приказу фашистских властей.

Смех убивает, так как ничтожество и подлость фашизма очевидны.

Много трудностей сейчас переживает наша страна. Но мы уверены в победе. Наш народ жизнерадостен и любит смеяться. Поэтому так охотно читают у нас юмористические произведения, сатиру на врагов. Одним из известных в этой области писателей является Г. Рыклин.

Небольшая книжка Г. Рыклина «Прямой водкой» состоит из фельетонов, ранее напечатанных в различных газетах и журналах.

В. Л. ЛИДИН. «ГОВОРЯТ ДОКУМЕНТЫ», «Советский Писатель». 1942. — Издательством «Советский Писатель» выпущена в свет книга В. Лидина «Говорят документы». Материалы, которые использует автор, с различных сторон освещают звериный облик фашистской граббармии, разоблачают бандитские повадки немецких солдат в захваченных странах и областях.

Письма немецких жен мужьям на фронт, использованные В. Лидиным, повествуют о тяжелой, беспросветной жизни германского тыла, настроениях уныния и отчаяния, охвативших широкие слои населения Германии.

Автор книги ознакомился с рядом разнообразных документов. В предисловии к книге он дает их перечисление: «Штрафной журнал одной из рот разгромленного полка, штабные документы, приказы с надписью «Совершенно секретно», порнографические стишки, сочиненные на досуге унтер-офицером, любительские фотоснимки господ офицера, сделанные во всех странах Европы, где прошли «победители», дневники и письма... Письма жен мужьям на фронт, письма мужей женам с фронта...»

Документы, собранные в этой книге, отражают растущий моральный распад германской армии и животный страх гитлеровцев перед сокрушающими ударами Красной Армии.

А. ЧАКОВСКИЙ. «КОГО ФАШИСТЫ СЖИГАЮТ» (страницы из жизни Генриха Гейне). Библиотека «Огонек», 1941. — Гейне — один из современных писателей, несмотря на то, что он творил столетие назад.

Сейчас фашисты объявили его врагом Германии, предали анафеме самое имя поэта, в сатиристически-сладострастным упоении сожгли его книги, стерли его подпись на стихах, известных всему миру, и под знаменитой «Лорелей» написали: «Принадлежит неизвестному автору».

Но не так просто уничтожить Гейне. Великий и недосягаемый, он живет.

Как псы, воющие на луну, в жалком и колючем стремлении погасить ее, — пытаются фашисты покончить с Гейне. Сквозь ураган бесчинств, погромы и насилия прорывается его могучий голос, его смертельно язвущая ирония. Он был великим патриотом своей родины. «Водрузите свое знамя на вершине немецкой мысли, — обращался Гейне к немцам, — сделайте его штандартом свободного человечества, и я отдам за него лучшую кровь своего сердца».

Но в Германии господствуют люди, водрузившие свое позорное знамя на пепелище пожара, на обломках разграбленных домов, на трупах тысяч людей.

Многочисленная армия свободного народа подняла свой карающий меч на насильников, и меч этот разит беспощадно. С этой армией — Гейне, Гете, Шиллер, с этой армией лучшие, величайшие умы человечества, эта армия непобедима!

Книга А. Чаковского о Гейне написана в форме живого литературного очерка-портрета.

«ВОЕННЫЕ РАССКАЗЫ ЗАПАДНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ». Перевод с английского Н. Охрименко, Библиотека «Огонек», Издательство «Правда». 1941. — В книгу вошли два рассказа «Кто вас сюда звал?» Эрик Йенс Петерсена и «Дирижабль Гамма» Донн Байрна. Эрик Йенс Петерсен — известный норвежский писатель — в своем рассказе изображает один из моментов вторжения немецких войск в Норвегию и начало партизанской войны. Рассказ Донн Байрна «Дирижабль Гамма» повествует о боевом полете английского дирижабля.

ДЕНИС ДАВЫДОВ. «ДНЕВНИК ПАРТИЗАНСКИХ ДЕЙСТВИЙ 1812 ГОДА». Гослитиздат, 1941. — Не раз враг пытался поработить нашу страну. История сохранила ярчайшие примеры героической победоносной борьбы русского народа с врагом, посягавшим на независимость нашей родины.

Летом 1812 года армия Наполеона I, завоевавшая к тому времени значительную часть Европы, перешла границу России. Наш народ встал на защиту своей родины: началась Отечественная война 1812 года.

В августе, еще до сражения при Бородине, офицер Ахтырского гусарского полка, небезизвестный в ту пору поэт Денис Васильевич Давыдов, предложил Багратиону план ведения партизанской войны в тылу Наполеона.

С сотней казаков и гусар он углубился в далекие тылы неприятеля, и с этого дня начались замечательные по своему искусству и мужеству «златые поиски» партизана Дениса Давыдова. Опираясь на «добровольное ополчение поселян», героический отряд Дениса Давыдова «появлялся, как снег на голову», в самом неожиданном месте, нарушая коммуникации противника и выводя из строя целые соединения французской армии.

Героическая, самоотверженная борьба народа с армией Наполеона — основная тема его «Военных записок».

Советский народ, ведущий отечественную войну с фашистскими варварами за родину, за честь, за свободу, с любовью вспоминает о героях Отечественной войны 1812 года. Их боевой дух, негнбаемая воля к победе и поныне живы в русском народе.

В названной книге публикуется «Дневник партизанских действий 1812 года», представляющий основную часть «Военных записок» Дениса Давыдова.

БЕРТОЛЬТ БРЕХТ. «СТРАХ И ОТЧАЯНЬЕ В III ИМПЕРИИ». Издательство художественной литературы, 1941. — В стихотворных драмах известного антифашистского писателя Бертольта Брехта растерзанная и опозоренная Германия встает перед нами во всей своей неприглядности. Драмы Бертольта Брехта написаны в 1938 году, но и до сих пор не потеряли своей остроты и актуальности. Перед нами проходит целая галерея типов фашист-

ской Германии: вот охранники, шпионы, штурмовики, тюремщики и прочая мразь.

Идут офицеры охраны,
Его речами и пивом пьяны.
И хочет разбойничий сброд,
Чтоб стал скотниной запуганной
Оплеванный, битый, поруганный
Великий немецкий народ.
Вот свора предательской швали:
Они друзей предавали,
Им будет расплатой свинец.
Вся улица знает их лица.
Им спится плохо — им снится
Недобрый конец.

Книга Брехта написана с большой сатирической остротой. Образы, нарисованные писателем, отличаются рельефностью и выразительностью.

АНАТОЛИЙ ГЛЕБОВ, «ГРОЗА ПЛОЕШТИ». «Молодая гвардия», 1941. — Писатель Анатолий Глебов написал очерк о герое отечественной войны летчике-капитане А. Цурцумия. Смелый сталинский сокол — участник и руководитель многих боевых операций нашей авиации на Черном море. О смелых полетах А. Цурцумия на район знаменитых румынских нефтяных промыслов говорит в своей книге А. Глебов.

«Плоешти—сердце нефтяной Румынии. Шестьдесят процентов всей румынской нефти перерабатывалось на тамошних заводах, и там же шла основная нефтедобыча. Главным пунктом вывоза нефти была Констанца. Через нее шло 66 процентов нефтеэкспорта. Кроме того, нефть вывозилась через Сулин и по Дунаю.

Советская авиация нанесла сокрушающей силы удар по всем этим жизненным узлам румынской нефтепромышленности. Разгромлены многократными бомбардировками нефтепромыслы Плоешти. Не исключена возможность, что там кое-где горит сама земля, нефтяные пласты внутри нее. Разгромлен порт Констанцы и огромные нефтяные склады в восьми километрах от него, в Палазе, так называемом «Нефтегородке». В их разгроме, как известно, участвовали также славные корабли Краснознаменного Черноморского Флота. Неоднократно бомбились Сулин и Джурджу. Повреждены нефтепроводы. Сожжено много нефтеналивных барж на Дунае и сотни железнодорожных цистерн. Кроме того, взрывом плотин и землечерпалок у Галацы и Сулина в высшей степени затруднено судоходство по реке, фарватер которой с каждым днем все больше будет затягиваться песком. Все это нанесло колоссальный удар германской армии, значение которого трудно переоценить».

Из книги «Гроза Плоешти» мы узнаем об облике славного летчика Цурцумия, неоднократно бомбившего Плоешти.

«На портрете, исполненном старшиной М. Давыдовым, Цурцумия чем-то напоминает Чкалова. Тот же волевой, крепкий рот. Тот же орлиный взгляд. Случайно ли это? Быть может. Но нет никаких сомнений в том, что

в молодом грузине, как в тысячах и десятках тысяч его боевых сверстников, соколов Сталинской авиации, живет частица крылатой и сильной души того, кого Сталин назвал «великим летчиком нашего времени».

Такие, как Александр Цурцумия, не могут не победить. Они победят!»

ЕЛЕНА КОНОНЕНКО. «ДЕВУШКИ-ГЕРОИНИ». «Молодая гвардия», 1941. — В Великой Отечественной войне многие советские девушки проявили подлинный героизм. О них рассказывает в своей книге Елена Кононенко. Героини ее рассказов—Анна Шубенок («Анка-партизанка»), Рая Иванченко («Девушка из истребительного батальона»), Лиза Ершова («Меть»), Лена Жаворонкова («Жаворонок») — представительницы нашего молодого поколения, борющегося с фашизмом.

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ. «БОРЬБА СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ ПРОТИВ ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА». Госполитиздат, 1941. — В брошюре «Борьба славянских народов против германского фашизма» тов. Ярославский рассказывает о том, как растет и ширится фронт борьбы славянства против фашизма.

Не раз русский народ оказывал помощь единокровным братским славянским народам—сербам, болгарам и другим, и недаром общественные деятели славянских народов не раз заявляли, что без России не может быть славянства.

И вот теперь снова русский народ во весь рост поднимается на борьбу против немецких захватчиков — этого злейшего врага славянства.

Настанет день, — и он уже не так далек, — когда на освобожденной от гитлеровских банд земле расцветет новая жизнь освобожденных народов. Тогда станет возможным еще более тесное сотрудничество всех славянских народов, еще больший расцвет их культуры, их материального благополучия.

КИРИЛЛ ЛЕВИН. «РАССКАЗЫ О ПОЛКОВНИКЕ РАКОВЕ». Госполитиздат, 1941. — В небольшой брошюре автор рисует образ мужественного советского воина, отдающего все свои силы на борьбу с врагом. Герой Советского Союза полковник Раков относится к славной плеяде славных сталинских соколов, борющихся за полную победу над фашистами. Героическими подвигами озаменован служебный путь Ракова. Написанная увлекательно, брошюра К. Левина будет прочитана читателем с большим интересом.

В. А. СЫТИН. «ИЗОБРЕТАТЕЛЬ СВЕРХПУЛЕМЕТА». «Молодая гвардия», 1941. — Изобретатель сверхпулемета — известный конструктор, Герой Социалистического Труда Б. Г. Шпитальный. Его жизни и деятельности посвящена книга В. А. Сытина. Написана она для юношества, но ее с удовлетворением прочтут и взрослые. Все знают, что работы Шпитального в дни ожесточенной борьбы с фашизмом имеют особое значение.

Созданное им воздушное оружие безотказно разит врага в священной войне советского народа с ордами фашистских варваров. «Хейнкелы» и «мессершмитты», «юнкерсы» и «дорнье», объятые пламенем, сотнями падают на землю, пораженные огнем сверхпулеметов и аэиапушек, направленных мастерской рукой славных соколов — летчиков Советской страны.

В. К. СИВКОВ. «РАЗГРОМ НАПОЛЕОНА В РОССИИ В 1812 ГОДУ». *Издательство Академии наук СССР, 1941.*— В грозные дни, переживаемые нашей родиной, мысль наша, естественно, обращается к прошлому, когда не раз нашей стране угрожала опасность порабощения. Одна из таких угроз нависла над ней 130 лет тому назад, когда французский император Наполеон перешел границу России. Наполеон пришел в Россию с так называемой «великой армией», которую многие считали непобедимой. Прошло только полгода, и ее жалкие остатки с трудом перебрались через русскую границу; это было «началом конца» наполеоновской империи: через три года она перестала существовать.

В своей книге В. К. Сивков рассказывает о походе Наполеона в Россию, стратегических принципах командования русской армии, причинах, приведших французских завоевателей к катастрофе.

В трудных условиях пришлось вести Отечественную войну 1812 года населению России. И тем не менее народ победил. Нынешнюю вторую отечественную войну против фашистских извергов население Великого Союза Советских Социалистических Республик ведет в иных условиях. Народ под руководством своего правительства защищает свою социалистическую родину. Кто же может теперь сомневаться, что советский народ не только отстоит свою землю, но и оторвет голову чудовищу-фашизму, несущему повсюду разрушение, смерть и порабощение.

С. ГЛАЗЕР. «ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ» *Дегиз, 1941.*— Сжато и популярно рассказывает автор об одном из славных этапов борьбы русского народа за свою национальную независимость. Выдающийся полководец князь Александр Невский разгромил 5 апреля 1242 года на льду Чудского озера полчища немецких псов-рыцарей, посягавших на богатство и жизнь русских.

«Главной силой рыцарей, — читаем мы в книге, — была конница. Никто до сих пор не мог сдержать натиска всадников, одетых в блестящие, сверкающие на солнце доспехи и вооруженных тяжелыми мечами. Что мог сделать пеший воин против всадника? А большинство русских воинов были пешими.»

Но огромная любовь русских к родине, жгучая ненависть к иностранным захватчикам, смелость, стойкость, военная хитрость и смекалка помогли русским разбить псов-рыцарей.

Выпущена книжка в серии «Военная библиотека школьника».

«ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА ПРОТИВ ГЕРМАНСКИХ ОККУПАНТОВ В 1918 ГОДУ». *Документы. Госполитиздат, 1941.*— В сборнике публикуются документы освободительной войны украинского и белорусского народов против германских оккупантов в 1918 году.

Из документов видно, как народ ответил в 1918 году на эту попытку навязать новое рабство. Героизм и презрение к смерти, ненависть к оккупантам и любовь к родине, стойкость и упорство в борьбе — все эти качества советского народа проявились в освободительной войне против варваров, идущих с Запада.

Авантюра на Украине в 1918 году закончилась не только крахом оккупации, но и крушением всей Германской империи.

Ныне фашистские людоеды вероломно напали на нашу отчизну. На наглое вторжение врага советский народ ответил Великой Отечественной войной. И, как в 1918 году, враг будет уничтожен.

П. ПАЩЕНКО. «ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ СТРАНЫ СОЦИАЛИЗМА». *Госполитиздат, 1941.*— Книга П. Пащенко имеет своей целью дать общее представление о Военно-Морском Флоте Союза ССР.

В условиях, когда фланги фронта завершаются на морях, роль нашего Военно-Морского Флота исключительно велика. Во взаимодействии с Красной Армией и Воздушным Флотом Военно-Морской Флот страны социализма в этой войне творит новые чудеса героизма и доблести во славу социалистической родины, во славу нашего народа и его вождя — великого Сталина.

Книга Пащенко помогает массовому читателю познакомиться в общих чертах с организацией, руководителями и техникой нашего морского флота.

Делится книга на следующие разделы:

1. Бить врага до конца и без пощады!
2. Флот создавал весь советский народ.
3. Флот в боях за советскую Родину.
4. Советский флот неразрывно связан со своим народом.
5. Флоты и флотилии нашей страны.
6. Могучий морской и океанский флот СССР сокрушит подлого врага!
7. Смерть фашистской гадине!

С. Ф. МАРКОВ. «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА УКРАИНСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ГЕРМАНСКИХ ИНТЕРВЕНТОВ В 1918 ГОДУ». *Госполитиздат, 1941.*— Книга С. Ф. Маркова написана на основании многочисленных документов, хранящихся в архивах. Автор воссоздает картину германской интервенции в 1918 году на Украине. В это время с помощью полумиллионной оккупационной армии и под поддержке украинской буржуазии, помещиков и русских белогвардейцев немецкая военщина

захватила Украину и установила на всей ее территории варварский и колониальный режим.

В ответ поднялся весь украинский народ на Великую Отечественную войну против дикого варварства и каннибальского колониального режима германских интервентов. Рабочие Киева, Харькова, Екатеринослава, Луганска и других украинских городов и рабочих поселков, крестьянство украинской деревни вооружились оружием, вырванным у своего врага, били немцев и их холопов — гайдамаков, помещиков и белогвардейцев.

В своем выступлении на заседании ВЦИК 23 декабря 1918 г. товарищ Сталин дал следующую оценку обстановке, создавшейся к зиме 1918 г. на Украине:

«Товарищам известен этот период с его принципами «гуманности», с расстрелами и с самой кровавой каннибальской расправой с рабочими и крестьянами. Тем не менее этот период не прошел даром для рабоче-крестьянской республики. Рабочие и крестьяне испробовали на себе всю тяжесть империалистического гнета и сознали, что только советская Россия, только неразрывная связь с нею, может спасти их от гнета империализма.»

Под ударами частей Красной Армии и вставшего народа германские интервенты позорно бежали с Украины.

Как 24 года назад, враг предательски бросился сейчас на наши рубежи, рассчитывая неожиданностью удара заставить нас врасплох.

Но коварный враг просчитался.

Весь наш народ поднялся на защиту своей страны.

Враг будет разбит.

Г. А. ШМИДТ. «ПРАВДА О РАСАХ И РАСИЗМЕ». Издательство Академии наук СССР, 1941. — Расизм — одно из главнейших идеологических и политических орудий фашистов, извергов и врагов человечества.

Фашисты утверждают, что их «расовая» политика основана на научных данных. Эта особая фашистская «наука» заключается в проповеди национальной исключительности немецкого народа, а в нем небольшой кучки якобы «высших» правителей, и в разжигании ненависти и пренебрежения к другим народам, другим нациям и странам.

Массовые казни и убийства, гибель огромных людских масс в войнах фашисты объявили деяниями, благодетельными для здоровья государства, «расово-гигиеничными». Фашисты нагло утверждают, что во всех этих случаях уничтожаются менее ценные элементы и выживают более ценные, что приводит к оздоровлению «расы».

Такая «наука» — очень удобное средство для оправдания любого злодеяния.

Автор книги «Правда о расах и расизме» убедительно показывает общественные и теоретические истоки расистских теорий, их античеловечность.

П. АНДРОВСКИЙ. «МОГУЧАЯ КОАЛИЦИЯ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ ПРОТИВ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ». Госполитиздат, 1941. — Подписанное в Москве 12 июля 1941 г. соглашение между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против гитлеровской Германии является одним из тех крупнейших событий, которыми обозначаются радикальные повороты в развитии международных отношений.

Две величайшие державы, из которых одна расположена на западе, другая на востоке Европы и территории которых распространяются далеко за пределы Европы, подали друг другу руку и приняли торжественное обязательство вести до победного конца борьбу против гитлеровской Германии.

Отличительной чертой Англо-Советского соглашения от 12 июля является его краткость и ясность. Оно состоит всего из двух статей. В первой статье обе стороны взаимно обязуются оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против гитлеровской Германии.

Вторая статья соглашения содержит обязательство обеих сторон в том, что в продолжение этой войны они не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия. В дальнейшем к борющимся странам активно примкнули Соединенные Штаты Америки.

П. Андровский в своей брошюре излагает ход переговоров, способствовавших организации антигитлеровского блока, анализирует ресурсы борющихся стран.

М. КАРЦМАН. «ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ В. МИШУЛИН». «Молодая гвардия», 1941. — Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» приняло выпуск серии брошюр «Герои отечественной войны».

«Много славных страниц вписали советские танкисты в историю Великой Отечественной войны. Метким огнем, искусным маневром и максимально использованной силой удара они достигли крупных побед в единоборстве с танковыми частями противника. Огромная роль в достижении этих успехов принадлежит командному составу. Хорошо изучив вражескую тактику, методы внезапных действий и прорывов кланьями, советские командиры противопоставили ей свою, советскую тактику, применили свои формы и способы борьбы в боях за родину. Мужественные танкисты проявляют чудеса храбрости. Они верят в своих командиров, верят в свою силу, основанную на отличном знании могучей техники, верят в правоту дела, за которое борются.

Образцом высококультурного, в совершенстве знающего свое дело командира, за которым смело идут в бой бойцы, является еще недавно полковник, а ныне генерал-лейтенант танковых войск Василий Александрович Мишулин.»

С первых дней отечественной войны соединение, которым командовал В. А. Мишулин, приняло на себя тяжесть отпора крупным немецким колоннам, прорывавшимся на восток. Несмотря на превосходство танковых сил противника, поддержанных огромным количеством авиации, соединение героически отбивало атаки фашистов. И если где-нибудь создавалось угрожающее положение, там немедленно появлялась

боевая машина командира соединения, чтобы на месте ликвидировать опасность. Личным примером полковник Мишулин воспитывает у бойцов своего соединения прекрасные черты воинов Красной Армии — смелость, находчивость и выдержку в бою, мужество и презрение к смерти. Книга М. Кардмаи повествует об эпизодах боевой деятельности Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Мишулина.

Редколлегия: М. М. Розенталь, В. П. Ставский, А. А. Сурков, А. Н. Толстой,
К. А. Федин, М. А. Шолохов, В. Р. Щербина (ответственный секретарь).

Редакция: Москва 6, Пушкинская площадь, 5.
Издательство: «Известия Советов депутатов трудящихся СССР».

А 50209. 15½ печ. листов. Тираж 47.000. Зак. 53.
Подписано к печати 28/II—27/III 1942 г.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»,
Москва, Пушкинская пл., 5.